Альдана
Последняя королева эпохи

Альдана - 2

Надежда Владимировна Кархалёва

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Part 2. Возвращение героев в странный мир, встретивший их ещё более неприветливо, чем два года назад и показавший им войну.

- Надежда Владимировна Кархалёва
  - Глава 1 Мы вернёмся!
  - Глава 2 Подготовка к битве с неизвестностью
  - Глава 3 Продолжатели
  - Глава 4 Одно приобретение и четыре потери
  - Глава 5 Лёд и пламя
  - Глава 6 Жертвоприношение
  - Глава 7 Теримас
  - Глава 8 Ссора
  - Глава 9 Наставница
  - Глава 10 Преломление
  - Глава 11 Легенда жива, но врёт
  - Глава 12 Страшное спасение
  - Глава 13 Роковая битва
  - Глава 14 Артея и Арджея
  - Глава 15 Последний взгляд глазами человека
  - Глава 16 Несколько капель правды
  - Глава 17 Долго ли терпеть?
  - Глава 18 Прошлое и настоящее. А есть ли будущее?
  - Глава 19 Осталось совсем немного
  - Глава 20 Выход из укрытия
  - Глава 21 Расстановка сил, переворот ценностей
  - Глава 22 Леди Анархия. Ждём?
  - Глава 23 Что сложно, что просто
  - Глава 24 Аркена
  - Глава 25 Смерть в помощь
  - Глава 26 Ну что же, вперёд…
  - Глава 27 Прощание с удачей
  - Глава 28 Предатели
  - Глава 29 Обмен
  - Глава 3 ˚Сила, крушащая надежду
  - Глава 31 Клятва
  - Глава 32 Пришествие
  - Глава 33 Мнение духов стального народа
  - Глава 34 Движение к концу
  - Глава 35 Поединок внутри
  - Глава 36 «Ты умрёшь не зря»

○ Глава 37 Кажется, это третья эпоха

Надежда Владимировна Кархалёва
Альдана Последняя королева эпохи

Глава 1 Мы вернёмся!

— Дарья Александровна!!! — оглушительный детский вопль, как всегда, сначала заставил сердце скатиться в нижнюю часть живота и вернуться обратно, только после этого мозг заработал снова.

— Что, Настенька? — Дашка на стуле повернулась к девочке, вбежавшей в комнату.

— Можно нам с Танькой в лес возле третьего корпуса?

— Обед скоро, потом сходите. И вообще, вчера мне из-за вас от Ольги Николаевны влетело, — Дашка начинала на себя злиться.

Все дети отряда дружно прониклись к вожатой Дарье Александровне самыми тёплыми чувствами. Первые дни молодую женщину это радовало: приятно видеть вокруг себя столько сияющих, счастливых, доверяющих тебе мордашек. Потом хитрые дети сообразили, что безграничную доброту вожатой можно бессовестно использовать в корыстных целях. Если правилами им что-то запрещалось, они строем или по одиночке представали пред лицом Дарьи Александровны и начинали жалобный монолог, неизменно начинающийся со слова «можно?». На первые запросы Дашка давала разрешение охотно: сделала приятное людям, и сама счастлива, к тому же дети её мягкосердечностью не злоупотребляли. Потом она с ужасом поняла, что дьяволята наглеют не по дням, а по часам, а отказывать им язык не поворачивается. «Можно нам не идти на зарядку? — Ладно, спите дальше», «Можно, мы на дискотеке ещё полчаса потанцуем? — Хорошо», «Можно, мы после отбоя телевизор в холле посмотрим? — Уговорили, смотрите»… Серьёзно забеспокоилась Дашка тогда, когда на очередное «можно» — «Можно, мы на тихом часе пойдём на озеро?» она ответила: «Нельзя!», — после чего дети сказали: «Спасибо!», — и побежали плавать и загорать.

— Ой… сильно? — расстроился ребёнок.

— Очень! Полчаса бесновалась. У меня от её визга уши заложило. Стыдно мне, между прочим, за вас было, стыдно! — попыталась усовестить Настеньку Дашка.

— Да… Простите нас, пожалуйста… — девочка сделала виноватые глаза, но от своего не отступалась: — Так можно нам в лес? Мы быстро!

— Нет! — Дашка старалась быть непреклонной и не стала озвучивать оправдательную часть отказа: «Иначе Ольга Николаевна меня убьёт».

— Мы на пять минут! — не сдавалась Настенька.

— Потерпите! После обеда лес будет стоять на месте, я вам обещаю.

— После обеда будет тихий час!

— И после тихого часа с лесом ничего не случится.

— Привет! — в комнату впорхнула Алина и плюхнулась в кресло. — Привет, Настя!

— А Дарья Александровна меня в лес не пускает! — наябедничала девочка.

— Дашка? Ты чего это? — усмехнулась Алина. — Пожалей ребёнка, им хватает Ольги Николаевны.

— Ура! — выпалила Настенька и вприпрыжку покинула комнату. — Танька!!! Разрешили!

— Ты не задумывалась над тем, что Ведьмы и *мне* хватает? — Дашка включила чайник и открыла шкаф, достать кружки. — Денис, Танька, Женька и Настенька вчера лечебную физкультуру прогуляли и столкнулись с Николаевной. Так она у всего отряда карточки решила проверить. Сама знаешь, мои оболтусы не помнят даже, где здесь лечебный корпус находится. Представляешь, что мне потом было?

— Э… Ты выжила? — картинно преувеличила изумление Алина.

— Каким-то чудом да, — она поставила кружки на стол, за ними последовала коробка конфет и недоеденный вчера торт.

Ведьма, по паспорту Ольга Николаевна, была старшей вожатой в отряде, где работала этим летом Дашка. Отрядов в оздоровительном лагере всего было восемь, в каждом по трое вожатых, старший и два студента, которые или направлялись сюда на практику, или просто зарабатывали лишние деньги. Старшие вожатые, в большинстве своём маловыразительные дамочки от тридцати и старше, отличались чрезмерной строгостью и занудством, поэтому студенты их недолюбливали так же, как и дети. Но Ольга Николаевна по количеству нелестных отзывов о собственной персоне била все рекорды, причём другие старшие вожатые единогласно сходились во мнении с младшими коллегами и с ребятами.

Оздоровительный детский лагерь «Уссурийский тигр» открылся только этим летом, и первые же акты вандализма в виде нехороших надписей на скамейках, кроватях, тумбочках и дверных косяках посвящались именно Ольге Николаевне.

Свою педагогическую деятельность она обрушивала в равной мере на детей и вожатых-студентов своего отряда и остальных семи. Как только появлялась возможность, она переключалась и на несчастных родителей. Когда у неё случался воспитательный припадок, жертвами оказывались все, кто не успевал скрыться.

Она могла отчитывать одновременно несколько человек, провинившихся по самым разным поводам. Если говорить кратко — она была единственным, но огромным недостатком оздоровительного лагеря.

Ну а если не считать Ольги Николаевны, «Уссурийский тигр» был замечательным местом. Когда-то здесь был лагерь «Тигрёнок», постепенно превратившийся в развалины. За год тут возвели необъятный комплекс с комфортабельными корпусами, аллеями, площадками и стадионом. Проект был грандиозный, размах — невероятный.

Дашка оперлась на подоконник, посмотрела на улицу. Из комнаты была видна площадка, посередине которой раскинулась роскошная клумба, а по периметру стояли аккуратные скамейки.

— Да, Алина. Даже не верится, что тут когда-то были заросшие руины. И не только они.

— Чуть меньше двух назад…

Дашка и Алина помнили, как тогда выглядело это место. И все студенты их университетской группы помнят. Первокурсниками они заблудились здесь. Четверым из группы: Дашке, Алине и двум молодым людям, Саше Верникову и Диме Фёдорову, — удалось вернуться только спустя три месяца. Они случайно оказались в совершенно другом мире, в волшебном королевстве Альдана. Но вот их появление там для его жителей не было случайностью. Компании семнадцатилетних суждено было стать героями — так оно и случилось. Дашке удалось разрушить жуткие чары, поглощающие всю светлую магию королевства. Но, если бы ни Саша, Алина и Дима, Дашка бы не попала в волшебную страну. Сама, в одиночестве, она бы не подошла к Звёздному Порталу, соединяющему два мира.

Они скучали по королевству. За три месяца они успели привязаться к новым знакомым, полюбить магию и приключения…. А парни ещё и влюбиться.

Эта компания устроилась работать в лагерь «Уссурийский тигр» не ради денег и не практику отрабатывать. Свой поступок они объясняли друг другу исключительно душевным мазохизмом: натосковаться здесь всласть по прошлому, длина которому три месяца, пожалеть, что всё закончилось, — вдруг все чувства израсходуются и по возвращении в город будет легче? Но только себе признавались, что надеются: вдруг Портал, исчезнувший, когда компания попала обратно в свой мир, снова появится? Тайком друг от друга они ходили к озеру, Портал тогда был обнаружен там. И сами над собой смеялись. Если бы он тут был до сих пор, его бы заметили ещё строители «Уссурийского тигра». И вопили бы об этом в каждом выпуске новостей и с каждой

газетной страницы. Но друзья продолжали надеяться.

— Ладно, — Алина вернулась к первоначальной теме разговора, — тебе Ведьма устроила разбор полётов. А что Саша?

Саша Верников работал с Дашкой в одном отряде.

— Ему ничего! Сашу дети слушаются. Вернее, от него они топают ко мне и уведомляют, что собираются снова нарушать дисциплину. Так что попадает в основном мне. Она, конечно, не знает точно, что детишкам потакаю я, но догадывается. Раз ребята в своём кругу принялись звать меня Дашенькой — повод должен быть… Иногда они и вовсе забываются и обращаются так ко мне.

— Ничего, — ободрила подругу Алина, — зато Ведьма сегодня всё утро Саше лекцию о вреде никотина читала. А ко мне она цепляется всякий раз, как со мной сталкивается. Одеваюсь, понимаете ли, неподобающим образом, — она оглядела себя: мини-шорты и обтягивающая майка.

— А ты попробуй влезть в джинсы — твой отряд голодовку объявит, — хмыкнула Дашка.

— Да уж, — Алина разлила по кружкам чай.

Ей достался второй отряд, подростки четырнадцати лет. Вожатая, понятное дело, моментально стала всеобщим объектом воздыхания у мужской части коллектива. Другой вожатый отряда, Дима Фёдоров, был объявлен врагом народа как потенциальный кавалер Алины. Позже парень получил прощение, так как дети поняли, что у него уже есть девушка. Конечно, ребята не догадывались, что она в другом мире.

Подруги обсудили своих подопечных, других вожатых, Ведьму в особенности, пару предстоящих мероприятий и несколько прошедших. После процедур и до обеда у всех было свободное время, поэтому (в отсутствие Ведьмы, разумеется) и говорить по существу, и сплетничать молодые женщины могли, ни в каких подробностях себя не ограничивая.

Таков был у вожатых неписаный распорядок дня — часов с одиннадцати и до двенадцати сорока (в это время отряды надо было строить и вести в столовую) выпивали за неторопливой беседой несколько кружек чаю, пока дети отдыхали по своим комнатам или на площадке перед корпусом. Такое же праздное времяпровождение позволялось вечером перед отбоем.

Но в этот день вечер оказался беспокойный.

— Проверь-ка ты, как там дети, — проронил Саша, не отрываясь от детектива. — Что-то подозрительно тихо. Я даже отчётливо слышу, как телевизор в холле работает.

Дашка, лежавшая в кресле, перекинув ноги через

подлокотник, и читающая журнал, протянула:

— Сам проверь. Если дети в данный момент совершают что-то недозволенное, они по моему требованию всё равно не прекратят.

Тут в одной из соседних комнат раздался громкий смех нескольких ребят сразу. Вожатые опознали среди них тех детей, которые обычно доставляли больше всего хлопот: Настеньку, Таньку, Дениса и Женьку. Дашка и Саша задумались над тем, что там могут вытворять их подопечные. Вроде ничего из ряда вон выходящего. Они продолжили чтение.

Через минуту в той комнате опять засмеялись. Ещё через одну — захохотали. Потом оттуда донёсся девчачий визг восторга и умиления и вопли: «Какая прелесть!».

— Кого они там подобрали? — Саша всё-таки отложил книгу. — Впрочем, кто бы это ни был, Ольге Николаевне он не понравится.

— Зверька надо спасать, — согласилась Дашка и спустила ноги на пол.

— Дарья Александровна! Александр Валерьевич! — в дверях возникла Настенька. — Японцы, которые к нам на прошлой неделе приезжали, одну вещь у нас забыли!

— Где вы её взяли? — строго спросила Дашка.

Группа японских детей, отдыхавшая здесь недавно, жила в корпусе, находившемся на другом конце лагеря. Детям без сопровождения вожатых туда ходить запрещалось.

— В лесу нашли! — честно ответил ребёнок, впрочем, он пока не считал себя виноватым.

— Когда? — продолжил допрос Саша.

— Перед обедом! Когда мы с Танькой…

— Откуда она там взялась? — искренне и непедагогично удивилась Дашка.

— Не знаю. Она под деревом сидела, глазами хлопала. Мы себе забрали. Но если кто-то из наших потерял — мы вернём, — пробормотала девочка.

— Ты про что говоришь? — парень тоже ничего не понимал. — Речь же вроде о какой-то вещи была.

— Ну, я про неё и говорю! Игрушка это! Как живая прямо! Вы хотите посмотреть?

— Ясно. Японское чудо техники, — вздохнул Саша. — Да, интересно взглянуть. Чего они только не изобретают…

Вожатые пошли за девочкой в комнату. В четырёхместном номере собрался почти весь отряд, а вот из игрушек были только два ничем не примечательных плюшевых медведя.

— Под кровать удрал! — огорчённо сообщила Танька.

— Может, спать хочет? — предположил Денис.

— Это же игрушка! — воскликнула другая девочка, Яна. — Достать надо! Мы тут на полу пакет сока разлили случайно, а под кроватью вытирать не стали… Вдруг в игрушке повредится что, контакты какие-нибудь замкнёт.

— Она, скорее всего, водоупорная, — предположил Саша. — Это ж японцы.

— Сейчас мы вам покажем! — Денис полез под кровать. — Вот!

К счастью, дети подумали, что вздрогнули и ахнули Дарья Александровна и Александр Валерьевич от изумления: настолько реалистичной была игрушка. А вожатые видели перед собой не продукт технического прогресса, а настоящее живое существо. Такие водились в волшебном королевстве Альдана.

В обычном же мире зверёк казался искусственным: непропорционально большая голова на тоненькой шейке, огромные глаза, предлинные уши (длиннее самого существа), маленькое тельце, лапки толщиной с шейку и бирюзовая шёрстка.

— Кажется, я знаю, чьё это! — соврав, выпалил Саша, выхватив из рук мальчика зверька.

— Отбой через полчаса! — севшим голосом сказала Дашка, и они быстро исчезли в комнате вожатых под обиженный гул детей.

— Ещё немного — и лагерь станет похож на сумасшедший дом, — Дашка помахала на себя руками, чтобы почувствовать ветерок, потом вспомнила, что можно открыть окно. — Как он здесь оказался?! Получается, Портал виден? Тогда бы дети такой шум подняли…

«Без паники! — и Дашка, и Саша услышали голос. — *Со стороны вашего мира Портал невидимый, пока близко не подойдёшь. То есть, не подлетишь. Он же высоко!»*

— Это замечательно, — тихо сказала Дашка, чтобы за дверью комнаты никто не подумал, что она говорит сама с собой: летунчик, этот смешной зверёк из магического мира, вслух разговаривать не мог, но человеческую речь понимал, а свои мысли мог передавать другим. — Ну, докладывай, как и зачем ты здесь оказался.

«У меня в мыслях не было проникать в ваш мир! Честное слово, просто летел мимо, задержался, хотел вблизи на портал посмотреть — меня туда и затянуло. И я любопытства ради вниз спустился. Детей я люблю, поэтому позволил себя поймать. Кто ж знал, что тут дети такие странные…Обращались со мной так, будто я вещь. Лапу мне сломали. Я попробовал себя исцелить — магия тут не действует».

— Потерпи чуть-чуть, — ободрила его Дашка. — Мы сейчас

ещё двух человек позовём, ты нам расскажешь, как дела в Альдане, и вернёшься домой. Саша, приведи сюда Алину с Димой! — велела она другу, впрочем, он уже и сам догадался.

Сама она, равно как и Саша, отчаянно надеялась, что в королевство зверёк возвратится не один.

Парень привёл друзей быстро: их отряд жил в этом же корпусе на последнем этаже.

Алине пришлось зажать рукой рот, чтобы не завопить от переизбытка эмоций, Дима, добравшись до дивана, пробормотал:

— Ничего себе! Откуда?!

Летунчик всё повторил.

— Странно, — к Алине вернулся дар членораздельной речи, — почему вам, животным, можно спокойно выходить через Портал в наш мир, а людям — нельзя?

— Жаль, что Портал так высоко. Мы бы им воспользовались, — вздохнула Дашка.

— А точно наверх подняться никак нельзя? — всё сомневался Саша.

«Объясняю. Из Альданы в Большой Мир вообще теоретически нельзя попасть. Исключение некоторым делает дух Кевина Гранда, — при упоминании этого имени друзья грустно вздохнули: именно этот человек выбрал им судьбу спасителей королевства. — *Я ведь сейчас имею дело с Дарьей, Алиной, Александром и Дмитрием, так ведь?»* — вдруг спросил летунчик.

Наконец вожатые спохватились, что они общаются со зверьком как со знакомым, хотя они видят друг друга впервые.

«Что? Вы же имеете ясное представление о Портале и Альдане. Значит, вы там были. А имена четверых героев из Большого Мира знает всё королевство. Кстати, очень рад встрече. Я бы представился, но я ничейный и клички не имею».

— Продолжай! — велел Дима.

«Вы в тот раз попали в нашу страну на драконе, так? — дружный кивок. — *И, если бы не драконы, не попали бы к Порталу вообще,* — этого тоже никто не отрицал. — *Утвердилось мнение, что им было позволено пробраться в Большой Мир именно для этого: чтобы привести вас к Порталу и перетащить сквозь него».*

Друзья переглянулись. В таком возрасте роль избранных только прельщает. И надежда на то, что сегодня ночью свершится то, о чём они все тайно мечтали эти полтора с лишним года, стремительно упрочнялась, превратившись сперва в веру, а затем — в уверенность.

«Да, ещё одно предположение этому, что Альдане нужны именно вы — то, что кроме вас, ни замок, ни Портал никто не видел».

— Я иногда приходила на то место, где он стоял, — призналась Дашка, покраснев, — но там не было ничего.

— Я тоже, — улыбнулась Алина. — И ничего там не наблюдала.

— А я-то думал, я один такой, — хохотнул Дима. — Являюсь туда, встану и смотрю, смотрю, смотрю, будто Портал сам по себе появится.

— Рискну высказаться за всех: наверное, твоя задача в том, чтобы вернуть нас в королевство, — произнёс Саша, глядя на летунчика.

— Это глупость, — пробурчал Дима, торопливо пересекая площадку перед корпусом и оглядываясь назад: три чернеющих в темноте фигуры от него отставали.

— Не большая, чем когда мы туда по одному бегали, — Дашка слегка прибавила темп. И потом, зачем тогда Арчи очутился здесь? Заманить к Порталу кого-нибудь другого?

Всё на секунду притормозили, осознав, что такая вероятность вполне возможна. Но желание снова переместиться в волшебный мир моментально эту мысль потопило.

— Ты нам так и не рассказал, что творится в Альдане сейчас, — напомнил Саша.

«Плохо всё! — заявил летунчик, получивший от друзей кличку Арчи. — *Без белой магии мы как без рук. Болеют все подолгу, раз у целителей силы пропали. Храмы везде разрушены — с духами предков связаться нельзя, а мы у них обычно защиты, помощи и благословения просим. Священники обряды проводить не могут. Некоторым даже Обряд Упокоения провести не удаётся, и души не могут покинуть мир смертных. Призраков потом или некроманты приручают, или демонологи создают из них демонов, натравливают на тех, кто их персонам неприятен. Власти нет, потому что короля всё ещё не выбрали. Произвол везде. На чёрных магов управы не найти, потому что против их проклятий можно только светлой магией бороться. Вот так всё мрачно».*

— Да, мы своё дело определённо ещё не закончили, — заключил Саша.

— Вот мы и пришли! — Дашка остановилась.

В тот день до мыса, где возвышался замок, компания добиралась вплавь, сейчас же на мысе устроили пляж, и к нему вёл мост. Друзья миновали его и стояли там, где теоретически должна была располагаться площадь перед замком. Фактически тут как были песок, лежаки и зонтики-«грибы», так они тут и продолжали находиться.

Однако друзья не успели расстроиться, потому что звёзды

Портала вспыхнули наверху все разом.

— Уже недурно, — констатировала Алина. — Ой!

Она отскочила в сторону: у неё под ногами стала расти лестница. Магическая, прозрачная, золотистого цвета. До самого Звёздного Портала.

«Не моя работа», — пискнул Арчи.

Лестница выглядела состоящей явно не из твёрдого вещества, но идти по ней оказалось можно. Дашка поднялась на пять ступенек, глянула вниз. Все последовали за ней.

Верхние ступени они преодолевали почти бегом, но никто не оступился, ни споткнулся — должно быть, магия их оберегала. На последней друзья задержались: слишком разбушевалось волнение, они даже немного боялись чего-то. Но протянули руки к огромным ярким мерцающим огням, почувствовали приятную теплоту… перед глазами всё поплыло. А когда картина снова стала чёткой, компания стояла на балконе одной из башен замка.

— Невероятно, — прошептала Алина. — Мы снова тут…

По этажам они спускались свободно, охраны нигде не было. Из-под дверей некоторых комнат пробивался свет, где-то гудели голоса. Друзья прошли через пустой трапезный зал, через библиотеку, где сидели над книгами три эльфа, не заметившие их. Многие двери были беспечно распахнуты, а роскошные комнаты за ними пустовали.

«Замок теперь не замок, — вздохнул Арчи. — *Теперь здесь временно живут представители знатных родов, политические деятели и много кто ещё. Страной как-то надо управлять, они совместными усилиями и пытаются это делать. Впрочем, эти люди тут лишь прохлаждаются, их управление сводится к подавлению слишком уж жестоких конфликтов».*

— Кошмар, — покачала головой Дашка. — Если нас поймают, нам ничего не сделают?

«Вы бы стали отправлять на плаху или в тюрьму людей, от которых зависит будущее вашей страны?».

— Если так, то можно нам где-нибудь переодеться? — поинтересовался Дима. — Выделяемся мы из толпы очень сильно. Не очень приятно, если все будут тыкать пальцами.

«Да пожалуйста».

Они нашли комнату, где хранилась одежда. Выбирали долго, благо было из чего. Решили выбрать одежду под цвет своей Стихии, силы которой охраняли их и даровали особенную магическую силу. У Дашки — Огонь, у Саши — Земля, у Алины — Воздух, у Димы — Вода. И цвета соответственно оранжевый и красный, зелёный и коричневый, белый и голубой и оттенки синего.

Похвалили сами себя: как мы хорошо выглядим. Впрочем, иначе быть не могло, потому что одежда тут была новая, дорогая.

Неожиданно из угла послышалось тихое бурчание:

— Да, Эзария, разбуди своего отца немедленно! Очень важная новость есть.

Друзья обернулись на голос. В углу на какой-то коробке сидел эльф с магическим шаром в руках, такие служили для переговоров. Внутри шара появилось изображение молодого человека:

— Он ушёл в город. За ядами. Так что ты зря меня разбудил, Иллемар. Утром на глаза мне лучше не показывайся.

— Забыл, с кем дело имеешь? — возмутился эльф. — Я единственный человек, которому доверяет твой отец. Так что твои выходки тебе с рук не сойдут, если ты на пару дней выведешь меня из строя.

— И что? — безразлично протянул парень, которого эльф назвал Эзарией. — Для папы ты слуга, и ничего больше. Не станет же он сам опускаться до того, чтобы самому собирать информацию. Если ты окажешься негоден, он себе нового разведчика найдёт. Впрочем, будь ты хоть его лучшим другом, он бы ничего мне не сделал. Запомни. Он меня обожает. Слепо. И любое моё оправдание его устраивает. Если я скажу ему, что покалечил тебя, потому что ты мне не нравишься, он не только меня простит, но и твою персону возненавидит. Если ты меня ещё раз побеспокоишь — окажешься в лаборатории некромантии нашей Академии. Живой. Сдохнешь ты, когда я буду проводить на тебе опыты.

— Опыты некромантов на живых людях запрещены, тем более в учебных заведениях, — эльф, кажется, взял себя в руки, понимая, что избалованный сынок влиятельного папочки просто кривляется.

Но он ошибся. Эзария не шутил.

— Да ты что? Когда я приволок в лабораторию твою доченьку, эксперимент на ней я завершил благополучно.

— Что?! — побледнел эльф. — Как ты…

— Да, Иллемар, так что разошли по всем Управлениям сообщения, чтобы прекратили искать Ванессу по всем двенадцати землям королевства. Бедные сотрудники уже третий год тратят кучу времени и сил на бессмысленные поиски. Кстати, Ванессу могу вернуть. Она теперь, будучи зомби, просто идеалом стала — истерики не закатывает, на головные боли не жалуется…

Оцепеневшие друзья ужаснулись. Эзарии на вид было лет двадцать, три года назад он совершил жесточайшее убийство — в семнадцать?!

— Но… За что?! — выкрикнул Иллемар.

— Она была отвратительной любовницей, — заявил Эзария.

Раздался звон битого стекла — Иллемар разбил магический шар об пол. Несколько секунд — и эльф зарыдал.

— Кто это был? — прошептала Дашка. — И почему этот несчастный эльф нас не заметил? Мы невидимы?

«Нет, просто все здесь слишком увлечены интригами и кознями. До посторонних тут никому дела нет. Народ запоминает в лицо только тех, против кого что-то замышляют, и тех, с кем они в этом противостоянии объединены. Всех, кто придерживается нейтралитета, никто знать не желает, — грустно произнёс Арчи. *— А насчёт этого Эзарии мне известно не больше вашего. Я даже не имею понятия, кто его отец».*

— Отвратительно! — воскликнула Алина, когда компания двинулась дальше. — Я теперь догадываюсь, как это сборище следит за королевством.

— Может, кто-нибудь из нас правителем станет? — усмехнулся Дима.

— Вероятно, ты прав, — не стала спорить Алина.

— А сейчас, я полагаю, мы найдём свободные спальни, отдохнём и утром идём в Фатону, — вмешался Саша.

Идею поддержали единогласно.

Фатона… Деревня, где друзья жили те три месяца. Там была семья, практически ставшая им родной. Джессика, Теона, Джейк, Дерик, Шаки и Анна Винсенты. Там были учителя, помогавшие друзьям познать тайны магии. Там происходила битва, которую Дашке удалось остановить.

Они, направляясь к деревне через лесистые холмы, не могли поверить, что идут по правильному пути. Лес вокруг был уже не тем. Деревья высохли и почернели, больше не цвели. Холмы были просто утыканы стволами с торчащими ветками. Раньше из-за густой разноцветной листвы лес казался непроходимым. Теперь, если приглядеться, сквозь эти убогие древесные скелеты можно было разглядеть, где заканчиваются холмы.

Деревня выглядела жалко. Всё разрушенное в сражении отстроили заново, восстановили, привели в порядок. Но красота этот край покинула. Газоны не зеленели, а принимали грязный болотный цвет, сады не цвели, вьющиеся растения на стенах домов грозились рассыпаться в пыль, магические источники пересохли… И, конечно, этот жуткий безжизненный лес, окружающий деревню — печальная картина.

Когда они подошли к дому Винсентов, глаза уже привыкли к пейзажу, и в голову не постучало очевидное «о, ужас, как у них всё изменилось!». Компания пересекла двор, и Дашка постучала в

дверь.

— Иду, сейчас открою, — донёсся усталый голос Анны.

Она распахнула дверь. Секундное молчание — и радость встречи:

— О, Ветры! Снова вы! Дарья, Александр, Алина, Дмитрий, вы вернулись!

— Что!?! — прогремело наверху. — Кто там?!

— Да, это мы! — крикнула Алина. — Спускайтесь быстрее!

Глава 2 Подготовка к битве с неизвестностью

Пока все выскакивали из комнат и мчались на первый этаж, друзья отметили про себя, как за эти полтора с лишним года постарела Анна. Ей было слегка за сорок — теперь, казалось, она была старше пятидесяти, поседевшая, с выцветшими глазами.

Спустились Джессика с Теоной. Им уже исполнилось по двадцать одному году. С лица Джессики, бесстрашной воительницы, исчезла жестокость и надменность, Теона же, не оправившаяся полностью после болезни, поразившей её после той битвы, стала выглядеть хуже. У молодой женщины была поразительная, естественная красота, не отталкивающая ледяным совершенством, а располагающая к себе. Красота сохранилась, но безжизненная, какая-то прилизанная и неприятная, заурядная.

Джессика кинулась обнимать Сашу и Дашку. Среди всех жителей королевства у неё не было ни одного друга, тёплые отношения у неё сложились с двумя людьми из Большого Мира — и они сейчас стояли перед ней.

Теона первые несколько секунд смотрела на Диму со страхом и отчаянием. Он оказался не частью её жизни, а самой жизнью. Да, она знала, что любовь для неё будет такова, но не могла предположить, что для Него это лишь развлечение, способ приятно проводить время. Диме нравился сам процесс — если любви можно дать такое циничное определение. Она не простила его, когда он сбежал назад в Большой Мир, бросив её, тяжело больную, хотя мог спасти ей жизнь. Не простила, потому что не держала на него зла. Теона так и не научилась этого делать.

Но за эти полтора с лишним года она привыкла к боли. Ей казалось — это какая-то злая шутка, Дима не задержится здесь, снова пропадёт, исчезнет. И всё же Теона хотела поверить, что он останется тут. Она подошла к нему, дрожа, — ещё одна пауза. Дима ощущал очевидную, горячую вину за то, что поступил так с ней, и боялся даже дотронуться до Теоны, считая, что ей приносит страдания сам факт его существования, а прикосновение и вовсе заставит чувствовать себя осквернённой.

Всё это длилось пару секунд — и Теона, сделав ещё шаг к любимому, уронила голову ему на грудь, тесно прижалась, задрожав ещё сильнее, будто бы плакала. Наконец-то она ощутила его руки на себе.

Джессика и Саша, расставаясь тогда, понимали, что их встреча лишь случайность. Не та, которая выворачивает судьбу

наизнанку, а милая приятная неожиданность. Одновременно пришли к выводу: если они и не заблуждались, то случаем всё равно воспользоваться надо.

Когда эмоции уменьшились до такой степени, что позволили совершать обдуманные действия, все переместились в естественном направлении — на кухню, пить чай и делиться тем, что было пережито и прочувствовано за то время, когда друзья и семья Винсентов физически отсутствовали в жизни друг друга.

— Странно видеть тебя дома в такое время, — заметила Дашка, обращаясь к Джессике: обычно молодая воительница целый день пропадала на тренировках.

— В той битве многие девушки Отряда оказались проклятыми. Повезло только мне и ещё пятерым, — вздохнула Джесс. — Айрис сказала, что пока не будет тренировать нас, потому что когда остальные воительницы выздоровеют, их тоже придётся учить тому, чему она за время их отсутствия успеет научить нас, а мы будем только совершенствовать свои умения, и получится, что мы их сильнее. А если в отряде у всех разная подготовка — это плохо. Лучше несколько месяцев потерять.

— И как ты без тренировок? — Дашка испугалась, зная, как много они значат для Джессики.

— Пытаюсь поддерживать жизнь в сёстрах, — серьёзно ответила воительница.

Теона, вопреки ожиданиям, на это заявление никак не отреагировала. Она, по всей видимости, кроме Димы, от которого не отодвинулась и на сантиметр, никого не воспринимала и никакие звуки не улавливала.

— У Шаки ведь тоже единственная радость в жизни пропала, — продолжала Джессика чуть смущённо, стыдясь того, что совсем не уделяла внимания девочке раньше. — Цветы. В королевстве теперь ничего не цветёт. Вообще, как вы уже увидели. Даже зимой в лесу около магических источников можно было найти места, где всё по-прежнему зелёное и цветущее.

— Мы не застали зиму в королевстве, — протянула Дашка. — Когда мы вернулись домой, в Большом Мире это время года уже началось, а в Альдане по-прежнему было лето.

— У вас зима бывает каждый год? — удивилась Анна.

— А у вас нет? — Дашка изумилась не менее.

— Она всегда внезапно наступает. И прекращается тоже, — Джессика улыбнулась, мечтательно вздохнув. — Иногда снег посреди дня начинает валить и резко холодает — все разбегаются по домам, переодеваться в тёплое. И сразу спешат обратно на улицу.

— Как здорово! А у нас перед зимой надо перетерпеть

осень, — хмыкнула Алина. — Когда листья желтеют — красиво, но потом они опадают, и деревья лысые стоят. А снега может не выпасть вообще, и они так торчат ещё четыре месяца. Весны у вас тоже нет? Когда снег тает, и почки на деревьях распускаются?

— То время, что вы называете осенью и весной, у нас, получается, длится по полчаса, — ответила Джессика, пожав плечами.

— И когда у вас последний раз зима наступала? — спросил Саша.

— В этот день Джейку двадцать исполнилось, — стала вспоминать Анна. — Три года назад. У нас не хватило денег ему на подарок — он сказал, что такого подарка природы более чем достаточно.

— Зима — это время людей, живущих под стихией Воды, — добавила Джессика. — У них самочувствие улучшается, настроение, у волшебников — магическая сила растёт. А Джейк как раз принадлежит этой стихии.

— Кстати, о деньгах. Надо было в замке где-нибудь прихватить с собой, — поздно сообразив, Алина чуть-чуть расстроилась.

— Вы спускались через замок? — оживилась Джессика. — Что там происходит?

— Все заняты слежкой друг за другом, — Дашка нахмурилась. — А ещё мы стали свидетелями жуткого разговора между эльфом по имени Иллемар и неким Эзарией, которому с рук сходят даже зверские убийства. Он и этому эльфу тоже угрожал, потому что бедняга его раздражает.

— Эзария Чезигер! — гневно воскликнула Джессика. — А я думала, что Элмайра просто наслушалась сплетен.

— Ты про Элмайру Рафф, поступившую полтора года назад в Магическую Академию? — уточнила Дашка.

— Да! Девушка, когда приезжает домой на каникулы, каждый раз рассказывает, какой омерзительный тип этот Эзария. В таких уродов даже я не верю, так что считала, что он просто стал жертвой студенческих слухов. Он учится на четвёртом курсе факультета некромантии. Его отец, Ирвинг Чезигер, — Главный Королевский Маг, при жизни правителя был его правой рукой. Обладает огромными полномочиями. Имеет право закрывать магические учебные заведения, поэтому сынок его в Академии творит всё, что хочет — а он невероятно жесток. Преподаватели не могут ни сами принимать меры — в таком случае Эзария их просто убьёт, ни жаловаться куда-либо — тогда Академии по приказу Ирвинга придёт конец.

— Сколько убийств он сделал? — пролепетала Алина.

— Преподавателей, кажется, лишил жизни троих. А со сколькими студентами он расправился — Академия сбилась со счёту, — сквозь зубы процедила Джессика, сжав кулаки.

— По-моему, пусть лучше заведение престанет существовать, чем будет терпеть это чудовище, — парировала Дашка.

— В стенах Академии хранятся слишком ценные знания, которые накапливаются ещё со времён Эпохи Солнца, — молодая воительница сделала глубокий вдох, чтобы как-то успокоиться. — С Эзарией же всем мучиться осталось конец четвёртого курса, пятый и шестой.

— А отец закрывает на это глаза, — зло сказала Дашка. — Эзария при нас хвастался.

— Вы его живьём видели?

— Нет, эльф общался с ним через магический шар, — ответила она, углубляясь в свои мысли, однако молодая женщина очнулась быстро, со следующими словами Джессики.

— Это хорошо. Если Элмайра говорит правду, у подонка великолепная память на лица, — Джессика на секунду задумалась. — Вы все ведь будете поступать в Магическую Академию? Если бы Эзария лично беседовал с эльфом и заметил, что вы услышали его намерения, в Академии не поленился бы убрать вас, чтобы вы не проболтались. Эльф Иллемар — важное и значимое лицо, даже Ирвинг такой выходке сына не обрадуется, что бы Эзария о себе ни воображал.

— Не представляю, каково это — иметь дело с таким мерзавцем, — пробормотал Саша.

— Ну, убивает он не так часто, — горько усмехнулась Джессика. — Но Эзария любит отрабатывать заклинания чёрной магии на студентах. И обожает издеваться над первокурсницами. Самая невинная забава, если он их просто запугивает до полусмерти. Жестокие его игры — натравить на них зомби или какое-нибудь магическое существо. Ну и все его забавы с бедными девушками заканчиваются одинаково.

— Как!?! — выпалила Алина.

— Самое бесчеловечное унижение — надругаться над девушкой. Эзария — тот ещё красавчик, но любая, кто заинтересованно посмотрит на него, практически обрекает себя.

— Хватит! — прикрикнула на дочь Анна.

— А что? — Джессика вскинула брови. — Теона не слушает, Шаки здесь нет.

— Всё равно прекрати! У нас и так всё ужасно! Шаки позавчера чуть не умерла, что уже забыла? — Анна встала, опрокинув стул, и вышла.

— У Шаки приступы по нескольку раз в неделю, — не

дожидаясь вопросов, объяснила Джессика, тут же взорвавшись отчаянием: — Но с этим надо что-то делать, а не просто ждать, когда всё чудесным образом наладится! В деревне возможностей никаких, но в королевстве двенадцать земель, где-то должно таиться спасение! Я бы их все пешком обошла, но лишь здравый смысл меня тут держит… Нашим миров сейчас правят чёрные маги, а воин против колдуна — бита неравная. Магия сильнее оружия.

— Мы с тобой пойдём! — тут же выпалила Дашка. — По крайней мере, я. Только вспомню всё, что умела, — она раскрыла ладонь, где вспыхнул огненный шар, и подкинула его — огонь, упав обратно на руку, исчез. — Те, кто учил нас этому, всё ещё здесь?

— Ты уверена? Полагаешь, я знаю, куда двигаться и что искать? — протянула Джессика таким тоном, будто готова была опять сорваться на крик. — Нет, это всё полнейшее безумие, я пойду в неизвестность, не имея цели. Я даже не рассчитываю, что смогу вернуться домой! Мне нужен такой же сумасшедший, у которого кроме идеи нет ничего.

— Я на светлый разум не жалуюсь, — сказала Дашка опять-таки без тени сомнения.

— Джесс, мы ведь в Альдане не просто так оказались, — Саша пересел на место Анны, поближе к воительнице. — Мы тут зачем-то нужны. Вероятно, мы нужны тебе.

Он хотел её обнять, но Джессика поднялась из-за стола.

— Спасибо, — она оглядела друзей. — А теперь извините — мне надо подумать.

Воительница выскочила из кухни, и всем было слышно, как она быстро поднимается по лестнице на второй этаж. Потом хлопнула дверь — Джессика закрылась в своей комнате.

— Вы отправляйтесь с ней, — Теона неожиданно подняла голову. — Она отказывается от поддержки, но без неё никуда не пойдёт. Так что вы настаивайте.

Друзья изумлённо притихли. В глазах Теоны уже переливались несколько красок жизни. Молодая целительница выглядела уставшей, но, несмотря на это, готовой к бою.

— Мистер Тейлор и мистер Цельсий сейчас в деревне? — твёрдо спросила Дашка, на такой вопрос полагается давать чёткий ответ, желательно совпадающий с ожиданиями интересующегося.

— Патрик у себя в особняке, мистер Цельсий или дома, или изучает магазины зелий на Центральной улице, — сообщила Теона.

Дашка, Саша и Алина зашумели стульями, выходя из-за

стола. Дима вопросительно посмотрел на любимую. Он ощущал себя неважно: не хотелось сразу же оставлять её одну, но Теона начнёт чувствовать себя виноватой, удерживая его тут.

— Ступай, — велела она. — Тебе надо освежить все знания магии перед походом.

— Но как же ты? Я не могу снова тебя бросить. Ты умрёшь так…

— Пока ты со мной, моих сил становится больше, и жизненных, и магических. А целитель в походе — человек незаменимый, — Теона улыбнулась.

— Что?! — Дима чувствовал, что сопротивляться ситуации уже не может.

Друзья в дверях застыли. Их это заявление шокировало не менее.

— Тебе же мама моя объясняла тогда, накануне вашего возвращения домой, что любовь восстанавливает мне силы и магию. Редкое явление, но случается. Ко времени, когда мы все покинем деревню, я буду полностью здорова, — её руки крепче обхватили его шею, и она поцеловала Диму.

Этого довода ему хватило.

Во дворе компания столкнулась с Джейком и Дериком. Последовал второй этап приветствий, объятий и радостных возгласов.

— А я знаю, каковы ваши планы на ближайший год! — вдруг изрёк младший брат.

— Это бред, Джейк, — попытался охладить его старший. — То, что планирует Джессика То есть она не планирует, она хочет. Как бы то ни было — это глупо.

— Джейк, не спеши в нас разочаровываться. Во-первых, мы не отрицаем того, что мы безголовые, — хихикнула Алина, — во-вторых, мы не для того в королевстве, чтобы без дела пребывать в Фатоне.

— В прошлый раз Дарья отличилась, находясь именно в нашем поселении, — холодно напомнил Дерик.

— В отличие от Джессики, мы намерены вернуться, — жизнеутверждающе произнесла Дашка. — До вечера!

За калиткой пути друзей разошлись. Главным учителем Алины и Димы был Зонарус Цельсий, а Сашу и Дашку в тайны магии посвящал Патрик Тейлор, и жили эти люди в разных концах деревни.

Маги могли гордиться своими учениками — ни одно заклинание забыто не было. Получилось так, что друзья пришли к своим наставникам для того, чтобы продемонстрировать всё, чем владели.

— Хм, — задумался довольный увиденным Патрик. — Знаете что: я дам вам кое-какие книги, вы попробуйте изучить некоторые чары самостоятельно. В оглавлениях отмечу разделы, которые вам надо рассмотреть. И напишу список полезных для вас книг, которые есть у старейшины. Сходите к нему, заодно и порадуете старика Фредерика.

Зонарус Цельсий, убедившись в выдающихся способностях своих учеников, поручил каждому по заданию. Алину попросил вылечить его сына, Тинзо, от несильного проклятия — магия Воздуха была в основном исцеляющей, а тёмные силы, сожравшие почти всю белую магию королевства, на Алину почти не оказали влияния. Диму отправил к соседям, в доме которых поселился демон, возникший из ниоткуда после того, как кто-то из семейства применил испорченный посох. Парень с демоном разобрался, заморозив его и превратив в ледяную статую. После всего этого Цельсий пришёл к выводу: «С таким запасом знаний многие всю жизнь проводят, а что-то новое почерпнуть вы всегда успеете». В ответ на возмущение он велел им идти к мистеру Тейлору за книгами заклинаний и учиться по ним, если так охота.

Вечером компания потенциальных героев собралась на заднем дворе. Друзья пытались обсуждать предстоящий поход, хотя известно было лишь то, что он состоится.

— Целителей у нас двое, — бормотала Алина. — Воинов — тоже двое, боевых магов — трое.

— Про меня забыли? — шутливо обиделся Джейк, выходя к друзьям через заднюю дверь. — Я с вами!

Джессика весь вечер молчала. На то, что брат заразился идеей, она тоже никак не отреагировала.

— Да что со всеми вами такое? — воскликнула Дашка. — Дерик на себя не похож, Джессика сама не своя! И Шаки нигде не видно! У вас что-то произошло?

— Дерик просто так боится за нас всех. В той битве погибли две девушки-воительницы из отряда Айрис, — вздохнул Джейк.

— Его убитая несколько лет назад невеста тоже была из этого отряда, — прошептала Дашка, вспомнив давний разговор с Анной.

— Он эту боль вспомнил, — с лица парня исчезла его обычная весёлость, — и представил, каково ему будет, если кто-нибудь из нас тоже мир смертных покинет.

— Дерик теперь как Анна, — резко и мрачно сказала вдруг Джессика. — Только мать не даёт нам жить из-за смерти отца, никчёмного человека, а Андреа Лорана была удивительной девушкой. А что касается меня — я не буду отрицать, что тоже

опустилась до этого: запрещаю вам идти со мной и делать то, что вы чувствуете нужным. Да, я знаю, что вы всё равно поступите так, как намеревались. И всё же… Да, я слишком сильно изменилась!

Она убежала в дом.

— Ещё какие-то вопросы есть? — ошеломлённо спросила Алина.

— Завтра! — выпалил Джейк. — Но, пока наш лидер в таком состоянии, мы с места не сдвинемся. Всем спать, — буркнул он, и все разбрелись.

Дашка постучалась в дверь комнаты Джессики.

— Что тебе? — прозвучал безразличный голос.

Она вошла без ответа. Джессика сидела, забравшись с ногами, на подоконнике. Дашка устроилась на кровати, притянув к себе подушку.

— Полагаю, ждёшь моих объяснений? — хмыкнула воительница. — А я сама ничего объяснить не могу. Боюсь я любить точно так же, как Теона боится ненавидеть. Странное такое чувство… Я всегда презирала свою семью. Сейчас она не изменилась…

— Зато ты изменилась, — закончила за неё Дашка.

— Я не хочу *так* меняться! Мою семью не за что любить — а мне теперь всё равно. Я… кажется, я заражаюсь этой посредственностью, — она уткнулась носом в колени.

— Думаешь, ты слабая? — Дашка вдруг ощутила себя счастливой. — Наоборот — сильная! Любить за что-то очень легко, а любить просто так — тут сила нужна, ещё какая!

— Может быть, ты и права, — Джессика свесила ноги вниз и спрыгнула с подоконника. — Вот только мне от этого легче не стало. А сейчас прости, я попрошу тебя уйти. Я хочу спать.

— Спокойной ночи.

Воительница не ответила ничего, перестав вообще обращать внимание на собеседницу. Дашка вышла, аккуратно закрыв за собой дверь.

В комнате, ещё в тот раз отведённой под спальню Дашке и Алине, она сразу кинулась на кровать, не раздеваясь, даже оранжевый плащ с себя снимать не стала. Заснула через некоторое время под мысли, что в новой Альдане ей всё не нравится.

Утром подруги очнулись из-за стука в окно. Дашка разлепила глаза первая и в ту же секунду заорала, Алина, подскочив и узрев то, что послужило им будильником, заголосила ещё громче.

В окне была драконья морда. Только через полминуты подруги сообразили, что выражение на ней вполне дружелюбное,

вдобавок ещё и знакомое.

С улицы послышалось:

— Ну что ты так… Напугал девушек… Их же, наверное, не предупредили, что ты превратился в великана.

Виновато опустив голову, дракон отошёл от окна, за которым от чьих-то шагов зашуршала сухая трава, затем скрипнула входная дверь, застучали по коридору и по лестнице каблучки, и, наконец, в спальню заглянула хорошенькая двенадцатилетняя девочка, Шаки, младшая из семьи Винсентов.

— Извините нас! — пробормотала она.

— Ничего, я, кажется, уже и спать не хочу, — Дашка сняла помявшийся плащ и кинула в кресло. — Времени хоть сколько?

— Девять, — ответила девочка.

В окне опять появился дракон, явно любопытствующий, сильно ли сердятся разбуженные гостьи или нет.

— Ну и вымахал он у вас, — Алина глянула на него; друзья запомнили дракона Шанди как существо размером с крупную собаку.

— Когда мы его покупали, нам сказали, что он больше не вырастет, — развела руками Шаки. — Но для меня даже лучше, что он такой большой стал. На нём теперь летать можно. Мы вчера до самой ночи были в городе Терикос, там люди очень интересные, много легенд знают. Вы только маме не говорите, что я там время проводила. Терикос — город чёрных магов, она запрещает мне там бывать. Она думает, я дни напролёт пропадаю в Ордемане, это центр Элиорамии.

— А что там такого особенного, в этом городе? — спросила, заинтересовавшись, Дашка.

— Там есть Неувядающие сады, которые даже сейчас цветут. Это работа алхимиков, их в центре очень много, как белых магов в Агринже или тёмных колдунов в Ордемане. Да, это невероятно красивое место. Меня один человек в прошлом году даже на работу туда устроил, — с удовольствием рассказывала девочка. — Но в наших землях много других удивительных городов. В Химере на каждой улице находится по Храму Огня, ни один не похож на другой. В Ирдемо есть Парк Духов.

— Духов? — удивилась Алина.

— Ну да. Там все призраки видимыми становятся, а иногда даже дар речи обретают, но разговаривают только с избранными. Я пока такой чести не удостоилась, нет, — сразу отмахнулась Шаки. — В Энзимаре на центральной площади…

Дашка девочку не слушала. Ей не нравились и перемены в Шаки тоже. Вроде бы всё хорошо — за ребёнка, которому болезнь испортила всё детство, потому что девочке было трудно ходить,

следовало порадоваться. Но молодой женщине это всё казалось каким-то подозрительным… Наверное, потому что перемены были слишком уж резкими.

К обеду по деревне распространилась новость: в деревне остановилась группа бродячих торговцев артефактами, зельями и магическими книгами. «Стоит наведаться к ним!» — постановило большинство обитателей дома Винсентов.

На площади перед руинами, бывшими полтора с лишним года назад Храмом Ветров, собралась толпа желающих приобрести что-нибудь нужное. На развалинах стояли двое молодых людей: темноволосый парень в очках и блондин с пронзительно-голубыми глазами. Последний держал красивый меч с непонятными знаками на лезвии. Его приятель расписывал все невиданные преимущества, которые даёт артефакт его обладателю.

Большинство из компании: Дашка, Саша, Теона, Алина и Джейк, — их знали. Бруно и Томас, члены банды, суть деятельности которой так и не удалось выяснить, оказавшейся вместе с друзьями в Денаувере, зловещем месте, куда ссылали преступников. Компания получила свободу, а банда ещё оставалась там.

А молодые люди знакомых не замечали.

— Какого мастера этот артефакт? — спросил кто-то из толпы.

— Артур Эригайл, — уверенно ответил Бруно.

— Вы говорите, этот меч дарует хозяину неуязвимость для огня? — продолжал тот же человек.

— Да! Неполную, правда, — поправился парень, решив, что слишком уж завираться не стоит.

— Для Артура Эригайла магия Огня осталась неизученной! — торжествующе произнёс разоблачитель. — Я сейчас позову хранителей закона.

— Последние годы жизни он потратил на то, чтобы познать и эту магию! — не сдавался Бруно. — Этот меч — последняя сделанная им вещь.

— Проходимцы вы! — человек не собирался отказываться от личного мнения. — Вам бы сказания сочинять — усилия приложите те же, но труд будет честный.

— Мы докажем! — нахально заявил Бруно, спустившись на землю. — Берите! — он протянул выбравшемуся из толпы к развалинам человеку артефакт. — Так, кто-нибудь владеющий магией Огня, выйдете сюда, пожалуйста!

Дашка сразу же вызвалась. Ей не терпелось продемонстрировать свою магическую силу и хотелось проверить, помнят ли её Томас и Бруно. Друзья её негласно поддерживали.

— Я к вашим услугам, — усмехнулась Дашка.

— Да… — кажется, Бруно её узнал и собрался уже назвать по имени, но вовремя спохватился, что в таком случае Дашку примут за девушку, которая заодно с ними, и тогда в глазах деревенских жителей ему, Томасу и остальным членам банды уже не восстановиться. — Да, замечательно!

Она бросила взгляд на Томаса: парень поспешил отвернуться, но Дашка успела заметить, что молодой колдун рад встрече.

— Встаньте сюда, — Бруно помог Дашке забраться на руины. — А вы, — обратился он к человеку, которому дал чудо-меч, — просто держите оружие покрепче. Да… теперь можно начать, — он опять чуть не проговорился. — Леди, прошу вас, примените свою магию. Не бойтесь, цельтесь точно в этого юношу. Ему ничего не будет.

Разоблачитель в недоумении застыл. Эти мошенники явно были готовы к такому развитию событий, они сейчас применят какую-то уловку, а он будет выглядеть глупцом. Дашка испугалась. Она тоже готова была поклясться, что артефакт в полной мере не обладает ни одним из перечисленных парнем свойств, а Бруно и Томас полагают, что Дашкина магия недостаточно мощная, от такой волшебный меч может, и защитит. Молодая ведьма решила сдержаться и послать в человека поток магической энергии вполовину слабее того, что она может на самом деле.

— Ну же, не стесняйтесь! — протянул вдруг Томас. — Покажите нам, на что вы способны. Огненный шар можете бросить? Только не сильно большой, а то толпу покалечите. Вот такого размера, — он развёл руки в стороны, обозначив диаметр.

Дашка прикинула: для этого уже нужны незаурядные способности. Значит, на слабость её магии приятели не рассчитывают, тут кроется что-то другое.

— Люди, отойдите, — велела она, замахиваясь. — Aliho Maire! — выкрикнула она заклинание, и в незадачливого разоблачителя полетел жёлто-оранжево-красный шар ярчайшего пламени.

Врезавшись в цель, огонь вспыхнул сильнее — и погас. Человек стоял невредимый.

— Я покупаю! — заорал какой-то парень. — Сколько стоит? Три тысячи золотых?

— А магическое оружие у вас есть? — поинтересовалась девушка из толпы.

— Посохи и жезлы, — ответил Томас, которому покупатель отсчитывал деньги. — Есть уникальнейшая вещица, Посох Единорога, работы Линды Майриен, исцеляет любые болезни и

проклятия, но в связи с трагическими событиями позапрошлого года смертельные чары, к сожалению, не снимает.

— А я хотела бы приобрести у вас какую-нибудь книгу заклинаний Огня, — Дашка поймала Бруно за рукав и стала изображать для толпы избалованную богатую леди — образ удавался, тем более что одежда на волшебнице была очень дорогая. — Самую древнюю, что у вас есть, конца Эпохи Солнца, желательно.

— Подождите немного, мы принесём, — забормотал Бруно.

— Никаких «подождите»! — истерично взвизгнула Дашка. — Мне некогда! Принесёте мне вечером по адресу: улица Дианы Бьёрн, дом три. Зовут меня Дарья Винсент. Если вам так трудно, заплачу двойную цену!

Мошенники приём оценили. А в толпе никто ничего не заподозрил. Да, все помнили её как милую девушку — но теперь она известна на всё королевство, а слава многих людей портит. Пустяки, что Дашка испортила впечатление о себе. Всё равно компания отсюда уходит, а когда вернётся — молодая колдунья сможет позволить себе сказать правду.

Глава 3 Продолжатели

К вечеру, когда у Винсентов должны были появиться необычные гости, Джессике и Диме было рассказано о них достаточно. Разумеется, вся банда в полном составе — тринадцать человек — к Винсентам не нагрянула. Пришли четверо: Томас, Бруно, Николас и, к удивлению друзей, Вирон, обычно бывавший незаметным и неразговорчивым. Они для виду притащили-таки огромнейший фолиант, обтянутый протёртым местами красным бархатом.

Приём гостей состоялся на заднем дворе. После того, как всех ранее незнакомых представили друг другу, Алина озвучила главный вопрос, который хотели задать все:

— У вас срок вышел или вы сбежали?

— Сбежали, конечно, — фыркнул Бруно. — Нас туда пожизненно отправили, а ждать смерти — это как-то не по-нашему.

— И как вам это удалось? — Джессика прищурилась, банда ей начала нравиться ещё по описаниям, заочно. — За всю историю Денаувера побегов было всего пять, причём они совершались из первого квартала, где достаточно было убить конвоиров, вводивших очередную группу осуждённых, пока ворота не захлопнулись, и вырваться с территории. А вас определили дальше, насколько мне известно.

— Этого мы никогда не узнаем, — улыбнулся Томас.

— Почему? — оторопела Дашка; её интерес к магии рос неудержимо, а побег был совершён явно при помощи оной, а теперь оказывается, об этом ничего не расскажут…

— Вирон каким-то образом воздействовал на разум конвоиров, и те сами провели нас к выходу, — пояснил Томас. — Как он смог это сделать, парень рассказать не в состоянии, потому что на нём висит проклятие, нам не известное. У Вирона отнимается язык, если он хочет говорить о магии. А знает он её секретов немало! Точно так же он не в силах донести до нас, кто и за что наложил на него проклятие. И ещё какие-то вещи он не может поведать. Будто кто-то не хочет, чтобы он распространял некую информацию.

— Поэтому ты постоянно молчишь, да? — с жалостью и к молодому человеку, и к себе самой протянула Дашка.

— Наверное, — со вздохом сказал за него Бруно. — Несчастный Вирон даже не может отвечать на вопросы на эту тему движением головы, кивком в знак согласия или покачиванием в знак отрицания. Сразу начинает задыхаться.

Один раз он так умер, его в храме воскресили.

— Жестоко, — прониклась разговорчивая Алина, остальные остались под таким же впечатлением.

— Писать то, что хочет сообщить недозволенного, ему тоже нельзя, — продолжал Томас, — у него сразу пальцы ломаются. Сами по себе.

— Сочувствую! А почему вы нам раньше не говорили? — спросила Дашка.

— Потому что никто не спрашивал, — произнёс Николас неожиданно для всех, он обычно тоже редко подавал голос. — Мы, пока никто знать не желает, тайну Вирона не выдаём. Вдруг мы сами окажемся под действием этих чар?

— Понятно. А… откуда вы про проклятие знаете? Вирон сумел объяснить вам, почему вечно хранит молчание? — Саша вдруг увидел эти не сходящиеся друг с другом детали объяснений Томаса, Николаса и Бруно.

— Человек, так заколдовавший меня, наверное, позаботился обо мне, позволив раскрыть причину своего постоянного безмолвия, иначе с общением у меня были бы проблемы, — внезапно заговорил Вирон. — Вообще он разрешает мне рассказывать о нём что-либо хорошее, но ничего такого, по чему можно было бы его вычислить. Как видите, я не имею права упомянуть, мужчина или женщина этот человек. Факты из своей биографии он тоже предпочитает скрывать. А вот о лучших чертах его характера посторонним лицам знать не возбраняется.

— Какой этот тип скромный, — усмехнулся Дима.

— Не то, что вы, — в глазах Томаса появились весёлые блики, и он состроил обиженную физиономию. — За месяц так и не удосужились сказать нам, что вы будущие спасители королевства.

— Старейшина этой деревни посоветовал нам этого не делать. Власти к Большому Миру как к враждебному относились, кто успел забыть, — напомнил Саша. — Нет, никого из вас мы не подозревали в том, что он может нас сдать, вы ведь сами с хранителями закона не в ладах. Но случиться может что угодно…

— Вечная неразрешимая проблема, — изрёк Николас. — Или ты не доверяешь никому и чувствуешь себя защищённым… и в то же время таким беззащитным, или доверяешь тем, кому считаешь нужным, но рискуешь испытать боль предательства. Так как компромисс до сих пор не найден, любой из этих принципов является правильным.

— У тебя умные мысли — я говорю это без сарказма и с уважением, но нам сейчас не до них. Ответь, куда вы держите путь, вырвавшись на свободу? Или вы бродите по Альдане просто так, по просьбе души и сердца? — Джессика, расслабленно

сидевшая на земле напротив Николаса, выпрямила спину и подалась вперёд, к нему.

— Тебе твои друзья сказали, что мы были последователями Детей Ветров?

Томас, Бруно и Вирон затаили дыхание, ловя каждое слово Николаса, точно так же, как и готовящаяся к долгому странствию компания. Очевидно, в подобных серьёзных вопросах Николас, этот загадочный человек, скрывающий лицо за капюшоном, был главным.

— Да, это мне известно.

— Источник зла в Чёрных Гаванях — цель поиска банды Детей Ветров, — напомнил Николас. — Мы тоже хотим его обнаружить и уничтожить, как и они. Мы когда-то бросили эту затею и просто бродили по землям королевства, зарабатывая себе на жизнь нечестными способами. Но этот источник зла, вероятно, удерживает королевство в кризисе, не давая возродиться белой магии. Может, его и не существует вовсе, этого источника. Но по имеющимся теориям если он есть, то он является причиной, препятствующей возникновению светлого волшебства. Мы с Бруно их тщательно изучили.

— Значит, мы присоединяемся к вашей банде, — поставила приятелей перед фактом Джессика.

Дашка хотела добавить, что им, посланцам из Большого Мира, просто стыд и позор упустить такой шанс, но Николас неожиданно кивнул.

— Мы примем вас. Молва донесла, что вы, Дарья, и Александр, Дмитрий и Алина владеете мощнейшей магией. В силах Дарьи мы убедились, остальные, думаю, ненамного отстают. А в нашей банде почти нет волшебников, только Томас, Кларисса, Пола и Вирон. Анита обладала светлой силой, те события её магию отняли.

— Когда отправляемся? — голос Джессики стал железным.

— Лично мы уходим завтра вечером, пока ваши односельчане не обнаружили, что все предметы, которые мы им впихнули, не стоят и десяти золотых, — хохотнул Бруно. — Деньги-то в походе страсть как необходимы. Вас мы будем ждать в дрянной гостинице «Три грифона».

— Вам ждать не придётся. Завтра вечером мы идём вместе с вами, — заявила Джессика, встав на ноги, чтобы её было лучше всем видно, и она могла видеть всех. — Когда двинетесь в путь, пусть кто-нибудь один из ваших заскочит за нами.

— Отлично, — Николас тоже поднялся с земли, давая понять приятелям, что пора возвращаться к банде. — Будьте готовы часам к шести.

Ненадолго попрощавшись и проводив их, друзья вернулись на задний двор. Хотели уточнить для себя некоторые детали предстоящего великого похода, но от предвкушения его получалось только веселиться.

С самого утра закипели сборы, прямо на глазах у Анны и Дерика, которых никто не торопился уведомлять, к чему в доме такая суета. (Шаки всё объяснили втайне, девочка идею поддержала). Возмущённые вопросы друзья просто игнорировали, продолжая метаться по дому. Оружие решили унести с собой всё, оставляли только посох Анны и меч Дерика, а так же один волшебный жезл на случай, если Шаки займётся магией. Дашка, поколебавшись, прихватила одну книгу заклинаний, самую толстую, какую нашла в доме. В дорожные сумки побросали склянки с зельями для разных нужд, кое-чего из еды… Саша предполагал, что это всё лишнее, но с другой стороны, наглым образом садиться на шею честным бандитам казалось неудобным. Не взяли самое необходимое — деньги, в семье их и так было немного.

Мать и старший сын кипели в ярости. Была бы компания друзей поменьше — они бы не выпустили её из дому, но сломать напор семи человек было нереально. У Дашки промелькнула мысль — раз её, Алину, Сашу и Диму тоже пытаются удержать, значит, приняли в семью окончательно.

Покидали деревню в спешке, ни с кем не успев попрощаться. Но они не сожалели ни о чём, лишь испытывали лёгкую грусть.

— Ну, куда сейчас? — спросил Дима, когда немаленькая уже компания, скорее даже, толпа, оказалась на площади перед замком, за которым простиралась столица Альданы Зальван.

— По-моему, мы слишком привлекаем к себе внимание, — протянула Алина, замечая заинтересованные взгляды прохожих. — Двадцать человек — это неспроста.

— Ничего страшного, — Бруно достал из кармана плаща клочок бумаги и уставился в него, — мы пойдём теми улицами, где нормальные люди ходить не станут, а ненормальным до подозрительных личностей никакого дела нет. Подробности — потом.

— До этих закоулков с дурной славой добраться надо, — парировала Дашка.

Томас сжал её голову руками и повернул так, что молодая женщина упёрлась взглядом в широкую, но грязную улицу.

— Пожалуйста.

— В десяти шагах от замка? — хмыкнула Дашка.

— И что? — в голосе Томаса прозвучали такие интонации,

будто она ляпнула глупость. Наверное, ему часто придётся обращаться с ней подобным тоном… Но оно того стоит! — Думаешь, правители последних веков стремятся искоренить преступность? Налоги большинство жителей платит исправно — подошло время пополнять государственную казну, они ограбят кого-нибудь побогаче, и проблема решена.

— В «Три грифона»? — вопрос Феликса, добродушного здоровяка, был, скорее риторическим.

— Куда ж ещё! — фыркнул Томас, которому фраза приятеля тоже показалась глупой. Впрочем, Феликс умом не отличался, может, он действительно надеялся на какой-нибудь другой ответ. — Ну, друзья мои, готовьтесь.

Очевидно, он имел в виду только новоявленных членов банды.

К счастью, гостиница «Три грифона» располагалась недалеко — такой гадкой была улица. На вымощенной улице кое-где растекались лужи слизи всех оттенков зелёного и крови, свежей или уже свернувшейся, кое-где кровью были заляпаны стены, чем-то воняло, из каждого окна доносилась такая брань, что компанию передёргивало. А вот люди здесь ходили не такие неприятные, как ожидали друзья. Встречались, конечно, зловещие типы в чёрном или в плащах с капюшонами, чтобы не было видно лица, и омерзительные старухи-ведьмы. Но в основном народ попадался обыкновенный, а иногда даже приятный. Мелькали и люди богатые.

«Три грифона» оказались ничем не выделяющимся зданием. На этой улице вообще всё было однообразное.

— Вообще-то это ночлежка, — признался Клавьер, младший в банде. — Гостиницей это место мы называем исключительно потому, что тут нормальные стены и крыша.

— Зато тут люди полезные есть, — оборвала его Мишель, девица, обожающая всеми командовать и со всеми спорить.

— Да мы не жалуемся! — соврала Алина, глядя, как из окна верхнего, четвёртого этажа высунулся человек, которого вывернуло прямо на мостовую, после чего его втянула в помещение чья-то рука.

Условия в ночлежке оказались ужасными. Помещения на каждом этаже были заставлены жуткими двухъярусными кроватями, такими же, как в бараках Денаувера, но только одеяла, простыни и наволочки, по всей видимости, не стирали год. Из прочей мебели — ящики и стулья. Дощатый скрипучий пол не мыт столько же, сколько постельное бельё не стирано.

Дашка прикинула: количество спальных мест ненамного больше собравшегося тут народу без учёта банды.

— Том! — она пихнула парня локтем в бок и зашептала ему в ухо, как только он отреагировал поворотом головы. — Мы тут все не поместимся!

— Потерпи. Это на одну ночь. Не волнуйся, женщинам постели уступим. Тут можно наткнутся на людей, владеющих ценной информацией.

Появление двух десятков человек оставило многих равнодушными, только некоторые окидывали их мутным взглядом.

— Как нам располагаться? — теперь Томаса атаковала Алина.

— Никак. На постели не забирайтесь, неизвестно, какие свободны, какие заняты, — невозмутимо продолжал инструктаж парень, возле которого столпились все члены банды, с жизнью «Трёх грифонов» незнакомые. — Когда все начнут расползаться по кроватям, тогда всё видно будет. А если кто-то захочет спать раньше — придётся на полу. Плащи стелите — вот и всё ложе.

— Я тут даже свободного угла не вижу, — страдальчески произнесла Алина.

— Садись, где стоишь, — пояснила за её спиной Мишель спокойно, но раздражение маскируя с трудом. — Не ной.

Если сердится на нас, значит, за своих держит, отметила Дашка.

К моменту, когда подруги решились опуститься на пол, многие из банды уже с кем-то разговаривали, Томас и Мишель вовлекли в беседу ещё и Джессику с Джейком. Это было ещё не добывание информации, а попытки произвести на всех приятное впечатление, втереться в доверие. А к Дашке, Алине и Теоне подсела девица неопрятного вида: из-под ленты, перевязывающей волосы на затылке, выбивались пряди, плащ был девчонке великоват — рукава были закатаны — и местами порван, с заплатками на локтях, на кофте, на груди, темнело пятно, пахнущее спиртным.

— Добрый вечер благородным странникам! — пропела девчонка. — Куда держите путь вы и ваши кавалеры?

— В Чёрные Гавани, — не раздумывая, ответила Теона.

— Ах, опасное место! — щебетала оборванка. — Наверное, вы задумали великое дело, желаете помочь местным жителям? Просто так, без цели, глупо туда идти, а выгоды для себя там не получить никакой.

— Ты не угадала, — хмыкнула Дашка, стремясь опередить Теону, которая, будучи по-детски наивной, могла выдать всю правду, а молодая ведьма не думала, что её можно знать кому попало. — Мы разыскиваем кое-что, — и она строго взглянула на Теону: не проболтайся!

Но девчонку ответ удовлетворил, её заинтересовало другое:

— А есть у вас оружие против оборотней, коими кишат Чёрные Гавани?

— У нас нет, а у наших кавалеров, может, и есть, — холодно ответила Дашка.

Нам сейчас попытаются всунуть какой-нибудь фальшивый артефакт. Дорогуша, мы с этим вчера уже ознакомились. (Только ещё не узнали, как сделать так, чтобы артефакт походил на тот, за который его выдают).

— Значит, вам не покажутся лишними мои магические амулеты, — просияла девчонка. — Впрочем, они оберегают только волшебников. Среди вас есть такие?

— Ну, я хорошо обращаюсь со стихией Огня, — Дашка с чувством превосходства сложила руки на груди. — А мои подруги — с магией Воздуха. А одна из них ещё и целительница. Думаю, с оборотнями мы как-нибудь сами разберёмся.

— Зря вы так, леди. Эти амулеты оберегают от нападений оборотней, уменьшая их агрессию. Не растратите свою магическую силу в сражении с этими существами, сбережёте силы. К тому же, я прошу за амулеты всего по пятьдесят золотых.

Цена смехотворная. Очевидно, девчонке деньги были нужны срочно, раз она не стала называть цену, которая была бы подходящей для этих артефактов (при условии, что наивные покупатели посчитают их настоящими).

— Нет, — отрезала Дашка.

Вздохнув, девчонка отошла. Это заметила ведьма Кларисса, ещё одна представительница банды, и сразу кинулась к подругам.

— Что она от вас хотела?

— Предлагала купить амулеты, защищающие от оборотней. Полагаю, если бы Теона не проронила, что мы направляемся в Чёрные Гавани, девчонка придумала бы ему другие свойства. Мы даже смотреть на них не стали, — успокоила Дашка ведьму.

— Хорошо. Могло бы быть хуже, — Кларисса, неслабо испугавшаяся, перевела дух.

— Что именно?

— Много чего. Если из вас вытянули бы деньги — это ерунда. В вас могли вселить чью-нибудь душу, завладеть вашим разумом или вытянуть из вас жизненные силы. Опытные люди могут делать это незаметно, и вы несколько лет не будете ничего не ощущать. А в один памятный день проснётесь, управляемые кем-то, — строго говорила она. — Клавьер так тоже пострадал. Его почти довели до безумия, мы подобрали мальчика, когда он, тогда ещё десятилетний ребёнок, хотел покончить с собой, принял яд и умирал прямо на улице. Мальчик уже почти не мог

действовать самостоятельно, но ещё осознавал, что творит. Его сделали убийцей, а он любил тех людей, которых его руками кто-то отправил в царство мёртвых. Клавьеру было больно так жить, поэтому ребёнок решил отравиться. Нам удалось его спасти, но после этого он не помнил своё прошлое до момента, когда ему вернули светлый разум. Мог сказать только, как его зовут и сколько ему лет. Днём рождения мальчика мы стали считать тот день, когда освободили его. День, все события до которого исчезли из его памяти. В том числе и то, как он чуть не умер из-за яда.

— Может, притвориться сумасшедшей, чтобы ко мне не лез никто? — Дашка сжала пальцы в кулак и разжала, на ладони загорелось пламя.

— Сомнительно. Если ты будешь лишь демонстрировать огонь в руке, все догадаются, что это блеф. Не сдержишься и бросишь в кого-нибудь — может такая драка начаться, что стены обвалятся. Разговаривай со всеми пожёстче, этого будет достаточно. И следи за своими подругами, — велела она и вернулась к компании людей, у которых что-то выясняла до этого.

— А я хотела взяться за книгу заклинаний, — вздохнула Дашка.

— А что, идея! — Алина одобрила. — Надо изобразить, что мы чем-то очень заняты.

— Или что мы спим, — предложила Теона. — У меня по-другому молчать не получится, если ко мне обращаться будут…

Способ вышел надёжным. Дашка и Алина загородились от внешнего мира книгой «Магия Стихий», Теона устроилась, положив голову им на колени. О событиях, происходящих в помещении, подруги догадывались по звукам. Кто-то пришёл, позвал какую-то Хелену… Что-то разбилось… Мишель опять ругается… Бруно ворчит… На лестнице за дверью в помещение скандалят мужчина и молоденькая девушка, кажется, та самая Хелена… Кто-то в кого-то кинул нечто увесистое… попал в другого… Кларисса на кого-то повысила голос… Кто-то уже захрапел… Сказали, что уже полночь… Стаканы звенят… Кто-то в карты играет… на что-то ценное… Хозяин этой ценной вещи спохватился, что её поставили на кон без его ведома…

— Сейчас драка будет, — констатировала Алина, выглядывая из-за книги.

Дашка тоже оторвалась от увлекательного чтения, оценила ситуацию: все принимают одну из двух сторон, стороны эти уже сверлят друг друга взглядами, а те, кто вынужден был ввиду недостаточных физических и магических сил или травмированных частей тела придерживаться нейтралитета либо

соблюдал его по иным причинам, покидали помещение. Среди таких людей, к неприятному удивлению подруг, из банды оказались только четверо: Анита, самая старшая из этой поразительной компании, близняшки Тина и Динара (все трое и не воительницы, и не ведьмы) и волшебница Пола (могла бы пользоваться стихийной магией, но не желала)

Дашка теоретически могла участвовать в драке, Алина, умеющая обрушивать магические молнии, — тоже. Ко всему прочему, надо привыкать к тому, что людей иногда приходится калечить: вряд ли предстоящий поход обойдётся без этого. Но такая дикая потасовка подруг не прельщала.

Они поспешно покинули помещение. Пробираясь к двери, подругам уже приходилось уклоняться от ударов.

На лестничной площадке они обнаружили Полу, склонившейся над девчонкой, которая пару часов назад хотела продать им фальшивые амулеты.

У девчонки была пробита голова.

Пола, держа ладони над её раной, пыталась призвать на помощь все свои силы, но их у неё не осталось. Под руками целительницы даже свечение не появлялось, только редкие вспышки, очень слабые.

— Что произошло? — пролепетала Теона.

— Её избил отец, — Пола подняла голову, оставив попытки спасти девушку.

— Я, наверное, смогу убрать рану, — задумалась Алина. — На мою силу те печальные события не очень повлияли.

— Попробуй…

Пока Алина творила исцеляющую магию, Дашка тихо спросила:

— А из-за чего её отец так рассвирепел?

— Я сегодня денег ни одной монеты не достала, — девушка вдруг открыла глаза. — Амулеты никто не хочет покупать, а воровать я не могу себя заставить. Боюсь, что поймают.

Дашке стало не по себе. Можно было купить у бедняги один амулет, пятьдесят золотых — сумма не такая уж ощутимая.

— Девушка, когда вот это, — колдунья большим пальцем через плечо указала на дверь, за которой гремела драка, — закончится, я за деньгами зайду и куплю у вас три штуки.

— Меня Хелена зовут, — представилась несчастная дочь жестокого отца.

— Ждать не надо, у меня деньги с собой. Мы берём четыре амулета, — Пола полезла в кошелёк, болтавшийся у неё на поясе.

— Спасибо, — Хелена встала и подобрала сумку, валяющуюся на ступеньках, достала четыре симпатичных амулета в виде

бесцветных камней в серебряной оправе.

— Будем для красоты носить, — улыбнулась Пола, протягивая ей горсть монет в ладонях.

— Ну, на самом деле от них есть маленькая польза, — Хелена раскрыла сумку и протянула Поле, чтобы та высыпала туда золотые. — Вы можете каждая вложить в свой амулет немного своей магии. Тогда, если у вас когда-нибудь иссякнут силы волшебства, а вам очень нужно сотворить одно-единственное заклинание — разбейте амулет, немного сил у вас восстановится.

— По-моему, это замечательные артефакты. Глупо это — врать, что они защищают от оборотней, — Пола надела кулон. — Оборотни в королевстве водятся только в определенных местах, а в землях, окружающих Зальван, их вообще нет. А случай, когда магических сил не хватило на одно лишь заклинание, может произойти где угодно.

— Я папе объясняла, — вздохнула Хелена. — Он говорит, что амулеты против оборотней можно подороже продать, а за настоящее их свойство никто больше ста золотых не даст.

— Дурак — это пожизненное, — заключила Алина. — А как магию в амулет вкладывать?

— Сожми камень в кулаке и произнеси заклинание того типа магии, который удаётся тебе лучше всего.

— Ervius, — сказала она первое, что вспомнилось — заклинание, которое она выучила первым, создающее лёгкий ветерок, незаменимое в жару.

Внутри её амулета появилось белое свечение.

— Великолепно! — восхитилась Алина.

— Jera Maire! — это было любимое Дашкино заклинание, вызывающее огненный дождь, очень трудное, требующее невероятной силы — но колдунья хотела вложить в амулет, который, быть может, спасёт ей жизнь, настолько большую часть себя, насколько это допустимо.

Обычно после этих опасных слов она чувствовала сильное головокружение, но в этот раз ничего не было. Наоборот — прилив бодрости. И амулет засветился приглушённым красным цветом.

Какими заклинаниями воспользовались Теона и Пола, подруги не разобрали, не могли ещё воспринимать неизвестные слова магического языка на слух. В амулете целительницы возник синий цвет, в амулете Полы — зелёный.

— Похоже, все довольны, — Дашка повертела в руках камень и посмотрела на сияющую Хелену.

— Простите, что хотела вас обмануть, — смущённо пробормотала девушка. — Я думала, что вы очередные

богатенькие дурочки, которые втайне от родителей или от мужей задумали сварить какое-нибудь сложное зелье для не совсем законных целей, один из ингредиентов для которого проще достать нелегально, и вы попросили вас привести в место, где можно его приобрести. И что вас легко обдурить.

— И что, часто такие дамочки здесь бывают? — Дашку это развеселило. — Кстати, у нас только одежда дорогая. Случайно нам досталась.

— Обычно мечтают получить недостающий компонент яда для мужа или приворотного зелья, — хихикнула Хелена. — Ну, мне идти пора. Мы с отцом на первом этаже. Будет время — заходите. Поговорить мне больше не с кем, — она вздохнула. — Спокойной ночи!

— Милая девушка, — сказала Пола, когда Хелена скрылась внизу.

— Жаль, что знакомство будет недолгое, — произнесла Дашка; чёрная краска одиночества смывается с сердца не так быстро.

Вдруг дверь в помещение приоткрылась, и на лестницу выглянул Клавьер:

— Скоро мы закончим. Подождите ещё минут десять. Нам повезло, что мы ввязались в эту драку.

— Что же тут может быть хорошего? — воскликнула Теона.

— Тот маг, чей посох Вечной Силы чуть было не отдали в чужие руки без его согласия, премного благодарен нашей честной компании за то, что мы за него вступились. А у него есть одна ценная вещь, которую мы можем у него попросить, если он станет предлагать нам что-нибудь в качестве награды за то, что в драке мы несколько раз ему жизнь спасли.

— Один из главных наших принципов — если есть возможность помочь кому-то, то сделай это! — изрекла Пола.

— Не скучайте! — приободрил всех Клавьер и исчез за дверью.

Довольно быстро драка завершилась. Как только подруги вошли в комнату, усталость дала о себе знать: появилось непреодолимое желание сомкнуть глаза. Только что они хотели увидеть, кого же банда защищала в драке, и спросить у кого-нибудь из её членов, что за ценность они рассчитывают за это получить. Потом Дашка представила, что объяснение может затянуться надолго, а она не выдержит ещё и десяти минут бодрствования. На очевидную мысль, что этот разговор в присутствии энного числа мошенников и прочих плюющих на закон и мораль людей недопустим, активности Дашкиного мозга уже не хватило. Колдунья рухнула на кровать, куда её подвёл

Джейк (на лице свидетельства прямого участия в потасовке: рассечённая бровь и разбитая губа) и моментально выключилась, не чувствуя уже, что под одеяло к ней пробралась Джессика. Перед тем, как крепко заснуть, Дашка успела беззвучно вздохнуть: в королевстве у неё складывается такой образ жизни, что к Морфею в гости или попасть никак не можешь, или оказываешься там, едва добравшись до постели.

Глава 4 Одно приобретение и четыре потери

— Доброе утро! — Клавьер потряс Дашку за плечо, потом нагнулся вперёд, чтобы растормошить Джессику. — Подъём! Мы двигаемся дальше!

Дашка тут же выскользнула из-под одеяла, подгоняемая не столько юношей, сколько брезгливостью: вчера колдунье слишком хотелось спать, и ей было всё равно, что её временная постель сырая, чем-то воняющая и покрытая разными пятнами. А вот Джессика будто проснулась у себя дома, а не в жуткой ночлежке: сначала зевнула, потянулась, протёрла глаза и только потом встала.

— Доброе утро, — пробормотала она.

Покинули «Трёх грифонов» быстро, все заспанные, взлохмаченные. На улице было ещё темно, пусто и, ко всеобщему удовольствию, свежо.

Шли молча. Дашка, изучая лица компании, сделала вывод, что далеко не все знают, куда направляются. Кажется, имели представление о том, где должен закончиться путь в этом часу, только Николас, Кларисса и Мишель.

Вскоре она стала готова к общению, когда сообразила, что глаза перестали закрываться сами по себе.

— Том, — обратилась она к шагающему слева от неё молодому человеку. — Почему мы так рано вышли? Должны куда-то успеть вовремя?

Парень оправдал её ожидания:

— Может быть.

— У вас всегда так всех в неизвестности держат?

— Если бы мы в какой-нибудь деревне ночевали, вроде Фатоны, где все милые и добрые, мы могли бы спокойно обсудить дело в таверне, — вздохнул Томас. — А в «Трёх грифонах» подслушать могут всякие… Людей короля мы не боимся, научились с ними справляться. Тем более что короля в Альдане сейчас нет. Гораздо опаснее люди, властью не наделённые, ведь то, чего недостаёт, они хотят получить любыми способами. Используют они всё: людей, чужую магию, чужие идеи… Могут красться за кем-то следом, чтобы потом убить и взять себе то, что ему досталось потом и кровью. Поэтому, если кому-то из нас в голову идея пришла, он её только Николасу или Клариссе сказать имеет право. Эти двое у нас главные. А остальным приходится только верить, что затея хорошая.

Дашка рискнула спросить у Николаса, и ответ получила.

— Есть на соседней улице одно подпольное заведение, которое работает с полуночи до полвосьмого утра. Магазин артефактов, на обладание которыми нужна лицензия.

— Ясно, — усмехнулась Дашка. — И что вы хотите приобрести? Оружие массового поражения?

— Всего лишь четыре Сферы Дракона, — Николас покачал головой.

— Это ещё зачем?

— Добираться до Чёрных Гаваней поездом или порталами, нужные из которых находятся в крупных городах, слишком рискованно. Как вчера верно заметила Алина, наша толпа слишком бросается в глаза. К тому же в некоторых местах мы объявлены в розыск. Идти холмами и лесами — сама понимаешь, долго. Конечно, это таких безумцев, как мы, обычно не пугает, но силы нам надо беречь. Поэтому мы полетим на драконах. С остановками в деревнях, расположенных подальше от городов.

— Драконов можно вызвать с помощью сферы? — догадалась Дашка.

— *Вы*зывают реальное существо, которое находится далеко от тебя. С помощью волшебства *при*зывают, порождают создание, жизнь которого длится столько же, сколько действие магии. Прости мне моё занудство, — Николас, наверное, улыбнулся, из-за капюшона видно не было.

— Ничего страшного. Мне очень интересно! — искренне заверила его Дашка. — А почему Сферы Дракона нельзя купить просто так?

— Дракон — потенциально опаснейший зверь. Вдруг ты сумасшедшая и хочешь, чтобы твой дракон спалил деревню-другую?

— По-моему, такие безобразия — привилегия людей короля.

— Ты мудра, — ответил на это Николас.

— А можно ещё один вопрос?

— Полагаю, о том, что за ценный предмет попал в наши руки этой ночью?

— Да, — почему-то ей стало неудобно.

— Я не ошибся, ты мудра, — Николас на секунду убрал капюшон с лица, и Дашка увидела в его глазах, что он ей доволен. — Тебе известно о Викторе Эвансе?

— Ой… что-то слышала, когда мы были в Альдане в прошлый раз. Вроде он и два его друга первыми решили искать источник зла в Чёрных Гаванях. Дети Ветра — их последователи.

— Всё верно. Но Виктор Эванс вёл дневник, где описывал, как проходят поиски. Теперь у нас есть несколько страниц из него.

— Ты уже читал, что там? — выпалила Дашка так, что собрала на себе взгляды всей банды.

— Описания некоторых мест в пещере, где должен находиться источник зла, — коротко пояснил Николас, но после короткой паузы продолжил: — Мест, где сконцентрирована чёрная магия разных видов. Соединяясь, она оказывает на незащищённых людей самое непредсказуемое влияние. Нам предстоит разобраться, как действует эта смешанная магия. Иначе, войдя в пещеру, мы можем и не выйти. С чистым рассудком.

— Сложная работа, — согласилась Дашка. — Жаль, я тут ничем помочь не смогу. В тонкостях магии не разбираюсь ещё.

— В этом вопросе желание знать всё играет самую важную роль, — он опять показал ей лицо. — Может, ты ещё успеешь. На записи Виктора мы можем не один месяц потратить. А ты, я в третий раз повторюсь, мудра.

— Спасибо. Одного я понять не могу — почему ты в предыдущий раз так меня назвал. Я всего лишь хотела очевидную вещь спросить.

— Именно поэтому. Я слышал твой с Томасом разговор. Как ты поняла, в банде все знают, что иногда приходится хранить молчание. А все, кого мы приняли в наше сообщество вместе с тобой, — нет. Но ни один из твоих приятелей и приятельниц не поинтересовался, почему никто не может сказать толком, куда все идут, и почему именно в такую рань. И тот вопрос, который ты назвала очевидным, тоже задан не был.

— Значит, мне нельзя было спрашивать тоже?

— Нельзя. Но я ответил тебе именно потому, что ты спросила.

Дашка глянула на Джессику и Сашу, которые шли, взявшись за руки и о чём-то разговаривая.

— Могу поспорить, скоро вам придётся объяснять то же самое, что и мне, Джессике.

Подпольный магазин артефактов, очевидно, был таким маленьким, что двадцать человек там бы не уместились, поэтому всем пришлось ждать на улице, пока Николас и Кларисса приобретали сферы. К этому времени уже стало светло, но компания находилась на улице, подобной той, где была ночлежка с абсолютно неподходящим для неё названием «Три грифона», поэтому такая толпа народа не казалась чем-то подозрительным.

Наконец, Николас и ведьма вернулась на улицу. Оба держали по два шара из зелёного стекла.

— Теперь можно и оставить город, — сказала Кларисса. —

Если идти такими вот улицами, часа через три окажемся за его чертой.

Перекусив в первой попавшейся таверне, компания двинулась дальше, и к одиннадцати добрались до окраины (Николас как раз рассказывал о Викторе Эвансе Джессике).

— Вроде нас никто не видит, — Клавьер огляделся: последние дома остались позади, слева и справа простирались лесистые холмы, впереди блестело озеро, за озером — горы.

— Отлично. Пола, держи, — Кларисса дала девушке одну сферу.

Волшебница, сжав зелёный шар обеими руками, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. На неё будто бы подул ветер: волосы Полы стали развеваться, платье затрепетало. Шар вдруг засветился — но больше ничего не происходило. И вдруг вовсе сфера погасла и ветер исчез.

— Что… — Пола испуганно вздрогнула. — Что… Почему?

— Ну-ка, а если я? — Кларисса со сферой, которую сейчас держала в руках, сделала то же самое.

Её так же стало обдувать неощутимым ветром, шар стал излучать такой же свет, но из него ещё вылетали зелёные огоньки, складывающиеся в воздухе в фигуру дракона, тоже светящегося.

Когда огромное существо материализовалось окончательно, сфера рассыпалась на осколки, упавшие в сухую пожелтевшую траву и медленно тающие.

Дракон опустился на землю и лёг, ожидая приказаний.

— Надеюсь, это не то, о чём я думаю, — Кларисса нахмурилась. — Попробуй применить другую сферу. Или пускай эту кто-нибудь использует.

Томас молча взял у растерянной Полы артефакт. Драконов стало двое.

— Произнеси какое-нибудь заклинание, — потребовал у Полы Николас.

Она отчётливо и громко сказала несколько слов. Ничего не случилось, никакого эффекта никто не почувствовал.

— Кому я так не угодила… — пролепетала волшебница.

— У тебя магическая сила пропала!? — ахнула Дашка.

— Да… Чьё-то проклятие, чья-то злая шутка…

— Это кто-нибудь в ночлежке позабавился, — скривился Бруно. — Кто-нибудь из проигравшей в драке стороны.

— Проклятие? Может, я смогу снять? — протянула Алина.

— Ты наше золото, — Пола вздохнула и подошла к ней.

— Ki deki ake maidia er tedes! — Алина вытянула перед собой скрещенные руки так, что ладони её оказались на уровне груди

Полы и были параллельно ей.

Вопреки ожиданиям, перед руками Алины не стал расти сиреневый сгусток магической энергии, который должен бы был проникнуть в сердце Полы. Волшебница повторила. Снова напрасно. И Алина не ощущала усталости, которая накатывала на неё после сотворения сложной магии, а то заклинание, которым она хотела исцелить подругу, было простейшим высшего уровня.

— Амулеты, — севшим голосом предположила Дашка. — Неужели… Ameras foze hino! — выкрикнула она.

Магия не совершилась, заклинание не сработало. И попытка Теоны тоже вышла неудачной.

— Что за амулеты? — ледяным тоном спросила Кларисса.

Теона, сбиваясь, рассказала. Подруги показали колдунье свои последние приобретения, по-прежнему весело сияющие каждое своим цветом.

— У кого вы их взяли? — ещё больше помрачнела колдунья.

— Помните девушку, Хелену? — Алину уже трясло от страха. — Её отец позвал и избил на лестнице. Неряшливая такая девица.

— Не припоминаю. Вы представляете, что это может быть опасным для жизни?

— Эти амулеты? — Дашка пошатнулась.

— Сними его с себя.

Дашка подёргала шнурок, на котором висел камень — его будто приклеили к шее.

— Не получается!!!

От амулетов избавиться не смог никто. Все маги попробовали применить чары. Не помогло.

— Наверняка ваше волшебство уходит какому-нибудь магу. Может, и самой Хелене. А может, она распространяет эти камни по чьему-нибудь приказу и даже не ведает, каким на самом деле свойством они обладают. Но, какова бы не была истина, если у вас всю силу заберут без остатка, вы умрёте. Если вместе с магией камни вытягивают из вас ещё и жизнь, вы умрёте гораздо быстрее, — последнюю фразу Кларисса произнесла на удивление спокойным тоном.

— И… как нам теперь быть? — виновато пробормотала Дашка: то, что с ней постоянно случаются серьёзные неприятности, лишь одна четверть беды, остальные три — то, что из-за её проблем у других голова болит.

— Летим в ближайшее безопасное для нас поселение, — Бруно полез в свою сумку, достал немаленькую карту, расстелил на траве.

Вокруг собралась почти вся банда. Имелось, по всей

видимости, несколько равноудалённых мест вне зоны быстрой досягаемости тех, встречи с кем народ не желал. Не будь ситуация критической, банда через пять минут перессорилась бы, но спорить было некогда, к соглашению пришли быстро: деревня Шельмир на границе земель Элиорамии и Нардимии.

На драконах домчались быстро и без затруднений, но в угнетающей тишине. Бруно что-то отмечал на карте, Николас и Кларисса были погружены в чтение страниц дневника Виктора Эванса, остальные же сидели, будто скованные параличом, причём он поразил не только тело, но и разум. Можно было отвлечься, посмотреть вниз, где хоть и не осталось красоты природы, но города с изумительной архитектурой попадались. Никто этого не сделал. Лишь когда драконы опустились возле деревни, у тех, кто не был занят, появилась живость во взгляде. Призванные существа исчезли один за другим.

А к толпе уже спешил какой-то мужчина, от него на пару шагов отставали двое магов с посохами.

— Кто вы? — заговорил человек, когда подбежал близко и остановился.

— Можете считать нас странниками, — уклонился Бруно. — Остановка наша здесь вынужденная. Нам надо спасти вот этих леди, — он показал на жмущихся друг к другу волшебниц. — Есть ли в вашей деревне храм чёрной магии? Тогда мы тут задержимся ненадолго, я надеюсь.

— Есть, — был спокойный ответ. — Следуйте за мной.

Мужчина, представившийся старейшиной Шельмира, очень скоро привёл компанию к храму. Деревня гораздо меньше Фатоны и проще её. Не встречалось парков, фонтанов или просто богатых, как у Патрика Тейлора, домов, но храм, конечно же, оказался великолепен: чуть-чуть мрачное, из серого камня, здание с витражными дверью и окнами из синего и зелёного стекла, из него же была сделана крыша-полусфера.

Старейшина приоткрыл дверь, заглянул внутрь.

— Айна, примешь ли ты нуждающихся в твоей силе?

— Пусть войдут… — прозвучал томный голос.

— Только всей толпой не вваливайтесь, — проворчал старейшина. — Человек пять. Госпожа Айна не любит, когда в Храме Полной Луны много народу. Может отказать вам, если вы рассердите её.

Очевидно, эта жрица была главной фигурой в деревне.

Пред лицом Айны предстал, кроме пострадавших, Томас. Правда, сперва они жрицу не увидели: в обители чёрной магии было темно, очень слабый свет исходил только от огромной круглой чаши, наполненной бледно-зелёной водой, но

распространялся он только вверх, а в стороны, за стенки чаши — ни на один миллиметр. Парадоксальным образом дневной свет сквозь окна, дверь и крышу в Храм Полной Луны не проникал. Яркие пятна были видны, но солнце оставалось за ними. Не позволено было ему нарушать тёмную гармонию…

Щелчок пальцами — и в помещении стало немного светлее, теперь тут царил полумрак. К чаше подошла жрица и оперлась на неё широко расставленными руками, наклонившись вперёд, к друзьям, стоявшим напротив.

— Приветствую вас, странники, — произнесла тёмная эльфийка.

Айна принадлежала именно к этой расе. У неё была кожа странного, неприятного оттенка, сероватого, абсолютно белые, словно седые, прямые волосы, огромные чёрные глаза необычного разреза — внешние уголки несколько выше внутренних. Одеяние жрицы представляло собой тёмно-фиолетовое платье без рукавов с корсажем. Нельзя было сказать, красива Айна или нет, в её внешности присутствовали и отталкивающие, и притягивающие черты, но она завораживала.

— Говорите, я голова вас выслушать, — велела жрица.

Проблему изложил Томас, озвучив и предположения Клариссы насчёт этого.

— Вы верно думаете. Наверное, силы моего Храма захотят вам помочь. Если, конечно, силы того негодяя, который ворует чужую магию, не начнут оказывать сопротивление.

Тёмная эльфийка приблизилась к ним, оглядела заколдованные камни, от которых надо было избавить подруг, затем посмотрела в воду. Компания — тоже, не успев подумать, что это Айне, может быть, не понравится. Впрочем, жрица позволила им тоже наблюдать, как меняются отражения в чаше. Сначала — лицо Хелены. Девчонка моргнула, и в зрачках её глаз появились два одинаковых изображения — другое лицо, мужское.

— Её отец, — узнал Томас с тихой, но яркой злобой в голосе и пояснил, почувствовав удивление молодых волшебниц: — я видел тогда, как они вместе вышли на лестницу.

— И почему не вмешался? — поразилась Теона. — А как же ваш принцип…

— Эта девушка с отцом просто вопили друг на друга. Она грозилась, что сбежит от него, и в словесном поединке одерживала одну победу за другой, — вздохнул Томас. — А удара я уже не слышал.

— Кому нужна ваша магия, ясно, равно как нет теперь сомнений, что бедная дочь его не ведает, какие страшные артефакты она продаёт, — Айна коснулась пальцем поверхности

воды, и она стала вновь отражать тех, кто стоял возле чаши. — Что ж, приступим.

В её раскрытой ладони появилась колба с жидкостью цвета ночного неба. Жрица вылила половину в чашу, и камни, забирающие у подруг магию, тоже стали тёмно-синими с чернотой.

— Теперь в кровь этого человека будет поступать ещё один вид магии, — Айна усмехнулась. — Она будет медленно убивать его. Если ему жизнь дороже магии — отец несчастной девушки остановит чары, благодаря которым он впитывает магию тех, на ком эти камни. Если наоборот, или же если он понадеется, что сможет как-то побороть моё колдовство, — он умрёт через месяц, днём раньше, днём позже. Чары снимет его смерть. В любом случае вы освободитесь, но если он не выберет первый вариант — придётся ждать.

Все друзья поблагодарили Айну. Одним лишь словом — «Спасибо», но она ощутила всё, что каждый в него вложил.

— Удачи вам, странники, — жрица вдруг улыбнулась, — и терпения. Хорошее дело собрало вас вместе, но трудное. Да вы и сами это понимаете. Я буду вам помогать, насколько моя сила позволит.

— Вы знаете нашу цель? — Дашка догадывалась, но полагала, что Айна скажет что-то, о чём друзья сами не знают — не прогадала.

— Да, и попрошу всех, кто верит в добро, молиться за вас. И ещё: у вас есть два хранителя. Поэтому не бойтесь ничего.

— Что это за люди? — поинтересовалась Алина.

— Это не люди. Это духи. Посмотрите в чашу ещё раз, она вам покажет.

Компания склонилась над водой. Все четверо отражались обыкновенно, но увидели ещё кое-что, вернее, кое-кого.

У Дашки и у Теоны на левом плече сидели странные маленькие существа. Это были дети, непропорционально головастые, почти как летунчики, и глаза у них были очень уж огромные. Самое необычное — возраст ребят было не определить — от десяти лет до пятнадцати. Наверное, это благодаря неестественным глазам, в них заключалось слишком много всего. Дашкин дух был мальчиком со светлыми разлохмаченными волосами, одетый в коричневые штаны и чёрную рубашку с короткими рукавами. У Теоны — зеленоглазая девочка с рыжими кудряшками, в коротеньком белом платьице.

— Ой… Кто это такие? — Дашка ощупала своё плечо, на котором должен был сидеть необычный ребёнок — ничего там не было, она повернула голову, опустила глаза вниз — нет, пусто.

Но в воде мальчик отражался.

— Эртимеры, духи не родившихся детей. Конечно, мне жаль, что вашему сыну не суждено было взглянуть на свет, но… — жрица вздохнула и закончила: — Вам повезло, что его дух начинает превращаться в живое существо.

— Никогда о таком не слышала, — призналась Дашка.

— Это малоизученное и редкое явление. Не все жители королевства об этом знают, что уж говорить о вас, — Айна погладила по голове сначала одного духа, потом — второго, было ясно, что для неё они вполне осязаемые. — Эртимеры в большинстве своем невидимые и бесплотные, в такой форме эти духи бессильны, не имеют разума и никак не могут влиять на мать, и неизвестны обстоятельства, при которых они сначала становятся заметными сначала с помощью магии, потом — невооружённым глазом и затем, быть может, материализуются.

— А как вы поняли, что мы из Большого Мира? — пробормотала Алина. — Или мы каким-то образам себя выдали?

— Ваши лица известны теперь служителю любого храма Альданы, — усмехнувшись, эльфийка посадила себе на ладонь эртимера Дашки и поднесла к лицу. — Какое интересное создание… Этот парнишка был бы величайшим магом, — она улыбнулась ему, а он, кажется, оставался равнодушным. — Магия Огня, чёрная магия, некромантия, демонология — вот, что было бы ему подвластно.

— Великий сын великой матери, — произнёс Томас. — Окажись он демоном, неизвестно, что стало бы, когда он обретёт себе плоть.

— Демоном? Духи умерших до рождения детей могут быть ангелами-хранителями или демонами? — Дашке переставал нравиться этот разговор.

— Это зависит от того, как мать относилась к своему будущему ребёнку. Если любила его, а он погиб из-за болезни или несчастного случая — дух его становится ангелом. Если мать сама желала ему смерти — он будет демоном, — жрица опустила духа обратно на плечо и взяла девочку Теоны.

— А эртимеры-демоны на что способны? — Дашка пыталась вглядеться в лицо духа своего ребёнка, но в его неестественно огромных глазах хоть и могли бы читаться эмоции — их не было ни одной, кроме пугающего безразличия, которому бы молодая женщина предпочла любое другое чувство, хоть ненависть…

— Они любят баловаться проклятиями, — Айна всё любовалась крошечной девочкой, потом снова взяла духа сына Дашки, которому явно симпатизировала больше. — Многие ошибочно считают, что эртимеры могут использовать только ту

же магию, что и его мать. Нет, эти духи применяют те силы, которые есть в них самих, которые проявились бы при жизни. Эртимеры-демоны нередко захватывают разумы людей, окружающих мать, заставляя ненавидеть её. Саму мать могут довести до сумасшествия. Да, они очень жестоки, но в этом нет их вины. Матери их терпеть не могли, и дети не догадываются, что есть какие-то другие чувства. В их представлении людям можно дарить только боль и ничего больше.

Дашкин ребёнок успел ощутить на себе несколько крупиц любви, но потом его стали считать чудовищем, угрозой благополучию королевства… Он оказался сыном ужасного человека, хладнокровного злодея, которому нужен был наследник для того, чтобы получить власть над королевством… Дашка мечтала, чтобы её ребёнок умер. Он был самым надёжным доказательством чёрной силы своего отца — ей было противно от мысли, что эта мерзость у неё под сердцем.

Погиб сын подлеца от священной магии и смертью своей даровал жизнь матери. Она, маявшаяся тогда в обличье вампира, должна была умереть. А он, покидая мир смертных, забрал с собой всё зло, что в ней было. Дашка была ему благодарна. Но ещё больше — за то, что он не выжил, не стал напоминать об отце.

Айна вернула ей духа.

— Вы ничего странного в нём не замечаете? — молодая колдунья снова заглянула в глаза отражения, но в них ничего не изменилось. — Взгляд у него какой-то…

— Жутковатый, не так ли? — жрица рассмеялась. — У эртимеров он долго таким остаётся, зачастую до тех пор, пока они не оживут полностью. Они ведь учатся чувствовать что-то, кроме чистейшей любви или горячей ненависти, постепенно.

— Спасибо вам ещё раз, — произнёс Томас. — Нам пора идти.

— Жду вас в своём Храме в любое время, — Айна опять щёлкнула пальцами, отражения духов исчезли.

— До свидания.

— Я надеюсь, — томно протянула она.

Пятнадцать человек разом повернулись к друзьям, хоть из храма они вышли неслышно. Все ждали ответа.

— Ждать максимум месяц, — известила их Пола.

— А минимум? — последовал резонный вопрос Клариссы.

— Вот этого мы как раз и не спросили, — развела руками волшебница. — Предположительно неделю… Кто их разберёт, этих ненормальных чёрных магов, — она обрисовала всем возможную картину, описанную в Храме Айной.

— Да, не повезло, — усмехнулся Бруно. — В этой деревне мы время зря потеряем. Мы с Клавьером разведали всё: тут нам в нашем деле никто и ничто не поможет. В Чёрных Гаванях никто из жителей не был, нужных книг ни у кого нет, в вопросах магии тут никто не разбирается. На всю деревню три целителя, тёмных колдунов вообще нет.

— Почему же мы должны тут сидеть? — удивился Саша. — Ведь нет сомнений, что с девушками будет всё в порядке.

— Наши три целительницы пока лишены сил, — раздражённо сказала Мишель. — Опасно продолжать движение. Целебные зелья у нас закончились, а в деревне их никто не делает, и, соответственно, ингредиентов не достать. Мы-то рассчитывали добраться к вечеру до поселения Риэмаль, мы там несколько раз бывали — достать можно *всё*. Пешком же до него плестись неделю. Драконов ведь у нас нет уже.

— Да мы вроде здоровые все, — Саша наморщил лоб, не понимая, в чём затруднения. — Конечно, несчастные случаи бывают, но не всенепременно же!

— Забыл, какое сейчас время? — вспыхнула девчонка. — Белая магия чёрную не сдерживает, демонов можно повсюду встретить. Кроме них можно ещё на грифонов наткнуться или на гарпий. Дикие единороги — тоже нечто.

— Убедили, — вздохнул парень.

Виновницы всего этого стояли, потупив взгляды. Им было плохо: стыдно, неудобно. Одной из них — во много крат сильнее, чем остальным трём. Дашка не задумывалась над тем, что жрица была уверена: эртимер молодой колдуньи — ангел-хранитель, и Дашкины вопросы не навели Айну на мысль об обратном.

Он должен проявить себя со временем. Окрепнет его разум, увеличится сила — и все друзья пожалеют, что я иду с ними…

— Эй, не переживай ты так, — одна из близняшек, кажется, Тина, подошла к ней. — У нас не в первый раз планы так срываются, ты не думай. Клавьер вот постоянно лишние приключения на наши головы находит. По-твоему, мы его из жалости банды не выгнали, потому что у него семьи нет и ему пойти некуда? Нет, мы любим его все. Если человек хороший — то он остаётся таким, несмотря на глупости. И вас всех тоже любим.

Зато Мишель в данный момент меня уничтожить готова, и Алину, и Полу, и Теону. Ты, Тина, вообще её бесишь, как я заметила ещё полтора года назад, и у вас это взаимное. Вот и выбрала момент, чтобы подмазаться ко мне. Но я к ней нормально отношусь. Да и сомневаюсь, что ты, узнав мою тайну, от меня не отвернёшься. Умеешь ли ты дружить без выгоды? Пока по тебе не

видно…

Компания медленно шла к постоялому двору.

Глава 5 Лёд и пламя

Прошло две недели. Хоть компания в большинстве своём возмущалась, что это зверски убитое время, дни в деревне впустую потрачены не были. Записи Виктора Эванса изучили досконально, выводы были сделаны неутешительные. Только прямым текстом там было написано, что пещера в Чёрных Гаванях нереально огромна, в ней может расположиться целый город, обитают в ней демоны, среди которых представители одного вида почти не попадаются, и где-то находится в пещере участок, который никто не помнит, как пересекал, в какую бы сторону он не двигался. А уж к каким заключениям пришли знатоки магии (как практики, так и теоретики), проанализировав то, что несчастный Виктор Эванс просто записывал, не осмысливая! Какая только участь не ожидала тех, кто доберётся хотя бы до середины пещеры! Потеря памяти вплоть до неспособности узнать родных и друзей, агрессивность до потери самоконтроля, превращение в оборотня или вампира, приступы чудовищной боли во всём теле, слепота, глухота и немота, полная утрата магических сил или приобретение новых, убийственных, абсолютно неуправляемых…

— И что нам со всем этим делать?.. — Алина пробежалась взглядом по списку возможных последствий визита в пещеру, отложила и взяла карту её, где рукой Виктора были отмечены источники разных типов чёрной магии.

— Эта троица безумцев как-то справлялась. Если бы всё было так плохо, ты бы карту пещеры сейчас не держала, — парировала Дашка.

Был нежаркий полдень, подруги сидели в таверне, отдыхали. Почти вся деревня сейчас была в ближайшем крупном городе, Ридеме, где у жителей имелась работа, и в заведении было тихо.

— Как у тебя с силами? — поинтересовалась Алина.

— Уже лучше. Вся магия низшего уровня мне уже поддаётся, но её только для самообороны достаточно, — усмехнулась Дашка.

— У тебя хотя бы это. У Теоны тоже кое-что получается. Вчера срастила сломанную кость руки одному парню, который повздорил с Джессикой. А я не могу даже царапину убрать или синяк. И у Полы ничего не выходит. Это хранители ваши о вас заботятся, да?

Дашку снова передёрнуло, как и всякий раз, когда кто-то упоминал о духе её ребёнка как о хранителе. Надо было признаться им, но она не могла причинить друзьям даже эту боль. Да, самое жуткое чувство на свете — тихая ненависть.

— Да не завидуем мы, — вздохнула Алина, именно так она объясняла себе подавленность подруги, хорошо зная Дашку, но не ведая о том, до какой степени был противен ей собственный ребёнок. — Мы. За тебя. СЧАСТЛИВЫ!!! — медленно проговорила она с ударением на последнем слове, эти слова она произносила неоднократно, и не только сегодня.

— Я знаю…

— Вот вы где, — в таверну вошла Мишель. — Впрочем, где ж вам быть-то ещё, в этой деревне не развернуться.

— А к нам откуда претензии? Мы не подозревали, что эти камни могут быть прокляты. Мы в проклятиях пока не разбираемся, только магии своей стихии учимся, — буркнула Алина.

— Значит, виноваты Теона и Пола? — Мишель подсела к ним за стол. — Не спорю, Пола слишком хорошо относится к людям вообще, и Теона тем же страдает, но всю вину сваливать на других — я не люблю, когда так поступают.

— Ясно, — Алина на секунду сделала недовольно лицо. — Но ты не за тем ведь нас искала, чтобы отчитывать.

— Нам надо покинуть деревню.

— Наконец-то! — обрадовалась Алина.

— ЧТО!?! — в то же мгновение перепугалась Дашка.

— Айну преследуют видения: в деревню врываются вооружённые воины, находят нас и убивают. Этот кошмар ей ещё и по ночам снится, и в её чаше он отражается, — Мишель облокотилась на стол, подперев голову руками, секунд через десять снова посмотрела на подруг: — Да, огромнейший риск. Но оставаться тут — верная смерть.

— Айна что, ясновидящая? — хмыкнула Алина.

— Подобное со всеми жрицами и священницами происходит. Они общаются с духами, а те настолько мудры, чтобы знать о будущем. Иногда они делятся этим с теми, кто служит им, — Мишель, потерев ладонями виски, выпрямилась. — Сегодня, полчаса назад, Айну вдруг потянуло в сон. Кошмар снова приснился, более жестокий и явственный. Нам надо уходить немедленно.

Шельмир был оставлен. Всё-таки большинство членов банды чувствовало свободу, нежели тревогу. Двигалась компания вдоль реки, по равнине, никаких зловещих лесов не было и в помине, только невысокие горы виднелись. Но скоро пейзаж сменился. Долина, по которой шла компания, постепенно сужалось, горные вершины начинали царапать небо, и вдобавок свершилось явление очевидное, неотвратимое, но в данный момент весьма нежелательное — стемнело.

Река закончилась. Долину преградил лес. Негустой, поэтому, держа наготове оружие, проникли в него.

— Нет, нам в команду нужен маг-призыватель, — вздохнула Пола.

— Это будет слишком хорошо, — возразил Томас, не уловивший, что это наполовину была шутка. — Мы ведь как-то обходились раньше.

— И плутали по небезопасным лесам ночью, — не удержалась от язвительного замечания Алина.

— Бывало такое. Когда-то в нашей банде не хватало и целителей — нам и это не мешало. И в таком положении, как сейчас, мы тоже оказывались, — Томаса это нисколько не задело.

— Хватит вам, — добродушно пробасил Феликс. — Вон, впереди что-то белеет.

Все перевели взгляды в обозначенном направлении. Действительно.

Это был храм.

— Храм Воды, — произнёс Томас, когда компания зашла внутрь. — Вон, фонтан у задней стены. В храмах Огня на этом месте костёр горит, в храмах Воздуха — пар поднимается, в храмах Земли — растёт какое-нибудь священное дерево, — сразу пояснил он для тех, кто в этом пока не разбирался.

— А почему он в таком странном месте стоит? — удивился Дима.

— Для таких путников, как мы, — улыбнулся Томас. — Храмы Стихий разбросаны по всем территориям королевства в самых неожиданных уголках. Духи заботятся обо всех, кто не отвергает помощь. Странники, бродяги — все имеют право.

Уничтожив часть съестных припасов, что брали с собой, легли спать.

Джессика опять устроилась рядом с Дашкой. Они обе смотрели в потолок: там летали, сталкиваясь со стенами и друг с другом и не лопаясь при этом, большие пузыри. Светящиеся, понятное дело. Только отражалось в них то, что должно было: лица восемнадцати спящих человек и двух ещё бодрствующих.

— Неудачное начало, — грустно сказала Дашка.

— Теперь-то мы можем ощутить себя свободными, — возразила Джессика. — Можешь считать, что мы начали путь на две недели позже.

— Но какие ужасные две недели! Я плохо представляла себе, какой у нас будет поход… Но не думала, что столь… скучный. Глупо, да? Мы ведь не развлекаться идём.

— Когда Теона, Пола и Алина восстановят силы, будет повеселее. Сможем позволить себе участие в битвах. Эй, я не

издеваюсь! — воскликнула Джессика, увидев в одном из пузырей, что отражение Дашкиного лица скривилось. — Я до этого дня думала, что путешественникам обязательно приходится с кем-то сражаться, нападают на них постоянно. И вообще я вижу группу странников как группу воинов почему-то. Привыкла всё оружием и силой решать. А теперь понимаю — я ведь не за этим из дома удрала и вас с собой потащила. Не восстание ведь поднимаем.

— Много будет ещё крови пролито, — изрекла Дашка.

— Не говори такого. Мне сейчас эгоисткой быть нельзя. Не то время, не то место.

Вдруг один из пузырей развалился на несколько осколков, будто бы ледяных. Падая, они притянулись друг к другу, вспыхнули огромной и невероятно яркой вспышкой — когда свет исчез, на их месте висело в воздухе, быстро-быстро размахивая крыльями, уродливое существо.

Оно было будто бы изо льда, с длинными тощими когтистыми лапами и огромным клыкастым ртом. Только глаза живые — но больно жуткие, с голубыми зрачками и синими радужками.

Уродец дыхнул на подруг таким холодом, что у них побелели лица и руки.

— Л-л-л-ледяной д-д-д-демон… — кое-как выговорила Джессика, клацая зубами не от ужаса, разумеется, а оттого, что замёрзла.

Плохо совместимое с жизнью падение температуры постепенно будило всех, а пузыри лопались один за другим, порождая всё новых и новых демонов.

— Лов-в-в-вушка? — оторопела Алина.

— Нет… Отст-т-т-туп-п-п-паем, — Бруно попятился к двери.

Это было ужасно. Все, кто пробовал защищаться от демонов мечами: — Саша, Джессика, Джейк, Феликс, Честер, Бруно, Николас, Клавьер, Вирон и Мишель, — падали без сознания. Стоило одному из уродцев дотронуться до лезвия — по клинку пробегал нестерпимый холод, проскальзывал по рукоятке и впивался в кожу болью, безумной до обморока и сопровождаемой бешеным криком. С Анитой и близняшками, травницей и лучницами, стрелы которых не причиняли никакого вреда мерзким созданиям, расправились быстро, дыханием заморозив так, что женщина и девушки покрылись слоем синего льда, такая же участь постигла Полу, Алину и Теону. Остальные, кто мог бы наносить демонам повреждения магией, не в состоянии были что-то сделать — рук не чувствовали, не могли сосредоточиться…

От холода слёзы текли из глаз, тут же замерзали и причиняли ещё большее страдание. Отнимались ноги…

Дашка не могла уже встать с земли. Один из демонов кружил над ней, готовясь последний раз выпустить ей в лицо ледяной пар.

Она так хотела бросить в него огонь. Колдунья уже замахивалась, понимая, что не сможет произнести заклинание, так как была не в силах совладать с тем, что у неё стучат зубы. К тому же, надо было представить тепло в ладони и на кончиках пальцев, а она и пальцев не ощущала.

Демон остановился, разинул пасть — и завопил, из пасти его валил… горячий пар. Создание начинало таять. Остальные демоны повернули морды в его сторону. А в Дашке неожиданно появилось тепло — тепло её магии.

— Jera rei Maire! — заклинание огненного дождя, излюбленная атака молодой колдуньи.

Капли пламени падали, попадая точно в цели, в демонов. Вопли раздирали уши, но эта музыка должна была прозвучать после криков друзей, должна!

От каждого демона осталась только лужа ярко-синей воды, в которой плавал маленький бирюзовый кристалл.

— Что это было… Где я… — не открывая глаз, прохрипела Мишель.

— Тихо, всё кончилось! — Томас бросился к ней. — Нас Дарья спасла.

— Как у тебя получилось?! — пробормотала Кларисса и посмотрела на свои руки, начинающие приобретать здоровый телесный цвет.

— Я не поняла, — прошептала Дашка.

Она действительно не понимала *ничего*. Все сейчас наверняка заговорят о её хранителе. И в самом деле это всё выглядит так, будто Дашку защитило что-то, вдохнуло в неё силу. Но дух, если предпринял бы что-либо, поступил бы наоборот: убил бы ту, что не стала его матерью.

— Откуда они взялись? — Дима пришёл в себя и теперь недоумевал. — Почему в храме?

— Ледяные демоны — порождения стихии Воды, частица сил которой была собрана в храме, — объясняла Кларисса, а взгляд её был невидящим, речь — медленной, словно ведьма в каждом слове сомневалась. — Силы эти в прошлом добрые, добро было вытеснено злом после того, что сделал этот подлец Кеану Мортис.

— У меня от него сын должен был родиться, — Дашка решилась сознаться. — Да, я не хотела становиться матерью. Я была счастлива, когда мне сказали, что я потеряла ребёнка: Мортис исчез из моей жизни без остатка. Я могу уйти. Со мной эртимер-демон, вдруг он и вам навредит? Или зло его

непреднамеренно охватит ещё и вас… Могу прямо сейчас уйти… — на её нижних веках блеснула узенькая полоска слёз.

— Вряд ли ты нам поверишь, если мы все скажем, что нам на это плевать, — Кларисса подошла и села прямо перед ней, придерживая её за голову, чтобы Дашка не отвернулась, — но есть второе обстоятельство: судьба у тебя такая, идти с нами, чтобы совершить великое дело.

— Хватит применять по отношению ко мне и всему, что со мной связано, это слово.

— Ты идёшь с нами, — Кларисса сжала её голову сильнее. — Если тебе угодно, то мы тебя нагло используем, хотим под свет твоей будущей славы. Ну же, в тебе есть доля пессимизма и развитая фантазия, придумай ещё пару доводов.

Дашка не хотела, но улыбка сама по себе появилась на её лице. Секундная — потом повелительница огненной стихии ощутила внезапную невыносимую слабость, перед глазами всё поплыло и в ушах зазвенело.

Она очнулась в просторной, богато убранной комнате, лежа на огромной мягкой кровати, переодетая в шёлковую ночную рубашку. Помещение было обставлено без излишеств: платяной шкаф, письменный стол, стул и большое зеркало, — но мебель была дорогая. Окно в комнате занимало всю стену, вид открывался на море, на далёком берегу его располагался город. Имелся балкон.

— Утро доброе! — в зеркале возникло отражение белокурого юноши лет пятнадцати. — Я, Джерфин Мезотто, рад приветствовать вас в замке Делмар!

— Здравствуйте. Где все? — спросила Дашка первое, что её обеспокоило.

— Занимают комнаты на этом же этаже. Я ещё не проверял, спят ли они. Меня больше интересовали вы.

— И откуда такое внимание к моей персоне?

— Ну, вы неделю в себя не приходили, — протянул Джерфин.

— СКОЛЬКО?!?

— Неделю, — повторил он, наморщив лоб: явно не ожидал такой реакции.

Дашка молча вылезла из уютной постели и стала одеваться. Отражение деликатно отвернулось, а потом, сообразив, что разговаривать гостья не желает, исчезло.

Колдунья вышла в коридор. Из комнаты напротив выглянула Джессика и тут же кинулась обнимать подругу:

— О, Ветры, мы так волновались! Ты так бредила, у тебя жар был — ничем тебе помочь не могли. Ни Теона с Алиной, ни зелья

Аниты…

— Алина? — Дашка отстранила Джессику. — К ней вернулись силы?

— И к ней, и к Поле. И с дневником мы разобрались — у семьи Мезотто великолепная библиотека книг магии. Наметили примерную карту пещеры в Чёрных Гаванях — где какие чары, в каких местах они сливаются и какой эффект дают. Примерно знаем, как противостоять им. Всё отлично!

— Точно? — Дашка начинала успокаиваться. — Когда я узнала, что мы тут уже неделю…

— Мы, наверное, ещё немного тут пробудем. Библиотеку не всю ещё изучили. Для тебя, кстати, несколько книг отложили. Тебе магическую силу развивать нужно. Вопросы все к Томасу и Клариссе, я в вопросы колдовства не вникаю — не дано. Эй, прямо сейчас необязательно! — крикнула Джессика, когда Дашка рванула по коридору прочь. — Эти двое, может быть, спят ещё. Кстати, комнаты их в конце коридора, ты ведь не знаешь ещё.

— А… ну да, — колдунья резко остановилась.

— Осмотри пока замок, он того стоит, — посоветовала воительница, поравнявшись с ней. — Наши раньше полудня не встанут. Тут есть чем заняться — все ложатся под утро. Ты голодна, я полагаю?

— Очень!

— Ну, пошли.

Трапезный зал пустовал, но стол был накрыт на пятерых.

— Обычно в это время к завтраку кто-нибудь спускается, — пояснила Джессика, садясь. — Первые дни нашего пребывания тут нам ещё удавалось собираться за столом вместе, а потом все стали чувствовать себя как дома и перестали соблюдать распорядок. Наверное, — она вздохнула с лёгкой грустью, — у многих ребят из банды это ощущение впервые лет за десять. Вот и вольничают.

— А эти Мезотто терпят, — Дашка последовала её примеру.

— Проблемы из-за нас только у прислуги, а семейство только радуется, — Джессика принялась наполнять свою тарелку. — Чудное оно вообще. И у графа Мезотто, и у его жены было скучное благопристойное богатое детство, поэтому они сейчас стремятся помогать таким, как мы, молодым да безголовым. А помочь *нам* им сами духи велели, — она усмехнулась.

— А как мы к ним попали?

— Нас граф обнаружил. Он в том лесу охотился на демонов. Если демона убить — от него остаётся кристалл с силой. Ради них и охота…

— Я видела такие.

— С ними в алхимических лабораториях что-то делают. Между прочим, в нашем деле штуки полезные.

— Чем? — оживилась Дашка.

— Вопросы не ко мне. Я отвечаю за боевую подготовку, Кларисса — за магическую.

— Ясно. Смело можем двигаться в Чёрные Гавани, — усмехнулась колдунья.

— А ведь это действительно так, — Джессика улыбнулась. — Забавно, если бы не нападение ледяных демонов, мы бы не попали в Делмар, а в таком случае всё наше путешествие было бы вслепую. Оно так началось — мы совершенно не представляли, что за опасность таит в себе пещера, но если бы так завершилось — оборвалась бы и наша жизнь. Впрочем, мы и надеялись на подобное чудо, на то, у нас, кроме идеи, появятся ещё и представление, и возможности. Так и вышло… — она вдруг притихла.

— Что? — Дашка придвинулась к ней.

— Нет, ничего… Две жизни — приемлемая цена за свободу всему королевству.

— Кто… Кого-то не смогли спасти?!

— Мишель.

— Но… Она же очнулась, я видела! — воскликнула Дашка, чувствуя, как в мыслях всё поплыло, и наружу просятся слёзы.

— И Джейк…

— За что?.. — медленно выдохнула она — слова никакие не шли вообще, опустила голову Джессике на плечо и зарыдала.

Откуда такие несчастья? Нет, вопрос даже не в этом, причина очевидна… Почему страдать приходится всем? Дашку хотят довести до безумия — почему именно таким образом? Сколько человек ещё погибнет? И всё из-за того, что когда-то она решила развлечься, позволить Кеану Мортису любить себя… Она тогда не могла предположить, что это он ей манипулирует, а не она им. Ошибка одна — но роковая. Сбылись страхи Анны и Дерика, а этой семье Дашка многим обязана — и такова оказалась её благодарность. Сам Джейк поддерживал молодую женщину больше других (не считая Джесс) и, кажется, любил её. А она его убила…

— Мы сами в шоке, — бормотала Джессика. — Стихией брата была Вода, как помнишь, и разрушающая магия этой стихи и её порождения должны были причинять ему меньший вред, чем всем остальным.

— Доброе… О, Ветры, мои худшие ожидания… — в зал вошла Кларисса и от двери кинулась к подругам.

Скоро вокруг Дашки собралась вся банда… почти вся. И было

от этого ещё хуже.

Зачем вы так любите меня? Отпустите, прошу вас…

Она не слышала собственных слов, многим казавшихся ужасными. Все плохо понимали, каково это — иметь такую тяжесть на сердце, но и примерные представления заставляли цепенеть. А самое кошмарное — в чём-то Дашка права. Логически, но применять к ней логику — многие считали, что это для неё оскорбительно.

Всю следующую неделю Дашку пытались заставить жить. Результаты получались сомнительные. Она покорно занималась теми делами, что ей предлагали, и даже добилась значительных успехов: изучила ещё десяток заклинаний высшего уровня и стала неплохо держаться в седле (добираться до Чёрных Гаваней решили на лошадях, точнее, так решил граф Мезотто и не пожалел для компании лучших скакунов, в связи с этим все много часов тратили на уроки верховой езды). Но это было ей в тягость. Она стала очень раздражительной, злой — ей прощали, и она терзалась тем, что постоянно делает плохо людям, которые столько для неё делают.

— Я за неё боюсь, — Джессика выглянула в окно: Дашка в саду практиковалась в колдовстве уже в управлении собственной стихией, выпускала огонь прямо в деревья, и тот облетал их все, ничего не подпалив, и возвращался волшебнице в руку.

— Она сильная. Справится, — Саша подошёл к любимой, обнял за талию.

— Слишком опасно то, что у неё в душе творится. Если Дарья просто от нас сбежит — это полбеды. Она же хочет, чтобы мы её возненавидели. Начнёт она прикладывать для этого усилия — что получится… А я её всё равно обожаю. Что бы она ни делала, — Джессика повернулась к нему лицом.

— А я думаю, что на такое она не способна.

— Из самых благородных побуждений люди могут пойти на что угодно.

Это был день перед отъездом. Утром, в девять, граф Мезотто с женой и сыном Джерфином попрощались с компанией, к которой успели привыкнуть за три недели, и банда устремилась дальше, к землям Нардимии.

Риэмаля, о котором раньше постоянно упоминала Мишель, а теперь постоянно говорили Томас и Бруно, банда через несколько дней достигла без особых приключений.

Поселение это оказалось на удивление симпатичным городком с чистыми аккуратными улочками, по размеру немного превосходящее Фатону. Банду там хорошо знали. Пока друзья

дошли до постоялого двора, с ними немало раз поздоровались.

— Что-то этот город больно прилично выглядит, — хмыкнул Дима.

— Тебе уже говорили, что здесь продаётся *всё?* — ответил ему Томас с бодрой, уверенной интонацией. — От властей старейшина Риэмаля просто-напросто откупается.

— Тут вроде такие милые люди, неужели они поощряют такую… незаконную деятельность? — Теона в своём духе изумилась.

— Опасные яды тут не достанешь, — заверил её маг. — Здесь рай для типов вроде нас. Да, мы нагло обманываем народ, ты убедилась в этом, когда у нас был оглушительный успех в вашей деревне. Но деньги нам для чего бывают нужны? И для чего мы добываем всякие артефакты и прочие полезности нелегально? В этот раз мы источник зла ищем.

— Кстати, об артефактах, — вмешался Бруно. — Вон лавка Раймерса.

— Святое место, — расплылся в улыбке Томас. — Старик каждый раз радует нас чем-нибудь необычным.

Друзья поняли, почему эта лавка так привлекает приятелей. Товаров тут была куча: от оружия всех видов до волшебных медальонов и колец. Продавец, мужчина с очень длинными прямыми светлыми волосами и разноцветными глазами (один — серый, другой — оранжевый), вышел из-за прилавка. Полы его фиолетовой мантии с синей и чёрной вышивкой стелились за ним, как шлейф.

— Томас Дьюри! Бруно Фреги! Николас Гриффин! Какие люди вспомнили о существовании моей жалкой лавки!

— Мариус, в твоей жалкой лавке мечтают оказаться многие авантюристы, — Томас собирался пожать Раймерсу руку, но передумал — вместо этого стиснул старого знакомого в объятиях. — Счастлив снова тебя видеть!

— Взаимно! — высвободившись, мужчина одёрнул свою роскошную мантию. — Я даже подумываю о том, чтобы сделать вам скидку.

— Сколько раз здесь бываем, ты всегда так говоришь, — ухмыльнулся Томас.

— Нет, я точно решил. Смотрю, в вашем полку прибыло? — Мариус оглядел новых членов банды, на четверых из них он задержал внимание. — Такое впечатление, что я этих ребят где-то видел.

— Они из Большого Мира.

— Моя репутация поползёт вверх, — пропел Мариус. — Так, я вам такие артефакты подберу — непобедимыми станете! Кстати,

огромное вам моё спасибо, — Саше и Диме он пожал руки, Дашке и Алине — поцеловал. — А вы, по-моему, та самая леди Теона, Солнечная Принцесса? — обратился он к молодой целительнице и, не дождавшись ответа, коснулся губами тыльной стороны её ладони. — Ну, а как вас звать? — он обратился к воительнице.

— Джессика, — руку она ему не дала.

— Вот и познакомились.

После телесных контактов со всеми остальными и искренних вздохов по поводу гибели Мишель Мариус вернулся за прилавок.

— Ну, переходим к делу. Что вас интересует теперь?

— Защита разума от магического влияния вот этих видов, — Кларисса выложила перед ним исписанный лист бумаги, — и всё, что увеличивает силу магии стихий. А также оружие, помогающее в борьбе с демонами.

— Если никто не возражает, я начну с новичков из Большого Мира. Кто-нибудь из вас пользовался магическим оружием? Пробовал?

Друзья покачали головами.

— Силы у них хватит, — жёстко сказала Кларисса. — Так что выбирай не то, что попроще, а то, что нам в деле нужнее.

— Без проблем, — пожал плечами Мариус. — Посох Духа Земли, вот, — он взял с полки посох, на конце которого было тонкое, но не очень-то маленькое в диаметре кольцо из металла изумрудного цвета с жёлтым отливом, внутри него — такое же изображение ветвистого дерева.

— Это как раз для меня, — Саша взял артефакт, осмотрел. — И что в нём особенного?

— Даёт тебе неиссякаемый запас магической энергии.

— Шикарно! Можно мне его опробовать?

— Можете прямо на мне! — Мариус перемахнул через прилавок. — У меня защита, видите? — он вытянул правую руку вперёд, у него на указательном, среднем, безымянном пальце и мизинце было по кольцу с оранжевым, зелёным, синим и голубым камнем. — После самых страшных чар прихожу в себя моментально.

— Хорошо! Ki teramize! — выкрикнул он заклятие.

Мариус окаменел, но тут же и ожил.

— Великолепно! Попробуйте ещё раз. Можете то же самое заклинание, хотите — что-нибудь другое. Только не убийственное, от этого мои кольца не спасут.

Саше понравилось демонстрировать свои способности.

— Eimas je niho rede!

Продавец артефактов рухнул на пол. Попытался встать — смог только отодрать голову, но не удержался в таком

положении, его опять притянуло вниз. Во второй раз он и на пару сантиметров приподняться не сумел, в третий — чары перестали влиять.

— Мощно, — похвалил Мариус Сашу, отряхиваясь. — А теперь — повтори те же заклинания, только без посоха.

Заклятие окаменения подействовало так же. Чары притяжения дались намного тяжелее — парень резко обессилил, да и эффект был слабее, с трудом, но Мариусу удалось встать.

— Есть разница? — кивнул он Саше.

— Невероятно! — парень снова взял посох, любуясь.

Похожие (очевидно, работы одного мастера) получили и Дима, Алина и Дашка. Отличались артефакты только символом в кольце, украшающем посох, и цветом металла, из которого украшение был выполнено: синяя волна, голубое облако и красное пламя. Ещё компания приобрела (несмотря на протесты отдельных личностей) амулетов на всех, волшебные жезлы для Клариссы, Томаса и Теоны (колдунье артефакт позволял впитывать в себя все способности убитых демонов, чёрному магу — блокировать их, целительнице — даровать союзникам неуязвимость от магических атак) и несколько сфер, свойства которых для непосвящённых остались неясными.

— Что ж, старина Раймерс — гений! — воскликнул Томас, когда компания покинула удивительную лавку. — Мне каждый раз не верится, что он все артефакты делает сам.

— Что?! — хором ахнули четверо непосвящённых из Большого Мира.

— Идеи он ворует, — успокоил их парень. — Как и расчёты, по которым изготовляются артефакты. Но даже с таким запасом дело это трудное.

— Он занимается этим с пятнадцати лет, — добавил Бруно. — Тогда лавка принадлежала его отцу, впрочем, чисто формально. Папа тихо-смирно, преподавал в университете. Сейчас Раймерс — самый богатый человек города, а Риэмаль — один из самых богатых городов Элиорамии, хоть и по территории невелик.

— Откуда вы его знаете? — поинтересовалась Теона.

— Мы с ним учились в Академии Магии, — протянул Томас. — Я вынужден был уйти после первого курса — он ушёл по желанию. Не видел смысла.

— С таким-то талантом…

Глава 6 Жертвоприношение

— Итак, сила четырёх стихий может разрушить источник зла. Вода — противоположность Огня, Воздух — Земли. Две волны невероятно разрушительной энергии. Они могут уничтожить что угодно, если эта магия в чистом виде. Поэтому что вам нельзя делать?

— Да, я слушаю, — невпопад ответила Дашка, глядя на улицу: там, на площади, играли маленькие дети.

— Нет!! — вспылила Кларисса. — Признайся, какую из мыслей, что я надеялась сейчас до тебя донести, ты поняла последней?

— Для победы нужны наши силы, — Дашка так и не повернулась к колдунье-наставнице.

— Они должны без примеси какой-то иной магии. Понимаешь, к чему я?

— Нет… — проронила она. — Какая я была дрянь…

— Опять! — простонала Кларисса, подходя к ней и опускаясь на колени (Дашка сидела на стуле). — Ну в чём опять ты себя винишь?

— В том, что посмела так относиться к Кристиану. Его отец был мерзавцем, да, но ребёнок почему за это расплачиваться должен был? — молодая женщина словно пребывала в шоке от собственных слов, вернее, давних желаний и намерений.

— Ты Кристианом своего сына хотела назвать? — колдунья ласково взяла её за руку.

— Имя я недавно придумала, — совсем убито произнесла Дашка. — Теперь так хочу вернуть сына… Такое ощущение, что эта любовь, уже бессмысленная, — возмещение сначала моего равнодушия, потом — ненависти.

— Вдруг он тебя простит? — Клариссе вдруг пришли на ум слова утешения, в которые она и сама не прочь бы была поверить.

— Вот прощать он не умеет. Не научился. Не успел понять, что это.

— А вдруг? Сдаётся мне, ты ненавидела Кристиана не потому, что действительно это чувствовала, а потому, что так *должно было* быть. Ты себя заставляла.

— Не знаю.

— Значит, это может быть. Завтра утром мы покидаем Риэмаль, Чёрные Гавани станут ещё ближе, как и наша цель. И без тебя мы не справимся.

Дашка вздохнула и промолчала.

— Отдыхай пока, — Кларисса поднялась, продолжая в упор

смотреть на Дашку. — Ах, то, что я пытаюсь сказать тебе последние десять минут: не смей изучать какую-либо иную, магию, кроме родной, огненной. Если разбавишь свою силу какой-нибудь другой, она уже не сможет разрушить источник зла. Запомни, пожалуйста. Достаточно одного простейшего заклинания, чтобы всё испортить.

Когда колдунья оставила её, Дашка опять повернулась к окну. На площадь к детям спустилась Теона, целительница развлекала их сказкой. Дашка хотела задёрнуть шторы, но никак не могла насмотреться на трогательную картину, хоть каждый взрыв детского смеха вонзал в сердце по длинной раскалённой игле и будто магнитом вытягивал слёзы из глаз.

Когда с наступлением темноты дети разбежались по домам, Дашка ещё чуть-чуть поплакала и задремала, положив голову на подоконник.

Проснулась она, когда часы на площади показывали три. Более глаза закрываться не желали, хотя Дашка расстелила постель и нырнула под одеяло. Организм требовал активности, причём лучше физической. Одевшись, она выскользнула на улицу. По ночному Риэмалю бродить было одно удовольствие: тихо, никаких патрулирующих улицы хранителей закона, пьяниц, стай малолетних грабителей или монументальной комплекции представителей сего неблагородного ремесла, действующих поодиночке, и вульгарно-пёстрых рядов продажных девиц. Вся аморальность в этом городе ушла в торговлю, да и выглядела-то относительной…

Дашка не заметила, как подошла к храму. У входа спала нищенка, молоденькая совсем девушка, худенькая кудрявая блондинка, очень хорошенькая даже в своих лохмотьях. Колдунья достала из кармана плаща несколько монет и положила рядом. Только она собралась уходить, как девушка, повернувшись во сне, задела рукой подаяние — монеты со звоном посыпались вниз, по ступенькам. Нищенка мгновенно очнулась и рывком села, испуганно вздрогнув.

— Это тебе всё, — буркнула Дашка.

— Этого много, — пролепетала девушка.

— Вряд ли тебе будут лишними деньги.

— Они по нашим меркам огромные, да и по вашим, кажется, немаленькие. Мне их на месяц хватит, — девушка таким тоном говорила, словно оправдывалась. — Люди богаче вас столько не подают. Вы сами эти деньги заработали или вам родители дали? Если родители, то заберите, пожалуйста. Вам, может, и кажется, что сумма пустяковая, но это не так. Они, отец и мать ваши, не могут вам такие деньги слишком часто давать.

— Заработок не мой, но получен он, скорее всего, нечестным путём, так что берите.

— Может быть и так, — грустно произнесла оборванка. — Честных денег я недостойна…

— Почему? — в колдунье начал оживать тот энтузиазм, который двигал всю банду, когда она старалась растормошить Дашку.

— Я ребёнка своего убила.

— Подвинься, — Дашка устроилась рядом, на ступенях. — А мой ребёнок погиб в утробе, что меня тогда весьма порадовало. Но теперь мы с друзьями собираемся в одно очень опасное место, у нас есть ответственное дело, а дух моего сына…

— Мой ребёнок тоже не родился, — не дала ей закончить нищенка, но не из-за невоспитанности, а потому, что ей показалось: добрая девушка вот-вот разрыдается, а этого она не хотела. — Но я виновата была. Напилась очень сильно и свалилась с лестницы. Я вообще много пила, и, узнав, что должна стать матерью, себя ограничивать не собиралась, потому что ребёнок меня не заботил.

— Один и тот же грех за нами, — произнесла Дашка. — Только у меня он ещё тяжелее, потому что из-за него все друзья мои ещё намучаются. Двоих уже не стало.

— Его искупить можно, если осознаёшь, — неожиданно сказала нищенка.

— Как?!? — проорала Дашка её в лицо, тряхнув её за плечи.

— Непросто, — она убрала её руки и сжала в ладонях.

— Догадываюсь! В том храме, где я узнала об эртимерах-демонах… я потом тебе скажу, почему раньше не ведала об их существовании… В том храме жрица даже не упомянула о том, что такое возможно — искупить эту вину. Очевидно, подумала, что я не справлюсь… Даже если придётся жизнь отдать, я сделаю это! Я должна!! — колдунья уже кричала на всю улицу, в некоторых окнах загорался свет, слышались возмущённые голоса.

— Тише! — оборванка приложила палец к её губам. — У эртимеров-демонов есть покровительница, Эвилана, все священнослужители её презирают, потому что она принимает у тех, кто молится ей, жертвы. Её можно подкупить. Ни один жрец или священник не посоветует женщине попросить у неё о помощи — для них это равносильно предательству. Но я духам предков не служу, поэтому имею право рассказать тебе.

— Что мне делать!?! Принести ей жертву?

— Да, свою магию.

— Магию? — Дашка сникла. — Она нам нужна. Не только мне, всей нашей компании. Для того самого дела.

— Не бойся, силы ты восстановишь. Но несколько дней после жертвоприношения ты будешь отвратительно себя чувствовать. Магическая и жизненная энергия возвращаться к тебе будут постепенно.

— Ну так как мне проводить обряд?

— Войди в этот храм. Там горит огонь, покайся возле него и попроси Эвилану о прощении. Что дальше — она тебе как-то сообщит.

— Спасибо… Как тебя звать?

— Меланси, — голубые глаза девушки вспыхнули каким-то добрым светом.

— Спасибо тебе, Меланси, — Дашка ответила ей таким же взглядом и крепко обняла.

Потом отворила дверь и сделала шаг внутрь храма.

Внутри он был отделан янтарём и неизвестным в Большом мире кроваво-красным камнем, на стенах шевелились изображения медных драконов, а в центре помещение плясало высокое пышное пламя, периодически принимавшего очертания кого-нибудь. Как только Дашка приблизилась к огню почти вплотную, он стал похож на девушку с посохом и больше не менял форму.

Колдунья говорила долго, постоянно сбиваясь и запинаясь, по несколько раз повторяя одно и то же. Признание вообще-то должно было принести облегчение, но оно её измотало, потому что каждое слово своё Дашка прочувствовала, осознала.

«Я ждала тебя, — полилась приятная на слух речь, когда молодая женщина договорила. — *Если бы духи предков тоже принимали бы плату за грехи, и принимали бы её тоже магией, ты, с твоим даром, смогла бы откупиться от десятка жестоких убийств. Я с удовольствием приму от тебя часть его. Готова?».*

— Да, госпожа Эвилана.

«Отлично. Всеми доступными тебе заклинаниями заставь это пламя заполнить весь храм. Отдай мне всё, что имеешь сейчас, всю свою мощь! Приказываю тебе!»

И Дашка повиновалась. Она призвала все свои силы, окружила пламенем себя, велела ему взвиться под потолок, охватить всё здесь… Магия непрерывно текла от её сердца к рукам, ища выход, рвясь наружу, казалось, что колдунья уже опустошила себя и остатки энергии волшебства покидали её вместе с частицами души, так перемешаны были эти две составляющие.

И вдруг огонь погас, одновременно с этим ноги перестали держать Дашку, она упала на пол, который был почему-то ледяным.

«Изумительно! — воскликнул голос Эвиланы. — *А теперь я попрошу тебя ещё кое о чём. Тебе придётся согласиться. Да, это нечестно, ты ожидала, что мне хватит магии, но такая вот у меня грязная натура, что поделать…».*

— Хорошо, я согласна.

«Я так и думала. На севере Дестарии обитают золотые демоны. Принеси пять кристаллов с их силой в один из храмов Чёрных Гаваней. Вы ведь туда движетесь, мне известно. Их заберёт та, что служит мне».

— А где находится Дестиария? По пути или нет?

«За Нардимией. Совсем скоро. Но вряд ли вы будете идти по тем местам, которые избрали своей обителью золотые демоны. Но ты умна, ты что-нибудь придумаешь, — раздался смех. — *И я заберу твоего демона тогда».*

— Я постараюсь… Нет, я обещаю!

«Ступай», — и священный огонь потерял очертания девушки.

Дашка выскочила из храма. Ей не терпелось встретить день, который приблизит её к цели ещё на некоторое расстояние. К её личной цели.

Меланси на улице уже не было. Деньги она всё-таки не взяла. Что ж, кому-нибудь другому повезёт. Дашка выгребла из кармана ещё несколько монет, добавила к разбросанным. Вернувшись на постоялый двор, она заснула сразу, крепко, и распахнула глаза, увидевшие теряющее розоватый оттенок небо, первая из всей компании.

— Эх, люблю я смотреть, как резко меняется у людей настроение! — воскликнул Томас, глядя на то, как Дашка на коне влетела в воду, подняв миллиарды брызг и расхохоталась, когда идущие ближе всех к берегу Алина и Динара оказались мокрыми.

— А если я впаду в глубочайшую депрессию, тоже радоваться будешь? — она вывела коня обратно на берег.

— Ну, знаешь, если у тебя депрессия — ты о чём-то задумалась. Если ты о чём-то задумалась — ты умеешь думать, что, согласись, недурно, — пришёл к заключению парень. — Только не надо нам сейчас это доказывать, мы в тебе нисколько не сомневаемся.

— Хочешь, ещё раз докажу обратное? — хихикнула Дашка, согласия не дождалась и снова обрызгала девушек.

— Вот только выйди из реки, — пригрозила ей Алина. — Сама мокрая с ног до головы окажешься!

— Ну, вот я на берегу. Жду! — с наигранной наглостью заявила колдунья.

— Готовься, — Алина хлестнула коня веткой, чтобы

разогнать, но животное ей попалось своевольное, в воду вошло культурно, медленным шагом. — Снова, — вздохнула она. — Никто не хочет за меня отомстить, а?

— Конечно, прекрасная леди, — Томас разогнал своего коня и под Дашкин вопль: «Предатель!» — добился-таки того, что все, кто не успели посторониться, получили ещё один холодный душ, впрочем, пострадавшая в долгу не осталась.

И вот так проскочила ещё неделя. Нардимию миновали по окраинным землям, утыканным поселениями, зарабатывая обожание местных жителей тем, что очищали окрестности от демонов и хранителей закона, учили детей, чему могли — военному или магическому искусству, а Алина с Теоной ещё и исцеляли больных и проклятых. Наконец, до границы с Дестиарией остались считанные километры. Дашка решилась затронуть щекотливый вопрос после очередного привала:

— А каким путём мы будем двигаться по следующим землям?

— Что это вдруг тебя заинтересовало? — удивился Бруно.

— Говорят, в Дестиарии полно золотых демонов… Все люди от них страдают, наверное.

— Они к поселениям не выходят, нападают только на тех, кто оказывается на территории, облюбованной ими. Я понимаю твой порыв, безусловно, но в нашей помощи в Дестиарии не нуждаются, — не давал ей надежды парень.

— А где встречаются эти демоны? С ними часто сталкиваются? — Дашка не унималась, но это никого пока не начинало беспокоить.

— На берегах рек, — последовал ответ.

— Но это же опасно! — колдунья постаралась скрыть упрямую надежду в голосе. — Берег реки не лесная чаща, куда по доброй воле не сунешься.

— В Дестиарии полно рек, морей и озёр. Почти все города стоят у воды. На людных берегах демонов не бывает, — терпеливо разъяснял Бруно.

— Но происходят же случаи!

— Происходят, — согласился он. — Но во всех землях Альданы такое имеет место: человек нечаянно забредёт на территорию демонов и не возвращается. Если мы начнём истреблять всех этих созданий, мы до Чёрных Гаваней не доберёмся — работы будет до старости. Демонов много, и постоянно появляются новые.

— Так мы будем идти там, где можно встретить золотых демонов, или нет?

— Почему ты так хочешь сражения с ними?

— Ну… — Дашка замялась, она, хоть и пыталась вообразить

себе этот разговор ранее, не придумала никаких аргументов.

— Так что? — вдруг спросил Николас, которому нравилось Дашкино стремление познавать этот мир, где для неё по-прежнему оставалось много непонятного.

— Кристаллы с их силой… — она решила сказать правду, но осторожно, утаив, зачем ей это. — Говорят, она мощная… Вдруг нам понадобится?

— Нам такая сила не нужна, — тон Николаса резко стал серьёзным. — Где ты об этом слышала, в «Трёх Грифонах?»

— Да! — поспешила соврать Дашка.

— Сила золотых демонов используется в нелегальной демонологии и чёрной магии для превращений человека и воздействия на разум. В благих целях применения ей нет.

Молодая колдунья сникла. Всё гораздо труднее… Теперь очевидно, что Эвилана так нелюбима теми, кто служит в храмах. Но надо расплачиваться за свою слабость почти двухлетней давности. Придётся как-то обмануть друзей, это, наверное, лучше, чем оставить их жизни под угрозой.

— Кроме того, обработка этой силы производится только в алхимических лабораториях, причем хорошо оборудованных. В деревнях и мелких городах, в которых мы останавливаемся, и бедных лабораторий-то нет, — вздохнул Бруно. — Так что если бы сила золотых демонов и нужна была не во вред, а во благо, мы бы с ней ничего не могли сделать.

— Не расстраивайся, — «ободрил» её Томас. — С демонами мы ещё навоюемся, наберём кристаллов, вернёмся в Делмар, там лаборатория есть, и нам всегда рады.

— Да тебе чужая сила вообще ни к чему, — заявила неожиданно Теона, как всегда, с чистейшей искренностью. — У тебя своей много, и какой! Ты в одиночку с ордой демонов справишься!

«Я справлюсь, вы — нет», — но Дашка заставила себя улыбнуться. Придётся ломать голову над тем, как заставить банду идти опасным маршрутом, а ведь надо ещё узнать, какие места кишат демонами. Но альтернативой являлся риск, которому подвергались её друзья — то есть альтернативы не было. Надо хитрить. Да, это для неё противоестественно. Чуть меньше двух лет назад она примерила поведение, чуждое ей — всё закончилось тем, что теперь приходится уже вынужденно действовать таким путём, который вообще-то для неё неприемлем. Не получится ли замкнутый круг? Что ж, тогда вся жизнь будет стремлением уберечь друзей от катастрофы… Зато это цель и смысл.

— Льстишь ты мне, — усмехнулась Дашка.

— Нет, это правда! Скажите же кто-нибудь, что это так! — Теона оглядела всех.

Все подтвердили.

С первыми звёздами компания вошла в очередное поселение, Хардем, жуткую вонючую дыру. Получив комнаты на постоялом дворе, друзья разбрелись по городишку, решив чуть-чуть отдохнуть друг от друга. *Пора начинать.*

Дашку долго ноги носили, причём голова всё никак не работала продуктивно, заполнившись мешаниной из страха, осознания ответственности и маленьких незаметных мыслей по поводу того, как же осуществить задуманное, которому тоже надо было придать более чёткие очертания. Юная ведьма устала, поэтому растеклась по первой возникшей на пути скамейке, стоявшей возле решётки, огораживающей большое невзрачное здание, судя по носящимся во дворе детям, это была школа.

Вдруг — мгновенная яркая боль в затылке и оставшаяся после неё ноющая. В Дашку швырнули чем-то тяжёлым. Она обернулась, столкнувшись взглядом с двумя школьниками, стоявшими метрах в пяти от неё. Один выглядел лет на пятнадцать, симпатичный, с правильными чертами лица, приятель его был младше на пару лет, очень худ и мал ростом. Общей чертой их внешности был не по-детски жестокий взгляд.

— Что, неприятно, да? — пошёл в нападение старший. — А моим родителям было гораздо хуже, когда их истязали некроманты! Проваливай, не раздражай меня!

— Не, лучше мы над ней поиздеваемся, — протянул младший. — И зови остальных, пусть тоже развлекутся.

Внезапно Дашка под его выкрик очутилась за решёткой, на территории школы. Заклинание телепортации, высший уровень. Одарённый ребёнок, если в таком юном возрасте так колдует. А озлобленный какой… Жуткое сочетание.

Старший повиновался приказу младшего и скрылся за углом здания, а коротышка выбросом руки пустил в Дашку цепь, которая должна была сковать её. Колдунья уклонилась, цепь пролетела мимо, но у решётки развернулась и снова понеслась на Дашку. Та отскочила, через три секунды преследование продолжилось. Она, в третий раз подаваясь в сторону, глянула на мальчишку-мага, тот движением руки рисовал в воздухе траекторию полёта цепи. Дашка послала в него змеящуюся полосу пламени, колдун отшатнулся, а цепь, потеряв управление, врезалась в одно из деревьев, посаженных вокруг школы, намотавшись на ствол. Дашкино пламя по беззвучному требованию его создательницы погасло.

Малолетний агрессор вновь атаковал, на этот раз отправив в

молодую женщину стебель вьющегося растения, по всей видимости, способного и задушить. Пару раз увернувшись, Дашка снова с помощью огня добилась того, что колдун потерял контроль над своим магическим орудием, призванным обездвижить её. После второй неудачи мальчишка сменил тактику, стал атаковать молниями, но в цель ни одна не попала: противница не оставалась в долгу и метала в чудовищного ребёнка огонь, заставляя дёргаться, отчего рука его дрожала и магия падала не туда, куда он хотел.

Поединок прервался с появлением второго юноши, приведшего, как его и просил приятель, ещё трёх ребят. Четыре сгустка магической энергии, кинутых в Дашку одновременно со всех сторон, сбили молодую женщину с ног, сверху ударила молния.

Школьники склонились над поверженной колдуньей.

— Что теперь, Лайам? — спросил тот, которого посылали за подкреплением.

— Наложить заклятие немоты и спрятать в подвале. Придумаем потом, что с этой особой делать, — тот, кому Дашка только что сопротивлялась, ухмыльнулся.

— Простите, но за что вы на меня столько зла держите? — Дашка старалась придать голосу твёрдость, но услышала, что он звучит жалобно, от такого унижения стало плохо.

Лайам запрокинул её голову, надавив большим и указательным пальцами на нижнюю челюсть, нагнулся и с нарочитой нежностью произнёс, едва не касаясь губами её губ:

— Потерпи, скоро всё от нас узнаешь.

Под гогот своей стаи он выпрямился, продолжая удерживать Дашку, и предложил:

— Нет, заклинание немоты — это слишком благородно. Вы, леди, считаете ведь простых бедных жителей захолустий вроде Хардема низшей расой, а уж нас, выросших в приюте, и вовсе отбросами. Магия не наш стиль, а ваша прерогатива, я же прав? А мы, ничтожества, можем применять только грубую физическую силу… Что ж, будет по-вашему.

Он замахнулся, чтобы ударить её, но Дашка успела вставить несколько слов:

— Я даже не знала, что это приют! Мне показалось, это обычная школа, в какой и я раньше училась. И я из бедной семьи, то, что на мне дорогая одежда — это так получилось. И поглядите, она вся износилась уже!

— Может быть, она не врёт, — хмыкнул парень, бегавший за остальной компанией. — Но тогда нам придётся тебя отпустить, а мы не хотим.

— Почему вы так… — обречённо простонала Дашка.

В ответ её ударили в живот, в солнечное сплетение, в висок, а потом она уже плохо осознавала, что с ней происходит.

Когда Дашка кое-как разлепила веки — на лице, кажется, живого места не осталось, — то увидела, что находится в кладовой, маленькой и тёмной. Руки и ноги были связаны, а язык отнялся: всё-таки стая соизволила применить магию. Колдунья пожалела, что очнулась, потому что в обмороке адская до слёз боль ощутима не была. Пошевелиться молодая женщина не могла, любое движение оказывалось мучением.

Впервые Дашка заплакала от страха. От этих зверёнышей можно ожидать чего угодно. Убьют они её сразу, будут добивать постепенно, пока количество полученных ею ранений не станет несовместимым с жизнью, начнут практиковаться во вредоносной магии на ней или в некромантии? Вдруг воспитатели и преподаватели этого приюта тоже не отличаются человечностью и позволят детям-нелюдям измываться над ней? Впрочем, последнюю мысль Дашка отвергла: если бы так оно и было, её бы не прятали. Но может быть, что взрослые подарили бы ей быструю смерть, а воспитанники бы растянули удовольствие.

Одиночество длилось недолго: в замке повернулся ключ, в кладовку вошли те, что первыми обратили на Дашку внимание: Лайам и его старший (исключительно по возрасту) приятель.

— Радуйся! — рявкнул старший. — Мы выполним твою последнюю просьбу, ответим на вопрос: почему мы такие нехорошие.

Лайам закрыл дверь. Изнутри запереть её нельзя было, но магия помогла, она же и осветила кладовую.

— Ну, Эризен, выплесни то, что так терзает тебя. Быть может, я ещё и позволю тебе выбрать способ, которым мы её казним. А улучшится у меня настроение — разрешу и палачом быть, — Лайам придвинул к себе какой-то ящик, сел, закинув ногу на ногу.

Эризен опустился на пол возле Дашки, чтобы расстояние между взглядами было как можно меньше, и вся его кипящая ненависть обжигала её.

— Слушайте, леди. Лаборатория Минаурес — говорит ли вам о чём-нибудь это название?

Дашка едва заметно покачала головой.

— А деревня Фривелл?

Вот о ней колдунья знала. Родное поселение Теоны и Шаки. Оно было разрушено кем-то из людей короля, чтобы на освободившейся земле построить какой-то объект, очевидно, лабораторию Минаурес, причём жителей деревни даже не

предупредили, и они не успели покинуть Фривелл. В тот день чуть не погибла от магической энергии Шаки, с тех пор у неё почти не ходят ноги и она страдает от приступов боли, которая несравнима с той, что чувствует сейчас Дашка.

Колдунья хотела склонить голову, чтобы показать положительный ответ, но Эризен её опередил: значит, Дашкин взгляд уже всё сказал.

— Я родился и вырос во Фривелле. Там же чуть не умер. Меня из-под обломков вытащили. Нет, не односельчане — те люди, которые должны были возвести на месте Фривелла Минаурес. Сначала мне выбрали судьбу подопытного животного в лаборатории. Меня поили зельями, которые изобретали алхимики, в том числе и отравляющими. Меня травили существами, создаваемыми демонологами и элементалистами, — проверяли, достаточно ли агрессивны порождения их магии, чтобы нападать на беззащитный народ, подобный жителям Фривелла. На мне испытывали посохи, волшебные жезлы, заколдованное оружие, а также различные препараты, не лекарственные, разумеется. На мне проверяли новые заклятия магии отнюдь не белой. И отдали бы меня в отдел лаборатории, где проводят эксперименты некроманты, но я удрал. Скитался по королевству, терпел унижения и голод, пока не угодил в этот приют. Хотя почему «пока»? Тут всё то же самое. Так что, леди, извиняйте, мне надо отомстить за своё несчастное детство и погибших родителей. И за односельчан, — Эризен тяжело вздохнул, вспомнив об этих людях.

— Ты про унижение ещё говоришь? — разозлился Лайам. — Это моё достоинство оплевали и в грязь кинули! Из-за проклятия ведьмы я взрослею внешне очень медленно, поэтому, попав в приют в тринадцать, вынужден был терпеть постоянные издёвки тех, кто считал себя старше — даже от десятилетних щенков! — это мальчишка говорил уже Дашке. — Мне пришлось искать защиты у Эризена, стать зависимым от него. Он был лидером среди воспитанников, кроме самых старших, четырнадцати и пятнадцати лет — те имели право измываться над ним, но их немного было. Детям своего возраста и мелюзге Эризен приказывал не трогать меня. Потом он, верящий мне, убедил всех, что я его ровесник. Я получил лидерство, но только спустя год. Самый жуткий год в моей жизни.

— Давай сожжём её, — предложил Эризен голосом, лишённым эмоций.

Парню уже не в удовольствие была месть. Он, наверное, смирился уже с давлением приютского диктатора, ставшего таковым из-за его доброты, но напоминания Лайама вызывали

невыносимую обиду и тоску.

— Нет, я вырежу ей сердце. Представляю, ты хотел бы забрать его себе как трофей. Но ты расстроил меня, поэтому не получишь. Сгоняй за ножом, — велел Лайам.

Эризен повиновался беспрекословно.

— Жаль, что мне пришлось сделать тебя немой. Послушал бы твои крики, — притворно огорчился Лайам. — Кстати, я очень надеюсь, что ты лгала нам, когда лепетала, что не из богатой семьи. А то получается, что ни одним аристократом в Альдане меньше не станет, а так хочется!

Стук в дверь и голос Эризена, просящий впустить. Лайам отворил, магией снова запер кладовую, взял поданный нож и медленно стал вонзать лезвие в Дашкину грудь. Колдунье повезло — она в последнюю секунду, когда металл только коснулся её, лишилась чувств.

Глава 7 Теримас

Дашка уже не удивилась тому, что, когда вновь сознание вернулось к ней, обстановка вокруг была другая. Этот факт даже забавлял. Колдунья бы усмехнулась, но разбитыми губами делать это было больно.

Её перенесли в одну из комнат в приюте. Тут явно никто не жил сейчас: ничьих вещей здесь не наблюдалось, кроме её собственной одежды, висевшей на стуле, выстиранной и выглаженной. Все Дашкины раны были обработаны и перевязаны.

Она подумала, стоит ли звать кого-нибудь, заодно проверила, вернулся ли к ней дар речи. Да, всё было в порядке, только голос слегка изменился. Но обращать на себя внимание Дашка не стала. Вполне вероятно, что все дети приюта такие озлобленные. Раздражать их своим существованием представлялось делом небезопасным. Кто-то же принёс её сюда, он должен к ней заглянуть, проверить, как она.

К вечеру Дашке стало казаться, что про неё забыли. Жизнь приюта гремела вовсю, как на улице, так и в стенах здания, по коридорам носились дети, кто-то пару раз долбился в дверь комнаты, где Дашку заперли, раздавались голоса воспитателей. Иногда у колдуньи от ужаса перехватывало дыхание, когда она слышала Лайама и Эризена, проходящих мимо её «убежища». Оба догадывались, кого прячут в комнате, и намеревались найти и украсть ключ от неё, а ночью добить жертву. О ночном происшествии уже было известно всему приюту, причём неодобрение многие воспитанники высказывали весьма своеобразное: почему мальчишки не прикончили представительницу горячо ненавистного всем сословия сразу. Некоторые приставали с расспросами к взрослым, те говорить отказывались. Одно Дашке удалось уловить: кладовку, где её убивали, хотела открыть воспитательница, закрыть там провинившегося ребёнка, поняла, что дверь заперта магией, сняла чары — и помешала местному диктатору и его слуге. Колдунья стала понимать с горечью, что эти двое ходят безнаказанными…

Но в комнату вошла, наконец, молодая женщина с русыми локонами с золотистыми отблесками, с грустными зелёными глазами, в невзрачном длинном сером платье и фартуке. Красавица, если бы не её измученный усталый вид. С ней была девчушка, какая-то тихая, наверное, затравленная воспитанниками. Её коротенький сарафанчик не прикрывал и коленей, а тоненькие ножки девочки выглядели безобразно, все в ссадинах, царапинах и даже шрамах — наверняка выражение

«любви» других детей.

— Тебе полегчало? — встревожено спросила воспитательница. — Будет лучше, если ты ночью покинешь приют, я проведу тебя до ворот. Эта парочка, Лайам и Эризен, стащила запасные ключи от этой комнаты. Они хотят задушить тебя. Тебе есть, куда идти?

— Есть. Это вы меня спасли?

— Да. Меня Керрой зовут, — представилась она. — Это Марианна, — воспитательница подтолкнула девочку вперёд, та пробормотала: «Здравствуйте».

— Знаете, я могу хоть сейчас уйти, — Дашка, поморщившись, поднялась и хотела встать, но Керра её остановила:

— Не надо, лежи. На этих выродков никакой управы нет. А воспитателям всё равно. Они-то тебя не тронут, но если все приютские дети при них с тебя кожу сдирать начнут, даже пальцем им не пригрозят. Была бы ты бродяжкой, нищенкой — заступились бы, но о тебе думают, что ты живешь в роскоши.

— Странно, что на улице меня никто не тронул, — Дашка осторожно опустилась на постель.

— Такой в Хардеме принцип — если кто тебе неприятен, ты пальцем его не тронь и слова плохого не скажи, но когда этот человек в беду попадёт, руки не подавай, — вздохнула Керра. — Но детям всё равно, они не могут сдерживаться.

— Лайаму и Эризену уже по пятнадцать, — парировала Дашка.

— В этом приюте в душе все вечные дети… Марианна с тобой побудет, чтобы ты не скучала. Я принесу тебе поесть, — воспитательница оборвала разговор и ушла.

— Ну, привет. Я Дарья, — колдунья протянула девочке руку.

Марианна только дотронулась до её пальцев, молодая женщина даже не успела сжать их.

— Не буду я на тебе злость срывать, — протянула Дашка. — Может, у вас в приюте так принято, но я этого не делаю.

Девочка, продолжая молчать и испуганно сжиматься, присела на краешек стула, где висела Дашкина одежда. Марианне было неудобно, потому что она старалась не откидываться на спинку, чтобы не помять ничего.

Собеседница из неё явно была отвратительная, просто Керра решила хоть как-то скрасить Дашкино одиночество, а остальных воспитанников оставлять наедине с колдуньей было рискованно. Тут к молодой женщине пришла идея.

— Ты не знаешь, где в ваших землях можно найти золотых демонов?

Ребёнок ахнул, едва не вскрикнул. Дашка сообразила, что про

сферу применения силы этих существ известно многим, но постаралась выкрутиться:

— Моя семья задолжала одному алхимику огромную сумму, а отдать не получается. Старик согласился простить долг, если мы принесём ему кристаллы силы золотых демонов. Сначала он готов был списать нам всё, если кто-нибудь отработает в его лаборатории подопытным, — она вспоминала печальную историю Эризена, которому сочувствовали. — Вызвался отец. Проверил алхимик на нём яд, а о противоядии не позаботился. Так мы лишились главы семьи, и алхимик нам предложил отправляться за силой золотых демонов. Мама беременная, не для неё дело, старший брат работает на четырёх человек, чтобы как-то семью прокормить, у меня ещё две сестрёнки и братик младший. Так что в Дестиарию пришлось отправляться мне.

Во взгляде Марианны появились проблески понимания. Она собиралась с духом, чтобы заговорить, и вот решилась:

— В трёх километрах от Хардема течёт река Теримас. На ближнем её берегу поселение стоит, Деверра, я там жила раньше. Теримас пересекает всю Дестиарию, деля её на две половины, и Деверра — единственное место, откуда можно перебраться на ту сторону земель. До поселения удобно добираться, и вы легко его найдёте. Потом идите от него по берегу, неважно, в каком направлении, и там демоны вас сами найдут. Только… Алхимик вас на верную смерть послал, — тихо сказала Марианна. — Понял он, что не сможете вы ему долг вернуть, и со злости захотел вас извести всех. И противоядие у него было, я уверена.

— А о чём он думал, когда согласился нам сто тысяч одолжить? — изображала Дашка жертву.

— Может, ваша семья чем-то ему не угодила, и он придумал такой повод, чтобы убить вас всех? — девочка опустила глаза; видно, после колотушек приютских детей боялась говорить людям что-либо неприятное или же опасалась напоминать им о болезненном прошлом благодаря стараниям Эризена.

— Я не отрицаю. А расскажешь, какую угрозу представляют золотые демоны?

— Они в огне не горят, а превращаются в какое-либо существо.

— То есть огненная магия против них бесполезна?!?

— Да, самое эффективное колдовство бессильно, — пролепетала Марианна.

— А с холодным оружием против них сражаться можно?

— Вы одна не справитесь, — голос девочки стал ещё тише, приходилось напрягать слух. — Мелкие демоны не нападают группами, где меньше двадцати-тридцати особей.

— Я нашла себе помощников. Мы с ними одолели стаю ледяных демонов, а хуже этих тварей, по-моему, нет никого.

— Золотые демоны огнедышащие, — пискнула девочка, бледнея.

Всех Дашкиных душевных сил, всей её решимости разом не стало. Самой идти к логовам демонов смысла нет, потому что колдунье пламя хоть и не приносит особого вреда, как она убедилась когда-то во время нападения на Фатону, но сама Дашка тоже демонам навредить не может, владея только огненной магией. А брать с собой банду значит привести её на смерть. А времени на размышления нет, уже утром компания окажется в Деверре.

— Если хочешь, ступай, — проронила Дашка в адрес Марианны. — А, дверь заперта…

— Я больше ни слова не скажу! — девочка задрожала.

— Вообще-то, я бы хотела узнать, в кого превращаются золотые демоны, — Дашка задала вопрос скорее для поддержания разговора, чем ради новых сведений.

— Вот этого я не могу всё сказать, — Марианна уже собиралась разреветься. — В птиц грома, это точно, в церберов, в змиев — а больше не знаю… Простите… От них мало кто живыми уходит, так что рассказывать некому, — она всхлипнула.

— Не плачь, — колдунья встала с кровати.

Дашка оделась, как только она застегнула последнюю пуговицу на рубашке, вернулась Керра с ужином.

— Я зайду через час и помогу выбраться. Марианна, тебе пора спать, одиннадцать часов уже, — строго сказала она девочке.

— Не относитесь к ней как к бесправному существу, — вдруг произнесла Дашка. — Понимаю, у вас заведено, но вы же взрослый человек! Марианна, вероятно, была умной, весёлой, а теперь она совсем никакая.

— А в приюте всё плохо. Начну защищать её — дети быстро заклеймят «любимчиком», а за это по их законам едва ли не более суровое наказание, — Керра вышла, потянув за собой Марианну.

Час закончился быстро, Дашка была занята обдумыванием того, как быть с демонами. Мысли расползались, как тараканы, и Керра застала её в тот момент, когда колдунья вспоминала, на какую тему хотела думать полминуты назад.

— Идём.

Они в коридоре первого этажа наткнулись на мальчишек из ближайшего окружения Лайама, тех самых, что помогли справиться с Дашкой. Один плюнул в неё, второй пихнул, третий выругался. Взмах руки Керры — троицу отшвырнуло магической энергией. Во дворе воспитательница и Дашка столкнулись с

Эризеном, невероятно мрачным. Растолкав их, юноша прошёл между ними.

— Прощай, — Керра перестала прижимать к себе колдунью, словно родного ребёнка, которого боялась потерять в толпе. — Желаю тебе никогда не возвращаться в Хардем.

— Наверное, мне и моей компании придётся ступить на улицы этого города на обратном пути. Я удочерю ребёнка из вашего приюта, если выживу, а если нет — перед смертью попрошу об этом кого-нибудь из друзей, — заявила Дашка.

— Воля твоя.

— До встречи, — Дашка сделала ударение на последнее слово.

В кругу друзей её внезапное исчезновение и такое же появление вызвало бурные эмоции, но объяснения Дашки (правдивые, она только разговор с Марианной утаила) никого не удивили. Как выяснилось, всё население Хардема от тринадцати до двадцати настроено по отношению к носителям голубых кровей более чем враждебно, а из всей банды за выходцев из богатых семей можно было принять остальных трёх уроженцев Большого Мира и ещё Томаса. Пока друзья держались вместе, ненавистники опасались не только нападать, но и демонстрировать своё к ним отношение вообще. Когда компания разбрелась — начались неприятности. Дашке больше других не повезло, но друзьям её тоже пришлось невесело. И Томаса, и Алину хотели побить прямо на улице, но им удалось отбиться магией. Сашу едва не порвали в таверне, сломав ему два пальца: на молодого человека накинулось сразу пятеро, из них трое владели неслабой магией. Дима заглянул в другую таверну, где его отказался обслуживать бармен, а при возмущении парня вышвырнул на улицу какой-то громила под гогот посетителей.

— Мне жаль их, — сказала Кларисса уже утром, когда Хардем был уже за километр. — Люди, чьи худшие качества приписали некоторым из нас, истощили их души.

— Да в других городах и деревнях мирным жителям, у которых нет тугих кошельков, тоже тяжело живётся, — возразила Джессика. — Я тоже не прочь отточить боевое мастерство на хранителях закона и прочих людишках, которым власть и деньги заменили мозги. Но в некоторых это всё уживается. В нашей деревне есть человек, Патрик Тейлор. Богаче его дома в Фатоне нет, и Патрик обо всех заботится. Жители Хардема сами себя опустили.

— Если бы у них не было многочисленных поводов, они бы сохранили тепло в сердцах.

— Тебе легко оправдывать их, ты не ощущала не себе их

душевного иссушения.

— Ты тоже, — улыбнулась Кларисса. — Мы разные.

— К огромной моей радости.

Дашка нервно мяла в руках поводья. Вроде бы только что компания ночевала в Хардеме, а уже приближается к Деверре. Задержится там от силы на час, пообедать и купить, чего нужно, а потом пересечёт Теримас, и пропадёт возможность избавиться от эртимера.

Деверра была противоположностью Хардема и похожа на Риэмаль, только гораздо более многолюдная. Представляется возможным отстать от компании, но вот только что это даст?

В ответ на предложение заглянуть в таверну Дашка сказала, что совсем не хочет есть и что она будет ждать всех у моста через Теримас. Никто возражать не стал: в Деверре с ней ничего случиться не могло, тут самая страшная опасность — карманники и уличные воришки, а у Дашки при себе ценная вещь только одна, её посох, который у неё просто так не выхватишь.

Теримас был рекой необыкновенной красоты. Поверхность казалась зеркальной, такими правильными выглядели отражения в воде. Дальний берег виднелся у самой линии горизонта. Береговая полоса белого песка была узкой, метров пять. Почерневшие донельзя и потерявшие листву деревья пейзажа не портили, парадоксальным образом наоборот, украшали. Ветви образовывали изящное чёрное кружево, отражение его на фоне практически белого неба было просто изумительным.

И широкий мост через реку. Хоть жги его, чтобы выиграть ещё немного времени, которое непонятно зачем нужно: ни одна умная идея Дашке в голову не ударила за всё это время, и эта удручающая картина вряд ли изменится.

А впрочем… Дашка привязала коня к дереву, подошла к воде, стала оглядывать местность. Допустим, мост можно поджечь вечным огнём, это одно из сильнейших заклинаний высшего уровня: пламя можно потушить только контрзаклятием, причём оно относится не к огненной, а к белой магии. Это направление хода мыслей представлялось удачным, но сразу вспомнилось, что с недавнего времени в силах Димы замораживать воду — значит, он спокойно сделает так, что река покроется льдом, и компания переберётся на тот берег. Должен быть какой-то выход… Магия — чудовищная сила, она обязана помочь!!

Сила. Её у Дашки с приобретением посоха Духа Огня стало бесконечно много. На самые безумные идеи. Размышляя об этом, Дашка играла с собственным пламенем, заставляя его выписывать на песке разные узоры и имена всех членов банды, в том числе и погибших. Неожиданно колдунья решила проверить кое-что. Она

сделала пламя вечным и направила его на водную гладь. Огонь спокойно пробежал поперёк реки, образовав стену пламени. Те, кто были на мосту, зашептались, несколько человек принялись аплодировать Дашке.

Колдунья скривилась. С одной проблемой разобралась: реку можно поджечь, оставив небольшое пространство на значительном расстоянии от моста, появление компании там наверняка привлечёт золотых демонов… Будь что будет, друзья уже подготовлены к бесчисленным сражениям с демонами Чёрных Гаваней, значит, и с местными порождениями зла как-то должны справиться, что бы ни говорили в Хардеме. Но другая проблема — люди! Надо дождаться момента, когда на мосту никого не будет. Во-первых, в огне все погибнут, во-вторых, колдунья, стараниями которой реку и мост захватывает пламя, одобрения и понимания у окружающих явно не найдёт.

Вдруг Дашкино отражение в реке стало стремительно темнеть, а, когда оно превратилось в чёрный силуэт, поменялись его очертания — опять той девушки с посохом, Эвиланы.

«Ты с магией огня хорошо придумала, — похвалила её эта загадочная особа. — *Тут я тебе помогу, устрою так, что в течение некоторого времени по мосту никто ходить не будет, а все, кто увидят тебя, ничуть не обеспокоятся и не смогут потом вспомнить, что какая-то леди колдовала на берегу, заставляя гореть реку и мост».*

— Да? Спасибо! — восторженным шёпотом ответила Дашка.

«Правильно. Тебе стоит сказать мне спасибо. Я великодушно предложила тебе свою помощь, а не потому решила, что задание это трудное и я, поручив тебе его, обязана помочь. Мне нравится, что ты ценишь мою милость», — с этими дикими словами силуэт снова стал Дашкой.

— С кем я связалась, — пробормотала колдунья, ощущая, как все внутренности сковывает мороз.

Стало ещё страшнее, когда мост опустел. Дашке хотелось бросить всё и сдаться судьбе: друзья всё равно убеждали её, что им безразлично, какие несчастья будет приносить ей и заодно их всем дух Кристиана. Но Эвилана от неё так просто не отстанет, Дашка была уверена. Ведьма, которая с лёгкостью изменяет сознание людей, на многое способна.

Констатировав, что попала в ловушку, Дашка распространяла пламя по всем водам Теримаса и по мосту, соединяющему две половины земель Дестиарии. Взмахнув посохом в последний раз (и жалея, что он у неё есть), колдунья повернулась спиной к реке. Компания появилась, когда мост уже начинал рушиться.

— Что это? — оторопела Алина, глядя на танец пламени.

— Откуда? — глупо спросил Саша.

— Чьих-то рук дело, — проговорила Кларисса дрожащим голосом. — И чьего-то посоха.

Дашку сотрясло разрядом ужаса, но тут же наступило облегчение, так как старшая колдунья добавила:

— Это что-то непостижимое. Для такой мощной магии нужна либо одновременная сила человек десяти, либо такой посох, как у Дарьи, но её артефакт при ней, а второй такой принадлежит правителю земель Линезорфа, Нейшеру Рамини, которого в Дестиарии сейчас точно нет. Десятерых полоумных колдунов бы заметили. Нет, я понятия не имею, как это случилось.

— Вечное пламя, — Николас мрачно созерцал, как горит огонь. — А в Деверре, судя по всему, нет ни одного белого мага, который смог бы снять эти чары.

— Странно, Деверра не захолустье, где знания магии давно иссякли, потому что учителей нет, — протянула Пола. — Нет, это явно развлечения тёмного колдуна.

— Делать-то что? — заныла Динара.

— Тебе, куколка, моё предложение не понравится, но другого ничего нет, — сказав это, Джессика следующую фразу произнесло громко, для всех: — Идём по берегу, где-то эта огненная стена должна заканчиваться! Да, несмотря на демонов! Ждать — это не выход.

Дашка испугалась, подумав, что ей диктует, как поступать и что говорить, Эвилана. Но глаза молодой воительницы сверкали её собственным, Джессики, блеском. Она на коне помчалась вперёд, выхватив меч и не став слушать одобрений и неодобрений компании. Следом рванул Саша, за ним — Теона, спустя пару секунд, сообразив, что боится за любимую, — вдогонку полетел Дима. Всё, процесс остановить было нельзя, в тех, кто ещё сомневался, стоит ли соваться на землю демонов, бомбами разрывались ощущения того, что теперь неприлично стоять и размышлять, когда четверо верных друзей подвергаются опасности, ни одна грань которой не известна.

Дашка тронулась последней. Она чувствовала себя гаже некуда, осознавая лишь сейчас, на какую подлость пошла…

Демонов были не стаи — полчища. Примерно в три раза крупнее ледяных, эти создания и без огненного дыхания были страшны в бою: физически сильные, с мощными челюстями, которые дробили кости. Прямо на глазах у Дашки жуткое существо с золотой шкурой, красивой будто бы в насмешку, отгрызло голову Феликсу, крепкому здоровому мужчине. Колдунья инстинктивно защищалась от демонов огнём, тем самым обратив часть орды в других созданий, впрочем, легче от

этого никому не стало: укусы змиев вызывали паралич, огромные гидры с несколькими головами атаковали по нескольку человек сразу, василискам и медузам нельзя было смотреть в глаза, чтобы не окаменеть…

Но время, отпущенное Дашке Эвиланой, истекло. Маги Деверры смогли погасить огонь на реке, а воины присоединились к компании в этом жутком сражении, общими усилиями уничтожив демонов. Дашка, которую чуть не тошнило от отвращения к себе, незаметно подобрала несколько кристаллов силы.

Пятеро погибших. Динара, которую демон просто перекусил, как нитку, в том месте, где у девушки была талия. Анита, живьём сгоревшая в огненном дыхании созданий. Превращённый василиском в камень Честер. Пола, раздавленная гидрой. И Феликс.

Остальные серьёзно пострадали. В ближайшем госпитале не оказалось сохранивших силу целителей, поэтому восстанавливать здоровье предстояло долго.

— Сходила бы ты на улицу, проветрилась, — вздохнула Алина.

— Я не хочу! — зло ответила Дашка, не посмотрев на неё.

Уже месяц компания находилась в госпитале. Почти все уже были в состоянии вставать с постели, кроме Джессики и Алины, с которых никак не могли снять парализовавшие их чары, и Николаса, ему раздробили все кости в ногах, и сращивали их очень долго.

— Глупо это. Конечно, то, что произошло — адский кошмар, но он прошёл, а исправить ничего нельзя. Да и не виноват никто из нас.

— Виноват, — картина перед Дашкиными глазами сразу помутнела от навернувшихся слёз.

— Первый раз вижу такой талант — обнаруживать причину любой трагедии в себе, — протянула с соседней кровати Кларисса.

— Вы правды не знаете, — прошептала Дашка.

— Потому что той правды, что ты имеешь в виду, нет на самом деле. Сколько бы ты не пыталась убедить нас, мы ни за что не поверим, что ты ненавидела своего сына до такой степени, что он стал мстить тебе так жестоко, — строго сказала старшая колдунья.

Дашка отвернулась к стене. Давно пора признаться в том, что заключила страшный договор с ведьмой, — друзья бы больше подругу не удерживали.

Только две недели спустя она решилась, когда компания перед тем, как продолжить движение к Чёрным Гаваням, вернулась в Деверру, где были похоронены павшие в последней битве.

— Анита, — Николас положил на могилу женщины четыре красивых красных цветка. — Ты с нами с самого начала была, многим из нас заменяла мать.

— Невыносимо. Те, благодаря кому наша банда существует, те, кто однажды собрались вместе ради безумной цели, те, к кому мы потом примкнули, — один за другим покидают нас, — произнёс Томас с печалью, пары которой заражали воздух. — Сначала Мишель, теперь Анита и Феликс.

— От Аниты только месиво из мяса, костей и бывших одеждой тряпок осталось, — зачем-то вспомнила Кларисса, пару раз всхлипнула и зарыдала в голос.

— Теперь мы с тобой и Бруно ответственны за всех, — Николас её обнял. — Когда-то начали это — надо завершить.

Потерявшая сестру Тина плакала беззвучно, на громкие рыдания у девушки уже сил не хватало, все кончились по пути на кладбище Деверры. Все только сейчас поняли, что пятерых человек, надёжных друзей и боевых товарищей, с ними больше нет.

Жестоко было именно в этот момент сознаваться, что трагедия случилась по её воле, но тянуть Дашка не могла.

— Это я подожгла реку и мост.

Заявление высушило у всех слёзы и заставило замолчать.

— Повтори, — потребовал в абсолютной тишине Николас.

— Это моих рук дело и моего посоха.

— Зачем? — без всяких эмоций спросил Саша.

— Мне нужны были кристаллы с силой золотых демонов. Я совершила ошибку, доверившись ведьме по имени Эвилана, обещавшей избавить меня от духа Кристиана, если я принесу ей в жертву свою магию. Ей оказалась мало, она велела мне достать для неё эти самые кристаллы. Затмила всем разум, чтобы меня не заподозрили. Я хотела бросить это, не выполнять приказа, но Эвилана казалась слишком опасной, чтобы её можно было ослушаться, — Дашка говорила, сдерживаясь, намеренно придавая голосу циничную прохладу.

— Известно мне это имя, — жёстко произнесла Кларисса. — С двенадцати лет увлекается демонологией, алхимией и чёрной магией, может управлять эртимерами-демонами. Но я впервые слышу, чтобы она принимала жертвы. Если ей что-то нужно — она сама заберёт.

— Откуда ты узнала про Эвилану? Когда ты успела войти в

контакт с ней? — Николас начинал волноваться.

Дашка ожидала чего угодно, но не вопросов. Зачем? Она призналась, объяснила, почему совершила преступление, — разве что-то ещё нужно? Этого разве недостаточно, чтобы изгнать её? Но ответ Дашка всё-таки дала:

— В последнюю нашу ночь в Риэмале мне не спалось, я бродила по улицам…

— В последнюю нашу ночь в Риэмале ты спала так, будто перед этим тебе неделю глаз сомкнуть не давали, — перебила её Кларисса.

— Я хотела тебя разбудить, показать кое-что, в ту ночь на небе знаки Ветров были видны… извините, заговорилась, — быстро вернулась к теме Джессика. — В общем, я тебя так и не растолкала.

— Как так? — оторопела Дашка. — Я задремала, потом расстелила постель и легла на кровать, но сон не шёл, поэтому я решила прогуляться. У какого-то храма встретила нищенку, она мне посоветовала обратиться за помощью к Эвилане. И я в деталях помню наш с ведьмой разговор в храме, как я отдавала ей свою силу, и это был не безболезненный процесс. Потом чувствовала слабость. И голос Эвиланы отчётливо слышала. А ещё, — она остановилась, содрогнувшись при воспоминании об этом, — перед тем, как покрыть реку вечным огнём, я снова разговаривала с ней. Моё отражение превратилось в её, только было затемнено до черноты.

— Эвилане по силам посылать людям сны и общаться в них с ними, — протянула Кларисса встревожено. — Она решила использовать тебя, поступок в её стиле. Но, сдаётся мне, ей от тебя нужно не только то, чтобы ты для неё кристаллы достала. Дух Кристиана — носитель огромной магической энергии, как нам сказала Айна. Это могло привлечь Эвилану.

— Тебе надо беречь себя, — сделал очевидный вывод Томас.

— Мы с тобой. Мы тебя не отдадим, и Кристиана тоже, — озвучила Теона следствие, одобренное всеми к ужасу Дашки.

— Вы в своём уме? Куда она ещё нас заманит?! — воскликнула Дашка. — А вы должны добраться до Чёрных Гаваней невредимыми!

— Не *вы*, а *мы,* — поправила её Кларисса.

— Нет, я отказываюсь идти с вами! — Дашка отчаянно сопротивлялась. — Вам разве нужны ещё смерти?

— Тебе разве надо, чтобы королевство осталось в кризисе, не встретив новую эпоху? — задал встречный вопрос Николас. — Мы так и будем топтаться на её пороге?

— Я не могу больше причинять вам боль!

— А допустить, чтобы боль испытывало всё королевство, можешь?

— Мрачные мысли из её головы выбиваются труднее, чем светлые, — заявил Саша. — Сейчас с ней бесполезно спорить. Просто не отпускайте её от себя ни на шаг, вот и всё.

— Сама передвигаться будешь или тебя насильно тащить? — полюбопытствовала Алина.

— Сама…

Глава 8 Ссора

— Опять дорога через лес, — демонстративно вздохнул Клавьер. — Почему, если на территории каких-либо земель есть леса, мы обязательно идём через них?

— Проверяете своё терпение, — Дашка безрадостно усмехнулась. — Сможете ли вы вынести всё, что сваливается на вас из-за моего присутствия? То есть нападает. Сначала были ледяные демоны, в западных лесах Дестиарии — оборотни, в чащах Разории — грифоны, в Эльгирдеме — тёмные дриады…

— Можете считать это тренировкой перед сражениями с демонами Чёрных Гаваней, — сказала им обоим Кларисса. — А через леса идём, потому что огибаем крупные города. И тебе ведь не так уж тяжело отражать атаки всего, что набрасывается на нас.

— Мне надоело! — заныл парень. — Тебе легко, кидайся огнём и молниями — и всё. А мне мечом махать. Я устаю, между прочим!

— Нас, магов, колдовство тоже выматывает, — возразил Томас. — Даже сильнее, чем вас — размахивание мечом.

— Вечное противостояние меча и магии, — хмыкнул Бруно. — Вот только пару веков назад все сошлись на том, что обе силы хороши. Холодное оружие не принадлежность грубых и неотёсанных, а волшебство не приоритет изнеженных и избалованных. Подобные рассуждения — такая же дикость, что и истребление вампиров потому, что в десяти случаях из ста они становятся неуправляемыми жертвами своих инстинктов. И не ссылайся на то, что у тебя в мозгах темнота, потому что твоим воспитанием никто не занимался. Про вампиров ты всё сам знаешь, а с одной из представительниц легионов этих созданий был даже знаком лично.

— Я всего-то оправдываю ваши ожидания, — принялся язвить юноша. — Вы же считаете, что я не отличаюсь особым умом — зачем мне вас разочаровывать?

— Вы не хотите помолчать? — предложила Джессика.

— Бруно не положено. Мне, впрочем, тоже. Мне полагается нести всякий бред, а Бруно — объяснять мне, что мои слова таковым являются и как надо думать правильно, — Клавьер не собирался сдаваться.

— Думать неправильно нельзя! — прервала поединок Джессика. — Можно либо думать, либо нет!

— Гениально, — Дашка не сдержалась, улыбнулась.

— Вот видишь, если бы я повёл себя культурно, не развеселил бы её, — Клавьер гордо посмотрел на Бруно.

Дашка тут же убрала улыбку, считая её непозволительной. Радоваться в её ситуации казалось совершенно неприличным. По неясным причинам все верят, что переживут всю месть Кристиана и надеются, что Дашка в это поверит тоже. Кларисса лукавила: все атаки демонов и волшебных существ отнимали очень много сил, передышки между схватками были слишком невелики, чтобы друзья успевали придти в себя. Половину сфер, приобретённых у Мариуса Раймерса, пришлось использовать, целебные зелья тоже заканчивались. Дашка считала, что проще было в каком-нибудь поселении найти колдуна, владеющего чистой магией стихии Огня, чем терпеть её, ходячее несчастье. Не следует дарить друзьям заблуждение, что этот беспредел длиной уже почти в четыре месяца стоит того.

— Тихо! Я что-то слышала! — вдруг выпалила Тина.

— Опять, — вздохнула Дашка.

Внезапно ветка одного из деревьев выхватила меч из ножен Николаса.

— Энты! — обезоруженный молодой человек дёрнул за поводья, останавливая коня. — Эти создания леса могут позволить нам отступить, если мы не станем причинять им вред.

— У вас есть я, — Дашка рассмеялась смехом сквозь слёзы. — Меня они схватят, а вы, герои мои ненаглядные, зачем-то кинетесь меня спасать.

Тут другое дерево сдвинулось с места и вышло на дорогу. Складки коры на нём образовали две щёлки-глаза, под ними появилось дупло вместо рта. Ещё одно дерево, третье, четвёртое — путь был прегражден.

— Мы уходим! — громко объявил Николас, выставив полусогнутую руку вперёд, словно защищался, второй он натягивал поводья, заставляя своего коня развернуться.

Прорываться сквозь строй энтов никто не собирался, а обитатели леса, в свою очередь, не стали никого догонять, сделав лишь несколько шагов вслед ретирующимся чужакам.

— Обойти лес можно? — спросил Саша, когда компания удалилось на достаточное расстояние. — Или двигаться не по этой дороге, свернуть в чащу?

— Этот лес неприветлив. Как правило, если через лес есть дорога, людям позволяется двигаться по ней. Либо *только* по ней, в том случае, если лесные жители не любят посторонних. Когда и дорогой воспользоваться не позволяют — значит, из леса выгоняют, — неожиданно пустилась в объяснения Тина. — Что? — девушка ощутила удивление молодого человека, да и Дашки, Алины и Димы тоже: обычно в роли учителей были Кларисса, Николас и иногда Томас. — Я в Адельтии, эльфийских

землях, детство провела. Обо всём, что может таить в себе лес, я чуть-чуть знаю. И Динара знала, даже больше меня, — Тина поспешила спрятать ото всех взгляд, исказившийся от внезапной острой печали.

— А зачем вообще в лесу дорога, если по ней нельзя ходить? — Диму это нисколько не тронуло, он продолжал сердиться.

— Во-первых, через лес могут направляться эльфы, раса, уважаемая всем лесным народом, или друиды, к которым он тоже относится миролюбиво, — девушка подняла покрасневшие глаза и терпеливо стала рассказывать. — Во-вторых, когда-то жители леса могли быть добрыми. Может, однажды в лесу случилась кровавая битва, и лес с тех пор решили защищать — природа ведь не любит подобной жестокости. Или появлялся тут тёмный колдун, обращающий существ в своих безвольных слуг. Или просто злой дух проник в них после того, как не стало в королевстве мощной белой магии.

— Так что будем делать? — снова спросил Саша, обращаясь не лично к Тине, а ко всем остальным.

— Придётся в обход. Что займёт немало времени, на окружающих лес территориях полно крупных городов, где нам не надо показываться, на дорогах, соединяющих их — тоже. Эти земли, Варфетия, важные для королевства. Людей короля тут нет, потому что пока не существует самого правителя, но ищейки тех, кто собирается поучаствовать в битве за корону, могут быть повсюду, — произнёс Николас.

— Разве то, что мы хотим сделать — плохо? — Теона, разумеется, не могла понять ничего.

— Им господство чёрной магии очень кстати, — усмехнулся молодой человек. — Её нельзя подавить ничем, поэтому никак не докажешь, что кто-то действовал не по собственной воле, а выполнял чью-то. А ещё история Альданы говорит, что и три человека могут поднять такое восстание, которое три тысячи воинов не подавят.

— А почему мы держим путь именно через земли Варфетии? — злился Дима. — Двенадцать земель в королевстве, а мы идём именно через те, где нас меньше всего ждут.

— Никто не предполагал, что этот лес нас погонит, — Тина была недовольна не меньше. — Через него можно было попасть сразу в Шамрейл, последние земли, отделяющие нас от Лейшарда, чьё сердце — Чёрные Гавани. Не знаю, как тебе, а мне надоело, что мы постоянно теряем время.

Несколько пар глаз посмотрела на Дашку. Молодая колдунья не стала напоминать, из-за кого такие потери. Она чувствовала,

что должно тут случиться что-то, что напомнит друзьям гораздо лучше. Испугалась таких мыслей, но опоздала.

Листва зашелестела, семь здоровенных энтов, непохожих на тех, с которыми компания столкнулась десять минут назад, вышли на дорогу, встали. Глаза грозно сверкают жёлтым, кроны трепещут, как от ветра, из дупел доносится ворчание.

— Заражены злым духом, — пробормотала Тина.

— Снова отступаем? — спросил Саша.

— Мы разозлим других энтов, в той части леса не пускавших нас, — девушка нервно сжала губы.

— А какие опаснее? — последовал резонный вопрос молодого человека.

Тине не пришлось отвечать: один из тёмных энтов тряхнул кроной, в ветвях его оказался спрятан улей змиев. Растревоженные существа роем кинулись на компанию. Это был не те змии, в которых превращались золотые демоны, но эффект от их укусов мог оказаться таким же неприятным.

Весь лес взбунтовался: энты появлялись один за другим, и тёмные, и те, что были добрыми, но стали безжалостными, как их собратья, жертвы злого духа. Человеческие вскрики, стук копыт и ржание испуганных лошадей будили дриад, магия их била без промаха. Никто из друзей ничего, кроме преследователей своих, не видел и не слышал, не задумывался над тем, что лесная дорога осталась где-то далеко, — было не до этого.

Дашка не хотела сопротивляться. Её сбили с лошади, но она, хоть и упала удачно, только разодрав плечо, убегать не стала. Колдунью облепил рой змиев, после трёх укусов она узнала, что они ядовиты. А боль, нарастающая, даже радовала. Кажется, даже кости болеть начали, а всё остальное в теле плавилось и перемешивалось. Рой змиев разлетелся, когда ударила зелёная молния тёмной дриады. Убедившись, что молодая женщина почти не шевелится, только дышит, да глаза её открыты, дриада обернулась вдруг гарпией, но не успела броситься на жертву: рухнула на землю. Стрелы в её сердце Дашка не разглядела, перед глазами всё стремительно теряло чёткие очертания, но голос Тины она уловила, а также свист ещё нескольких стрел. Шума, создаваемого змиями, стало меньше, значит, они предназначались им. Но стрел на всех не хватало.

На грязном буро-коричневом фоне появилось яркое пятно — Тина. Она схватила Дашку, потянула на себя, но стоять колдунья не могла. Тащить пострадавшую на себе было затеей неудачной, так как Дашка хоть и была ниже Тины на голову, но была тяжелее, а коней своих и девушка, и колдунья потеряли. Быстро подобрав посох Духа Огня, Тина попыталась создать волну

пламени, но сил было недостаточно даже для вспышки.

— Что же я делаю, — опомнилась лучница. — Эй, Дарья, ты сможешь защитить нас?

Дашка удивилась сама себе, когда согласилась. Тина вложила ей в руку посох, колдунья описала в воздухе магический символ (такие могли заменять вербальные заклинания, а у неё сейчас язык заплетался, внятно она бы не произнесла нужных слов) — начался хаос.

Огонь перекидывался с ветки на ветку, с дерева на дерево. Абсолютно сухие, они загорались так, что становилось страшно даже Дашке, хоть ей собственная стихия не могла нанести вреда, и Тине, вокруг которой колдунья сделала магическое защитное поле. Крики дриад оглушали, поэтому у Дашки осталось одно только осязание. Она обняла подругу, боявшуюся гораздо сильнее, та что-то бормотала.

Когда огненная стена исчезла, перед лучницей и колдуньей стояли три хранителя закона. Дашка догадалась по обилию зелёного, цвета форменных мантий стражей порядка, Тина просто видела, но предпочла бы, чтобы на их месте была толпа разъярённых энтов.

— Вот теперь все, — констатировал один из «зелёных мантий».

— Да, сообщи своим ребятам, — кивнул другой.

В тюрьму Дашку и Тину доставили из всей банды последними. Камера, в которой друзьям предстояло ждать суда, была переполнена.

— Тина, Дарья, это вы? — донёсся откуда-то голос Вирона.

— Да, — отозвалась девушка, помогая Дашке сесть.

— Дарья что, тоже зрение потеряла? — обеспокоилась Кларисса где-то рядом.

— Ага, — такой же немногословный был ответ. — А что, многих из наших постигла такая участь? Бедняга Вирон, как я понимаю, лиц разобрать не может, кто-то ещё пострадал?

— Томас и Дмитрий, — голос старшей колдуньи удалился. — Теона хотела помочь, за это охранник её поколотил.

— Я его убью! — взвыла где-то Джессика.

— Нашу воительницу к стене приковали, — доложила Кларисса снова вблизи — значит, ходила взад-вперёд. — За попытку накинуться на охранника, когда он первый раз ударил Теону.

— Как нас вообще нашли? — недоумевала Дашка.

— Дым над лесом заметили, — сказала Кларисса как-то странно, холодно. — Все подробности в приговоре озвучат.

— В каком? — колдунья вздрогнула.

— В смертном. И, пожалуйста, помолчи сейчас, — попросила Кларисса.

Два человека обняли Дашку с двух сторон (Теона и Саша), кто-то сел перед ней (Алина). Клариссе было не по себе: то, что талантливая ученица внушила себе и старалась вбить всем, начало въедаться в её сознание. Дашка — лишь орудие, с помощью которого компания готовится уничтожить источник зла. С ней тяжело, очень. Но без неё будет совсем невозможно, когда банда доберётся до цели. Иначе можно было бросить её в первом попавшемся на пути поселении. Она хороший маг, с такой силой не пропадёт. Пропадёт компания, если будет обладательницу силы таскать за собой. Кларисса сейчас тяготилось виной, проявляющейся каждые несколько минут в новой форме. Зачем обманывала несчастного ребёнка (почему-то в девятнадцатилетней Дашке двадцатишестилетняя Кларисса видела именно ребёнка), убеждая его, что все беды, которыми его оделяли, — это не помеха на пути к цели? Вот, она уже думает про цель, хоть и благородную, но забравшуюся выше дружбы и привязанности. Уже невозможно сказать: «Какие бы катастрофы из-за тебя не случались, мы тебя всё равно *любим*». Нет, договорить получается только: «…это не помешает нашим *планам*, поэтому мы не видим ничего предосудительного в том, что тебя любим». Зачем вдруг на это чувство отвлеклась? С таким сарказмом ребёнок отзывался о готовности компании сознательно обрекать себя на трудности, потому что Друг им дороже. Это же действительно глупость! Те, кто правда думает, что цель и интересы не могут стоять превыше всего, долго не живут. С другой стороны, главный закон жизни, о превосходстве идей, — это скорее стадное чувство. Да, так жить легче, но столько при этом теряется! Эти две мысли тесно переплелись и срослись в одну, которая сидела в голове чудовищем. Оно сожрало время: Кларисса не чувствовала хода часов и удивилась, увидев, что наступила ночь и многие уже спят.

— Ты грустишь, — заметил Николас.

— Что мы наделали? — красавица-ведьма вдруг стала беспомощной.

— Похожим вопросом задавалась Тина, у бедной девочки чуть случилась истерика. — Он, сидя на каком-то тряпье, подвинулся, чтобы было место и Клариссе. — Я её успокоил. А раньше она меня побаивалась. Тина… и Динара тоже, — он на секунду прервался, сдерживая наворачивающиеся слёзы, — всегда Аните плакались.

— Она отнимает у нас всё! — колдунья вцепилась в подол

собственного платья, чтобы не начать заливать эмоциями всё вокруг.

— Дарья? Не стану отрицать: не будь её с нами, смерти Динары, Аниты, Полы, Мишель, Феликса, Честера и Джейка можно было бы избежать.

— Николас, не уходи от правды. Угрозы для их жизни вообще не было бы, если бы не эта девчонка! — она прижала согнутые руки к груди, не замечая, что по-прежнему сжимает подол платья и что этим движением она обнажила ноги.

Некоторые из заключённых оживились. Кларисса, спохватившись, замахнулась, но выброса магической энергии не произошло. Раздался мерзкий хохот, от которого передёргивало, и недовольный окрик тюремщика в коридоре.

— Тут блокиратор чёрной магии где-то находится, — произнёс Николас. — Чтобы при помощи волшебства никто не сбежал.

— О, Ветры, как же мне плохо, — простонала Кларисса и прошептала следующие слова тихо, только для друга. — Как ты можешь так спокойно мне это говорить? Знаешь ведь прекрасно, для чёрного мага нет большего унижения, чем перед лицом врага оказаться без силы.

— Какие они тебе враги? — Николас улыбнулся. — Дураки они. На них и магической силы жалко.

— Это формулировка такая. Те, кого надо поставить на место, тоже входят в понятие «враги».

— Ну и что? У дураков места нет, так что ставить их некуда.

— Предположим, так и есть. Но мы не об этом говорили. А про Дарью, — Кларисса запрокинула голову, смотря в потолок, точнее, в маленькое окошко под самым потолком.

Небо было звёздное, романтически-красивое.

— А что мы можем поделать? Она нам нужна. И мне жаль её. Она могла бы чего-то добиться в жизни, а, ощутив себя виновной в гибели семерых человек, хочет сделаться незаметной.

— Ощутив? Ты полагаешь, ощущения её обманывают? Какой бы умницей Дарья не была, она притягивает к себе трагедии.

— А ты ей веришь? Если бы не стало известно, что она потеряла ребенка и была этому рада, и дух её сына начал мстить, ты же не подумала бы, что смерть бегает за нами по этой причине? — Николас повернул лицо подруги к себе, и руку не убрал. — Так что твоё предположение — это её предположение, которое вовсе не обязательно правильное.

— Но я не смогла переубедить её, и никто из нас — тоже, — Кларисса дотронулась до руки Николаса, тоже не поспешила убирать свою.

— Почему-то от неверных убеждений отказываются труднее.

— Почему ты ничуть не взволнован? — выпалила колдунья, хотя сама нервничать стала меньше.

— Разговор с тобой укрепил мою уверенность в том, что дело не в Дарье.

— А в чём? Стечение обстоятельств?!

— Бывают и не такие совпадения, поверь.

— Всё равно мне непонятно твоё спокойствие. Ты и смерти не боишься? Нас без суда казнить собрались из-за того, что Дарья устроила пожар в лесу, оказавшемся священным!

— Тина попросила её. Я, признаться, от нашей девочки с эльфийской кровью не ожидал такого. Огонь и, соответственно, маги, владеющие этой стихией, а также те, кто их сопровождает, — самые страшные враги леса. А между лесными народами существует связь, и нас, вероятно, из других чащ будут не только гнать, но и пытаться убить.

— Ты мне врал, что ты не маг, — произнесла Кларисса, кровь её нагревалась. — Ты сейчас что-то делаешь со мной. Я не могу злиться, кричать, бояться — хоть и хочу. Пошевелиться не могу.

— Нам духи предков должны помочь. Даже если нам придётся подняться на эшафот — это будет не конец. Нашему делу пропасть нельзя, а они мудры, и не пожалеют для нас своего могущества, спасут нас. Нет, мой пульс не участится ни на один удар, когда я буду на эшафоте. Только если палач не позволит, чтобы наши последние желания были исполнены…

— И каково было бы твоё последнее желание?

Красавица догадывалась, в чём оно заключается, и надеялась, что предчувствие её не обманет, поэтому закрыла глаза чуть ли не прежде, чем Николас стал приближать лицо к ней. Мешающий капюшон она откинула. Этот человек никогда его не снимал, и Кларисса не понимала сейчас, почему. У него были мягкие волосы, длинные, густые. Когда колдунья отстранилась от него, чтобы разглядеть, увидела: у Николаса глаза великолепные, серые, радужка обведена ярко-синим. Цвет их был холодным, но невозможно было представить, что взгляд этот может быть ледяным. Он растапливал всё, согревал. Ресниц касалась тёмная неровная чёлка. Кларисса убрала её, чтобы не лезла в глаза, и теперь сама поцеловала Николаса. Через час или полтора, когда он уже спал, ведьма обратила внимание на то, что на вид он совсем молод, года двадцать три, а может, даже меньше. До появления новичков в банде он был, выходит, самым младшим, если не считать близняшек и Клавьера. Но он опытней, чем вся банда, вместе взятая. *Сколько же тебе лет, Николас? Да и кто ты такой? Про тебя ничего не известно, совсем!*

Наутро никто спокойствия Клариссы и Николаса никто не разделял. Часов в семь явился тюремщик за теми, у кого резко упало зрение от яда змиев вчера: за Дашкой, Томасом и Димой.

— Не позволим мы вам такой роскоши, чтобы не видеть лица своей смерти! Наш целитель лишит вас этого удовольствия, — и тюремщик расхохотался.

— Какой тут подвох? — заподозрила очередной беспредел Джессика, когда двух магов и колдунью увели. — Теоне не позволили их вылечить, а своего целителя решили напрячь.

— Я когда-то сидел в тюрьме, при которой была алхимическая лаборатория, — судя по тону Николаса, он собирался сказать весьма неприятную вещь, так и было: — На заключённых, нуждающихся в медицинской помощи, проверяли лекарственные зелья вместо того, чтобы дать им проверенное средство. Иногда алхимики нарочно «путали» препараты для зелий, причём так, что вместо лекарства получался яд. Но такие дела творились обычно по чьей-то просьбе, если кто-то был заинтересован в том, чтобы какой-то из заключённых не вышел на свободу.

— Ни Дарья, ни Томас, ни Дмитрий никому мешать не могут, — неуверенно протянула Джессика, на утверждение это не походило, воительница скорее желала получить ответ.

— Тем более что нас всех собираются казнить, — напомнила Кларисса.

— Я просто так сказал, — хмыкнул Николас. — Зарисовки из жизни, только и всего. Может, при этой тюрьме и нет лаборатории. Просто вместе с исцеляющей магией на человека можно наложить какие-нибудь защитные чары, и он и пытки преспокойно выдержит, и, если чары высшего уровня, станет на время бессмертным, так что казнить его тоже не получится.

— Хватит ребят запугивать. Ужасы будешь рассказывать, когда мы вырвемся отсюда, — Кларисса вела себя так, будто ночью ничего не произошло.

Николас ничего не ответил. О его странностях все знали, поэтому не могли сказать, замолчал он потому, что обиделся, или наоборот, его это нисколько не задело и он не стал наносить ответный удар словом. Лицо его, как всегда, скрывал капюшон, и выражения никто видеть не мог.

— Кларисса, можно я задам глупый вопрос? — подал голос Саша и рискнул озвучить, что вертелось на языке, не дождавшись разрешения: — Когда нас поведут на эшафот, мы сможем воспользоваться магией?

— Спасибо, что предупредил насчёт содержания вопроса, — ведьма усмехнулась. — Если бы это было реальным, ни один

уважающий себя маг не оказался бы на виселице, на костре или у плахи.

— Но ведь не известно точно, что магию в такой ситуации применить нельзя, — возразила Джессика.

— Ты не маг и не можешь об этом судить, — Кларисса не собиралась выслушивать иное мнение и вообще считать, что такое существует. — Сила мага — всё для него. Он ни за что не откажется от неё, можно лишь насильно отнять у него магию.

— Будьте благоразумны! Противопоставление меча и магии — пережиток прошлого, — Клавьер вспомнил фразу Бруно и передразнил приятеля, при этом подняв указательный палец вверх и покачав им.

— Но гордыня магов имеет место и сейчас, — проронила Джессика, по-доброму взглянув на парнишку.

Кларисса отошла в угол, подальше от компании, села, уставилась в пол.

— Она всегда такая? Мне искренне жаль, что вам приходится её терпеть, — Джессика закатила глаза.

— Ну с присутствием Дарьи мы тоже кое-как миримся, — не осталась в долгу Кларисса.

— Так она не виновата! — начала была свою главную песню Теона, но наткнулась на новую грубость тёмной красавицы.

— Тебя послушать, так в этом мире вообще виноватых нет, все беды сами собой происходят. Запомни, девочка, за любые поступки единственный ответчик — тот, кто их совершает. Дарья знала, чем её история может обернуться, но всё равно шла с нами. И я имею право её обвинять в том, что она виновата в гибели тех, кто нам был дорог.

— Что ты говоришь! — выкрикнул Николас. — Ты раньше Дарье и думать не давала о том, что все трагедии из-за неё происходят, а теперь?!

— Прости! — страдальчески воскликнула колдунья. — Но пойми меня, я не могу так легко принять смерть тех, кого почти считала своими родными! словно я потеряла братьев и сестёр.

— Для нас эта потеря такая же тяжёлая, — произнёс Бруно. — Надеюсь, у тебя истерика. Не представляю, если твои слова — это серьёзно.

— Что, правда глаза колет? — Кларисса выходила из себя. — Из-за этой девчонки всё! Чем она хороша настолько, что можно терпеть всё, что она приносит нам? Она очевидная помеха, и это ничем не исправить и не затмить! Мы все взрослые люди, понимаем, что нежное чувство вопреки чему-то — излишество, огромное и мешающее.

Алина, Саша, Джессика и Николас в одну секунду крикнули:

«Замолчи!», «Прекрати!», «Закрой рот!» и «Ложь!»

— Ты утверждала обратное ещё два дня назад, — сказал Бруно грустно. — И это слегка коробило, такие бескорыстные отношения разве что в легендах сохранились. Это казалось смешным и наивным. А теперь я убедился, что наивны как раз мысли о том, что друзья должны быть инструментом для достижения целей. И понял, что эта мысль хоть и бред — она верная… Поздравляю, ты меня совсем запутала.

— Я рада, что ты начал это понимать.

— Как раз таки я совсем запутался, — пробормотал Бруно.

— Я была о вас лучшего мнения, — заявила Джессика.

— Какая же ты дура, — хохотнув, красавица посмотрела на неё высокомерным взглядом. — Ничем не отличаешься от своей сестры. Думала о нас как о благородных разбойниках, которые друг за друга горой стоят? Большая дружная семья — мы такие в твоём представлении были, да? Ты так счастлива была, когда с нами познакомилась, говорила, что потеряла веру в таких людей, как мы, для которых жизнь это не забег по трупам. Что мечтала встретить подобных нам. Так вот, таких людей не бывает! И не ищи их! Не пытайся разглядеть в ком-либо! Не усложняй себе жизнь!

— Не оскорбляй мою сестру! — этот крик Джессики, наверное, пробежал по всем тюремным коридорам и отдался в каждой камере.

— Эй, вы, тихо! — донеслось из-за стены.

Компания бросила выяснение отношений, но все изнемогали от злости или от непонимания.

Когда в камеру вернули троих друзей, ни Кларисса, ни Бруно, ни Николас не проявили никакого участия. Остальные засуетились:

— Живы?

— Что с вами делали?

— Как вы себя чувствуете?

— Вас никакими зельями не поили?

— Зрение вернули?

После первых вопросов выкрики стали сливаться в шум, сквозь который пробился голос Томаса:

— Дали какой-то гадости, теперь нас всех мутит. Очевидно, хотели поглумиться над нами. Могу поспорить, что нам магия лечения Теоны не поможет.

— Зелье, случайно, не тёмно-фиолетовое было? — спросила Тина.

— Оно самое.

— Да, ты прав — тюремщики хотели поиздеваться. Это

эликсир «Орлиный глаз», его надо разбавлять водой, пока он не станет бледно-сиреневым. В противном случае вызывает десятки побочных эффектов, — вздохнула девушка.

Тут Дашка застонала, схватившись за живот. Ей было хуже всех. И все сразу вспомнили разговор, случившийся в этой камере полчаса назад.

Глава 9 Наставница

Дашка, конечно, не понимала, почему некоторые друзья стали слишком уж навязчиво проявлять заботу, а некоторые — наоборот, игнорировали молодую колдунью, оставаясь равнодушными даже тогда, когда физическое страдание заставляло её стонать. Соседи по камере слишком пристально следили за ними всеми: они с нетерпением ждали, что Кларисса выскажет Дашке всё, что о ней думает, и начнётся потасовка. Кое-кто из компании опасался, что кто-нибудь из заключённых решит сам спровоцировать скандал, поведав колдунье об отношении Клариссы к ней.

Всё пространство камеры пропиталось напряжением, одно неверное слово могло отразиться криком и пусканием в ход кулаков. Приближался час казни, и отдельные личности стали как-то сочувствовать осуждённым на смерть, но большинство хотело зрелища.

— Из-за такой пигалицы столько шуму, — вдруг нарочито громко вздохнул парень, у которого через всё лицо тянулись четыре полосы шрамов от чьих-то когтей.

— Ты про кого сейчас сказал? — подскочил к нему Саша.

— Все вы называете её Дарьей. Полагаю, это и есть её настоящее имя.

Маг наотмашь ударил его в висок, повалив на каменный пол, и молча отошёл.

— Что он имел в виду? — спросила Дашка с заметным напряжением.

— Говорят, у тебя какая-то уникальная сила, из-за которой твоя компания не может тебя прогнать — парень с обезображенным лицом поднялся на ноги, кровь быстро втянулась в рану, тут же исчезнувшую. — Что-то по тебе не видно. Твоя магия даже действие эликсира подавить не может.

— Я буду рада, если сила от меня уйдёт, — спокойно ответила на хамство колдунья.

— Что? И эту девицу считают магом? — ухмыльнулся он. — Ту, что оскверняет великую силу волшебства такими словами? — теперь парень заговорил серьёзно: — У меня был магический дар. Выдающийся. У меня его отняли насильно, выкачали из меня всё до последней частицы волшебства. Это были люди короля Мартина, к огромной моей радости покойного. Я был очень беден, поэтому считался бесправным существом. Они искали в нашей деревне чародеев, чью силу можно было бы забрать для каких-то целей короля и его придворных магов. Так меня лишили

моего волшебства. Я владел и тёмным, и светлым на высшем уровне, магией Земли — на среднем. Я мечтал создать защитный барьер вокруг нашего поселения, чтобы нас оставили в покое, наших детей и родителей. Теперь же я никто. У меня осталась лишь способность к регенерации, но только зачем мне это, если жить теперь незачем? Почему тем, кто не ценит ту мощь, которая ему дарована, магия дана в невероятных количествах, а нуждающиеся в такой силе, остаются без неё? За что это? Великие Ветры, как вы можете допускать такую несправедливость!

— Не обращайся к предкам с обвинениями! — неожиданно рассердилась Кларисса. — Я с тобой согласна, но, раз так происходит — когда-нибудь это закончится хорошо. Если несправедливость совсем нестерпимая — награда будет бесценной. Дарье сила не нужна — она нужна всему королевству. Ты и понятия не имеешь, кто мы.

— О! Ты начала верить в сказки! Всемогущество Великих Ветров, мудрейших духов предков, — это такая же сказочка, как и о бескорыстной дружбе, — фыркнул парень.

— Ты меня не понял, — Кларисса приблизилась к нему и произнесла, глядя ему прямо в глаза (ведьма и бывший маг были одного роста, и взгляды, оказавшись на одном уровне, сцепились). — Хороший конец наступает после невероятных мучений и лишений. Ну, или после нечестных деяний. Мы уже настрадались.

— Нет, тут мне всё ясно, — не терял наглости парень. — Имея в компании Дарью, вы увязли в горестях, ты ведь про это сама говорила!

— Тебе не было смысла мне врать! — выкрикнула Дашка, встав с пола и сбросив с себя руки Теоны, массирующие её голову. — Я же предлагала — сама от вас уйду, а вы найдёте человека с такой же силой, как у меня!

Она метнулась к двери, но вспомнила, что выйти нельзя, развернулась лицом к компании, которую она перестала считать своей, и, тяжело дыша, покачала головой.

— Ты знаешь, в чём ты на самом деле виновата? — жестоко спросила её бывшая наставница. — Ты связалась с нами, готовыми простить тебе всё, но ты возможность избавиться от своего груза отвергла. Да, мы слепы были, не понимали, на что идём. Но в наши дни не осуждают людей, которые используют чужие слабости. Так что…

Кларисса запнулась из-за взгляда Николаса, направленного на неё. Она не видела его (молодой человек, как всегда, прятал лицо за капюшоном), но ощущала. Взгляд был отчаянный, красавица почувствовала. Предназначался он не только ей —

всем остальным.

Николас не хотел добиться этим чего-то. Механизм осознания сложности ситуации длиною в четыре месяца был запущен. В самом молодом человеке он тоже начал работу. Но Николас хотел его сломать или окончательно сломаться сам. Этого же хотела и Кларисса, вот только он этого ещё не понял.

— Дарья, Элли, Алекс, Дмитрий, Джессика и Теона Винсент, Томас Дьюри, Николас Гриффин, Тина Герфи, Кларисса Аленто, Бруно Фреги, Вирон Орбенс и Клавьер Мартерсон, все вы обвиняетесь в том, что устроили в священном Феанийском лесу пожар, который нанёс непоправимый вред, уничтожив все четырнадцать храмов, находившихся на территории леса: по храму каждой из четырёх стихий в западной, восточной, южной и северной его части. За это вы приговариваетесь к сожжению на костре, — дочитав, хранитель закона свернул пергамент.

Друзей уже привязывали к столбам, толпа, собравшаяся на месте казни, оживлённо перешёптывалась. Феанийский лес, похоже, был любим горожанами, и приговор они считали справедливым.

Джессика смотрела на Клариссу: ведьма казалась ненавидящей весь мир. На площадь, где готовились распалить костры, принесли артефакт — Сферу Поглощения, предотвращающую действие любой магии, красавица была права, с помощью колдовства сбежать не удастся. Наверное, для неё большим наказанием было именно это, а не предстоящая смерть. Два человека были спокойными: Николас и Дашка. Он не видел никакой разницы, продолжать ли дело живым или мёртвым — а в том, что его дух будет свободным, он был уверен. Она думала, что жизнь её всё равно не принесёт никому ничего, кроме горя, поэтому и жалеть о её утрате не надо.

Остальные были глубоко несчастны. Не страх, а именно душевная боль охватила всех. Если бы все знали точно, что души их останутся в Альдане, а не окажутся взаперти в царстве мёртвых, может, не переживали бы. Но шансы на это были весьма призрачными, а значит, приходилось бросать начатое дело, которое для друзей имело такое значение, что, были бы они вынуждены отказаться от него в силу иных обстоятельств — это бы равнялось смерти. Им вместе с идеей сердце бы выдрали!

Но хлынул ливень.

Толпа, задрав головы, глядела на тучи, появившиеся внезапно, словно на небе разлили чернила. Крупные тяжёлые капли приятно ударялись о лицо и стекали по щекам. Ливень казался особенным, очищающим, вода его словно смывала все

проблемы, все грехи, всю печаль. Каждый из присутствующих здесь, на площади, вдруг почувствовал счастье оттого, что он живёт на этом свете, ощутил, что кому-нибудь да нужен и что кто-то нужен ему. Дождь наверняка был волшебный, но люди об этом не задумывались.

О том, чтобы перенести казнь на другое время, речи и не шло. Осуждённых отпустили со словами: «Если духи не хотят вашей гибели — мы исполним их волю». Компании вернули деньги, оружие и артефакты, которые у неё отобрали, когда кинули в тюрьму.

Часом позже друзья были уже на окраине этого города, ставшего куда более приветливым.

— Может, мы зря так торопимся? — задала вопрос Теона. — У нас лошадей нет, всех в лесу потеряли. Конечно, можно приобрести в следующем городе, но почему нельзя это здесь сделать?

— За нами охотятся, — Кларисса сейчас волновалась не меньше, чем тогда, когда компания томилась в тюремной камере. — Дождь вызвали нарочно, кому-то мы нужны живыми. Неясно, зачем. В королевстве полно чёрных магов и некромантов, которые ставят над людьми такие эксперименты, что неизвестно, что лучше — когда ты нужен им живым или мёртвым.

— Кто нами так интересуется — очевидно, — усмехнулся Николас. — Только от Эвиланы не сбежишь и не спрячешься.

— Ей нужна я, вернее, Кристиан, — напомнила Дашка. — Я могу отделиться от вас. Во сне Эвилана сказала, что ждёт меня в Чёрных Гаванях, вероятно, это потому, что она знала: я туда направляюсь. Я могу идти туда другим путём. Я одна ни у кого не буду вызывать подозрений, поэтому могу добраться туда главными путями, быстрее. Буду ждать вас там на случай, если вы так и не найдёте нового огненного мага.

Только она договорила, как все, да и сама Дашка тоже, почувствовали тёплую волну внутри себя, это растекалось в душе облегчение. Это же гениальная идея! Только одним всё это омрачалось — почему такая простая мысль, которая уберегла бы, по крайней мере, от битвы с золотыми демонами и сохранила бы жизни как минимум пятерым людям, не возникла раньше?

— Так, тут был вокзал, — Бруно затормозил, после чего остановились все остальные. — Наверняка из этого города можно попасть в Чёрные Гавани на поезде.

— Вокзал я заметила, — кивнула Дашка.

— Сама дойдёшь? — сразу спросила Кларисса, понятно было, она хочет поскорее избавиться от неё.

— А проводить? — протянула Теона.

— Излишество, — красавица была непреклонна. — Дарья, у тебя при себе деньги есть?

— Вот! — молодая ведьма показала на кошелёк, висевший у неё на поясе.

— Сколько там? — поинтересовался Томас как-то нервно.

— Где-то триста золотых.

— Этого может не хватить, — он залез в свою сумку, нашёл свой кошелёк, подал ей: — вот, держи, тут ещё двести.

— Спасибо… Где встречаемся в Чёрных Гаванях?

— Сейчас, — Томас достал из сумки кусок бумаги, перо, чернильницу, нацарапал что-то, тоже отдал Дашке. — Найдёшь этот адрес, там должна проживать моя знакомая. Она приютит тебя, если поверит, что по моей просьбе.

— А если нет, устроишься где-нибудь, я обещаю! — ободрил Дашку Николас. — В Чёрных Гаванях у людей на добро чутьё, а ты по натуре добрая.

— Береги себя, — Теона стиснула её в объятиях, так душевно это удавалось только ей. — Мы постараемся приехать как можно скорее!

— Я не допущу, чтобы тебе нашли замену, — прошептала Дашке на ухо Джессика. — И с Эвиланой мы ещё сразимся. Сразу после того, как разберёмся с источником зла.

К радости Дашки, плохо скрываемой и оттого заставившей её немного стесняться и покраснеть, примерно то же самое сказали Николас, Томас и, разумеется, друзья со времен университета. Вынужденный молчун Вирон тоже хотел что-то добавить, но передумал и просто обнял Дашку.

Бруно и Тина попрощались сухо (молодой человек так и не понял, ценит ли он Дашку как человека или нет, а Тина, как показалось начинающей ведьме, боялась Клариссу и чувствовала вину из-за катастрофы в священном лесу). Клавьер как обхватил её руками, так простоял минуты две, и Дашка успела подумать: неужели начинает влюбляться? Судя по недовольному взгляду Клариссы, так и было.

Первые часы после расставания потекли безболезненно. Дашка нашла вокзал, ознакомилась с расписанием движения поездов — до Чёрных Гаваней доехать можно было, поезд отходил вечером, в семь. Надо было подождать четыре часа, она решила занять себя тем, что помогла одному парнишке, студенту местной магической академии, разобраться с несколькими заклинаниями (учебное заведение находилось неподалёку). После этого юноша привёл к ней ещё двоих своих одногруппников, потом ещё одного, и в итоге провожала Дашку вся его группа, пятнадцать человек.

В одном купе с Дашкой ехала молодая женщина с дочкой лет

восьми. Они были непохожи друг на друга: у матери золотисто-рыжие волосы и серые глаза, а дочка была темноволосой и кареглазой, очевидно, в отца.

Они познакомились: женщину звали Найордой, дочку её — Лэйреной, они должны были сойти в городе Ольтогер, где жила сестра молодой матери, которой предстояло вылечить племянницу от болезни. Найорда не стала интересоваться, куда нужно Дашке и зачем, а та и не стала рассказывать.

— А вы где-нибудь учитесь? — полюбопытствовала девочка.

— Нет ещё. Но пора бы мне, я знаю. В следующем году попробую поступить в Магическую Академию в Зальване, — ответила Дашка бесхитростно.

— Здорово! — воскликнула Лэйрена восхищённо. — Я бы тоже там хотела учиться, но магических сил пока мало.

— В столичную Академию с шестнадцати берут. Ты ещё успеешь найти в себе новые способности, — утешила ребёнка Дашка, надеясь, что так оно и будет; слова того парня из тюрьмы о несправедливости в отношении магии повлияли на неё.

— Она в прошлом году пострадала от проклятия, и развитие сил волшебства в ней остановилось, — посетовала мать. — А вы на какой факультет хотите?

— А я не знаю, какие у них там есть, — призналась Дашка. — Ещё не выясняла. Мне сейчас не до этого, у меня проблемы в семье, — быстро соврала она, чтобы избежать возможных упрёков.

— Я могу сказать, — предложила Найорда. — У меня туда когда-то поступала подруга, и мне предлагала, но я не сдала вступительные экзамены. В Магической Академии есть факультеты чёрной и белой магии, некромантии, демонологии, призывательского искусства, магии всех четырёх стихий, алхимии и целительского дела. Я поступала на факультет чёрной магии, на экзамене с четырьмя заклинаниями из предложенных десяти не справилась. Это ещё конкурс был маленький. Обычно и двух ошибок бывает достаточно.

— Вступительные экзамены не всех факультетах такие?

— Некроманты и целители сдают анатомию, алхимикам надо два зелья сделать, призывателям — создать двух существ. Не по собственному выбору всё, конечно, а как экзаменатор велит.

— Спасибо вам! Буду думать.

— А предпочтения есть, если не секрет? — улыбнулась Найорда.

— Вообще-то единственное, в чём я хорошо разбираюсь — магия Огня. На соответствующий факультет мне и дорога. Но мне чего-нибудь другого хочется. Заклинания на экзаменах сложные спрашивают?

— Первый уровень. Если у вас есть истинный дар и год в запасе, вы можете начать изучение другого вида магии. Я вам могу посоветовать демонологию, там знание огненного колдовства необходимо.

— Эх, а я бы предпочла что-то более мирное, — Дашка чуть-чуть расстроилась. — Я уже настрадалась из-за собственной силы.

— Тогда — алхимия. Многие этот факультет не очень уважают. Кажется, что это совершенно не то, трудная, кропотливая работа, а не полная свобода, возможность выпустить свою магическую энергию. А вообще вы не обращайте внимание на то, что люди говорят, — произнесла женщина тоном мудрого, знающего человека. — Считается, что факультеты некромантии, демонологии и чёрной магии выпускают конченых злодеев, которые потом добираются до власти и начинают мучить народ. Но демонов надо хорошо знать, чтобы с ними бороться, нежить используется в качестве рабочей силы, а чёрная магия заключается не в одних только проклятиях. В свою очередь, другие виды волшебства тоже опасны: алхимики могут изготовлять яды и вредные вещества, призыватели — порождать чудовищ, повелители стихий — устраивать пожары, землетрясения, ураганы и наводнения. Белые маги и целители, если окажутся на стороне тёмных колдунов, станут помогать им, тем самым вредя нам. Каждый так распоряжается своим даром, как захочет, а не так, как от него ожидают.

— Да, я не спорю, — охотно согласилась Дашка. — Просто мне уже надоело это всё. Возможно ли огненному магу выучиться, допустим, основам магии лечения за короткий срок так, чтобы можно было поступать на факультет целительского дела?

— Ты действительно так хочешь туда?

— Очень! После всего, что я натворила, чувствую потребность как-то загладить вину.

— Неужели всё было так ужасно? — удивилась Найорда.

— Вы, наверное, и подумать не можете.

— Давайте я вам покажу пару заклинаний! — Лэйрена, сидевшая, положив голову матери на плечо, нагнулась вперёд.

— Мне пока нельзя изучать иные виды магии, — протянула Дашка.

— Как жалко, — девочка надула губки и устроилась в прежней позе, навалившись на мать, вернее, рухнув, будто ребёнка толкнули.

— Ты можешь продемонстрировать Дарье то, что умеешь, — весело сказала Найорда. — Дарья, а вы тогда похвастайтесь своей магией! Нанесите мне повреждение, а Лэйрена его уберёт. Милая, отодвинься, — велела она дочке.

— У меня мощная магия. Могу не рассчитать силы, — поспешила предупредить Дашка. — И вряд ли ваша дочь справится! Светлые чародеи утратили большую часть магической энергии. О ребёнке и речи быть не должно!

— У Лэйрены выдающиеся способности, — настаивала женщина.

Дашка применила самую красивую магию, которую знала: шар особого полупрозрачного пламени ярко-оранжевого цвета с желтоватым свечением. Оно не оставило ожогов, втянувшись туда, где находилось сердце Найорды. Женщина быстро зажала рукой рот, из глаз её потекли слёзы. Сейчас кровь её превратилась в кипяток, вся боль была внутри.

— Ой! Я перестаралась! — Дашка сползла по спинке сиденья, голова пошла кругом.

— Лэйрена знает, как прерывать действие этого заклинания, — неожиданно жёстко произнесла Найорда. — Кстати, магия была великолепна.

Колдунье эти слова показались неприятными. Не может нормальный человек думать о красоте силы, мучающей его, да и страшно стало за Лэйрену: девочка, судя по всему, не очень-то была уверена, что справится, причём боялась она не сколько за мать, сколько материнского гнева, который девочка могла навлечь на себя из-за посредственных способностей в целительской магии.

Лэйрена начала действовать, Найорда стойко терпела мучение, даже глаза её стали сухими. Выражение лица матери застыло, сделавшись строгим. Когда девочка убрала руки, женщина произнесла:

— Сердце ещё ноет и во всём теле покалывает. Неважно. Лэйрена, девочка моя, тебя даже в Университет Светлого Волшебства в нашем городе не возьмут!

— Простите, то заклинание, которым я поразила вас — это высшая категория второго уровня. Снимается оно чарами не меньшей сложности. Для ребёнка второй уровень — задача непростая, — встала на защиту девочки Дашка.

— Не бери в голову, — махнула рукой Найорда. — Лэйрена, ты тоже. Дарья, вы представляете, что бы могла моя дочь, не пострадай она от проклятия? Я сама успехов в магии не добилась, и Лэйрену они тоже не ждут.

— И кем вы сейчас работаете?

— У одного алхимика, курьером.

— Вы могли бы его попросить, чтобы был вашим учителем!

— Он слишком умный, не может с такими, как я, работать. Он не понимает, как чего-то можно не понимать, — женщина

вновь стала милой, но теперь ещё и печальной.

— Я могу вас научить! И Лэйрену тоже!

— Обучать магии — сложное искусство, не каждому дано. Опыт у тебя был?

— Сегодня днём помогала студентом с домашним заданием.

— Не любопытствовала, на каком они курсе были?

— Совсем ещё юные. На первом, скорее всего.

— И ты справилась? — оживилась Найорда. — С младшими курсами труднее, студенты ещё сами не разбираются в особенностях своих сил.

— У меня даже промелькнула мысль о том, чтобы когда-нибудь пойти работать преподавателем магии, — Дашка немного приврала, такая идея посетила её только что.

— Ну, попробуй тогда, — согласилась женщина.

— Сначала будем тренироваться просто создавать пламя, — начала колдунья ровным тоном, который был нарочитым, чтобы как-то подавить чрезмерный энтузиазм, грозившийся обратиться слишком бурным восторгом: так Дашка радовалась, что магия её наконец-то обращается пользой, а не разрушением, причём не в первый раз. — Сначала попробуйте представить, где сконцентрирована ваша энергия волшебства. Ощутите её. Она может быть теплом, может быть холодком, или ещё чем-нибудь — у всех по-разному.

Найорда закрыла глаза, сосредоточилась, стала дышать глубже. Прошло минуты три — она пробормотала:

— Да, есть тепло в груди.

— Оно во всей грудной клетке или где-то в одной точке?

— Во всей груди. И спиной немного чувствую.

— Заставьте это тепло собраться в сердце, — продолжала Дашка. — Ощутите его движение. Когда оно всё войдёт в сердце, направьте его к рукам, к кончикам пальцев. В руках должно быть умеренно тепло, в пальцах — горячо, и немного тепла должно оставаться в сердце, — говорила она, и сама чувствовала, что говорит, свою магию.

— Не получается… Оно меня не слушается.

— Ничего страшного. Не всем так сразу удаётся, — Дашка села на корточки перед Найордой, положила руку ей на сердце и сразу ощутила присутствие магии.

Рядом легла вторая рука колдуньи, затем ладони её скользнули в разные стороны, к плечам молодой матери. Когда Дашка убрала руки, они были тёплые. Наставница дотронулась до щёк Найорды:

— Ваша магия. Ощущаете, какая мощная энергия?

— Да, — заворожено прошептала женщина.

— Смотрите, — Дашка свела ладони вместе, а когда медленно разъединила их, между ними образовался зелёный переливающийся шар, который вдруг засох в виде глины и сам собой раскрошился, земля рассыпалась по полу, вдруг став розовыми блёстками, вдруг притянувшимися друг к другу и превратившимися в цветок.

Она подняла его и протянула Найорде. Вопреки ожиданиям двух молодых женщин и девочки, цветок не исчез.

— Какая красота! — Найорда понюхала цветок и дала понюхать дочке.

— И вы так можете, — заверила её Дашка, но внезапно вспомнила наказ Клариссы о том, что ей нельзя пробовать иную магию, кроме родной, огненной.

— Это вам не повредит, — женщина заметила перемену в настроении наставницы и сразу успокоила: — Вы, если можно так выразиться, мою магию лишь в руках подержали, вряд ли вам хоть частица её досталась. Надо долго практиковаться, чтобы так легко вбирать в себя чужое волшебство. Продолжайте, не бойтесь.

— Давайте-ка сами! Пытайтесь. Я вашу магию направила, как надо, теперь должно быть полегче. Если нет, я повторю.

Со второй попытки Найорде удалось добиться желаемого результата.

— Есть! Есть! — по-детски обрадовалась она. — Что дальше?

— Закрепляем результат! Встряхните руки, разгоните магию и соберите снова, — Дашка приготовилась увидеть прогресс ученицы и объяснять дальше.

Найорда с сожалением посмотрела на свои пальцы, наставница усмехнулась:

— Хорошо, можете как следует прочувствовать результат ваших стараний, но потом будем продолжать! Вам минуты хватит?

Найорда застыла, наслаждаясь новым ощущением собственного чуда, но всё же решилась и сделала пару резких движений, сразу же собравшись и принявшись управлять магией снова.

Дашке нравилось следить за стараниями ученицы, и она была искренне счастлива услышать от неё:

— Да! Получилось!

— А теперь медленно представляйте, как магия выходит из вас и становится пламенем. И пытайтесь ощутить это. Мысленно выталкивайте магию наружу.

— Ой! Мама! У тебя ладони светятся! — закричала Лэйрена восторженно.

— Что, правда? — Найорда распахнула глаза, посмотрела на

руки. — Это… Так надо, да? — она могла с уверенностью сказать, что всё хорошо, но эмоции путались, она была в лёгком шоке оттого, что неподвластная наука ей теперь поддаётся.

— Ещё чуть-чуть — и вы создадите огонь! — Дашке самой не терпелось его увидеть. — Заставьте магию делать то, что надо вам! Вы же ощущаете её, понимаете, она же вам родная! Вы мне сами это только что показали!

Свершилось: в ладони Найорды вспыхнуло пламя, да ещё такое яркое, что казалось неестественным.

— Когда налюбуетесь, потушите его и повторите всё снова, — проронила Дашка, сама заглядевшись на огонь, она даже немного завидовала: у неё самой во время первых занятий магией получалось постыдное безобразие, тусклый огонь, который угасал секунд через пятнадцать; впрочем, Дашка тогда действительно впервые имела дело с магией, а Найорда, раз хотела поступать в Магическую Академию, уже что-то со своей силой пробовала.

— Удивительно, — вздохнула молодая мать, — как сильно магия связывает тело и душу, плоть и разум.

— Вроде всё так просто, а многие не могут сами развивать свою магию, — Дашка дотронулась до пламени и отдёрнула руку: оно почему-то обожгло её, хотя обычно несколько языков этой стихии ей боли не причиняли. — Странно, у вас такая мощная магическая энергия… вроде бы её проще себе подчинять, чем слабо различимые силы.

— Проклятая неуверенность, — в глазах Найорды очертилась злость, но быстро растаяла. — Сама я из рода магов. Все разговоры в доме — о магии. Все книги в библиотеке — о магии. Казалось, в такой обстановке не знать что-то о ней невозможно — знания сами в голову набьются и упорядочатся. И все родные мои уверены были, что так и есть, поэтому, когда учили младшие поколения магии, объясняли всё по одному разу. И ведь всем было достаточно! Пока я не родилась. Вот мне с первой попытки, когда вы мне объясняли, не удалось ничего — вы не нашли в этом ничего ужасного?

— Нет, что вы!

— А в моём семействе это было чем-то из ряда вон выходящим. Со мной старшая сестра и бабка занимались — как они из себя выходили! Кричали, что я бездарь, я ошибка природы. С рождением Лэйрены меня ещё больше унижали, потому что моя дочь сильнее в магии, чем я…

Девочка отодвинулась от матери и забилась в угол. Бедный ребёнок, очевидно, на нём Найорда постоянно срывала злость. Обучение женщины надо было продолжать теперь ещё и потому, чтобы облегчить участь её дочери.

Молодая мать оказалась хорошей ученицей, а Дашка — превосходным наставником. Они бы расстались довольные друг другом, но у девятнадцатилетней колдуньи сохранилось неприятное впечатление от того, как Найорда относится к своему ребёнку.

Глава 10 Преломление

— Здравствуйте, вы Ильда Дэйс? — спросила Дашка, когда дверь перед ней приоткрылась, и наружу выглянула заспанная женщина в халате поверх ночной рубашки.

— Я. Что надо? — просипела она, пытаясь открыть слипающиеся глаза широко.

Тут Дашка увидела, что радужки их тёмно-красные. Ильда была вампиром. Впрочем, Томас интересовался нежитью…

— Мне ваш адрес дал Томас Дьюри, — пробормотала Дашка. — Вы разрешите мне пожить у вас, пока он не прибудет в Чёрные Гавани? Думаю, он будет тут где-то через неделю.

— Ой, горе! Ну, заходи, — усмехнувшись, вампирша подалась в сторону, чтобы гостья могла пройти, и закрыла дверь на ключ. — Спальни на втором этаже, выбирай любую. Ты есть будешь?

— Буду, — не стала отказываться Дашка.

— Только нечего. Я сама не ем почти, а гостей давно не ожидаю. Том мне обычно пишет, когда собирается нагрянуть, — Ильда погрустнела. — Могу предложить чаю. Я заварю, ты пока вещи наверх отнеси.

Дашка поднялась на второй этаж. Дом оказался богатый, но в нём создавалось ощущение какой-то заброшенности: всё пыльное и потускневшее. Было видно, что из всех комнат на втором этаже пользуются только одной — спальня хозяйки. Через приоткрытую дверь Дашка заметила, что там небольшой беспорядок, как раз такой, что придаёт дому трогательную уютность.

Она выбрала себе маленькую комнату, тесно обставленную, свободное место там имелось только посередине, всё остальное пространство занимали широкая кровать, комод, книжный шкаф, письменный стол, трюмо и кресло. Мебель была тёмная, стены, ковёр, шторы на окнах и покрывало на кровати — бордовые. На стенах висели портреты, выполненные в мрачных красках, но люди, изображённые на них, были весьма приятными: симпатичный парень в чёрной мантии, судя по нашитому на груди гербу — форменной, какого-то учебного заведения, возможно даже столичной Магической Академии, очаровательная блондинка в очень дорогом платье, тоже чёрном, эти двое на собственной свадьбе, наконец, молодая жена с ребёнком, который был точной её копией.

— Всё готово! — раздался голос Ильды с первого этажа.

— Иду! — Дашка, засмотревшаяся на портреты, кинула сумку с вещами на кровать и сбежала вниз.

— Как тебя звать-то? — хмыкнула Ильда, разливая чай.

— Точно, представиться забыла! — спохватилась гостья. — Я Дарья.

— Очень приятно. Разрешите поинтересоваться, а вы откуда Тома знаете? — вампирша села удобно, положив локти на стол вопреки приличиям; но вряд ли этим демонстрировала неуважение к гостье — возможно, став вампиршей, женщина не принимала у себя никого и на различных приёмах не бывала, и некоторые манеры стали забываться.

Дашка замялась, так как не знала, имеет ли хозяйка представление о том, чем занимается Томас.

— Что застеснялась? Известно мне, в какую компанию он попал. Если вы с ней дело имели — воля ваша. В отличие от его родителей, я приняла решение Тома.

— Мы вместе угодили в Денаувер два года назад, — принялась рассказывать Дашка, поняв, что можно говорить всё как есть. — Я и мои родные, — она решила называть своих друзей именно так, впрочем, почти ко всем так и относилась, — оказались в этом месте по закону мистера Мортиса. Я тогда была вампиром, если вы, конечно, поверите.

— И снова стала человеком? А ты не Дарья Винсент ли?

— Это я, да, — колдунья покраснела.

— Спасибо тебе и всем кто тебе помогал, — вздохнула Ильда. — От лица всех выживших вампиров. Нас мало осталось, и в основном это те, на кого напали в ту ночь.

— Печально. И закон по-прежнему против вас? Денаувер — это тоже несправедливо!

— А его отменили. Теперь наше положение от окружения зависит. Если мы имеем дело с умными людьми, то можем жить, не опасаясь за свою жизнь, не боясь того, что за нами придут хранители закона. А если мы существуем с глупцами — приходится скрываться. Меня вот все знают, но не любят. Просто не любят. Мирятся с тем, что я живу с ними на одной улице, в одном квартале — и всё.

— Я пока не могу их понять. Почему они так с вами?

— Тут по обычаю вампиров не любят. Много в Чёрных Гаванях было таких, которые похожи были на плохих героев сказаний и легенд: злые, кровожадные, находящие удовольствие в преследовании и нападении на людей. Не кровь им была нужна, а человеческий ужас. Я в тёмном обличье уже сто лет, а обычной женщиной прожила тридцать. Но двадцать четыре года назад, когда на свет появился Томас, меня взял в свой дом мистер Лордеш Дьюри.

— Его отец?

— Да. Известный некромант, создатель некрополисов по всему королевству. Он один из тех магов, благодаря которым некромантия не считается колдовством злодеев и сумасшедших. Томас был моим воспитанником — Лордеш хотел, чтобы няня и наставница его сына была вампиром, и тем самым ребёнок привыкал к тому, что такие существа вовсе не чудовища, а, по сути, обычные люди — только с клыками, красными глазами и практически бессмертные, — на несколько мгновений Ильда ушла в себя, вспоминая, наверное, те счастливые времена. — Я была с Томом до тех пор, пока в семье Дьюри не начались проблемы.

— Это тогда Томас вынужден был бросить Академию?

— Шесть лет назад, — кивнула Ильда. — Один из некрополисов на западе Элиорамии стал выходить из-под контроля. Это всё были старания Ирвинга Чезигера — слышали об этом, да простят меня духи, человеке?

— Мне больше о его сыне известно, Эзарии, жестокость которого границ не знает и причин не требует, — произнесла Дашка. — Он пользуется тем, что у его папаши слишком большие полномочия.

— Ирвинг — тоже мастер некромантии. По силе с ним мог сравняться только Лордеш, да и то мистер Дьюри ему уступал. Не так уж и мало, но в сравнении с остальными некромантами — возможности Ирвинга и Лордеша были равны. Король Мартин хотел предложить Дьюри работать в лаборатории при его дворце, — было видно, Ильда гордилась тем, что её бывшему хозяину когда-то чуть не оказали такую честь. — Ирвинг этого не желал: Лордеш тогда бы получил доступ к королевской библиотеке и по уникальным магическим книгам мог бы сам подучиться и оказаться ещё и сильнее его. И он решил испортить ему репутацию, наложив чары на один из некрополисов Лордеша.

— Простите, — перебила её Дашка, — а что такое некрополис? Я это слово только от вас и услышала.

— О, Ветры, я же не подумала, что ты можешь этого не знать! — воскликнула Ильда. — Просто ты так спокойно слушаешь… Ой, и я тебе, кажется, с первой же фразы «тыкаю».

— Мне как-то приятнее. Чувствую себя как дома. Уже третий дом у меня, эх. Один — в Большом Мире, второй — в Фатоне, и сколько их по всему королевству может появиться… Ну, давайте про некрополисы, — отбросила Дашка лирику.

— Это всего-навсего поселение нежити. Там набирают вампиров, скелетов и зомби для обширных строительств, в войска, на разную тяжёлую работу. В некрополисах останавливаются путешественники, там может идти торговля — в

общем, это полезный людям объект. Ещё там студенты факультетов некромантии берут материал для опытов, — Ильда заулыбалась, снова вспомнив воспитанника.

Дашка не стала ей мешать, подождала, пока вампирша сама вернётся к разговору.

— На чём мы остановились?

— Ирвинг Чезигер что-то сделал с некрополисом Лордеша, — напомнила Дашка. — Вы ещё не сказали, что.

— Тот некрополис в Элиорамии, за который взялся Ирвинг, — продолжила Ильда, — был крупнейшим в королевстве, там появлялись даже те, кто трудился в стенах королевского замка. Можно, да и нужно сказать, что он был элитным. Находился он всего в семи километрах от столицы. И мистер Чезигер наслал на всю нежить этого некрополиса, Азолина, бешенство. Там было около тысячи зомби, полторы тысячи скелетов, примерно триста вампиров и сотня оборотней, а также несколько десятков виверн и множество призраков. И это всё разбежалось по всей Элиорамии и соседним землям, Нардимии и Кинефе. Убивали всех без разбора, оставляя все попадающиеся им поселения заражёнными. Казалось бы, это не такая уж большая толпа. В сравнении с некоторыми войсками — просто крохотная, если учесть, что нежить не держалась вместе, а бесчинствовала на разных территориях. Но она была абсолютно неуправляема. После того, как с ней расправились, эпидемии, распространившиеся из Элиорамии, Нардимии и Кинефы, долго терзали королевство. Всем было ясно, что случившееся кто-то устроил, но Ирвинг подал королю идею обвинить Лордеша в том, что он не обеспечил Азолин надлежащей магической защитой. Мартин послушал Ирвинга и предъявил мистеру Дьюри требование: если Лордеш к назначенному сроку не создаст магический щит над каждым — каждым! — из своих некрополисов, то у колдуна отбирают право на их создание вообще, а место в королевской лаборатории ему, как и хотел Ирвинг, теперь не светило. Мистеру Дьюри пришлось искать средства на разработку защиты. Семья его была очень богата, но всё же не располагала нужной суммой.

— И вас уволили? — пробормотала молодая колдунья, опуская чашку, которую так и не поднесла ко рту.

— Нет, ко мне слишком привязались. Томасу пришлось бросить Академию, потому что учёба там слишком дорогая. В этот же год, в этот же месяц парень повстречал банду, где он теперь полноправный член. Эта шайка достаёт приличные деньги, причём легко и быстро. Томас решил спасти положение семьи нечестным путём, но родные его воспротивились. Семья Дьюри —

благородная, законопослушная. Отец заявил сыну, что тот опозорит род Дьюри, если вступит в эту банду. А я поддержала Томаса. Парень ушёл из дома, меня выгнали, правда, подарив мне этот дом. Денег от сына семья не взяла, вскоре Лордешу запретили создавать некрополисы. Иногда Томас заглядывает ко мне, и всех его приятелей я знаю уже. Вроде неплохие люди. Пользуются чужой доверчивостью, но люди, которые ведутся на их уловки, отчасти виноваты сами. Хотя эти мошенники столь обаятельны, что им невозможно не верить, — вновь просияла Ильда. — А теперь я хотела бы послушать тебя. Просто для интереса. Что привело тебя в Чёрные Гавани и что связывает сейчас с этими людьми, среди которых — мой воспитанник? Ты говорила, что будешь здесь дожидаться их.

— Мы хотим уничтожить источник зла здесь, — ответила Дашка, не успев подумать. — Есть предположение, что для этого нужны четыре человека, каждый из которых владеет одной из стихий, и только лишь этой магией. А я владею Огнём… — пробормотала она, осознавая, что эта идея Ильде может не понравиться.

— Всё-таки они вернулись к этому, — усмехнулась вампирша. — Интересно, надолго их азарта хватит?

— Для исследования пещеры уже всё готово, — Дашка опять не удержалась от ответа. — Как только все сюда доберутся — сразу пойдём туда.

— Как? То есть решение окончательное? — Ильда была в шоке. — Вы хоть готовы к испытанию?

— Да, и основательно, — теперь Дашка осознавала, что говорит. — Всё рассчитали: где какая магия, как от неё защититься, какие демоны там водятся и в каких местах, как на них магия действует.

— Значит, они давно собирались воплотить эту идею в жизнь, — произнесла Ильда. — Томас и друзья его были у меня год назад, и я ничего не заподозрила, не услышала, не заметила! Как так?

— Разработку всего этого мы начали меньше чем полгода назад.

— И вы считаете, что этого времени вам достаточно было?

— Дело не во времени, а в качестве его использования, — изрекла Дашка.

— Расскажи подробнее, — потребовала вампирша, хотя это была скорее отчаянная мольба.

Гостья послушно отчиталась, постаравшись ничего не перепутать и не забыть. Ильда не перебивала, иногда кивая. Получив исчерпывающий ответ, она задумалась, потом

отстранённо спросила:

— Почему же ты не со всеми, а ждёшь их здесь?

— Вы очень хотите это знать? — осторожно задала встречный вопрос Дашка, постаравшись, чтобы тон её был помягче.

— Поссорилась с кем-то? — Ильда снова стала разговаривать и смотреть осмысленно.

Гостья пробормотала: «Угу», — сделав большой глоток уже остывшего чаю, чтобы скрыть улыбку, вызванную тем, что необходимость сознаваться отпала.

— Наверное, с Мишель? Не хочу о ней отзываться плохо, но она из банды четырёх человек выжила и сколько-то людей просто не приняла.

Дашка поперхнулась, но, когда кашель отступил, сказала:

— Она погибла.

— Из-за чего? — нахмурилась вампирша. — Её не отравили?

— На нас напали ледяные демоны. Я очень долго была без сознания, когда через несколько дней очнулась, её уже не было в живых.

— Печально. Мне из всей банды она больше всех была симпатична. Ответственная, серьёзная девушка, иногда слишком требовательная и строгая. За это её недолюбливали Тина с Динарой, я боялась, они могут стащить у Аниты рецепт яда и ингредиенты и отправить Мишель к духам. В них ведь есть эльфийская кровь одного из родителей, поэтому у девчонок великолепное зрение и слух, они превосходные лучницы, из-за чего их и терпят в банде, — и эльфийская жестокость. Красивая жестокость, изящная — но она есть. Эти особы могли бы додуматься до такой подлости.

— Динара и Анита тоже мертвы! — пролепетала Дашка.

— Кто ещё?

— Феликс, Честер и Пола. Таков исход сражения с золотыми демонами.

— И вы всё равно хотите в пещеру, скрывающую источник зла? Там демонов полно, куда более опасных, чем ледяные и золотые, — Ильда выглядела огорчённой, но не полной решимости запретить компании воспитанника осуществить то, что друзья хотят.

Быть может, догадывалась, что бесполезно? Или сравнивала себя с родителями Томаса, которые не одобрили выбор сына и тем самым, наверное, очень обидели его, а ей не хотелось так же ранить человека, которого считала родным.

— Те нападения были внезапными, — Дашка почувствовала укус совести. — А от демонов пещеры мы знаем, как отбиваться.

— Неожиданность убивает знания. Поэтому я и стала

жертвой вампира. Я преподавала в военной академии Святой Силы — там готовят борцов с нежитью. Была лучшим преподавателям. А накинулась на меня стая вампиров — я растерялась.

— Мы сможем. Этого просто не может не быть, — категорично заявила Дашка.

— Не делай такой страшный взгляд. Я всё равно не собираюсь вас удерживать. Если что не так — сами и пожалеете, а я за сто лет научилась глушить свою совесть. Цинично, но это умение весьма полезное. Впрочем, и то плохо, если тут начинают задумываться о цинизме. Он есть, но без него уже никак нельзя. Можно упрекать людей в том, что они превратили его в необходимость, но уже не в том, что его доля у них присутствует, — закончила Ильда, после чего встала, взяв со стола чашки.

— Где здесь ближайший храм? — успела спросить гостья.

— Иди по улице вправо, найдёшь.

— Спасибо.

Сбегав наверх за плащом и небольшим свёртком, она вышла из дома.

Чёрные Гавани были не мрачным, как про него говорили, а грустным городом из-за отсутствия солнца, очень даже красивым. Храм, которым заканчивалась улица, оказался необычным. По всему периметру облицованного чёрным мрамором здания (где не было ни одного окна) тянулись чёрные же колонны, а вершину золотого купола украшала чёрная статуя дракона, расправившего крылья.

Внутри храма, разумеется, было светло. Внутри здания окна располагались, целых пять. Из каждого открывался разный вид, и вовсе не на улицы Чёрных Гаваней: на поле боя, где шло сражение, на ярко-зелёную поляну, где шёл дождь, иногда прекращающийся, и тогда небо над поляной пересекала радуга, на ночной сад возле огромного замка, где о чём-то разговаривали двое, в темноте не различимых, на спящий вулкан и на двор заброшенного дома, где дети разных возрастов, грязные, оборванные, грелись возле костра. Дашка догадалась, что это символизирует пять Великих Ветров: Слёз, Перемен, Смуты, Предостережения и Надежды.

Дашка переходила от одного окна к другому, отвлекаясь на то, что происходит за ними, хотя явилась она сюда не просто для того, чтобы увидеть ещё один храм. Надо было отдать прислужнице Эвиланы злосчастные кристаллы силы золотых демонов. В помещении, правда, не было никого, но ведь помощница ведьмы могла быть и нематериальным созданием,

или связь с ней могла быть не прямая, а с помощью какой-нибудь магии.

— Здесь кто-нибудь есть? — громко спросила Дашка, потом повторила вопрос про себя.

— Быстро ты! Торопилась рассчитаться со мной и избавиться от меня? — в храм вошла девушка, вернее, чёрная фигура девушки, на которую не попадало ни единого луча света, и вокруг неё был и сохранялся при перемещении с места на место ореол темноты. Сама Эвилана.

— А как ты думала? — Дашка не стала притворяться. — Из-за тебя пять человек погибло, и я, конечно, хочу, чтобы ты отстала от меня. Свободы я хочу себе, а друзьям своим — безопасности. Это твоё, — она подошла к ней, попытавшись вложить Эвилане в руки кристаллы, завёрнутые в кусок ткани, но ведьма руки опустила.

— Молодец, понимаешь, что врать мне опасно, — томно протянула она. — И ты не надеешься, что я выполню своё обещание забрать Кристиана, правильно?

— Сейчас я отдаю вам то, что должна, и больше не выполняю ваших требований. Пусть Кристиан остаётся со мной, мне всё равно.

— Смело! — Эвилана рассмеялась. — Твоё счастье, дух твоего сына мне нужен. Но я смогу отделить его от тебя только в своей обители. А вы как раз мечтаете туда попасть.

— Таинственная пещера… Источник зла… Ты что, живёшь там? — Дашка вцепилась в её плечи, притянув к себе, и почти кричала ей в лицо, черт которого по-прежнему невозможно было разобрать: — Он существует, да? Он тебе нужен? Ты из него силы черпаешь?

— Единственное, что можно сделать с этим источником, — уничтожить его, — голос Эвиланы из игривого, кокетливо-томного стал ледяным. — Брать из него силу нельзя. И прекращай задавать вопросы, ты всё узнаешь, когда мы снова встретимся. Может быть, я даже оставлю вас в живых.

Она исчезла, разлетевшись на мелкие чёрные осколки и оставив после себя чёрный дым, точно таким же образом пропал свёрток из рук Дашки.

С этого дня колдунья почему-то перестала бояться Эвиланы. Ведьма, играющая с разумами, сама себя лишила кое-чего важного — способности вызывать жалость к своей персоне. Дашка бы, не дрогнув, обрушила бы на жуткую девушку огненный дождь.

В разговорах с Ильдой ни разу не был упомянут предстоящий поиск источника зла. Всё общение заключалось в уроках магии (вампирша обучала гостью некоторым приёмам) и рассказах

Ильды из жизни Томаса и его семьи. Но хозяйка стала грустной, и Дашка иногда замечала у неё на щеках не успевшие высохнуть дорожки слёз, которые она и не собиралась скрывать.

С появлением в доме воспитанника и его компании вампирша пребывала в совсем невыносимом состоянии (и для неё, и для тех, кто каждый день её видел). Она, казалось, жила потому, что не может умереть. А друзья знали: они не могут её подвести.

Компания собиралась отправиться в пещеру примерно через неделю, оставались последние приготовления и последние тренировки, а ещё стоило посетить все храмы города, чтобы заручиться поддержкой духов, а четвёрке Большого Мира — ещё и укрепить силу (замену Дашке, конечно, не нашли, не потому, что плохо искали — поразительной редкостью были в Альдане колдуны, владеющие только одним видом магии). К пещере несколько раз ходили, осматривали местность вокруг, пытаясь уловить тут какую-нибудь магическую энергию, чтобы получить более подробное представление о том, что их ожидает, заглядывали внутрь, отдаляясь от входа не больше чем на полкилометра, и не видели никакой опасности. Это, по словам Николаса, было плохо. Скрытое зло всегда разрушительнее, чем явное. Но друзья и рассчитывали, что так будет.

— Мы через час собираемся в центр, — в магическом шаре появилось лицо Томаса, — ты с нами?

— Не хочу, — честно сказал Дима. — Что там опять нужно?

— Каждому своё. Мне, например, надо свой волшебный жезл мастеру отнести, силой наполнить, а то когда его у меня тюремщики отобрали тогда, всю магию из него вытянули, а восстанавливается она жутко медленно. У Тины стрелы кончились, Алекс хочет что-нибудь в магической библиотеке взять, у остальных тоже дела есть. Доберёмся до центра вместе, расходимся по своим сторонам, через час встречаемся у памятника Лемису Кордену напротив Храма Семи Звёзд, там сегодня день духов войны. Пожалуйста, соизволь туда прийти, — Томас стал строгим. — Примерно в три часа.

— Ладно, — невежливо ответил Дима, парень никак не отреагировал, посчитав, что задачу свою выполнил, приятеля попросил, о чём было необходимо, а воспитывать в Диме уважение к духам и тем более веру в них — бессмысленно; изображение молча пропало.

— Надоели с этими храмами, — проворчал он, заталкивая шар обратно в сумку, — и со своей религией.

Он сидел на скамейке возле небольшого пруда, где всегда отдыхал от компании, от суеты, которая творилась в доме Ильды

Дэйс. Рядом был корпус Университета Чёрной Магии, и возле пруда постоянно можно было видеть студентов и, что Диме было небезразлично, студенток. Чувство к Теоне нисколько не убавило его интереса к другим девушкам, тем более что молодая целительница постоянно пропадала в храмах, уже не ради того, чтобы получить помощь, а чтобы научиться кое-чему у священников и жриц и потом давать её самой.

— Сегодня удивительный день: солнце выглянуло, — прозвучал рядом нежный голос.

Дима, задумавшийся, поднял глаза. Девушка, заговорившая с ним, была необычна и красива. Длинные, до земли, коричневые волосы с красноватым оттенком, собранные в хвост на макушке, две пряди выпущены у висков, каждая обвита золотистым шнурком; длинные ногти, на больших пальцах в них продето по колечку с болтающейся на нём фиолетовой кистью; точно такие же украшали её серьги — по три в каждом ухе. И мантия на ней была фиолетовая, накинутая поверх короткого чёрного платья с глубоким вырезом. Зелёные глаза смотрели доверчиво, хотя взгляду такой леди полагалось быть скорее хищным, улыбалась она скромно, чуть застенчиво.

— По-моему, солнце этому городу как-то не идёт, — возразил Дима, чтобы разговор получился более оживлённым. — Садитесь! — предложил парень.

— Солнце всему идёт! — заявила красавица, устраиваясь рядом.

— В Чёрных Гаванях оно лишь слепит глаза, — произнёс Дима тоном грустного загадочного романтика.

— Так вы просто его не любите! — заключила девушка. — Первый раз встречаю человека, который не любит солнце.

— А я первый раз встречаю такую красавицу, как вы, — на одном дыхании выпалил Дима и понял, что говорит от сердца.

Пять секунд назад она ему нравилась — теперь он в неё влюбился. Теона ему надоела.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Альдебарга, — девушка придвинулась к нему.

— А я Дмитрий.

— Красиво звучит, как имя представителя какой-нибудь благородной семьи, — Альдебарга той рукой, что была дальше от молодого человека, обняла его, лицо девушки оказалось совсем близко к лицу парня.

— Не хочу разочаровывать тебя, но я простой смертный, — и его рука легла ей на спину, опустившись ниже.

— Не имеет значения. Я из знатного рода, и насмотрелась за свои девятнадцать лет на равных себе юношей. Мне ищут жениха

с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать. Таким, как я, суждено быть либо украшением родового замка, либо научиться так влиять на мужа, что он, сам того не осознавая, лишится воли, да и собственных мозгов, — томно вздохнула красавица. — Или я буду никем, или мой благоверный. И все мои женихи знают об этом, поэтому каждый стремился уже на следующий день после знакомства мной командовать.

— Почему же нельзя по-иному?

— В семьях голубой крови не бывает равноправия. Там всегда атмосфера чьей-то власти, давления. Хозяин должен быть один, потому что если все будут подчиняться разным людям — это уже свобода, раз можно выбирать.

— И ты несчастна? — взволнованно пробормотал Дима.

— Очень, — теперь она обнимала парня двумя руками, уткнувшись носом в его шею. — У меня свадьба через два месяца… Прости, я не должна была к тебе подходить.

Дима хорошо понимал, что девица просто хочет нагуляться перед замужней жизнью, вероятно даже, она регулярно в этом месте выбирает себе молодых людей на одну — две ночи, может больше. Его роль «глотка воздуха перед смертью» устраивала.

— Ничего, — он чмокнул её в щёку, а когда она повернулась — поцеловал в губы.

— Встретимся здесь вечером, в восемь? — прошептала Альдебарга, отстраняясь.

— Ты спешишь?

— Да. С меня сегодня должны снять мерки для свадебного платья.

— До вечера, Альдебарга, — он отпустил её.

Вместо ответа девушка улыбнулась и торопливой походкой ушла.

Дима решил всё-таки посетить Храм Семи Звёзд, воспользоваться своим благодушным настроением и не злить в очередной раз компанию. А вечером он с удовольствием принял, как обычно, ласку Теоны. Хоть своей девушкой он её перестал считать, но отказываться от удовольствий не собирался.

Про назначенную встречу молодой человек еле вспомнил, потому что когда он уединился с Теоной, ему было не до времени, и память его вообще прекратила работу. Если бы он не напоролся взглядом на часы, расположение стрелок которых говорило о том, что сейчас половина восьмого, парень бы не вспомнил вообще.

— Что такое? — протянула Теона, заметив, что он вдруг замер.

— Я… я опаздываю, — не успел он ничего соврать.

— А пять минут в запасе есть?

— Но не больше, — он кивнул.

Теона прильнула к нему с таким страстным поцелуем, что чуть было не разбудила в парне инстинкт самца, но всё обошлось.

— Когда вернусь — исправлюсь, — пообещал он, подмигнув.

— Я буду ждать, — Теона откинулась назад, усмехнувшись и тряхнув волосами.

Но она не дождалась, возлюбленный пришёл домой в третьем часу ночи. И она не догадывалась, что Дима с Альдебаргой за полночи один раз осквернили место, где свидание было назначено, и два раза — городской парк.

Глава 11 Легенда жива, но врёт

— Когда, говоришь, они начнут продвижение вглубь пещеры? — высокий мужчина, очень бледный из-за того, что последние двенадцать лет не бывал на солнце, с красивыми блестящими волосами, на фоне кожи смотревшимися неестественно чёрными, и бледно-голубыми глазами, настолько бледными, что иногда казалось — радужки нет вовсе, подошёл к Альдебарге.

— Послезавтра, — она уклонилась от его объятия, пересекла гостиную и рухнула на диван, закинув ногу на ногу.

— Ты что, боишься их?

— Разумеется, нет! — сердито воскликнула красавица. — Просто мне не нравится сам факт, что они сюда полезут. Компания ответственна, всё продумала, вероятно, её будет не так-то просто одолеть.

— Но мы же с ней справимся, — мужчина никак не мог понять её недовольство, — если хочешь, мы всех убьём, никто нашу тайну из пещеры не вынесет.

— Всех уничтожать не стоит, на некоторых я опробую свои новые методы. Но в компании есть слишком умные, они могут найти способ, как передать во внешний мир сообщение, что источник зла есть и что мы им пользуемся.

— Откуда ты знаешь? — он улыбнулся Альдебарге. — Со слов Дмитрия? Если этот парень таков, как ты его мне описывала — конечно, вся компания его умнее.

— А ты забываешь людей, — упрекнула его молодая женщина. — Подобные Дмитрию как раз себя считают самыми умными.

— Тогда откуда тебе известно про истинные качества его друзей?

— Виктор, после моего намерения охмурить Дмитрия ты подумал, что мне нравятся идиоты и решил притвориться таким же? — она рассмеялась тихо, зловеще. — Я же могу наблюдать за всеми сотней разных способов, начиная от общения в храме под видом духа и заканчивая перевоплощениями в людей, которые преспокойно втираются в доверие, к кому надо. В конце концов, у меня есть Меланси.

— Госпожа, вы меня звали? — в зеркале, занимавшем всю стену напротив дивана, возникла та самая девчонка, явившаяся Дашке во сне, и вышла в гостиную, на блондинке были уже не лохмотья, а чёрные брюки и красный с чёрной шнуровкой корсет; голос Меланси звучал неестественно, был тоненьким и отдавался

эхом.

— Нет, — бросила Альдебарга, даже не глянув на свою рабу.

По-настоящему красавицу, околдовавшую Диму пока что только в переносном смысле, звали Эвиланой.

Сейчас ведьму обтягивала её привычная одежда, длинное тёмно-фиолетовое платье с высоким стоячим воротником, сильно расширявшимся кверху, с такими же кистями, как на её серьгах и ногтях, без рукавов, с невероятным декольте и двумя разрезами до бёдер.

Мужчина, разговаривавший с ней, был никто иной, как Виктор Эванс.

Да-да, тот самый легендарный чёрный маг, который двенадцать лет назад вместе со своими друзьями, алхимиком Фредом Картером и воином Тимом Астором выдвинул предположение о существовании источника зла. Троицу эту считали без вести пропавшей, а на самом деле…

— И что же ты узнала, дорогая? — Виктор, наконец, позволил себе сесть рядом с ведьмой.

— Среди них — четыре владыки Стихий, Дмитрий в их числе, он хозяин Воды. На их силу и возлагают надежды. Противоположные Стихии, сталкиваясь, образуют невероятную энергию, которая действительно может похоронить источник зла, — произнесла Эвилана. — Кстати, эти четыре мага — те самые люди из Большого Мира. Кто ещё? Есть колдунья, из тех, что чёрной магии отдают себя всю, но умеет превозмогать своё презрение к остальным, кто считает противостояние меча и магии глупым. Глупость оно в том смысле, что меч по сравнению с магией — ничто. Против обычного войска эта колдунья действительно может выйти одна. Но мои демоны не стадо мечников. Ещё один колдун тоже силён, когда-то занимался некромантией, но давно не практиковал. Все прочие — сброд. Лучница, пусть и с эльфийской кровью, девчонка-воительница, целительница, три мечника, у одного из которых было здорово повреждено сознание, — и *он*.

— Кто? — Виктор нежно взял её за руку, чтобы успокоить, но Эвилана выдернула кисть из-под его пальцев.

— Вирон Орбенс.

— Что? Быть этого не может!

— Совпадение, банальное совпадение, Виктор. Он ведь не знает, что я здесь.

— Что будешь делать, когда встретишь его?

— Убью, — моментально ответила ведьма. — Впрочем, из-за моего проклятия он погибнет сам. Он заслужил это. Семь лет назад он стал моей первой любовью, а вскоре — первой душевной

болью, я тебе говорила не раз.

— А с остальными что?

— Сам знаешь — бесполезных тоже убью, из тех, кто обладает какими-то особенностями, сделаю демонов. У повелительницы Огня, Дарьи, заберу эртимера.

— Он тебе так нужен? — всё ещё пытался повлиять на подругу Виктор. — Не думаю, что у него такая уж уникальная сила, и девчонку можно подпустить к источнику.

— Виктор, как можно настолько отстать от жизни!? — она перешла на крик, то есть на истеричный визг. — Тебе известно, кто отец ребёнка Дарьи?

— Мистер Кеану Мортис, глава министерства по борьбе с нежитью, — пробормотал Виктор, снова недоумевая.

— Он Повелитель Тьмы! Теперь ты представляешь?

— Ребёнок этой колдуньи — демон? У тебя же своих демонов полно…

— Пока что он выглядит как обычный эртимер. Душа деформируется последней, а эртимер — это дух. Но какая в нём должна быть сила, что, не догадываешься? От отца — просто страх, но и мать обладает нереально мощной магической энергией. Я сама проверяла.

— Ты уверена, что отсоединить эртимера от матери можно только с помощью силы источника зла? Даже если ликвидировать всю компанию, одну Дарью пустить к нему — это опасно! Если она так превосходна в огненной магии, то может навредить нам! Может быть, и умертвит нас! — отчаянно отговаривал ведьму чёрный маг.

— Насчёт тебя не знаю, а вот меня — ты смеёшься?

— Ладно, хватит! — Виктор встал и, уходя, сказал ей: — Ты доиграешься, как когда-то доигрался я.

— Ты по-прежнему недооцениваешь меня, милый, — хихикнула Эвилана, но дверь уже захлопнулась. — Так, а мне пора на встречу к моему будущему рабу…

— Грустишь? — Джессика, сделав последний выстрел из лука (прямо в центр мишени), кинула оружие на землю и переключила внимание на сестру.

— Дмитрий опять где-то пропадает, — сидевшая прямо на земле Теона подняла голову. — Он плохо выглядит, какой-то вялый и бледный. Домой приходит уставший. С кем он связался?

— Он тебе из-ме-ня-ет! — по слогам проговорила Джессика.

Эту простую мысль Теоне уже пять дней старались втолковать все, даже Ильда. Не помогало. Воздействие на Диму (в том числе и физическое — побои Джессики) тоже не приносило результатов.

Парень не признавал ничего, но и не отрицал — он упорно молчал, являлся домой, валился на кровать и лежал пластом. Эвилана забирала у него жизненную силу и через поцелуи, и через плотскую любовь, а он не мог понять, почему у него так ухудшается самочувствие. Конечно, у Димы было энное число предшественников — и к нынешнему времени Эвилана получила столько жизненной энергии, что почти обрела бессмертие. Виктор Эванс знал, каким образом его любимая получает неуязвимость, и мирился с этим. Также терпел, что ему ведьма не позволяет почти ничего — иначе бы жизнь она вытянула и из него. В этом Виктору помогало заблуждение — он считал, Эвилана не хочет его губить, потому что тоже любит. А он всего лишь был нужен красавице для каких-то её целей…

Теона, стиснув зубы, мотнула головой.

— Что — нет? Ты ещё скажи, что всё ему прощаешь.

Целительница закивала.

— Зря! Если ему недостаточно такой, как ты, — это тяжелейший случай. Ты ангельски красива и добра, ты просто чудо! Не ценить тебя — признак полного отсутствия ума, — Джессика посмотрела сестре в глаза, опустившись перед ней на колени и положив Теоне руки на плечи. — Нельзя осуждать чувства других — но оставаться спокойной, когда творится такое, не меньшее преступление. Как бы убого не звучала фраза «Он тебя недостоин», тебе надо к ней прислушаться. Редко, но она бывает правильной.

— Я не обязана ему нравиться.

— А он не имеет право так к тебе относиться. По-своему он тебя любил, но это слишком недолго продлилась. Он хотел от тебя ответного чувства? Получил? Получил, да такое, что в жизни не каждому достаётся. Дмитрий этого или не разглядел, или оно ему не нужно было.

— Странно…

— Я тоже не понимаю таких людей. Пошли в дом, — Джессика встала и протянула сестре руку. — Холодно становится.

Постоянно в жизни случается, что мы чего-то не понимаем — и вот тут мы становимся перед выбором. Отвергнуть непонятое или поверить ему и принять? Но невозможно угадать, в какой ситуации какое решение будет правильным. Это зависит от состояния души, нашей маленькой планеты, на которой зачастую действуют совсем иные законы, чем во внешнем мире… Теона своей очередной ошибки не видела, Джессике надоело из множества мыслей замечать истины.

— Все готовы? — бодро спросил Томас сестёр, направлявшихся по коридору ему навстречу. — Завтра этот

великий день настанет!

— Такое впечатление, что времени нам всё равно мало, — Джессика отпустила руку сестры и остановилась, целительница, не обернувшись, пошла дальше, в комнату. — Вроде бы у нас всё есть… кроме настроя. У некоторых.

— Состояние Дмитрия меня не волнует. Для нас всех он просто хранилище магической силы Водной стихии, которую надо будет выпустить в определённый момент, — хмыкнул парень. — А вот Теона — за неё беспокоюсь, да. Она с этим идиотом связана магией жизни. Хочется одно воскликнуть: угораздило же её!

— Не тебе одному.

— Сейчас мы заговоримся. Я вот о чём — между ними канал жизни не ослабеет? Силы её могут за считанные часы утечь, а если такая беда настигнет её в глубине пещеры — верная смерть! — Том, казалось, начал поражаться тому, что только что был бодр и весел.

— Это зависит от неё. Теона его ещё любит. Вот мы ей вбиваем в голову, что Дмитрий уже не верен ей — но если она убедится, то умрёт, наверное. Она хотела жить — и жила. А когда расхочет?

— Попала в ловушку, — вздохнул он. — Да, действительно, Теону следует держать в заблуждении, чтобы не допустить её гибели.

— Так завтра мы начинаем продвижение? — вынырнула из размышлений Джессика.

— Как все проснутся, соберутся — мы выйдем.

Воительница поднялась в комнату, занимаемую Сашей и Николасом. Последнего, как Джессика и ожидала и на что рассчитывала, там не было. Саша, растянувшись на кровати, глядел в окно, где ползали жирные тёмно-серые тучи.

— Думаешь? — задала глупый вопрос Джесс.

Наедине с ним она иногда позволяла себе такие слабости.

— Будешь смеяться — я проверяю, можно ли на это ответить «нет».

— То есть? — она подошла к изголовью кровати, опёрлась на руки, наклонившись над любимым.

— Мне когда-то говорили, что можно очень быстро заснуть, если ни о чём не думать. У меня никогда не получалось выполнять это требование. Люди не могут без мыслей. Разница в том, что мысли у всех чистые или грязные, умные или глупые, простые или сложные.

— А какие сейчас были у тебя?

— Я заклинания вспоминал все. Все тактики, которые у нас

есть. Всё, что мы имеем против того, что нас ожидает в пещере. А ещё думал о тебе.

— И что же, интересно? — она забралась на постель с ногами, легла, пальцы её дотронулись до щеки молодого человека.

— Вот закончится это всё — что ты будешь делать? — Саша стал перебирать её волосы. — Продолжишь обучение у Айрис?

— Да. Я вернусь домой только из-за Отряда.

— А что потом? Настанет время покидать Отряд и начинать свою жизнь.

— Почему ты спрашиваешь? — насторожилась Джессика.

— Не представляю, чтобы у тебя была жизнь, как у твоей матери. Ты могла бы снова продолжить странствия с этой бандой.

— Ты так считаешь? Правда? — по-детски обрадовалась она. — А чем станешь заниматься ты?

— Пойду с тобой. Даже если ты поднимешь восстание или присоединишься к чьему-то войску.

— Я счастлива, что ты меня понимаешь. Но не будешь ли ты жалеть потом? Скучать по друзьям? По родным?

— Мои родные в Большом Мире, я уже свыкся с тем, что не увижу их никогда. А друзья, настоящие, отправятся с нами. Останутся — значит, это просто приятели, и скоро забудутся.

— Есть предположения, кто твои настоящие друзья?

— Даша. Надеюсь, этот бред, связанный с её не родившимся сыном, превратится просто в кусок воспоминания, — наигравшись с её волосами, парень стал гладить Джесс по тыльной стороне ладони, — и она прекратит опасаться, что создаёт невероятные трудности, приводящие к трагедиям.

— Будет замечательно! И ещё: ты давно решил что останешься в Альдане навсегда? — прошептала она, прижимаясь к нему.

— Когда мы собрались возвращаться в ваше королевство, — это было его последними словами перед слиянием с ней.

Этажом ниже разворачивалась драма. Теона рискнула поговорить с Димой.

— Что с тобой творится? — просто и наивно.

— Ничего! — он оттолкнул её, падая в кресло, запрокинул голову, с силой выдохнул.

— Я же вижу! Ты не такой, какой бываешь обычно! Что-то тебя терзает?

— Да, терзает! Ты мне надоедаешь! — парень сменил позу с расслабленной на напряжённую.

— Почему ты не сказал мне раньше? Я бы не беспокоила тебя.

— Ты когда-нибудь отстанешь? — крикнул он раздражённо. — Зачем вообще пришла? За этим? — Дима, резким

движением расстегнув на себе рубашку, вплотную подошёл к Теоне, не очень-то нежно схватил за плечи, собираясь поцеловать.

— Да, — соврала Теона, отвечая на последний вопрос.

Она не умела ни ругаться, ни обижаться — только убеждать себя в том, что всё наладится.

— Который из них?

— Вот этот, — Эвилана ткнула пальцем в поверхность зеркала, показывающего, как компания из тринадцати человек во главе с Клариссой и Николасом постепенно углубляются в пещеру; ведьма указала на Диму.

— Красавчик, — отметил Виктор, ревнуя. — Что ты хочешь с ним сделать? Почему ты являлась к нему в своём настоящем облике?

— Чтобы посмотреть потом, как он будет терзаться, — она загородила изображение, чтобы Виктор не отвлекался на него и слушал её внимательнее. — Он узнает, кого на самом деле любит, но вряд ли сможет отказаться от меня.

— Это лишь твоя прихоть, и только.

— Прошлой ночью я начала обращать его в демона, — произнесла ведьма. — В нём теперь проходят несколько процессов. Разум я пока не стала затрагивать. Вот парень познакомится со мной настоящей — тогда я подавлю его сознание.

— Только не надо уведомлять меня каждый раз, когда в нём будут начинаться очередные изменения! — поморщился маг.

— Почему? — притворно удивилась Эвилана.

— Знаю я, после чего твои воздыхатели превращаться начинают. А я все двенадцать лет, что нахожусь здесь, ни разу не был с женщиной, — он отошёл к окну.

— Не обижайся! — протянула она. — В компании, идущей сюда, есть прекрасные девушки. Те, которых мы не убьём — твои. Демонессами они станут не сразу, на это уйдёт больше недели. За это время ты развлечёшься. Ещё через пару месяцев наше создание будет готово, и ты сможешь показаться на люди…

— Но мне ты нужна!

— Хорошо, милый, так и быть, сегодня я немного облегчу твою участь, — она приспустила платье с плеч. — Но помни, заплатишь за это сильным недомоганием.

— Ради этого можно и потерпеть, — он скинул с себя плащ, а от рубашки его освободила Эвилана. — Обожаю тебя!

— Меланси! — перед тем, как сделать всё, ведьма позвала рабу, чтобы отдать приказ.

— Да, госпожа, — девица вновь появилась из зеркала.

— Встреть наших гостей, да потеплее.

— С удовольствием! — она исчезла на том же месте, где стояла.

Гости пока стояли на берегу лавовой реки. Ширина её была примерно такая же, как и у Теримаса, чуть поменьше.

— Мы гении! — Бруно разбирал нервный смех. — Продумали всё, кроме очевидных деталей! Как мы будем перебираться на другой берег?

— Можно вернуться, мы недалеко зашли, — высказалась Алина.

— Нам это ничего не даст, — отмахнулся парень. — Подумать мы можем и прямо здесь, а старушке Ильде не надо показываться, а то начнёт засыпать вопросами, поймёт, какие у нас промахи, и нарушит свой принцип невмешательства в наши дела.

— Телепортироваться научиться нельзя? — поинтересовалась Дашка.

— Это действие относится к чёрной магии. Повторять его придётся неоднократно — доступно оно может быть только Клариссе и Томасу, а они всех нас за один приём на ту сторону не перенесут. И такой всплеск магической энергии, к тому же, может разбудить демонов.

— Обойти как-нибудь невозможно? — Дашка предложила ещё один вариант.

— Об этом уже говорили — нет! — воскликнул Бруно. — Там, где река берёт начало, находится логово суккубов, а там, где заканчивается — распространяется усыпляющая магия.

— Карту дай, — потребовал Саша.

Бруно протянул ему требуемую вещь, которую нёс в руке, не кладя в сумку. Маг развернул её. Карта эта была составлена исключительно по предположениям компании и отображала потоки магии в пещере, обозначенные разноцветными стрелками.

— Да, ты прав, — парень сложил карту и вернул.

— Ты сомневался? — Бруно ощутил укол.

— После того, как ты активнее других убеждал компанию, что у нас готово всё и можно начинать продвижение хоть сейчас — да, мне трудно принимать твои слова на веру.

— Мне это не нравится! — вдруг громко сказала Теона.

— А мы все просто в восторге от того, что стоим здесь, любуемся лавовой рекой — зачем нам идти дальше, там ведь страшно! — съязвила Кларисса.

— Мне не нравится, что мы начинаем ссориться! — с явным укором в голосе пояснила Теона. — Двигаемся ещё по безопасной территории, а когда мы доберёмся до мест, кишащих всякими

тварями? Там вместе надо будет держаться, а мы все разбредёмся по сторонам и вспомним о том, что были командой только тогда, когда на кого-то нападут.

Все, конечно, осознавали правоту Теоны, но показывать это первым не желал никто. Каждый вызывающе смотрел на других: ну, скажи, что больше не будешь умничать! Джессика нахально уставилась на Клариссу, ответный взгляд был насмешливым. Наконец, колдунья, стоявшая у самого берега, отошла с мыслью о том, что на Джессику намёки не действуют и пытаться вызвать в ней раскаяние взглядом бесполезно, и перестала заслонять собой вид на ту часть реки, которая, как увидела Джессика, забурлила.

Звуки закипающей лавы стал устрашающе усиливаться, все повернулись к реке, проклиная растерянность, которая, не затрагивая мышцы, парализовала разум. Народ приблизился к лаве, хотя следовало бы отступать. Из бурлившей реки вынырнула девушка. Она остановилась, повиснув в воздухе в полуметре от кипящей поверхности.

— Зря госпожа опасалась, что вы прорвётесь к источнику, — раздался жуткий голос Меланси. — Вы все так раздражаете друг друга, что если переберётесь на тот берег, пойдёте разными путями, а верная дорога к источнику одна, да и ту можно пройти только всем вместе, потому что кем-то надо будет жертвовать. Только однажды три человека ступили на неё — и один из них достиг цели. А больше никто не смог. Группами и по пятнадцать, и по двадцать человек ходили, и по тридцать, и целыми поселениями! Не возвращались.

— Меланси? — Дашка узнала девицу.

— Дарья, госпожа вас ждёт, — прислужница Эвиланы поклонилась ей.

— Ты её знаешь?! — выпалила Джессика.

— Во сне с ней встречалась. Это она посоветовала мне пообщаться с Эвиланой, — процедила колдунья, в руке её вспыхнуло пламя.

— И не только, — Меланси превратилась… в Лэйрену, дочь Найорды.

Очевидно, молодая мать, которую Дашка обучала магии, была самой Эвиланой.

— Найорда была твоей госпожой?

— Да, леди Дарья, и она осталась очень довольна вашей силой.

— Найорда? — произнесла Джессика, обнажая меч. — Женщина с дочкой, ехавшая с тобой в одном купе?

— Да. Собственно, дочка перед тобой, — Дашка встряхнула руку, но пламя не погасло, а стало ярче, и в нём появились

зелёные языки.

— Иди сюда! — Кларисса взмахнула жезлом, с наконечника сорвался синий сгусток магии, переливающийся голубым и серебряным цветом, вызывающий паралич.

Снова ставшая собой девчонка отбила сгусток, как мяч, в сторону Дашки, та пригнулась, он чуть было не угодил в Тину, но Томас своей магией сбил её с ног, и отражённые чары попали в стену, по которой от места удара разбежались трещины.

Следующую атаку, пламя Дашки, Меланси поймала, не обжегшись. В её руках из пламени показался змий, становившийся всё длиннее и длиннее. Он мог бы дотянуться до любого из стоящих на берегу, но девица не собиралась давать ему команду.

Этим решила воспользоваться Тина, выстрелившая в сердце Меланси, но стрела в воздухе загорелась и рассыпалась в пепел.

— Я выбираю, с кого начать! — сказала, глядя на лучницу, девица. — Так, Дмитрия трогать нельзя, госпожа запретила…

— Эвилана? Ах ты… — следующий сгусток магии Клариссы полетел в Диму, парень растянулся на земле. — Что тебя с ней связывает, говори!

— Ничего! — заорал он, испугавшись, что колдунья может сделать с ним что-то и похуже, да он и не знал ещё, что несчастная красавица Альдебарга и жестокая ведьма Эвилана — одна и та же женщина.

— Леди, не сердитесь на него, — прощебетала Меланси. — Госпожа представилась ему Альдебаргой, а настоящего имени не сказала.

— Альдебарга? Так ты её предпочёл моей сестре? — Джессика направила остриё клинка меча на Диму.

— Её, — признал парень и, уронив голову, оставил попытки подняться на ноги — магия Томаса его удерживала.

Теона молча смотрела на своего возлюбленного… по-прежнему возлюбленного. Не могла она сказать, почему её чувства до сих пор сильны. Так уж Теона была устроена — для неё любовь была вечной.

Все тоже не в силах были из себя хоть слово вымучить. Глядеть на то, как Теона ещё пытается сопротивляться правде, было невыносимо.

Оцепенение спало, когда змий Меланси кинулся на целительницу. В тот момент, когда он вцепился ей в горло, меч Джессики отсёк ему голову, которая, однако, зубов не разжала — волшебница упала, теряя сознание. На обрубленном конце туловища змия выросла новая голова, другая, со страшными сверкающими красными глазами и более длинными клыками, с

них капала жёлтая жидкость, разъедающая всё, на что попадала.

Змий потянулся к Томасу. Призванное существо само не собиралось и дотрагиваться до жертвы, оно намеревалось залить мага кислотой, но парень отскочил. Ему даже не требовалось ловкости: змий был неторопливым. Друзья не понимали, в чём подвох, что это за тактика. И внезапно всё стало ясно — гад, молниеносно развернувшись, набросился на Джессику.

Воительница увернулась, оступившись и чуть было не свалившись в реку лавы. Змий не стал тратить время на неё и атаковал Дашку, защитившуюся огненной стеной. Разъярённый неудачами, он метался от стены к стене, стремясь схватить хоть кого-нибудь, но у него не получалось ничего… первые две минуты.

Слетавшие с его зубов брызги кислоты попадали точнее, спасаться от них было гораздо труднее, чем от змия. Они летели во все стороны, заметить их было сложно, и уж совсем невозможно было сдержать бешеный крик, когда кислота оказывалась на теле. Вопли оглушали, ослабляя сопротивление, а Меланси звонко смеялась.

После того, как последняя жертва, Джессика, пала, девчонка отозвала змия. Она сжала руку в кулак, и оранжевый с зелёным огонь потух. Меланси нырнула в лаву.

Первой очнулась Алина, её магия боролась с повреждениями, позволив волшебнице только прийти в себя, но не встать. У Алины было полностью обожжено левое бедро, и нельзя было не только опереться на ногу, но и вообще пошевелить ей. Слабость не давала колдунье убрать ожог даже со своего тела, но при помощи посоха молодая женщина могла бы исцелить и себя, и других. А магическое оружие валялось на расстоянии, недосягаемом в таком плачевном положении.

Алина попробовала подтянуться, нечаянно перекатилась на повреждённое бедро и вскрикнула. Она быстро перевернулась на другой бок, отдышалась. Минут за десять колдунья подползла к посоху так, что могла коснуться его кончиками пальцев. Надо было сделать последнее усилие, практически ничтожное, но тут Алина заметила то, что заставило её отвлечься.

Отрубленная голова змия, застывшая на шее Теоны, стала быстро-быстро регенерировать. Появилось туловище, хвост и четыре лапы. Вдоль спины и хвоста тянулся гребень шипов. Ящер отпустил Теону (раны от укуса выглядели мерзко, начали гноиться), развернулся, подошёл к Алине. Волшебница подвинулась ещё на несколько сантиметров, и пальцы её сомкнулись на посохе.

Только она потянула его к себе — ящер опустил морду, и

Алина получила новый болевой шок. Существо перегрызло ей руку, державшую посох, стиснув зубы у волшебницы на запястье. Алина уже не видела, как ящер направляется к Джессике.

Глава 12 Страшное спасение

— Что это было? — Тина один глаз распахнула, второй, опухший, приоткрылся наполовину.

Она лежала на земле в каком-то другом месте пещеры. Рядом текла не лавовая река, а обычная, с прозрачной, не скрывающей каменистого дна водой. Из друзей остались только Дашка, Алина и Томас, растянувшиеся на земле без движения, больше тут не было ни души.

Вдруг парень, рукой закрывая рану на предплечье, сел. Взгляд его быстро прояснялся, по-видимому, боль молодого человека покидала.

— Мы живы… Мы были в зоне, где иногда срабатывает магия перемещения, она нас спасла… — бормотал он, память его, казалось, начала резко восстанавливаться.

— Остальные где? — произнесла Тина так, будто укоряла друга за то, что другие, вероятно, уже мертвы или находятся при смерти.

— Где-то в пещере, — резонно ответил Томас, который всё ещё не пришёл в себя окончательно, — но в разных её залах. Мы возле реки Вечного Сна… Так назвал её Тим Астор. Если идти по течению, можно выйти к покинутому дворцу риксов, когда-то это племя жило здесь, в залах пещеры.

— Том, — девушка хотела подойти к нему, но не смогла встать: когда компания подверглась атаки змия, лучница упала на спину в лужу кислоты, теперь не могла пошевелиться.

— Что, Тина? — так же без эмоций спросил он.

— Ничего. Ты ещё не оправился. Скоро пройдёт всё, — грустно сказала девушка.

— У меня обожжена кисть правой руки, — расстроился Томас. — Я правша, у меня выброс магии по этой стороне идёт… Целительницы с нами нет, Алина такое восстанавливать не может, это уже лечебная магия, а не её родная, воздушная. Обратно телепортироваться нельзя, да и вряд ли на том месте кто-нибудь остался.

— А я подняться не могу, — Тина пожаловалась в ответ. — Девушки пока без сознания.

— В воду реки нельзя глядеть, — напомнил парень, хотя речь была вовсе не об этом, — все отражения оживают и становятся агрессивными, стремятся убить того, кому они принадлежат.

— Кажется, я посох потеряла, — протянула Алина, очнувшись, и почувствовала, как щиплет в глазах от наворачивающихся слёз: она вспомнила, кто и каким образом не

позволил ей схватить магическое оружие, посмотрела на изуродованную конечность без кисти и разрыдалась неожиданно громко и сильно.

Ревела Алина от понимания того, что стала калекой, от безысходности, от боли, которая снова дала о себе знать, от страха. Томас, подобравшись к ней, молча гладил её по голове левой рукой с повреждённым предплечьем, на правую иногда косился, сдерживаясь, чтобы не заплакать вместе с Алиной.

— Почему мы выжили? — смогла внятно спросить Алина через некоторое время. — У нас страшные ожоги, а мы в себе, хоть помощи не получали.

— Какая разница? — на пару секунд Томас крепко прижал её к себе и отпустил — вроде бы как обнял. — Узнаем потом.

Магу сейчас было хуже всех, так как он чувствовал ответственность за этих девушек. Совершенно беспомощные, хрупкие, лишённые не только сил и оружия, но и возможности всем этим пользоваться, если б это у них осталось. Он сам почти в таком же состоянии, но физических сил у него от природы больше, да и пострадал он чуть меньше — хотя бы может ходить без затруднений.

— Где я? — послышался слабый стон Дашки.

— Наверное, в безопасности, — Томас оставил Алину и подошёл к колдунье. — Нас телепортировало куда-то на берег реки Вечного Сна. Ты можешь встать?

— Не знаю…

— Попробуй, пожалуйста! — взмолился Томас. — Ты ведь сильная!

— Мне стопу прокусили, — Дашка поморщилась. — Какой-то ящер появился, а потом у меня закружилась голова, и я куда-то провалилась.

— Это была телепортация, — заключил Томас. — Этот гад вроде бы и ко мне направился, только я думал — мне снится кошмар.

— Он мне руку отгрыз! — воскликнула Алина, тут же захлебнувшись в слезах.

— Как это случиться могло, не могу понять, — вздохнула Тина. — Я теперь вспомнила, как мы обсуждали: есть в пещере такое место, откуда посторонняя сила может переместить тебя в любую точку пещеры, и чары на нас всех Кларисса специальные накладывала, чтобы на нас эта сила не действовала.

Алина расхохоталась:

— А я вспомнила, как мы должны были перебраться через реку лавы! Саша мог запросто заставить её затвердеть! Или Дима — заморозить!

— По пещере гуляет дух забвения, — предположил Томас. — Эвилана, раз она где-то здесь, решила защитить пещеру. Или ведьма специально к нашему появлению подготовилась. Дмитрий выболтал ей всё, и у Дарьи она под видом Найорды вызнала. Ослабляющая магия, очевидно, тоже ею создана.

— Теперь Эвилана могла бы духа отпустить, — хмыкнула Тина. — Оружие мы всё равно растеряли, так что знание того, где какая опасность, нас не выручит.

— Нам бы движение начать! Я вас троих на себе не смогу тащить, — буркнул Томас.

— Мне бы только встать, а пойду я на своих ногах, — Тина протянула к нему руки. — У меня только конечности и сгибаются, а сама ни нагнуться, ни повернуться не могу. И всё-таки интересно, почему мы вообще в сознании? Глянь, пожалуйста, что у меня сзади, — попросила девушка, когда Томас помог ей. — Насколько моя спина не похожа на живую плоть?

— Какая мерзость! — парня передёрнуло. — Точно, неизвестно откуда возникшая магия исцеления. Такие ожоги, как правило, покоя не дают. Всё остальное нормально?

— Ага, — Тина прошлась взад-вперёд.

— Так, а что же мне делать с вами, леди? — Томас встал перед Алиной и Дашкой, глядя то на одну, то на другую.

Алина выразила желание попробовать подняться. Опираясь на мага, она сделала это, и, как выяснилось, молодая волшебница могла тоже ходить, правда, сильно хромая. Дашка передвигалась только с поддержкой, и каждый шаг выжимал из неё по несколько слезинок. Томас донёс бы её на руках (знать бы точно, куда нести!), но ожог не позволял подхватить колдунью.

Направление легко определили — речной поток был бурный, ясно было, куда течёт, — и обречённо двинулись. Они не имели понятия о том, где именно находятся, поэтому не представляли, есть ли где-то поблизости демоны или нет. Дашке применять магию не мешало ничего, но без посоха сила могла закончиться быстро, да и уберечь, кроме себя, ещё троих человек от множественных атак — задача сложнейшая.

Они не могли определить, как долго шли — о смене дня и ночи в пещере, естественно, не узнать, часов ни у кого не было. Друзья умудрились свернуть в сторону и потерять из виду реку, единственный ориентир. Радовало пока только отсутствие стай демонов. Отдельные особи встречались, но не слишком опасные и через такие промежутки времени, за которые Дашка успевала восстанавливать силу.

— Мы, судя по всему, идём не вглубь, а к выходу. Демонов мало, — подвёл первые итоги Томас после очередной

непродолжительной схватки.

— Может, это ловушка? — Тина не была так спокойна. — Эвилана хочет, чтобы мы куда-то зашли, я думаю. Посодействовала тому, что мы сбились с пути — мы же не сами! У меня провал в памяти был: идём вдоль реки, потом не помню, а как забвение прошло — реки нет.

— А я считаю, Эвилана просто желает нас выставить из этой пещеры. Покинутый замок риксов, куда мы двигались, достаточно далеко, а мы к выходу если не приближаемся, то уж и не отдаляемся точно, — возразила Алина.

— По-моему, это не её метод. Её помощница со своим змием нас чуть не убила, а госпожа Эвилана просто так отпустит? — хохотнула Дашка. — Тем более, что я ей нужна, точнее, Кристиан.

— В нашем-то состоянии ожидать худшего бесполезно — достойного сопротивления мы оказать не сможем. А на лучшее понадеяться — пожалуйста, надежду у нас никто не отнимет, пока сами не отдадим, — парировала Алина.

Никто из них не ведал, что за стеной пещерного лабиринта ссорится ещё одна часть компании, идущая в противоположном направлении.

— О, Ветры, как тяжело с вами! — произнесла Кларисса с надрывом. — Как можно быть такими непонятливыми!

— Повторяю: двенадцать лет назад, когда пещеру исследовали Эванс, Астор и Картер, тут этой магии не было! — проворчал Саша.

— Вам так трудно было накануне этого дня в храм Разума сходить? Я не отрицаю, что эта ловушка — неожиданность, но просто так, для гарантии, могли бы посетить храм ещё раз, — Кларисса пустила в парня уничтожающий взгляд, который потом направила вперёд.

— Даже если бы мы там поселились на время пребывания в Чёрных Гаванях — не помогло бы! — старался объяснить ей Саша. — Это магия Эвиланы, бросающая вызов магии духов. И твоей защитной магии.

— Вот это ты зря, — отстающий Бруно догнал его и прошептал на ухо. — Силу двух помешанных на своём деле магов нельзя сравнивать: если сравнение будет не в чью-то пользу, то этот человек примет его за оскорбление.

— Так я правду сказал! Даже духи ничего не могут сделать с чарами Эвиланы, а предки-то сильнее, общепризнанный факт!

— Маги — странные люди, — Бруно усмехнулся, но добродушно. — Посмотрим, что через пару лет ты сам заговоришь, заяви тебе кто-то, что твоя магия не предел совершенства. Увлекает тебя колдовство, не так ли? В деревне я

узнал, с каким рвением ты вникал во все сложности и тонкости магии, когда только обнаружил её в себе.

— Превосходство духов — вещь очевидная! — Саше всё-таки невероятное самомнение Клариссы и других магов казалось нелепостью.

— Я не колдун, но привык к этому. И ты это примешь. Неважно, сам или же будешь нормально воспринимать, что некоторые так думают, — и Бруно снова приотстал.

— Что ты ему наговорил? — тут же спросила Кларисса непонятно кого.

— Объяснил, почему ты так рассердилась, — ответил Бруно.

— И почему же?

— Потому что у вас, магов, так в голове всё меняется. Устроены вы так. Обычным людям этого устройства не понять.

— То есть ты великодушно позволяешь мне некоторые слабости, да? — Кларисса сдвинула изящные чёрные брови.

— Нет же, я с пониманием отношусь! И не слабости это, а что-то другое! — Бруно ещё держал себя в руках, но ему это давалось всё труднее.

— Да что ты! — и она ускорила шаг.

Кларисса, в отличие от большинства, свой артефакт, жезл, накапливающий в себе все магические способности противников и передающий их хозяину, не потеряла. Она просто не выпускала его из рук. Так что все ожоги на Клариссе зажили — регенерация змия Меланси. А вот парням было тяжело. У Бруно руку разъело до кости, у Саши пострадало лицо, глаза слезились, он почти ничего не видел, шёл, ведя кончиками пальцев по стене. Молодые люди тоже не знали и терзались вопросом — почему они, так пострадав, чувствуют себя относительно хорошо?

Эта троица, телепортировавшись не по своей воле, тоже бродила по пещере, не углубляясь в неё и не встречая особо опасных демонов. Томас был прав: на берегу лавовой реки не осталось никого, и никому не удавалось приблизиться к цели ни на километр. Почти никому.

Ещё трое из компании искали друзей или хотя бы выход в другой части пещеры, не горячей, с раскалёнными стенами и землёй и потоками лавы, а той, где царил холод.

— Я голоден! — снова известил Клавьер.

— Терпи! — сказал Николас тоном не упрекающим, а ободряющим: крепись, скоро выберемся отсюда!

— Я, наверное, дня два уже терплю! У тебя же волшебное вещество с собой! — продолжал юноша.

Под волшебным веществом подразумевался раствор, несколько капель которого превращались в обилие еды, которая

становилась проще по мере того, насколько его разбавляли водой.

— Это на тот случай, если будет совсем плохо, — осадил юношу Николас. — А я знаю, когда действительно плохо. Ситуация, в которой мы сейчас — так, прогулка.

— Знаю я тебя. Покажется из-за поворота толпа демонов, ты произнесёшь: «Ничего, могло быть хуже!». Хуже, Ник, только смерть, а в загробном мире нам никакие магические изобретения не понадобятся, — изрёк Клавьер.

— Сейчас демонов как раз нет, — заметил Вирон.

— А если появятся? У нас из оружия два меча, я свой выронил где-то, — бормотал паренёк. — И у меня жезл Томаса, только пользы нам от него…

— Вспомни, зачем ты его схватил, — не удержался от иронии Николас.

— Хотел ударить ящера по голове, — Клавьер потупился, стесняясь своего невежества в магии. — Жезл тяжёлый… Когда эта зелёная морда надо мной нависла, я и решил так. Не успел, сознание потерял. Но артефакт у меня в руке остался почему-то.

— Когда ты чувств лишился — так переносил телепортацию. Жезл ты в тот момент держал, поэтому он вместе с тобой перенёсся, — охотно объяснил Николас, так хорошие родители отвечают на бесконечные вопросы маленьких детей.

— Томас без жезла мощно колдует, — без необходимости на то ободрил его Вирон, а результата добился иного.

— Некромант наш не пропадёт, а мы? — Клавьер не скрывал, что боится. — Против демонов мечи не лучшее оружие.

— Если бы это было так, история королевства была бы совсем не такая, — Николас тут же стал исправлять положение, он это умел, потому что ему все доверяли. — Сколько раз демонологи со своими армиями пытались захватить власть, и рвались к столице, по пути не щадя тех, кто отказывался присоединяться к ним? Сопротивлялся злодеям и их слугам простой народ, среди которого магов гораздо меньше, чем воинов. И ведь одерживали победу! Не всегда демонологи проигрывали последнюю битву королевским армиям, где каждый второй воин — чёрный маг и призыватель, каждый третий — целитель. Иногда они терпели поражение от стрел и мечей обычных людей.

— Напоминает красивую легенду. Ник, ты иногда выдаёшь абсолютно неправдоподобную ерунду. Почему она действует? — теперь Клавьер говорил сквозь намечающуюся улыбку.

— Этот вопрос интересует не только тебя, — ответил Николас, вспоминая *её*.

— Опять замечтался, — вздохнул парнишка. — Почему вы все так любите уходить в себя?

— Ты тоже попробуй. Иногда там можно найти много интересного, — посоветовал Вирон. — Мне кажется, что ты иногда думаешь: у тебя там нет ничего. Так вот, *там*, внутри тебя, никогда пусто не бывает. Просто некоторым бывает лень туда идти.

— Я даже мысли так красиво выражать не умею, как вы это делаете, — Клавьер сник.

— А это не главное. Ты понял, что я хотел сказать — вот это главное.

— Ладно, убедил! Ответь перед тем, как я замолчу: вот ты о чём обычно задумываешься и к каким выводам приходишь?

— Я думаю о человеке, изменившем мою жизнь семь лет назад. Мне кажется, я сам в этом виноват, и ищу я причины, чтобы так больше не думать.

— И как, находишь?

— Ну, раз я всё ещё об этом размышляю…

Дима снова пригнулся, над головой его пронёсся на огромных чёрных перепончатых крыльях демон с горящими жёлтыми глазами. Не тронул, только сделал взмах мечом, который отсёк прядь каштановых волос парня.

Такие встречи всё чаще и чаще, демоны над ним издевательски смеются, запугивают — и только! Они выполняли приказ Эвиланы — не причинять вреда Дмитрию, позволить ему добраться до дворца госпожи. Парень догадался, ибо других объяснений не было.

Он шёл не просто по очередному залу пещеры. Тут раскинулось своеобразное поселение демонов — какие-то норы, логова повсюду, фонтаны лавы, факелы. Это была дорога к дворцу риксов, долгое время существовавшему заброшенным, пока там не навела порядок Эвилана. Поселение всё больше напоминало человеческий город, но вот людей не встречалось по-прежнему.

Страшно магу становилось из-за незнания своей участи, которая определённо будет незавидной, а ещё потому, что он не был против того, чтобы снова увидеть красавицу Эвилану. Она погубит его и тем самым убьёт Теону. Целительница ведь ещё черпает жизненные силы в любви к нему? Любить станет некого — и источник жизни исчезнет.

Дворец риксов оказался неожиданно великолепным. Это племя, риксы, было племенем жестоких воинов, единственным искусством для них являлось военное, единственной красотой — красота сражения. В представлении компании дворец их должен быть зданием с грубыми очертаниями и массивными элементами,

без всяких украшений. А Дима увидел сочетание цветных (красных, жёлтых, молочно-белых и оранжевых) витражей, тонких решёток балконов, увитых странным растением с чёрными блестящими листьями, барельефы, изображающие разных воинов, вовсе не монументальные колонны и две гранитные скульптуры у входа: одна демонесса с цербером на поводке, другая держит щит и меч.

Охраны у входа не было. Очевидно, Эвилана не рассчитывала, что кто-то, кого она не желает лицезреть, сюда доберётся. Но зайти внутрь Дима не решался.

Из статуи с цербером вылетел красный сгусток магии, коснулся земли, стал расти в высоту — появилась фигура девушки. Когда она перестала светиться красным, показалась знакомая личность. Меланси.

— Вы заставляете госпожу ждать!

— Извините, — огрызнулся парень, не шелохнувшись, только кулаки сжал.

— Вы сами поднимитесь или вас проводить? Лучше провожу, — выбрала Меланси за визитёра и взяла его под руку такой хваткой, что нельзя было вырваться.

Остаться на месте, сохранив равновесие, когда девчонка потащила его во дворец — тоже. Двери распахнулись сами, гранитные демонессы у входа поклонились. Дима заметил, что у них на губах появились усмешки.

Меланси вела его в гостиную, где было то самое магическое зеркало. У двери прислужница ведьмы исчезла, алым сгустком вырвавшись в витражное окно сквозь стекло.

Пальцы, не подчиняясь воле, схватили дверную ручку, ноги, несмотря на протесты Димы (слабые!), вошли.

— Ты хотел снова меня видеть, — утвердительно сказала Эвилана, полулежавшая на диване с бокалом вина.

— Не знаю. Наверное…

— Запутался? — она сделала глоток, не сводя с него глаз, таких завораживающих.

— Тебе надо было увидеть меня, чтобы помучить? — он старался не выдать себя, своего желания, но поздно было — его разбудили.

— Ты ещё не знаешь, дорогой мой, как я мучаю, — усмехнулась Эвилана, отчего Дима вздрогнул, и не от страха — от волнения.

— Моральные страдания бывают сильнее физических, — пробормотал парень, сердясь на себя за то, что говорит глупости, только отнимающие время.

— Нет, дорогой, та боль плоти, которую я могу вызвать, не

сравнится ни с какими душевными терзаниями. Но я не буду подвергать тебя ей. Твоё тело мне нужно здоровым, — она отпила ещё немного из бокала, на этот раз закрыв глаза и повернувшись в профиль.

— Зачем? — Дима сделал шаг вперёд.

— Тебе незачем знать. Всё равно ты на это никак повлиять не сможешь.

Ещё один томный взгляд с поволокой прожёг его сердце насквозь.

Дима признал поражение. Перед ним была совершенно другая женщина. Скромная улыбка сменилась усмешкой, нежный взгляд стал притворно-томным, только для виду прикрывающим властность и самолюбие. А он будто не замечает метаморфоз.

— Ты пройти не хочешь?

За секунду до последних звуков приказа парень подошёл к ней.

— Будешь? — сделав ещё глоток, Эвилана предложила ему свой бокал вина.

Молодой человек опрокинул его в себя, но часть красной жидкости потекла по подбородку. Протянув руку, ведьма вытерла вино с лица Димы, и со своей ладони и пальцев слизала. Потом Эвилана забрала у него бокал, поставив на столик у дивана, и села. Парень — рядом, но не вплотную к ней (пришлось проявить силу остаточной воли).

— Желаешь увидеть своих друзей? — спросила ведьма, ответа ждать не стала и взмахом руки заставила магическое зеркало отобразить холодную зону пещеры, где изнывали от невозможности что-либо сделать Вирон, Николас и Клавьер.

— Почему они одни? — поразился он громко и быстро, почти выкрикнул.

— Ты подумай! Сам прекрасно это знаешь.

— Твоя магия? — выпалил парень.

— Она тоже повлияла. Но не на саму телепортацию, на кое-что другое, — Эвилана, сидевшая к Диме лицом, откинулась назад, одну руку положив на спинку дивана, другую — на подлокотник.

— На что?! — маг был бы рад осмыслить всё, но присутствие в непосредственной близости такой красавицы напрочь исключало возможность этого процесса.

— Быстро сдаёшься. Впрочем, мне, наверное, следует оставить тебя одного, чтобы не мешать, не так ли? — ведьма вновь выпрямилась и наклонилась к парню, заглянув ему в глаза.

— Нет! — он схватил её за плечи. — Не надо. Не уходи…

Эвилана захохотала. Ему было неудобно от этого безумного

хохота.

— Как же ты прост, как прост! — смогла вымолвить ведьма, останавливаясь. — Всё-таки я тебе скажу, что собираюсь сделать с тобой. Я даже дам тебе шанс, но только ты его не примешь. Но мы ещё не разобрались с телепортацией. Ты не разобрался.

— Я даже не понимаю, к чему ты клонишь!

— Чары постоянства ведьмы Клариссы — это тебе знакомо? — она не стала больше тянуть.

— Да, — он осознал всё разом, внезапно, отчего в животе моментально вырос кусок льда. — Они были наложены на каждом из нас потому, что про это место мы знали. Твоя магия рассеяла их, так? И память нашу подчистила!

— Всё верно, — Эвилана закивала медленно, элегантно. — Я вашу подготовку свела к нулю. Боевых навыков ваши воины не потеряли, но теперь не ведают, какая тактика против какого демона подойдёт. Магическую силу ваших волшебников я не тронула — они всё равно не вспомнят ни одного нужного заклинания вовремя.

— Так ты охраняешь источник зла? — увидев утвердительный ответ, он заговорил с отчаянием, не отказывая себе в жестах. — Почему ты не воздействуешь на моих друзей так, чтобы они забыли о намерениях найти источник? Ты же так можешь! Зачем заставляешь их бродить по пещере, не давая выбраться из неё? Чего ждёшь? Если тебе нравится жестокость, ты могла бы загнать их в логово демонов, которые их, безоружных и бессильных, растерзают! Или убить одного из нас, четверых магов стихий, — на этой фразе он притих. — Тогда мы не сможем разрушить источник зла.

— Какая милая идея! — Эвилана сделала манящее движение указательным пальцем, пустой бокал на столике исчез и появился у неё в руке, опять наполненный красным вином. — Я так и поступлю. Только представь — вы так мечтали, когда встанете возле источника, четыре повелителя стихий сотворят мощное колдовство — или как вы рисовали это в воображении — и начнётся Освобождение. Добро, свет, жизнь рвутся из плена, угнетатели: зло, мрак, хаос и смерть, — гибнут. Мир воцаряется в королевстве! Не только ваше поколение мечтает об этом — все поколения, живущие ныне! И тут всё рушится. Потеря одной человеческой души влечёт потерю надежд всей Альданы. Ваша кучка и вовсе раздавлена. От цели вас отделяли несколько десятков километров — теперь на вашем пути выросла несокрушимая стена. А у некоторых твоих друзей это убийство отнимет смысл жизни — а значит, и саму жизнь. Осталось определить — кого мне устранить, Алину или Александра.

Ужас стекал от горла вниз, в живот, медленнодействующим ядом. Дима уже ничего не мог сделать. Он всех предал. Это было главным компонентом отравы.

— Кого лучше умертвить — парня или девчонку? — мило поинтересовалась зловещая красавица, тут же решив сама: — Парня, конечно. У него ведь возлюбленная есть, тоже среди вашего сброда. Пусть она сойдёт с ума от боли. Она заслужила, как и вы все.

— Разве? Я так не считаю, — пробормотал маг.

— Да что ты! Источник зла не искусственно создан — так захотела магическая природа. Вы собрались вмешаться в её дела, да ещё так варварски. А я и мой помощник лишь пользуемся той силой, что источник даёт, не забирая ничего сверх меры, — произнесла она жёстко.

— Помощник? Правильнее было бы назвать его слугой, — сказал Дима, неприятно поразившись собственной наглости.

— Нет, пока помощник. Слугой будешь ты. Скоро убедишься в этом сам. А теперь взгляни на своих остальных друзей.

Три взмаха рукой — три раза сменилось отражение в зеркале. Томас, Алина, Тина и Дашка; Кларисса, Саша и Бруно, наконец, Джессика и Теона. Увидев целительницу, Дима не смог усидеть на месте — подбежал к зеркалу. Приложив ладони к поверхности, он следил за движениями Теоны до тех пор, пока Эвилана не щёлкнула пальцами и отражение снова не стало реальным.

— Верни, — умоляюще сказал он, обернувшись.

— Скоро я отправлю тебя к ним, не переживай! — допив вино, ведьма пальцем другой руки дотронулась до бокала, он исчез.

— Не просто так ведь отпустишь, — парень вернулся к ней. — Что я должен буду сделать?

— Я сказала — отправлю, а не отпущу.

— С какой целью? — маг уже начинал паниковать, он не готов был к тому, что Эвилана ему прикажет.

— Я подумаю. Для того, чтобы я могла послать тебя к ним, в тебе должны произойти кое-какие преобразования, — ведьма, взяла его лицо в ладони, и теперь она смотрела на колдуна долго и пристально. — Нет, ещё ничего не заметно, — вздохнула она. — Демоническое в тебе ещё слишком глубоко. Сердце затронуто, — Эвилана провела рукой по левой стороне его груди, парень ощутил неслабое жжение там. — Да, уже отзывается. Приказы уже может в себя впитывать, но тело пока не в состоянии их выполнять.

— Демоническое? Что это значит? Я превращусь, — он сам догадался, практически без надежды на то, что ответ будет

иным, — в демона?

— Уже превращаешься. Пока изменения для тебя незаметны, но скоро появится беспричинная агрессивность, возрастёт физическая сила — а в один момент изменится обличье, — Эвилана глянула на него оценивающе, довольно протянула: — Скоро силу в тебя вдохну. Пока твою собственную забрала. Мне пригодится, проживу ещё на пятьдесят лет дольше. Жизненные силы каждого из тех, кто пал перед моей красотой, примерно столько прибавляют к тем десятилетиям, которые отведены мне. Твоя новая сила будет, впрочем, тоже принадлежать тебе не полностью. Ты её применяешь — я распоряжаюсь, как именно.

Глава 13 Роковая битва

Эвилана дала Диме время осмыслить сказанное ею — всего несколько минут. Не стоило отводить и десяти секунд — любовь к друзьям, к свободе не могла перекричать влечение к ведьме.

— И как же ты вселишь в меня демоническую сущность? — обречённо спросил он.

— Так же, как вытягивала из тебя твою, — Эвилана потянулась, прогнув спину.

— Так ты… Когда мы… Так на самом деле… — парень, оторопевший, не мог и нескольких слов связать, понимая, что со стороны ведьмы кроме намерения получить личную выгоду с самого начала не было ничего, совсем.

— Да, милый, не я тебе удовольствие дарила, а ты мне. А ещё мне надо было узнать всё про вашу компанию. Я могла бы подчинить себе кого-то другого из вас, но так вышло, что первым я встретила тебя. Впрочем, так удобнее оказалось — ты не мог рассказывать про меня, имея воздыхательницу, на защиту которой встали бы все. Мне повезло. Не пришлось накладывать на тебя проклятие молчания, — проронила ведьма.

— Сейчас на мне какие-нибудь чары привязанности?

— Нет, подобной ерундой я никогда не пользуюсь. Все и без того падают мне в ноги.

Вот это Диму задело. Недостаточно для того, чтобы снова оказаться на земле, но усыплённую неприязнь можно растормошить. Наверное.

— Если ты под каждого готова лечь — тогда понятно.

— В каком тоне мы заговорили! — протянула она ядовито.

— Что, не задумывалась над тем, кем ты, по сути, являешься? — защищался нападением парень. — Шлюха ты, самая настоящая.

— Тогда ты ко мне с таким презрением не относился, — заметила Эвилана, будто отчитывала его. — Почему не оттолкнул меня? Почему поддался? Не побрезговал ведь мной, падшей ниже некуда. Так что это ты виновен, кобель, который с собственными позывами бороться не может.

— Ты ужасна, — чётко произнёс он.

— Не нравится? Уходи, я не удерживаю.

— Прощай, — сказал парень — и больше не смог ничего.

Она была слишком красива, а сейчас казалась и вовсе бесподобной. Отвернуться или отдалиться от неё было невыносимо. Томная, безмятежная, расслабленная (знала, что маг не выдержит, вот и не волновалась ничуть, но об этом парень

думать не желал), она хранила в себе бешеную энергию страсти, которая чувствовалась теми, кто находился рядом. Только впитывая её в себя, уже можно было потерять рассудок. Молодой человек ощущал, как внутри него пробегают волны мелкой дрожи, охватывая всё тело. Хотелось большего, невыносимо…

— Ступай же, — нежно разрешила Эвилана. — Я снова прикажу демонам, они тебе ничего не сделают.

Он покачал головой: не могу.

— Ты сам станешь демоном. Станешь видеть в своих друзьях врагов — потому что они враги мне. Быть может, ты убьёшь свою бывшую возлюбленную. В моей фантазии всякие картины складываются, объединённые лишь одним — жестокостью. И ты будешь исполнять любую мою волю. Уничтожить всю компанию, не пожалев никого — беспрекословно. Долго истязать Теону — будет сделано. Нравится такая участь?

Он не надеялся как-нибудь перебороть магию ведьмы, не надеялся, что его спасут. Тем не менее, снова выразил отрицание.

— Я пользуюсь твоими инстинктами. Это так грязно, и поэтому я отвратительна. Это разве не смущает тебя? — Эвилана снова стала выделять яд.

Теперь дрожь его была не только внутренней, от желания, но и внешней, от банального страха за себя.

— Тогда я приступлю. Не возражаешь? — она поцеловала мага.

Даже если бы он мог умереть после этого, парень бы не устоял. Эвилана оделила его ещё одним поцелуем, долгим и глубоким…

Через полчаса в дверь постучался Виктор:

— Ты свободна?

— Сейчас! — отозвалась ведьма, укрывая спящего Диму его плащом. — Входи.

— Здравствуй, — колдун шагнул в гостиную и замер, увидев молодого человека. — Что, опять?

— Не сердись, — Эвилана, до сих пор обнажённая, подошла к Виктору. — Это часть плана, ты же знаешь!

— У тебя толпы демонов, — вздохнул он, борясь с желанием притянуть Эвилану к себе: если бы он дотронулся до неё, не смог бы остановиться.

— Я натравлю его на эту компанию, — она сама приблизилась к нему, прильнув, — и устрою так, что его друзья узнают о том, кто этот демон. Только представь, в каком состоянии они окажутся! Борьба должна быть искусной, красивой. С помощью магии убрать их желание продолжить поиски — слишком легко.

— Ещё один твой каприз, — Виктор вынужден был отступить назад, Эвилана не стала играть с ним дальше.

— Пусть будет так. Только это не так просто, как ты думаешь, и стоит того.

На красавице вновь появилось её платье, в руке возник посох, на конце которого был непрозрачный чёрный шар, а повыше середины длины артефакт обвивала золотая змея. Голова её застыла над шаром.

— Как Хидаар? — потребовала она отчёта.

— Я был у него два часа назад. Стремительно обретает форму.

— Надо над ним поработать. Захвати сферу, что принесла Меланси. Ту, которую обронил кто-то из компании. Извлечём оттуда белую магию, Хидаару она понадобится для неуязвимости.

Тёмный колдун и ведьма покинули гостиную. Дима вскоре проснулся. Удовлетворённо отметив про себя, что отсутствие Эвиланы оставляет его непроницаемо-равнодушным, он оделся и оглядел, наконец, гостиную. Мебели тут почти не было, основным предметом интерьера служило магическое зеркало. Слева от дивана — два книжных шкафа уголком, справа в углу подставка с цветочными горшками, в которых были странные растения, напоминающие те, что обвивали решётки балконов — с тёмными листьями, крупными, мясистыми. Рядом с обеих сторон — два кресла. Вот и вся обстановка.

Парень постоял перед зеркалом, ожидая, что оно покажет кого-нибудь из друзей. Конечно, этого не произошло. Он выбежал в коридор, быстро и беспрепятственно спустился к выходу, выскочил из дворца.

Демоническая жизнь вокруг шумела бурная, ещё активнее, чем тогда, когда Дима шёл сюда. И опять на него не нападали. Он подозревал, что ещё вернётся в эти стены.

Дима был бодр, что являлось непривычным. Теоретически он должен уже изнывать от жажды и голода — но ничего подобного. Изменения начались… Всё казалось слишком лёгким, слишком удачным: маг спокойно оставил дворец, демоны не причиняют парню зла. Это должно было насторожить. Дима ослеп снова.

Подобную лёгкость испытывали и Джессика с Теоной, причём давно, оправившись после шока, когда сёстры очутились на крошечном островке посреди подземной реки в замкнутом пространстве. Идти пришлось по пояс в ледяной воде, но холод приятно освежал. Ожоги исчезли минут за двадцать, переломы срослись, раны затянулись. В воде отражался добрый дух дочери Теоны.

— Наверное, мне надо подарить тебе имя, — улыбнулась

целительница, глядя на очаровательное отражение в очередной раз, спустя долгое время после внезапного перемещения.

— Ты не задумывалась над этим раньше? — удивилась Джессика. — Ещё когда вынашивала её?

— Нет, — пробормотала Теона, смущённо улыбнувшись. — Может, назвать тебя Аделью? Как, нравится?

— Жаль, нельзя с ней разговаривать, — вздохнула воительница. — Интересно, она понимает, что мы ей говорим? Тебя, скорее всего, понимает, а вот меня — не знаю. Передай ей мою благодарность. Мы бы уже не жили, если бы не её магия.

— Адель, — повторила Теона только что придуманное имя. — Ты спасла нас.

— Нам бы уже выбраться отсюда или встретить кого-нибудь, — произнесла Джессика. — Наверное, мы уже сутки здесь, а река всё не кончается.

— Хорошо, что мы не устаём, не хотим спать и есть.

— Слишком тут спокойно, похоже на ловушку, — Джессика крепче сжала рукоятку меча, который остался при ней, воительница не расставалась со своим оружием так же, как Кларисса — с магическим жезлом.

— Ты уже говорила, — напомнила Теона.

— Меня это слишком волнует. Мы в пещере, куда люди и заглянуть боятся, куда нельзя войти безоружным — и что? Тихо, безмятежно.

— А как же Меланси?

— Оказалась настолько глупа, что стала разбираться с нами в месте, откуда мы могли исчезнуть — так и произошло. Вряд ли эта девчонка не знала об этой магии, — нахмурилась Джессика.

Она была неправа, не увидела пока очевидного: Эвилана и рассчитывала на то, что друзья окажутся порознь. Так надёжнее. Ведьма верно предполагала, что друзья обладают силой во всех её видах только вместе, единой компанией. Пока Эвилана фактически держала их в плену, не давая ни продвинуться вперёд, ни вернуться во внешний мир, но скоро она намеревалась освободить их разумы. Временно. Меланси ведьма послала к ним просто так, для устрашения.

Однако сёстрам повезло меньше других. Если остальные попали в такие места, где можно было блуждать, нарезать круги, то Джессика и Теона не имели возможности куда-то свернуть и направлялись к центру пещеры. Выйдя в один из залов пещеры, они бы развернулись и пошли обратно, так как чёрная магия не позволила бы им продолжать движение вглубь. Но в реке обитало страшное существо — монстр Денефикс, плод недавних экспериментов Виктора Эванса и Эвиланы.

— Ты опять сердишься? Почему ты всегда такая? — спросила сестру Теона.

— А мне хочется спросить тебя: почему ты никогда проблем в упор не видишь? — парировала Джессика.

Теона замялась. Вопрос её нисколько не задел — она его не поняла, как не понимала многие из причин, по которым Джессика её обвиняла.

— А я не сержусь, я тревожусь, — воительница не стала оставлять сестру без ответа. — Ты не можешь, поэтому я за нас двоих, — усмехнулась она. — Заставить тебя думать я не могу, как не могла научить нашу мать жить.

— Я надеюсь, с мамой, с Дериком и с Шаки ничего не случилось, — пробормотала Теона.

— А они надеются, что с нами всё в порядке — Джейк погиб, — отрезала Джессика. — Так что и с кем-то из них может что-то произойти. Я не расстроюсь, — добавила она категорично.

— Тебе сейчас так кажется, — Теона остановилась и остановила сестру, схватив её за руку. — Ты их любишь на самом деле. Скажи же, любишь!

— Нет, недостаточно сильно, чтобы убиваться по ним, когда их не станет в живых, — оставалась непреклонной Джессика, но глаза её смотрели на Теону мягко, по-доброму, будто извиняясь за то, что воительница не может оправдать её ожидания. — С матерью меня не связывает ничего, кроме биологического родства. Шаки пострадала от её влияния, бедная девочка, конечно, жертва, и её мне жаль будет, наверное, больше, чем мать и брата. А на Дерика мне тоже плевать — есть он или нет. Отсутствия отца я не замечаю — и его смерть меня оставит равнодушной. Только за Джейка немного грустно, он почти понял, как ценна и уникальна жизнь, но так и не успел прочувствовать.

Теона, ничего не сказав на это, пошла дальше.

— Знаешь, чья гибель меня по-настоящему опечалила? — крикнула Джессика ей вслед, не бросаясь, впрочем, догонять целительницу. — Адели и Кристиана.

— Правда? — Теона, просияв, обернулась.

— Матери их принимали бы такими, какие они есть. Это главное счастье.

Теона подождала, пока Джессика поравняется с ней, и дальше сёстры шли рядом. До ближайшего поворота.

В воде что-то чернело. Судя по тому, что это нечто с боков раздувалось и сдувалось — это было живое существо. Потом сёстры и пузырьки выдыхаемого воздуха в воде заметили.

Мимо гиганта проскальзывать было боязно, но отступить

Джессика и Теона не успели ни на шаг — на чёрной голове появились два ярких пятна — жёлтые глаза, жуткие, потому что в них не было ни зрачков, ни радужек.

Пока сёстры выходили из оцепенения, из воды поднялась голова на длинной шее. Это был дракон. Денефикс действительно выглядел как это волшебное существо, только без крыльев. Он распахнул пасть, где теснились сколько-то рядов зубов, а клыки были длиной как меч Джессики, издал кошмарный рёв, оглушивший пленниц чар ведьмы, и одновременно ударил хвостом с такой силой, что сталактиты, свисающие с потолка пещеры, задрожали. После второго удара некоторые сорвались в воду, а сёстры, поднявшись, бросились бежать, но вода сковывала движения.

Рухнувшие сталактиты превращались в горгулий, кидавшихся следом: магия Денефикса. Отбиваться было невозможно: меч с мерзким скрежетанием только тупился об этих созданий, Джессика лишь отмахивалась им. Слышать сестру она не могла, так мощно оглушил её рёв, видеть — тоже, из-за того, что горгульи мельтешили перед глазами, от этого делалось совсем страшно — Теона ведь не могла защитить себя.

Последовал ещё один удар хвоста монстра. Сотрясение сбило Джессику с ног, горгульи воспользовались замешательством, всей стаей накинулись на неё, раздирали живьём, такой боли воительница не знала никогда и не могла сдержать крик. Вода вокруг становилась красной.

Перекинувшись на Джессику, гадкие существа оставили Теону, уже еле дышавшую. Целительница сестру, как и она её, тоже не видела и не слышала. Крики воительницы доносились будто бы издалека, а Теона пока не восстановила способность исцелять людей на расстоянии. Она сумела помочь себе: убрала глубокие раны по всему телу, потом догадалась восстановить слух. И опять передёрнуло от безумного, едва ли не предсмертного крика Джессики, теперь он был слишком близко. Теоне стоило только оглянуться.

Целительница израсходовала всю свою магию на Джесс, которая снова смогла встать на ноги, но воительница была слишком слаба, чтобы продержаться хотя бы пару минут. Её надо было поддерживать, Теона видела только один выход — продолжать творить волшебство за счёт преобразования своей жизненной энергии в магическую. Это должно было привести к гибели, когда и сила жизни иссякнет вся.

Джессика не успевала задуматься над тем, откуда в ней такая ярость взялась, причём ярость качественная, не беспомощная, съедающая самого человека, а выливающаяся непосредственно на

тех, кто вызвал это чувство, и не дающая устать, дарующая пресловутое второе дыхание. Горгульи одна за другой рассыпались на осколки, а уцелевшие создания летели прочь. Целительница просто вернула Джессике силу. Увеличила её сама воительница, понимающая, что теперь за свою жизнь ей придётся бороться самой.

Теона тоже выдержала испытание. Над угрозой гибели она не задумывалась, когда совершала исцеляющую магию, и не удивилась тому, что отделалась головокружением и потерей сознания на несколько секунд. Мысль пульсировала другая: *мы победим*. И этого монстра, и всех демонов. Найдём источник зла, разрушим его. Она была неожиданной, но огромной и прочной. Всё ещё связь с возлюбленным, поддерживающая жизнь, именно она заставляла надежду и уверенность так ярко вспыхивать.

Денефикс, конечно, не остановился. Поняв несостоятельность горгулий, он прибегнул к помощи ядовитого духа. Монстр выдохнул облако кислоты, ставшее призраком.

Казалось, сёстры обречены: духа не поразить мечом. Прикосновения его разъедали кожу, моментально и сразу до кости, впрочем, её начинало разъедать тоже. Если он проходил сквозь тело, то внутри в этом месте всё воспалялось, так что боль была везде. Теона не успевала спасать и себя, и Джессику. Целительница не владела магией на таком уровне, когда для сотворения заклинаний волшебнику не требуется делать никаких жестов, а дух оказался умным и, атакуя Теону, старался повредить ей кисти и предплечья. Она действовала всё медленнее, и настал момент, когда целительница, приложив ладонь к новой ране на плече, не смогла убрать руку. У неё заканчивалась энергия, и заживление ран шло долго. Магией своей она ещё притупляла дикие ощущения, доводившие до обморока. Прерви Теона действие исцеляющего волшебства — тут же наступил бы болевой шок.

Призрак потянулся к её руке, дотронулся. Волшебница не предполагала, что священная магия уничтожает и таких духов, которые не относятся к классу нежити. С воплем и шипением порождение Денефикса начало испаряться.

Монстр не дал сёстрам передышки. Следующий раунд должен был выстоять он сам, лично. Джессика мельком взглянула на свой меч: оружие можно отбросить, оно после схватки с горгульями совсем затупилось, никуда не годится. Но инстинкт воительницы не позволил сделать этого.

Этот поединок оказался, как ни странно, самым лёгким. Меч вошёл в нёбо Денефиксу, когда монстр бросился на Джессику, намереваясь схватить в пасть. Воительница здорово испугалась,

увидев над собой ряды зубов, готовых через секунду раздробить ей череп, но монстр отдёрнул голову. Существо это, очевидно, к боли не привыкло, так как вряд ли испытывало её когда-либо. Не понимая, что с ним происходит, оно яростно трясло головой, извивалось, выло, но бдительности не потеряло: при поспешном отступлении сестёр Денефикс направился за ними. Быстро передвигаться он не мог, лапы были коротковаты, а туловище — массивным. Джессика с Теоной решили даже, что смогут от него спастись бегством. Монстр, чтобы задержать их, призвал ещё стаю горгулий, и своего добился, но лишь наполовину. Она хоть и окружила сестёр, но не могла как-нибудь значительно их покалечить. Невероятная мощь проснулась в воительнице, Джессика умудрялась уклоняться от всех ударов и атак, вспоминая уроки Айрис и думая о том, что впереди ещё незавершённое дело — освобождение королевства если не от всего зла, то от значительной его части, если не навечно (история показывает, что это нереально), то хотя бы на век. Целительница размышляла о том же, а вспоминала о семье, о друзьях… о Диме, ради которых надо жить. Человеческие возможности аномальны — иногда проявляются вопреки законам природы, но согласно голосу сердца.

Денефикс всё же смог избавиться от мешающего меча. Разогнав горгулий, он хотел наброситься на Джессику, в которой видел главную опасность. Исполинское существо, порождение чёрной магии всех видов, он не только не знал боли, но и не мог сопротивляться светлому, священному волшебству.

Теона не могла смотреть, как монстр убивает её сестру, инстинктивно отвернулась, собирая в себе все силы, чтобы воскресить Джессику. Магия вырвалась из-под контроля быстрее, чем челюсти Денефикса щёлкнули, чтобы оборвать жизнь воительницы. Невероятная, ярчайшая, огромная вспышка между Теоной и монстром — и существо забилось в конвульсиях. Священная магия втягивалась в его сердце, разрушая изнутри. Денефикс издыхал долго, заливая всё пеной и чёрной кровью изо рта. Околел он, наверное, через час, но этого сёстры уже не видели. Они к этому моменту были в одном из залов пещеры.

Вот теперь их свалила усталость, казалось, накопившаяся за последние сутки. Сёстры заснули сразу, как выбрались из реки.

— Великолепно! — Эвилана в восхищении застыла перед зеркалом в гостиной. — Эти девчонки — то, что мне нужно для эксперимента!

— Для трансформации душ? — уточнил Виктор.

— Да! Сильный маг и несокрушимый воин, я изменю их

ценности, — ведьма хлопком убрала изображение поверженного Денефикса в зеркале, полюбовалась на собственное отражение и устроилась на диване рядом с Виктором. — От каждой возьму по частице души, материализую их — они будут неуязвимы, страдать за них будет плоть, в которой она была заключена. Светлая волшебница станет ведьмой, её священная сила станет тёмной. Меч воительницы станет обрушиваться на головы бывших союзников. Слишком сестрёнки хороши в бою, чтобы я оставила их на стороне врага.

— Наверное, мы уже можем начать? — с нетерпением спросил Виктор.

— Пожалуй, да, — согласилась она. — У меня появилась ещё одна мысль.

— И какая же?

— Теона связана линией жизни с Дмитрием. Его можно сделать зависимым от этой ведьмы. Призываемый демон, беспрекословно подчиняющийся ей. Опасные будут противники.

— Теона ещё не тёмная ведьма, а целительница, — осторожно указал подруге Виктор.

— Не раздражай меня, — пригрозила Эвилана серьёзно. — Я когда-нибудь не достигала поставленной цели? Не смей во мне сомневаться.

— Раз ты уверена в себе, почему тебя так задевает моё мнение? — удивился маг.

Эвилана не стала отвечать. Виктор не стал настаивать. И приветствовать мысли о том, что ведьме просто нужно от него абсолютное повиновение, — тоже. Пусть красавица злится потому, что он действительно сказал глупость. В самом деле, Эвилана всегда претворяет задуманное в жизнь, зачем тогда назойливые вопросы?

Ведьма, взяв с собой посох, вышла. Ударив им о землю, она перенеслась в то место, где спали сёстры.

Наклонившись над Теоной, Эвилана провела рукой над её лицом, и целительница сразу открыла глаза:

— Здравствуйте… Кто вы?

— Эвилана Армад, — представилась ведьма, подавая Теоне руку для рукопожатия.

Теона робко протянула ей свою, и тёмная красавица сжала её слишком сильно, оцарапав чересчур длинными ногтями.

— Поднимайся, — приказала она.

Не понимая ничего спросонья, целительница повеление выполнила.

— Что ж, приступим, — Эвилана положила руки ей на плечи. — Смотри мне в глаза.

— Зачем? Что вы хотите? — пролепетала Теона, осознавая, что могущественная колдунья добра ей не сделает.

— В глаза смотри! — ведьма повторила приказ, ногти Эвиланы вонзились целительнице в плечи.

— Отстань от неё! — громкий голос красавицы разбудил Джессику, и она моментально вскочила на ноги, метнувшись к сестре и ведьме.

— Нет, ты отстань от нас, — Эвилана схватила посох, стоявший на земле безо всякой опоры, покачиваясь из стороны в сторону, и направила на Джессику, из него вылетела прозрачная бесцветная волна, отбросившая воительницу с такой силой, что от удара её голова оказалась размозжённой.

— Джесс! — вскрикнула Теона, попытавшись вырваться.

— Потом, — отпустившая оружие Эвилана грубым рывком притянула к себе жертву, отчаянно дёргающуюся. — Да успокойся ты! — ведьма оттолкнула Теону, та отлетела к стене и сползла на землю.

— Не надо! — умоляюще воскликнула волшебница.

— Дурочка, да ты даже не почувствуешь ничего! — ведьма рассмеялась сдержанно, хищно. — Вставай, чем меньше будешь ломаться — тем быстрее отпущу. Да-да, отпущу, живую и здоровую.

— Тогда что вы хотите со мной сделать? — Теона, задрожав ещё сильнее, глянула на неё, пристально в лицо ей смотреть боялась.

— Неважно, — Эвилана сделала взмах рукой снизу на себя, и магическая сила заставила Теону подняться.

Ведьма подошла к ней, взяла её руки в свои, прижав к стене. Теона отвернулась, но Эвилана не требовала уже прямого взгляда в глаза.

— Ты поделишься со мной своей душой, — вкрадчиво произнесла она ей в ухо, целительница не только ощущала теплоту дыхания Эвиланы, но и чувствовала, что её касаются пряди волос ведьмы. — Я не обделю тебя, заберу немного. Так как душа твоя сильная, даже из небольшого кусочка её созреет физически полноценное существо.

Теона не хотела слушать её, она пыталась как-то отстраниться от Эвиланы, но сзади была стена, а уклоняться влево или вправо было бессмысленно, ведьма сразу подавалась в ту же сторону, при этом не умолкая.

— Не бойся. С теми, кто не отказывается от сотрудничества со мной, я добра, — тянулся её томный с хрипотцой голос. — Ну же, не прячь лицо, ничего страшного не будет! Я даже не оцарапаю тебя.

— Я не могу вам помогать, — сквозь зубы проговорила Теона.

— Почему? — тон Эвиланы сразу потерял долю приторности.

— То, что вы хотите получить от меня, вы ведь будете использовать против всех нас, — тихо сказала целительница.

— Конечно, — довольно подтвердила ведьма, будто оттаяв. — А сейчас будь умницей, повернись ко мне. Пойми же — твоё счастье, пока я ласковая. Убить тебя я не могу, иначе создание, полученное из твоей души, многое потеряет. Но если ты выведешь из себя, я тебя здорово покалечу магией. Тебе ведь это не нужно?

— Нет, — Теона вздрогнула, потому что Эвилана приблизила своё лицо ещё сильнее, почти касаясь губами её щеки. — Нет, я всё равно не могу согласиться. Пожалуйста, отойдите…

— Сейчас, — ответила Эвилана и сделала то, что Теона меньше всего ожидала: поцеловала её.

От неожиданности целительница не сразу закрыла глаза. Вдруг ей стало щекотно внутри на пару секунд, во рту и на губах появилось жжение, а потом Эвилана подняла голову. Теона была настолько растеряна, что не стала отводить взгляд.

— Вот и всё, — улыбнулась ведьма. — Теперь смотри.

Отойдя от Теоны на несколько шагов, Эвилана дунула себе на ладонь, словно послала кому-то воздушный поцелуй, выдохнув облачко красного пара. Оно начало увеличиваться, превращаясь в копию Теоны… нет, это была *другая* Теона.

У демонессы были белоснежные кудри, находившиеся в таком состоянии, будто их приподнимал, растрепав, ветер, страшные глаза без радужек и зрачков, как у Денефикса, только белые, и красноватая кожа. Подол платья, состоящего из красной юбки до колен и бледно-вишнёвого корсета, изодран в лохмотья, тоже красиво развевающиеся от несуществующего ветра. На ногах у неё были туфли в тон юбке, в руках демонесса вертела жезл с огромным рубином.

— Вы подарили мне жизнь, — сказала материализованная и преобразованная часть души Теоны, обращаясь к целительнице с поклоном, голос демонессы звучал как у Меланси, потусторонний, отдающийся эхом.

— Твоя создательница — я, — приказным тоном произнесла Эвилана.

— Госпожа…

— Не благодари, — ведьма обошла её, оценивая. — Так, имя тебе будет Артея — первые две буквы моей фамилии и первые две буквы имени девчонки, которая согласилась дать мне материал, чтобы я сотворила тебя. Сейчас она увидит, почему необходима нам с тобой живой.

Эвилана снова взяла посох, тут же ставший кинжалом. Она поманила к себе демонессу и, когда та подошла, вонзила его в сердце ей.

Артея даже в лице не изменилась, а Теона рухнула, на груди у неё расплывалось пятно крови.

— Вы же обещали, — простонала целительница, прикладывая ладонь к ране.

— Это проверка. Сейчас будет ещё одна, — соизволила предупредить Эвилана.

Кинжал превратился обратно в посох, ведьма вызвала молнию, ударившую в Артею. Вскрикнув, Теона распласталась на земле.

— Всё, ты свободна. Исчезни, — потребовала Эвилана.

— Без Джессики не пойду!

Но Теона не успела даже посмотреть в сторону сестры, лежавшей без движения. Эвилана ударила посохом — целительница исчезла в снопе белых искр.

— Ну, Артея, с девчонкой-воительницей будет сложнее. Усмирять её будешь ты.

— Как скажете, госпожа.

Глава 14 Артея и Арджея

Джессика очнулась оттого, что кто-то сильно толкнул её в бок. Разлепив веки, она увидела склонившуюся над ней Эвилану.

— Будем знакомы, — ведьма и ей протянула руку, но Джессика этот жест проигнорировала.

Воительница встала, огляделась и только тогда, когда нигде не увидела Теону (на Артею, стоявшую к ней спиной, она особого внимания не обратила), задала Эвилане вопрос:

— Где моя сестра?

— Вернулась к одним из своих приятелей.

— Ты лжёшь, — Джессика приблизилась к ведьме, два взгляда, встревоженных серых глаз и хищных зелёных, столкнулись.

— А ты не такая учтивая, как твоя сестрица, — отметила Эвилана. — Я, между прочим, привела твою разбитую голову в нормальное состояние. Или не помнишь, как здорово ты ударилась? Крови из тебя вытекло целое озеро. Могу вернуть всё, как было, если не дождусь хотя бы слова благодарности от тебя.

— Где Теона? — повторила Джессика.

— Должна столкнуться в зале Помешательства с Николасом, Клавьером и Вироном, — произнесла красавица. — Я отправила её туда. Скоро воссоединю вас всех.

— Ты кто? — недоверчиво спросила воительница.

— Эвилана Армад, — назвалась ведьма.

— Что ты сделала с Теоной? — Джессика грубо тряхнула её за плечи.

— Забрала у неё немного души, — Эвилана пока сохраняла самообладание. — Отпустишь меня — покажу, для чего.

— Не надо думать, что я такая же глупая, как моя сестра. Нет, сначала скажи, для чего тебе понадобилась её душа, — воительница усилила хватку.

— Думаешь, ты меня удержишь? — Эвилана демонстративно закатила глаза со вздохом. — Ты, очевидно, забыла: я владею чёрной магией на таком высоком уровне, что могу убить тебя прямо сейчас, вот в этом положении, — и посох оказался у неё в руке.

— Ты можешь сказать, для чего тебе понадобилась Теона?!

— Хорошо. Артея! — позвала она.

— Да, госпожа, — последовал обязательный ответ, и демонесса уже была рядом.

— Теона!? — оставив Эвилану, Джессика в оцепенении уставилась на Артею.

Черты лица и общие черты всё-таки были легко узнаваемы, несмотря на то, что самого главного, что имела Теона — замечательный, безгранично-добрый взгляд, — не осталось.

— Что это? — ахнула Джессика, неожиданно ставшая готовой расплакаться.

— Отделённая от тела и преобразованная часть души твоей сестры, — охотно принялась рассказывать Эвилана. — В ней магическая сила такой же мощи, которая была у Теоны Винсент, но направление её теперь другое. Артея, покажи ей.

Демонесса жезлом нарисовала в воздухе дракона, быстро, несколькими росчерками, проявившимися ярко-красной дымкой. Существо, налетев на Джессику, вцепилось ей в горло. Оно было нематериальным, и клыки его поранить её не могли, но воительница начала задыхаться.

— Отзови его, — потребовала Эвилана.

Артея направила на дракона жезл, дымка втянулась в рубин, украшавший оружие.

— Никакой белой магии, только чёрная высшего уровня, — гордо произнесла ведьма. — Светлое волшебство, конечно, полезно, но я сделала так, что Артее и Арджее оно не понадобится. Умереть от стрел, клинков, ядов, ударов, падений с высоты и практически любой магии они не могут, а усиливающие заклинания им не нужны: этих девочек просто некуда усиливать!

— Арджея? Это ещё кто?

— Демонесса, которая будет жить за счёт твоей души, Джессика, — Эвилана улыбнулась, но это выглядело оскалом.

Воительнице хотелось заявить, что она не позволит ничего с собой сделать, но с ужасом вспомнила, что она безоружна, а при ведьме её убийственная магия, да ещё и Артея с ней…

— Ты бы, наверное, хотела оказать сопротивление, — Эвилана вдруг просветлела.

— Да, — не стала скрывать Джессика.

— Не лукавишь. Молодец, — усмехнулась ведьма. — Держи оружие.

В руках Джессики возник новый меч, в клинок его можно было смотреться, как в зеркало.

— Сразишься против Артеи, — распорядилась Эвилана, отходя в сторону, к стене.

— И что, вы позволите мне выиграть и уйти? — хмыкнула Джессика.

— Тебе её не одолеть, — протянула тёмная красавица. — Особенно если я приглашу сюда одного зрителя.

Удар посохом — и в зале пещеры оказалась Теона, появившаяся в таких же искрах, в которых исчезла, но сёстры не

успели ничего сказать друг другу: Артея начала поединок.

Первой её магической атакой стал выброс белого луча магии, распавшегося на искры, однако невидимая магия, продолжение пропавшего луча, поразила Джессику. Воительница скорчилась на земле от боли, вспыхнувшей в сердце и растекающейся по кровеносным сосудам. Теона бы кинулась к ней, но магия Эвиланы не давала ни сдвинуться с места, ни закричать, ни, тем более, сотворить даже самое простенькое волшебство лечения. Целительница могла только беззвучно плакать.

Джессика почувствовала толчок ярости, заставивший превозмочь боль и приказавший встать, но снова была повержена. Магия Артеи не иссякала, но бешенство воительницы — тоже. Вскоре Джессика даже притерпелась к падениям. Ярость была выталкивающей силой, кидавшей её на противницу.

Артея почему-то не отступала на безопасное расстояние. Определённо это был подвох, но Джессике нужно было ударить её мечом, эмоции требовали.

Она сделала это, падая в трёх шагах от демонессы, оружие нанесло рану через весь живот. На теле противницы не появилось ни капли крови, разодранное платье вмиг стало целым. В стороне послышался звук удара о землю: целительница не устояла на ногах.

Демонесса не стала ничего предпринимать, давая Джессике возможность осознать трагедию. Воительница, шатаясь уже не от телесных мучений, приблизилась к сестре и опустилась (скорее даже упала) на колени возле неё.

— Прости… Прости… Я не знала!

— Ничего, — магией, отточенной за последние сутки до совершенства, Теона заживила рану, теперь ей достаточно было провести по ней кончиками пальцев.

— Будешь продолжать или признаешь поражение? — прогремел голос Эвиланы.

— Ни то, ни другое, — упёрлась Джессика.

— Я ожидала этого, — Эвилана закивала, делая резкое движение рукой, в которой был посох, снова переместив Теону из этого места. — Итак, попробуем обойтись без страданий.

Она села рядом с Джессикой, одной рукой обняв, а попросту удерживая молодую воительницу, сильно надавливая ей на плечо, другой рукой развернув её лицо к себе. Но Джессика вырвалась, отскочив назад.

— Не дождёшься, — с тихой, укрощённой ей самой злобой сказала она.

— Какие же вы забавные, воины, — рассмеялась Эвилана. — Даже зная, что соперник сильнее и шансов на победу у вас нет, вы

всё равно лезете в бой.

Джессика подобрала оброненный меч.

— Отступать стыдно и противоречит нашим неписаным законам.

— Стыдно погибать из-за собственной глупости! — с картинным укором вздохнула ведьма.

— Не желаешь сразиться сама, а не выставлять вместо себя прислужницу? — Джессика выставила меч вперёд.

— Нет, — неожиданно ответила красавица, щёлкнув пальцами, растворяя в воздухе меч. — Я могу нечаянно убить тебя, а смерть твоя мне не нужна.

— Я постараюсь не даться тебе живой.

— Значит, мирным путём у нас ничего не получится? — Эвилана потянулась к посоху.

— Об этом не может быть и речи.

— Советую тебе изучать магию теоретически, чтобы знать, какие у нас, ведьм, возможности, — красавица сделала изящный взмах посохом: снизу, перед собой (он едва не коснулся земли) и резко вверх.

На долю секунды она замерла, держа посох в вытянутой руке над головой. Вокруг неё вспыхнул и погас огненный круг, и дорожка пламени потянулась к Джессике и, настигнув её, обвилась по телу, не обжигая, но парализуя. Ноги воительницу больше не держали, она рухнула на спину, тяжело дыша от негодования.

— Ну что? Получила, что хотела? — Эвилана подошла, встала над ней. — Ты сопротивляться сейчас не можешь, я могла бы сделать всё нежно, безболезненно. Но ты не на это рассчитывала, так? Я не стану тебя разочаровывать.

Конец посоха упёрся Джессике в грудь, туда, где находится сердце. Чёрный шар стал красным и начал дымиться, а воительница хотела умереть, чтобы нереальной силы мучение прекратилось. Казалось, все кости дробятся, кожу сдирают живьём, а в каждом из органов поселились сразу все виды боли: ноющая, колющая, режущая, давящая…

— Я закончила! — раздалось где-то рядом восклицание Эвиланы, Джессика уже не воспринимала ничего отчётливо. — Любуйся собой новой, улучшенной. Ах, да, тебя же надо привести в порядок! — спохватилась ведьма.

Посох снова коснулся Джессики, но последствия были иными: прилив бодрости. Красный дым, валивший от магического оружия, становился всё более густым, а когда шар, которым посох заканчивался, снова стал чёрным, начал рассеиваться.

Демонесса-воительница снисходительно глядела на свою

человеческую копию, опираясь обеими руками на рукоять огромного, сантиметров на десять короче полутора метров меча с широким клинком с фигурно зазубренным остриём, воткнутого в землю. У Арджеи, как и у второй демонессы, полученной из души Теоны, были кошмарные глаза с одними белками и красноватая, будто здорово обгоревшая кожа. Алые волосы не развевались, наоборот, лежали идеально ровно. На демонессе тоже была форма отряда госпожи Айрис, но вместо чёрного цвета в одежде присутствовал красный.

— Неплохо. Покажи, что умеешь, — попросила с тёплыми, но всё же приказными интонациями экспериментаторша.

Выдернув меч, Арджея продемонстрировала несколько приёмов с ним, а противника ей, минотавра, тут же сотворила Эвилана. Мифическое существо смогло нанести демонессе только три удара, от которых Джессика задыхалась и отплёвывалась кровью. Арджее хватило пары минут, чтобы одолеть соперника и прикончить его.

— Вот поэтому я разрешаю тебе жить, — кивнула Эвилана воительнице. — Ты всё узнала. До свидания!

Перед глазами замелькали искры, земля под ногами пропала, Джессика будто куда-то проваливалась.

Ведьма телепортировала её туда же, куда и Теону. Её и троих приятелей воительница сразу встретила.

— Наконец-то! Отпустила тебя! — целительница намеревалась стиснуть сестру в объятиях, то же самое хотел сделать Клавьер, но Джессика не далась.

— Ты не рада? — пробормотала Теона.

— Если нам, чтобы прорваться к источнику, надо будет драться с собственными демоническими двойниками, то нам с тобой это прямая дорога в царство мёртвых, а всей остальной компании — сокрушительное поражение, — Джессика мрачно взглянула на неё.

— Когда мы соберёмся вместе, сообразим что-нибудь, — не теряла уверенности Теона.

— Напрашивающийся выход — пожертвовать нашими жизнями, но это только пафосные слова, — воительница не разделяла её настроя.

— Может, ты нам объяснишь, что там с вами произошло, — осторожно попросил Николас, — а то Теона была слишком взволнованна, чтобы внятно говорить.

Она изложила им всё подробно.

— Эвилана так над тобой издевалась? — ужаснулась Теона.

— А над тобой, что, меньше? — хмыкнула Джессика. — впрочем, ты, наверное, была более покладистой.

— Посохом она вообще не пользовалась, — целительница покраснела.

— А как тогда?

— Ну… — её лицо стало такого же цвета, как у её демонического двойника. — Она меня… поцеловала, — закончила Теона фразу на одном дыхании.

— Теперь у меня подозрения насчёт Дмитрия, — сразу же произнёс Николас, ничуть не удивившийся. — Это счастье ему не раз выпадало. Эвилана могла у него и душу так забрать, и силу магическую. Они ведь связаны, раз можно вытянуть душу, то и магию можно. Ведьмы и тёмные колдуны вообще любят лишать людей этой энергии разными способами.

— Тогда наш план провалится! — вспыхнула негодованием Джессика. — Если у нас не будет силы четвёртой стихии, Воды, то ничего не получится. О, Ветры, Дмитрий нас не просто подвёл — это слишком мягко сказано, он… Предал нас!

— Что ты! Он ведь не знал и не мог предугадать, что это так обернётся! — Теона немного расстроилась оттого, что опять видела перед собой ненависть.

— Не надо было тебя вообще с собой брать! — воскликнула Джессика, отойдя так, чтобы между ней и Теоной шёл Вирон. — Твой удел — семья, не странствия. Я тебе говорила, что из тебя получится хорошая мать? Разумного борца за мир ты сможешь вырастить, но стать им — никогда.

— Не сердись. Бедной девочке, скорее всего, придётся измениться, если то, чего мы боимся, настанет, — изрёк Николас.

— Эвилана никаких намёков не делала на то, что нас ждёт? — быстро сменил тему Клавьер.

— У неё уже всё имеется, чтобы расправиться с нами, — с пессимистичной готовностью к худшему ответила Джессика. — Скоро мы все встретимся, вся наша команда, и пойдём навстречу вероятной героической смерти.

— У нас не команда, — сказала Теона грустно. — У нас толпа. В команде все друг друга поддерживают.

— Вот в этом люди самые странные существа. Мы не понимаем, что нужно делать, но отчётливо осознаём, что делать нельзя, при этом именно так и поступаем. Парадокс! — заключил Николас.

— Ты права, это то, что нам нужно, — Виктор оглядел со всех сторон демонесс, по очереди взял у каждой оружие, повертел в руках, вернул. — А что с тем парнем, Дмитрием? Неужели ты оставила эту идею?

— Договоришься ты когда-нибудь, — пригрозила Эвилана

вроде бы ласковым тоном, но она не шутила. — Я заставлю его перейти на нашу сторону, компания безумцев лишится силы одной из стихий, они окажутся не в состоянии что-то сделать с источником. Кроме того, эти три создания помогут нам в дальнейшем бою.

— Артея и Арджея неуязвимы, пока Теона и Джессика живы, — задумался Виктор. — Потом они будут простыми, пусть и очень сильными, демонессами.

— Я это предусмотрела, — ведьма посмотрела на него презрительно. — Заметь, я последний месяц терплю тебя с трудом. Хочешь со мной работать — принимай мои решения как истину в последней инстанции, понял меня?

— Я не работать, я просто быть с тобой хочу! — выпалил Виктор.

— Это вторая причина, по которой я от тебя до сих пор не избавилась, — довольно и громко, отчётливо протянула Эвилана. — Первая причина — твоя неслабая чёрная магия.

Колдун нарочно не стал вникать в смысл её слов. Вместо этого посмел сказать:

— И всё равно я думаю, ты усложняешь всё. Ты могла бы стереть им память, они бы бросили поиски, а, выйдя в город, никому не стали бы рассказывать про тебя и твои деяния.

— Существует магия, способная восстанавливать картины прошлого в чьём-либо разуме, — Эвилана сменила стиль поведения, подумав, что холодности и грубости для Виктора на сегодня достаточно. — У меня ещё нет таких возможностей, чтобы защищать свои тёмные чары от противодействия белой магии.

— Наблюдал я за этими друзьями. Светлое волшебство, снимающее высшие проклятия — уровень едва ли не королевских магов. А среди компании нет никого со связями. Все безродные, бедные, потерявшие всё. От кого они получат помощь? — попробовал вразумить Эвилану Виктор, без всякой надежды. — Да и не сообразят они, что им помощь необходима. Будут жить, как раньше.

— Среди них — сын Лордеша Дьюри, одного из приближённых короля Мартина.

— Мартин больше не король. И Лордеш давно стал никем, ещё при жизни нашего последнего монарха, — напомнил маг.

— Какие-то связи могли остаться, — ведьма не собиралась поддаваться на уговоры, играя свою роль так убедительно, что Виктор, не зная Эвилану достаточно, поверил бы, что она и в самом деле беспокоится.

Главным актёром, пусть и неосознанно, был он сам.

Постоянно распинался перед ведьмой, зная, что это бесполезно. Но продолжал делать это. Ведь играл он для себя.

— Госпожа, вы чем-то расстроены? — гостиная наполнилась потусторонним голосом Артеи. — В ком причина? Я уничтожу этого человека.

— Я потом тебе скажу и покажу, кого надо убить. И тебе, Арджея, тоже, — улыбнулась Эвилана искренне.

Эта улыбка поразила Виктора. Он впервые увидел, что Эвилана способна на привязанность к подневольным созданиям, да и вообще на привязанность. Ему стало особенно грустно.

— Хочу убивать сейчас! — заявила Арджея.

— Потерпи пару дней, — нежно, но настойчиво возразила Эвилана.

— Почему нельзя сегодня? — капризничала демонесса.

— Надо собрать всех ваших будущих жертв в одну кучу и завершить превращение одного молодого человека, это будет живое оружие для Артеи, — спокойно объяснила ведьма. — Но мне нравится твоё стремление. Думаю, можно отправить тебя на время, пока я всё не закончу, в какие-нибудь земли. Там развлечёшься.

— Желательно не перемещать её туда, где известна девушка, из души которой создана Арджея, — Виктор высказал личное мнение по привычке. — Опознают ведь и просто так не оставят.

— Я отправлю её в Фатону.

— Фатона… — чёрный маг стал вспоминать, где слышал это название и от кого. — Но… Это же её родная деревня, её дом!

— Деревня неудачников и глупцов, — уточнила Эвилана жестоко. — Могла бы процветать, она ведь совсем близко к столице, к королевскому замку. Но стремится сохранить независимость и чистоту совести. Но это не главное. Основной повод — именно то, что там живут родные этой девчонки. Семья, должно быть, скучает по Джессике. Вот и свидятся. Пусть порадуются за неё, она же служит мне, Эвилане Армад, которая скоро изменит судьбу Альданы.

— Известие доползёт — нет, долетит до замка! — воскликнул Виктор, от переизбытка эмоций вскочив с дивана.

— И что? Люди, которые сейчас там находятся, безопасностью королевства интересуются меньше всего.

— Так выпустят меня отсюда или нет! — возмущённо напомнила о себе Арджея.

— Да. Иногда я буду наблюдать за тобой, может, прикажу доставить в мою обитель кого-нибудь, чтобы сделать из него демона, — ленивым взмахом руки Эвилана притянула к себе посох. — До скорой встречи, Арджея.

Демонесса переместилась за шесть земель отсюда. Виктор, пройдясь по гостиной до двери и обратно, остановился перед ведьмой.

— Королевские маги-то не все разбежались, — произнёс он. — Арджея их не оставит равнодушной.

— В Фатоне население не тридцать человек. Развлечения моей девочке хватит, и у неё не возникнет необходимость искать себе новое. Когда деревня будет мертва, Арджея понадобится нам, я верну её сюда, — медленно проговорила Эвилана. — А сейчас мне надо поработать с Артеей. Спускайся в третью лабораторию, — велела она демонессе.

Названное помещение находилось в подвале, но в лаборатории было жарко. Пламя под котлами и пробирками совершенно не грело, от него даже веяло холодом, тем не менее, все жидкости и растворы нагревались и закипали. Так что жара явно поддерживалась магией, в коридорах подвала температура, кажется, была ненамного выше нулевой.

С появлением Артеи некоторое пламя стало более интенсивным и холодным. Несколько пробирок взорвалось, кое-где содержимое котлов закипело так, что брызги летели на пол. Беспредел прекратила вошедшая Эвилана, коротким заклинанием вернувшая всё в первоначальное состояние.

— Гляди сюда, — госпожа взяла с одного из столов большую колбу с красной жидкостью.

Артея, приняв, поднесла сосуд к глазам, которые только казались невидящими. В колбе вдруг появилось лицо Димы.

— Кто это? — задала она резонный вопрос.

— Дмитрий, твой будущий раб. Он перевоплотится в демона, который будет повиноваться тебе, появляясь рядом по твоему зову.

— Благодарю вас.

— Протяни руки ладонями вверх, — потребовала Эвилана.

Артея послушалась. В каждую её ладонь ведьма вылила по несколько капель из колбы, жидкость начала с шипением въедаться в кожу. Было больно, но Артея терпела молча, правда, с гримасой слишком ощутимого физического страдания, только один раз демонесса сдавленно вскрикнула. Когда от жидкости на руках ничего не осталось, Эвилана приказала Артее отпить из колбы. Один-единственный глоток еле дался прислужнице, настолько противной на вкус оказалась жидкость.

Отмучавшись, Артея сама поставила колбу на место.

— Часа через три зайди в гостиную. Проверим, насколько подавилась воля Дмитрия, — хищно прищурилась ведьма.

Компания постепенно воссоединялась. Друзья сбились в две группы, которым предстояло где-нибудь столкнуться. Первая: Теона, Джессика, Вирон, Клавьер и Николас, — всё ещё шла по безопасной зоне, где почти не показывались демоны. Вторая: — Дашка, Алина, Тина, Томас, Саша, Кларисса, Бруно — и Дима, — шли по бескрайнему залу пещеры, где из-за невероятного количества сталактитов и сталагмитов постоянно теряли друг друга из виду, а замешательствами этими пользовались демоны-невидимки, которые становились видимыми внезапно и перед самым носом. Теоретически в бою они не были такими уж страшными противниками, но из-за страха, взрывы которого внутри случались чуть ли не каждые полминуты, часть сил друзья потеряли. Когда все выбрались из этого зала к ещё одной подземной реке, по предположениям компании, безопасной, то чувствовали себя измотанными так, что хотелось упасть прямо здесь и хотя бы часок отдохнуть.

— А расслабляться уже нельзя, — произнёс Бруно. — Разум спящего ослаблен, а желающие воздействовать на него могут показаться когда угодно.

— Да и госпожа Эвилана такой возможности не оставит, — вздохнула Дашка. — Я только сейчас сообразила: мы ведь с тех пор, как вошли в пещеру, ни разу глаз не сомкнули, я имею в виду — от усталости. Сдаётся мне, спать нам опасно. А то проснёмся уже не теми, кем мы на самом деле являемся.

— Можно по очереди вздремнуть, — предложил Томас. — Если у кого-то во сне происходит помутнение сознания, это можно заметить. Сложно очень, обычный человек вовсе ничего не увидит, но нас в Академии учили.

— Ты один такой умный, — хмыкнул Саша. — За всеми нами не уследишь. К тому же ты сам засыпаешь, вряд ли сможешь разглядеть всё.

— Верно, — согласился Томас, но не сник. — Кстати, а почему так вышло, что мы все спать не хотели? Наверное, двое суток прошло. И раны на всех нас сами зажили, без лечения.

— Конечно, хочется предположить, что это чары какой-нибудь светлой волшебницы, но это слишком шикарный вариант, — усмехнулась Дашка. — Эвилана же здесь обосновалась, почему и другим нельзя?

— Эвилане источник зла нужен, я полагаю, — сухо сказала Кларисса. — Вряд ли что-то могло привлечь в этой пещере нормальных людей.

— А если посмотреть на это глазами ненормальных людей? — Саша вдруг приободрился.

— Может, кто-то переоценил себя и решил, что сможет

очистить эту пещеру от чёрной магии, — Алина отвлеклась от своей изуродованной руки, так и не восстановившейся. — Или просто захотел уединения. Чтобы спокойно практиковаться в магии.

Кларисса больше не вставила в разговор ни слова, но сделала говорящий всё раздражённый вид.

— При тебе, наверное, нам вообще нельзя про магию говорить, — рискнул подать голос Дима, который уже опасался лишний раз напоминать в компании о своём присутствии, подозревая, что оно никого не радует. — А то оскорбляем своим невежеством всех магов королевства, нас предки не простят.

К приятному удивлению молодого человека, Диму поддержали.

— В самом деле, Кларисса, будь терпимой! — обратился к ней Бруно. — Для этих ребят два года назад магия была лишь выдумкой, с колдунами им общаться тоже как-то не приходилось. Ты у нас, конечно, воплощение магической силы и мысли, от тебя всё можно узнать, но всё сразу им не откроется! И нам тоже.

— Кларисса злится, что девятнадцатилетняя девчонка обладает большей силой, чем она, — прошептала Диме Тина. — Эвилана в двенадцать лет могла творить такие заклинания, которые Клариссе удавались в семнадцать. Я слышала, как наша леди жаловалась Николасу. Так что всем надо просто перетерпеть.

— До каких пор? — Дима насторожился, догадываясь, какой будет ответ.

— Пока мы её не убьём.

Ему тяжело было об этом думать, разумные доводы не помогали, да и в вопросах любви они оружие столь же подходящее, как кухонный нож против дракона.

— Что с тобой!?

Он пришёл в себя от крика Тины ему в лицо.

— Э… Ты чего?

— Томас, — залепетала девушка, отходя назад, — Томас, посмотри, с ним что-то происходит!

— Где? С кем? — встрепенулся парень, на которого Тина натолкнулась спиной.

Развернувшись, лучница принялась нервно трясти его за руку и одновременно тянуть мага за собой вперёд, к Диме.

— О, Ветры! — только и смог выдохнуть Томас, оказавшись перед ним и бросив единственный взгляд на него.

— Святые духи, только не это! — воскликнул кто-то.

Потом наступило состояние, похожее на сильное опьянение.

Глава 15 Последний взгляд глазами человека

— Знакомься, Артея, это Дмитрий, — голос Эвиланы стал первым, что услышал Дима, когда снова стал соображать.

— Ничего, — оценила демонесса, которую парень не видел, потому что ещё не открыл глаза, и принял сначала за Меланси.

— Прикажи ему, — предложила Эвилана.

В памяти опять случился провал. Когда Дима пришёл в себя, то обнаружил, что у его ног лежит мёртвый мужчина, который был ему неизвестен.

— Изумительно! — восхитилась Эвилана, глядя на Диму, парень понял, что хвалят его. — Ты полностью раб, подчинялся беспрекословно, при этом действовал молниеносно. Наверное, стоит поблагодарить тех, кто помог тебе развить твою силу и научил управлять ею. Назовёшь имена?

Он растерялся.

— Ладно, не надо. Всё равно при встрече я не собираюсь их щадить, если, конечно, они не решат служить мне сами, — бросила Эвилана с нарочитым безразличием.

— Это я убил? — выдавил из себя Дима.

— Совсем ничего не помнишь? — поинтересовалась ведьма. — Да, это сделал ты своей магией. Двух ледяных молний Гайферу хватило, но его пришлось обездвижить заклятием обледенения. Бедняга не успел ничего предпринять, произнести хотя бы один звук какого-нибудь заклинания.

— Я заморозил его в кусок льда и обрушил на него, беззащитного, две молнии? — проговорил Дима в ужасе, только сейчас обратив внимание на прозрачные осколки, которыми был вокруг трупа усеян ковёр.

— Против тебя беззащитны все, — Эвилана пребывала в восторге и переполнялась гордостью за саму себя, сумевшей поставить столь удачный эксперимент. — Гайфер — один из самых сильных магов Чёрных Гаваней. Но и он ничего не смог против тебя.

— Как он тут оказался? — буркнул Дима, зная ответ.

— Я его специально телепортировала во дворец, — ответила ведьма, — чтобы проверить твою покорность.

— Я умертвил Гайфера по твоему приказанию, да?

— Нет, это Артея велела, — тут красавица отошла, чтобы не загораживать демонессу. — Ты ничего не замечаешь в своей госпоже?

— Нет… — начал было Дима, но тут же осёкся, присмотревшись получше. — Теона?!

— Лучше, — Эвилана показала идеальные зубы. — Это её обработанная душа.

— Душа? — от получаемых сведений парню становилось дурно. — Ты что, убила её?

— Нет, — ведьма продолжала отвечать таким же ровным тоном, со своими обычными томными интонациями.

— Неужели… — Дима ощутил мороз внутри. — Неужели… — мысль была настолько дикая, что ему было гадко её произносить вслух, — Теону тоже я убил?!

— Девчонка жива, — вздохнула Эвилана, словно объясняла ему суть эксперимента уже битый час и устала от этого. — Перед тобой не вся её душа и даже не половина. Она у Теоны Винсент огромная, просто бескрайняя. Я мало у неё взяла, этого хватило, чтобы получить Артею, но было недостаточно, чтобы Теона хоть сколько-нибудь пострадала. С твоей душой я не провела такого эксперимента, потому что она слишком мелкая. На двоих, тебя и демона, её мало будет, да и если бы я вытянула из тебя всю душу, существа бы из неё не получилось. Тебе я нашла другое применение, помнишь ведь.

Дима ничего не заподозрил, полагая, что на целительницу эксперимент никак не повлиял.

— Да, ты обратишь меня в демона.

— Пользоваться тобой будет Артея, — сообщила красавица. — Теона сделала ошибку относительно себя, но поступила замечательно с моей точки зрения, полюбив тебя и связав себя с тобой. Вот над этим я и поработала. Чуть-чуть моего содействия — и Теона в облике Артеи подчинила тебя полностью.

— Зачем тебе это? — Дима произнёс этот вопрос скорее как утверждение: не понимает он, что движет Эвиланой.

— Сражение в этой пещере лишь тренировка, — медленной плавной походкой ведьма приблизилась к нему, обняла сзади, наклонившись (парень сидел на диване, она обошла его). — Я же не просто так скрываюсь здесь. Я работаю над кое-чем гораздо более масштабным, и планы мои потрясли бы тебя размахом, если бы я рассказала тебе. Ты, Артея, Арджея — это демонесса с душой Джессики, Кристиан, — им придётся помочь мне достигнуть того, что мне нужно.

Ему нечего было спрашивать или сказать против. Артея резко отбросила назад руку, сжимающую жезл со вспыхнувшим ярким светом рубином — у Димы голова стала тяжёлой, веки сомкнулись, появилась слабость. Его отправили обратно в компанию.

В этот раз последствия насильственного перемещения были ужасными. Если до этого ощущения напоминали состояние опьянения, теперь организм и разум будто бы мучались тяжелейшим похмельем. «Я это заслужил», — убеждал он себя, когда голову сдавливало так, что казалось, череп треснет. Большинство, по-видимому, считало так же. Единственной, кто пожалела бы его, тут не было, впрочем, и той, которая нарочно стала бы шуметь, чтобы все звуки преобразовывались в удары совсем уж нестерпимой боли в голове, — тоже.

Томас нагнулся над ним, разглядывал, прищурившись. Пальцы протянутой руки широко раздвинули веки приоткрытого глаза Димы, сначала одного, потом второго.

— Зрачок растворяется, — мрачно объявил он, не удосужившись понизить голос. — Радужка, по-моему, светлеет, я не помню, какие у него глаза на самом деле.

— Теона бы точно сказала, она в них столько смотрела, — произнесла с горькой усмешкой Дашка. — А вообще, какая разница? Обращение ведь не остановить, или я ошибаюсь?

— Это авторская магия. Я не знаю её, — Кларисса признала поражение.

Происходило бы дело вне пещеры, или даже просто несколькими часами ранее, появились бы усмешки, ухмылки, уколы. И не потому, что сила Клариссы, имей она представление о том, как её направить, предотвратила бы обращение. Сейчас все понимали, как плохо колдунье. Может, по-прежнему никто так и не разделял её мнения насчёт превосходства магии во всём. И не было пафосных размышлений о том, что каждый человек по-настоящему любимому делу всегда придаёт слишком большое значение. Никто не хотел распространять здесь лишний негатив, его и так было чересчур много, он невидимыми ядовитыми парами тянулся по залам пещеры, вызывая бури неприятных ощущений. Никто не осознавал, что сдерживается, хотя мог бы высказаться, язвить просто не приходило в голову. Все устали от этого…

— Что ещё со мной происходит? — прохрипел Дима.

— Сейчас проверю. Что-нибудь режущее у кого-нибудь осталось? — обратился Томас ко всем.

У Тины висел на поясе маленький клинок, который она и дала колдуну. Тот провёл им по тыльной стороне ладони Димы, сильно надавив, но на руке появилась только царапина.

— Кожа грубеет. Плохо, — констатировал Томас, но последнее слово можно было и не произносить, и так было ясно.

— Может, стоит поторопиться? — задумалась Алина. — Шансы ничтожны, но вдруг мы успеем добраться до источника

раньше, ведь больше у нас ничего нет, никаких вариантов.

— Уничтожение его — процесс не минутный, — предупредила Кларисса, не став критиковать предложение Алины. — И сила Дмитрия не в полной мере принадлежит ему, и власть над ней постоянно уменьшается, но ты права — лучше попробовать, — она внезапно замолчала, все изумились, увидев, что ведьма борется со слезами. — Меня не пугает то, что мы, скорее всего, погибнем. Я не хочу жить с идеей, которая не нашла претворения.

— Значит, мы идём, — вздохнула Дашка. — Теоретически мы можем не волноваться из-за того, что нас стало меньше. Те, кто пока не с нами, нам для дела, по сути, не нужны.

— Никогда не думал, что ты скажешь что-нибудь подобное, — произнёс Саша без укора, но печально.

— Я тоже, — Дашка опустила глаза.

— Кажется, потери больше, чем мы могли представить при самом худшем раскладе, — пробормотал Бруно.

Преодолеть ещё часть пути они, наверное, смогли только благодаря помощи Адели, духа дочери Теоны, о чём друзья сами не ведали. С наступлением безразличия: добьются ли своего или погибнут, — оказалось сложнее сопротивляться и даже вспоминать всё, что нужно было держать в голове для того, чтобы сопротивление было успешным. Энтузиазм был выдран из души безжалостно. Если срезать с человека кусок кожи, кровь будет литься без остановки, вот так же текла из моральной раны жуткая смесь разочарования в себе и этого самого безразличия. Отдельно взятые, эти компоненты можно вывести из сознания, но в соединении они оказывают необратимое действие, пачкая разум и заливая глаза.

А добрая Адель могла исцелять только их плоть.

Что касается второй половины компании, сильнее она была только в том, что не знала всего, что происходит с Димой, поэтому не считала дело таким уж безнадёжным. Это бы играло огромную роль, если Теона и Джессика не пообщались бы с Эвиланой, что поспособствовало переоценке собственных сил и возможностей, оказавшихся ничтожными.

Огромная воронка в земле была заполнена непрозрачной светло-зелёной жидкостью приятного оттенка, но страшного свойства. В зависимости от желания того, кто подходил к источнику зла, она могла послужить отравой: как быстродействующим ядом, так и веществом, от которого умирают долго, в агонии; могла быть прожигающей любое, даже алмазной твёрдости и плотности вещество, кислотой; могла быть

оживляющим средством для искусственно создаваемых в лабораториях созданий, которые потом будут способны лишь на то, чтобы причинять страдания, убивать и разрушать, — любой вознамерившийся устранить что-либо, будь то живое существо, объект, чья-то воля или душа, получил бы от источника то, что ему нужно. Испарения, исходившие от воронки, тоже содержали в себе все виды тёмных магических сил, существующих в королевстве.

Возле воронки спал на боку беспробудным из-за воздействия чар сном зверь. Огромный лев, под его брюхом, если бы он встал, поместился бы двухэтажный дом. Тело его было покрыто сине-зелёной чешуёй с металлическим отливом, а грива и кисточка на хвосте являлись изумрудным пламенем, которое ничего не поджигало и вообще было неосязаемым. Только на морде была шерсть такого же цвета, как и чешуя. На лапах вместо подушечек сверкали изумруды, идеально гладкие и посверкивающие.

— Хидаар!

Крик хозяйки разбудил монстра. Он приоткрыл глаза, вовсе не демонические, без зрачков, а обычные, разве что цвет их менялся, из лимонного становился зелёным, темнел, приобретая чернильный оттенок, делался синим и светлел до голубого, который белел, а белый цвет начинал желтеть, гамма снова менялась.

— Хидаар, — повторила Эвилана нежнее, подходя к нему. — Как ты себя чувствуешь? Хорошо ли ты спал? — спрашивала она, запустив руку в гриву из волшебного пламени и гладя.

Исполинский лев холодной, ослепительно-чёрной мочкой носа, которая была шире, чем лицо ведьмы, коснулся головы хозяйки, самой макушки.

— Сила золотых демонов пошла тебе на пользу, — заметила Эвилана, продолжив ласкать зверя, когда он снова опустил голову. — А как твои лапы?

Она обошла его вытянутые передние конечности, остановилась у пальцев, присела перед ними, вглядываясь в изумруды на лапах. Там едва заметно высветились и сразу погасли руны, потом — буквенные символы, сложенные в слова на магическом языке, том самом, на котором составляются заклинания.

— Всё отображается, — отметила ведьма. — Всё, что в тебя вложено. Сейчас Виктор принесёт кристалл силы суккуба, ещё одну составляющую твоей мощи.

— Я уже здесь, — из стоявшего рядом портала, ворот в виде пасти демона, появился Виктор Эванс. — Очевидно, нет причин тому, чтобы медлить?

— У нас хоть раз возникали трудности? — бодро воскликнула Эвилана без привычной игры в оскорблённую недоверием.

— Нет, это же твои идеи, — сказал Виктор, не льстя.

— Действуй! — скомандовала красавица.

Принесённый кристалл, розоватый с белым свечением, колдун кинул в источник. Место, куда упал предмет, и испарения над ним окрасились в соответствующий цвет. Глаза Хидаара: и радужка, и зрачок, — приобрели такой же. Не только они, но и выражение морды, которая только что была умной, стало совершенно никаким. Если смотреть только на него, можно было бы подумать, что огромный лев издох, но застывшей была только морда, всё остальное шевелилось. Гигант встал, склонив голову над источником, дыхание его участилось и стало глубже, хвост покачивался из стороны в сторону. Испарения, попадавшие в измученный бесконечными опытами организм (когда-то он принадлежал обычной кошке), делали свою работу, обеспечивая очередные изменения в нём.

Испарения сгущались. Хидаар, не выдержав, свалился в конвульсиях.

— Он выдержит, да? — Виктор не смог подавить в себе опасения, так злящие Эвилану.

— После всех усилий, затраченных на его создание, он не имеет права умереть, — заявила ведьма.

Колдун хотел стерпеть и это, но в этот раз Эвилана отвлеклась сама, точнее, её отвлекли. Из портала вышла Артея.

— Госпожа, компания исследователей, которой вы интересуетесь, объединилась и пересекает сейчас Зал Духов, — отчиталась демонесса.

— Да что ты, — прищурилась красавица. — А что с Дмитрием?

— Кажется, он скоро будет готов.

— В таком случае, пора отзывать Арджею из Фатоны и начинать. Виктор, присмотри за Хидааром, — она шагнула к порталу, но была остановлена вопросом колдуна:

— Что я должен буду делать, если он не придёт в себя?

— Лучшее для тебя спасение в таком случае — самому погибнуть, — Эвилана говорила, не повышая тона, вновь угроза была не пустой. — Хотя я тебя и из царства мёртвых достану… Так что постарайся не допустить, такого, чтобы Хидаар не встал больше.

— Я боюсь… — Дима лёг, уронив голову на колени сидящей рядом Теоны.

— Не ты один, — язвительно фыркнул Клавьер.

Компании совсем чуть-чуть оставалось до зала, где был расположен источник, но она вновь нуждалась в отдыхе. Сейчас все спали, все проходы в зал Кларисса заблокировала магией, так что тут было безопасно. Только несколько человек не могли сомкнуть глаз.

— Я самого себя боюсь, — пояснил Дима. — Из меня делают убийцу, и в любой момент могут закончить и натравить на вас.

— Раз ты сам выбрал себе такую участь — сам же можешь отказаться от неё, наверное, — предположил Клавьер.

— Я уже ничего не могу!

— Надеешься, что мы тебя спасём? — Дашка, рисующая что-то огнём на земле, повернулась к нему, презрительно оглядела, опять вернулась к занятию искусством.

— И не на что не надеюсь…

— Смирился с тем, что будешь пытаться прикончить нас? — колдунья добавила к картине, изображающей танцующую фею, последние штрихи.

— Ты изменилась! — возмутился маг, поднимаясь. — У тебя ведь была привычка обвинять себя вместо того, чтобы осуждать других.

— А мне посоветовали перекладывать часть вины на других людей. Сказали, помогает в поддержании боевого духа, если только этим сильно не увлекаться, — она пробормотала что-то картине на земле, и изображение ожило, взлетев.

— Ты уже решила однажды поступить так, как тебе несвойственно. В результате мы благодарим Кристиана за семь смертей, — с победной интонацией закончив фразу, парень снова опустился.

— Зато я могу меняться, а ты — нет, — отразила удар Дашка, но сама не осознала точности этого высказывания.

Парень отмолчался, проваливаясь в сон. Колдунье показалось, что он не вдался особо в смысл сказанного ею.

Она, лежавшая на своём расстеленном плаще, перевернулась на бок, подтянув колени к животу. Из-за обилия разбушевавшихся мыслей глаза не закрывались, а взгляд стал тяжёлым, грустным.

Огненная фея продолжала кружиться под сводом зала пещеры.

— А я вдруг представила, что ты, рассказывая ребёнку сказки на ночь, будешь вот так вот рисовать героев из них и оживлять. Они потом, когда ты оставишь его засыпать, будут оставаться с ним, — неожиданно произнесла Теона.

— Ты правда не понимаешь, что говоришь? — пробормотала Дашка.

— Что-то плохое?

— Ясно. Не понимаешь. Нет, не плохое, просто неуместное, — всё-таки ответила она.

— Джессика как-то сказала, что ты стала бы хорошей мамой, потому что любила бы своего сына таким, какой он есть, — целительница обратилась к словам сестры.

— Я бы постаралась. Но не об этом сейчас думаю. Не о моём прошлом отношении к сыну. Сейчас я бы хотела, чтобы он был жив, — Дашка через силу улыбнулась.

— И что тогда тебя беспокоит? — теперь заволновался Клавьер. — То, что ляпнул Дмитрий?

— Да. И не надо меня убеждать, что не стоит принимать все его высказывания всерьёз. К сожалению, ляпнуть можно не только глупость, но и правду, — вздохнула Дашка.

— Иногда надо уметь её забывать, — возразил Клавьер. — Я не помню своего детства, но иногда меня это огорчает. А когда я лезу с расспросами к кому-то из старших, мне отвечают, что мне следует этому радоваться.

— Тебе помогли забыть, — уточнила Дашка, знавшая о судьбе паренька.

— Для меня не секрет. Но помощь-то не была нечаянной. Кто-то сознательно хотел скрыть от меня всё. Правду иногда надо не только от себя прятать, но и от других. Наверное, это непросто — угадывать, в каких случаях надо так делать.

Дашке казалось, что провал в памяти — это побочный эффект магического лечения, которым очистили душу Клавьера от влияния чьих-то злых сил. Сейчас она подумала, что, вероятно, и в самом деле это было сделано по доброте.

— Клавьер, ты считаешь, мне надо забыть? — поинтересовалась она, не сомневаясь в ответе.

— Я даже рискнул предложить Клариссе подвергнуть тебя чарам забвения, — парнишка трогательно смутился. — Она сказала, что ты так и магию забудешь.

— Только и всего?

— Для Клариссы магия не «только и всего».

Дашка имела в виду вовсе не это. Но ответ её порадовал. Долгожданный сон стал приближаться.

Морфей принял у себя всех, не обделив никого. Но гостеприимство его оказалось недолгим.

Теона очнулась из-за того, что почувствовала невыносимую жару. Жар исходил от Димы, к которому она прижималась во сне. Целительница, решив, что он просто-напросто заболел, начала необходимое в подобных случаях колдовство, и оно разбудило уже не молодого человека, мага Воды, а демона.

Целиком белые глаза уставились на Теону, зарегистрировав, что эта девица не Артея, хоть и похожа, а ни одна из повелительниц, ни демонесса, ни ведьма, не давали приказа не трогать её.

Волшебница продолжала держать руки у него на сердце и даже усилила приток магии, однако это было бесполезно. Обращение происходило стремительно. Под рубашкой быстро наливались мышцы такого рельефа, что ткань не выдерживала и рвалась, темнели волосы, краснела кожа, на спине пробивались два тёмно-бордовых перепончатых крыла, зубы (стало видно, когда демон оскалился и зарычал) удлинились и заострились.

Встав на ноги и расправив крылья, размах которых был огромен, он издал крик. Теона, отброшенная им, подползла к демону, не способная подняться от страха, впрочем, тут же уменьшившегося.

— Узнаёшь меня? — смогла пролепетать целительница. — Это я, Теона!

Демон застыл и вроде как успокоился, но разбуженная компания подозревала, что он лишь приходит в себя после обращения. Адское создание приготовилось уже к прыжку в сторону Теоны, но в это мгновение в покинутом дворце риксов Артея взмахнула жезлом, и демон, взревев, исчез, последней пропала искажённая бешенством морда.

— Мы не успели, — только и смогла пробормотать Алина.

— Нам придётся его найти, — встав, Кларисса прижала магический жезл к груди, такой жест она делала всегда, когда говорила что-то, против чего не принимала никаких возражений. — Силу его забрать надо, даже если нам придётся его ради этого убить. И мы всё же постараемся совершить то, из-за чего пришли сюда, потеряв в пути семерых человек.

Команда зашевелилась. Очевидно, что надо было что-то делать, так как любые замедления, весьма вероятно, будут являться ожиданием собственной гибели. Только сложно пока допустить, что Диму в новом обличье придётся уничтожить. Теона вовсе не могла вообразить этого, Дашке, Алине и Саше, знавшим парня ближе, чем остальные, тоже было трудно. Но внутренние рассуждения по этому поводу велись уже в движении по залам пещеры.

Время никто не считал — было некогда. На подходе к обители ведьмы демонов становилось больше, а оберегающие от разных магических воздействий чары, которые спасали компанию, постепенно разрушались под усиливающимся влиянием тёмной энергии источника зла. Часы, минуты и секунды перестали существовать вообще, было одно вечное

сражение то с одним видом демонов, то с другим, то с собственным разумом, из-за потоков чёрной магии он не давал ничего сделать толком.

Кто-то заметил, наконец, что вокруг разбросаны постройки, являвшиеся когда-то поселением племени риксов, а вдалеке виднеется сам дворец.

— Они ждут боя, — протянула Эвилана, стоя перед магическим зеркалом и наблюдая за непрекращающимися схватками компании с демонами. — Раз вы готовы — получите его. Артея, Арджея, не подведите меня!

Ведьма и воительница за её спиной скрылись в столбах вспыхнувшего на считанные мгновения пламени. Когда оно погасло, демонессы были уже перед компанией, онемевшей от шока.

Первой мелькнула магическая атака Артеи, яркий до рези в глазах поток алой магической энергии, выброшенной и непрерывно тянувшейся из жезла, крепким канатом обхвативший Клариссу, не позволив той пошевелить руками. Поняв, что он сам не рассосётся и не ослабеет, колдунья решила применить единственное колдовство, которое она могла сотворить без помощи жестов, одними лишь словами. Было рискованно, потому что на него потребовалась вся магия, но это всё же было бы лучше, чем бездействие.

Кларисса выкрикнула заклинание — Артею подкинуло под самый свод взрывом. Упади человек с подобной высоты — сломал бы себе шею, но демонесса с такой легкостью вскочила на ноги, будто её подтолкнула какая-то сила (а может, так и было). Самое неприятное — не произошло того, на что рассчитывала колдунья, выпустив из себя всю магию одним заклинанием. Артея не выпустила жезл, и из него по-прежнему тянулась алая энергия. Её глаза, в которых не могло быть никакого выражения, тем не менее, хищно сверкнули, когда несуществующий взгляд остановился на Клариссе, и создание Эвиланы взмахнуло магическим оружием на себя. Алый поток втянулся обратно в жезл, и колдунья, всё так же опутанная магией, оказалась возле демонессы.

Подруге на помощь кинулись четверо: Томас, Дашка, Алина и Саша. Боеспособность остальных была никакой. Четвёрка выстрелила в Артею лучами магии, чем перебила действие колдовства демонессы, но тёмный двойник Теоны лишь усмехнулся под крик настоящей целительницы, долгий, пронзительный, нечеловеческий.

Артея не дала никому понять, что происходит, создав красную шаровую молнию и следом за ней белую цепную, после

этих двух атак все оказались поверженными. Вокруг жезла появилось огненное малиновое кольцо, которое непременно должно было добить компанию. Демонесса занесла жезл над головой, замедлив движение руки и замерев, будто давала всем момент времени на размышление. Этих секунд всем хватило, чтобы понять: все думали, что готовы принять смерть за идею… но только не сейчас! Алина опередила демонессу, обрушив молнию на неё.

Эта магия выбила из Теоны сознание, из рук Артеи — жезл. Он упал возле Николаса, но, как только человек коснулся его, перед ним возник знакомый демон, лапа его тоже была на жезле. Изменённый маг Воды кинул оружие хозяйке, призвавшей его, убедился, что она поймала, и вцепился в Николаса.

Четверо магов стали целиться в него, но опустили руки: вероятней было, что попадут в друга, а не в противника.

Вторая демонесса спокойно ожидала, пока госпожа не проявит свою волю.

— Доброго вам времени суток, — пролился, наконец, томный голос Эвиланы, не ставшей перемещаться на поле битвы. — Право, я сама не имею понятия, утро сейчас, день, вечер или ночь. Познакомились уже с моими девочками?

Никто не находил слов. Можно было дерзить, что-то заявить нахально, но только в столь плачевном положении это будет глупо, смешно.

— Нечестный бой — это некрасиво. Я сравняю условия, — смилостивилась ведьма, и у каждого в руках оказалось оружие, утерянное в пещере. — Это ещё не всё! — продолжила Эвилана. — Вас надо привести в порядок.

Тут же компания ощутила, как всем стало лучше. Друзья чувствовали себя бодро и свежо, как через часок-другой после утреннего пробуждения в выходной день, когда встаёшь тогда, когда захочется. Ни на теле, ни на одежде ни у кого не осталось следов предыдущих сражений и этой встречи с магией Артеи и с её демоном. Выглядела компания так, будто гуляла по городу, а её вдруг телепортировали сюда, в пекло.

— Что это значит? — получив меч, клинок которого, затупившийся после драки с горгульями, был снова заточенным, Джессика осмелела.

— Я могла бы умертвить всех неугодных мне одним лишь предложением на магическом языке, известном вам как язык заклинаний, или даже всего одного человека, кого-нибудь из магов Стихий, чтобы вы не смогли уничтожить источник зла таким способом, каким вы намеревались, — Эвилана наслаждалась собственным могуществом. — Однако это так

просто и так грубо! Да и для вас такая смерть слишком лёгкая. Вы собирались если и погибать, так в бою — пожалуйста. Вы мои гости, я приму вас в соответствии с вашими лучшими ожиданиями. Но вы в любую минуту боя можете начать отступление, я не запрещаю! Только удастся ли вам…

Голос утих. Арджея встала рядом с демонессой-ведьмой и отозванным демоном, сидевшим у её ног.

— Начнём! — скомандовала воительница Зла и бросилась в атаку.

Глава 16 Несколько капель правды

Арджея ловко отражала атаки сразу троих: Бруно, Николаса и Клавьера, при этом к победе приближаясь скорее, чем они. Усталость и просто ограниченность возможностей была демонессе неведома. Арджея имела огромную силу в руках, выпады противников она отбивала так, что не просто не давала клинкам ранить себя — ударами меча то и дело валила кого-то из троицы на землю. Молодые воины, оказываясь на земле, не имели права медлить ни доли секунды, так как на их падения моментально реагировала Артея, сразу посылавшая во врагов волну магии. В двойника Джессики тоже летели магические атаки всех видов и форм, но демонесса обладала отменной координацией и уклонялась, не задумываясь. Сосредоточенность её на трёх мечниках не прерывалась, а они, не подавая виду, побаивались того, что настанет момент, когда Арджея всё-таки замешкается и кому-то из них надо будет всадить в неё клинок: понимали, чем это обернётся для Теоны.

Битва магов была куда более жестокой, чем сражение воинов. Если атаки холодного оружия можно отбить, то волну огня никак не отвести от себя, от взрыва не защититься, шар магической энергии не оттолкнуть, от молнии не прикрыться ничем, можно лишь отскочить, но в то место, куда ты делал прыжок, попадала следующая магическая атака. А в саму Артею угодить невозможно было никаким колдовством: ни наносящим прямой вред, ни проклинающим. Стоило только Дашке, Алине, Клариссе, Томасу или Саше направить на неё силу какого-либо заклинания, как демонесса телепортировалась в сторону. Неоднократно пущенная в неё магия попадала в иную цель, то есть в кого-то из компании.

Джессика с Вироном старались защитить Теону с Тиной от демона Артеи, уже не вспоминая, что он совсем недавно был человеком, их приятелем. Одна Теона не забывала об этом, вздрагивая всякий раз, когда воинам удавалось нанести повреждение демону. Но раны эти были слишком незначительные, зато достаточные, чтобы довести существо до бешенства. До такого, что два воина с демоном уже не справлялись, им помогали молнии Алины.

Пожалуй, из-за того, что у магов Большого Мира силы были велики по мощности и бесконечны, конец битве даже и не намечался. Так казалось, пока Тина не смогла, наконец, выстрелить не совсем точно, но всё-таки не мимо цели: стрела попала в живот Арджее.

На белой рубашке Джессики словно распустился бутон

красной розы — кровь. Решительный взгляд, ледяной, но из чистейшего льда, сделался мутно-несчастным, молящем о прощении за то, что она, великолепная воительница, лучшая ученица Айрис Ави и её гордость, не в силах сейчас перетерпеть какую-то физическую боль. Упала Джессика странно, медленно, перед этим замерев на несколько мгновений, словно впуская в себя ужас. И глаза её закрылись медленно, продолжая извиняться.

Арджея, глядя прямо на своего поверженного двойника, одновременно обеими руками сделала по резкому движению: одной выдернула из себя стрелу, вторую отвела назад, и лезвие меча оказалось в миллиметре от горла Николаса, которого только что сбила с ног магия Артеи.

Неизвестно, специально ли демонессами была выбрана именно эта жертва, или случайно получилось, что под клинком оказался Николас, — Кларисса не смогла выдержать и секунды этого зрелища. Смерть любимого человека представилась хуже своей собственной. Колдунья, чтобы не допустить этого, применила мощнейшую магическую атаку, которая, как она думала с наивностью, присущей всем любящим сильно, неизлечимо, во всю душу, должна если уж не распластать Арджею по земле, то заставить пошатнуться и разжать сжимающие меч пальцы — наверняка.

Атака была не только чудовищной силы, но и потрясающей красоты. Над головой демонессы появился круг из немаленьких светящихся шаров колдовской энергии, все разных цветов: светло-зелёный, изумрудный, фиолетовый, сиреневый, голубой, серебристо-серый и белый. Одновременно они устремились вниз под углом и все разом ударили в Арджею на уровне её груди.

Взрывной волны, как и предполагалось, не было, как и сотрясения земли под целью, будто и не притянула демонесса огромной силы к себе. От такой атаки жертва должна была упасть без сознания, с ничтожным остатком жизненных сил, скоре не позволяющим жить, а не дающим умереть. Это была магия, изгоняющая душу. Арджея лишь пошатнулась.

С Джессикой будто бы не произошло ничего, потому что хуже ей быть уже не могло, следующим состоянием виделась только смерть. Но всё же по лицу воительницы потекли слёзы. Их бы заменил крик, но на него требовались силы, а их не хватало даже на слабый стон. Слёзы и гримаса нечеловеческой боли — всё, что было ей доступно.

А битва продолжалась. На Арджею снова накинулись трое, только теперь вместо Николаса был Вирон, рискнувший оставить Теону без защиты. Демонесса теперь нарочно поддавалась, заставляя их наносить себе повреждения, мучающие Джессику,

однако активность противников отдалила её внимание от Николаса, которому удалось спастись от её меча.

Ощутив секундную свободу, он кинулся было на демона, загнавшего в угол Теону, но был поражён молнией Артеи. Целительница же сама не оказывала никакого сопротивления. И сил необходимых не было, и… она по-прежнему отгоняла мысль, что демон перед ней уже не Дмитрий и вряд ли когда-либо человеческий облик и разум вернутся к нему. Ей казалось, что демоническая оболочка не может спрятать душу.

Демон когтями мог бы разодрать Теоне жизненно важные сосуды, чтобы целительница умерла от потери крови. Пока он лишь царапал её шею, ища то место, где следовало бы распороть кожу. Теона пыталась разглядеть в пустых демонических глазах проблеск памяти.

— Ты сможешь вспомнить, я знаю, я чувствую! — умоляла она. — Пожалуйста!

Рыкнув, демон только надавил когтистой лапой сильнее. Кровь заструилась, Теона стала сползать по стене на землю — жуткое создание, вспыхнув белым пламенем, дематериализовалось, появившись возле Артеи.

— Её нельзя убивать! — воскликнула демонесса. — Иначе потом могут убить меня!

В это же мгновение Арджея занесла меч над Дашкой, подвернувшейся ей под руку. Инстинкт самосохранения сработал мгновенно, колдунья выпустила из ладони в демонессу шар пламени, погасший сразу же, как огонь коснулся адской воительницы. Второй шар, третий, четвёртый — демонесса довольно созерцала страх в глазах Дашки и унизительное чувство беспомощности.

В четвёртый раз дёргаясь от ощущения, что в каждой части тела появилось по куску раскалённого металла, Джессика посмотрела перед собой.

Впереди был обрыв, внизу текла лавовая река.

Смерть человека, обеспечивающего одной из демонесс неуязвимость, повлечёт за собой утрату прислужницей Эвиланы бессмертия.

Значит, надо погибнуть.

Алина несколькими минутами ранее изловчилась и смогла направить на Джессику поток своей исцеляющей магии, теперь ученице госпожи Айрис было полегче. Семь быстрых решительных шагов — и воительница стояла на краю обрыва.

Восьмой шаг. С закрытыми глазами и грудью, полной воздуха. Свободное падение, чей-то вскрик наверху…

Приземление в чьи-то сильные руки.

Иллюзия свободы кончилось — Джессику подхватил демон, которого Артея телепортировала туда, куда падала воительница.

Он взлетел под свод зала пещеры. Джессика вырывалась, демон так сжал ей руки, что раздался хруст ломающейся кости.

— Сумасшедшая! — крикнул Саша.

Воительница мотнула головой. Никто не понял, что она хотела этим сказать, даже сама Джессика. Ощущение цены жизни вдруг вернулось к ней, но оно притуплялось об осознание невозможности отразить очередной, наверное, самый мощный её удар.

Демон спустился на землю, не отпуская воительницу, но чья-то магическая сила вдруг вытянула Джессику из его лап и швырнула об стену: кто-то из магов атаковал Арджею.

— Ой, дурочка, — послышался над головой вздох Саше. — Держись!

Он подхватил Джессику и куда-то потащил, куда именно — глаза уже не могли видеть. Пальцы судорожно сжимали пустоту вместо рукоятки меча, выроненного считанные минуты назад, но ей казалось — давно.

Воительницу окружил треск пламени, созданного Дашкой для того, чтобы оградить раненую от противников. Сама колдунья была рядом, держала её за руку, бормотала что-то.

В голове появилась знакомая теплота: излечивающая магия, посылаемая иногда Аделью. Джессика вдруг непроизвольно улыбнулась.

— Скоро всё закончится, — кивнула зачем-то Дашка, слова эти выглядели бредом, ведь на самом деле у этой схватки не могло быть конца, победного для компании.

Внезапно случилось то, до чего демонессы могли бы додуматься раньше, все только сейчас сообразили, какой у противниц был простейший способ вывести из строя соперников. Арджея, сражаясь с Клавьером, вдруг резко опустила меч, и оружие юноши вонзилось в неё, в то же место, куда недавно угодила стрела Тины. Глубоко, по самую рукоять, остриё вышло наружу.

Джессику невидимым мечом пригвоздило к земле. Жизнь вытекала из неё так быстро, как вода из раковины, — угасание происходило стремительно, Дашка только и успевала замечать, как в подруге пропадают один за другим признаки жизни.

— Теона!! — заорала колдунья. — Алина!! Кто-нибудь, сюда, Джессика умирает!!

Теона находилась ближе к огненному кольцу, но в это время за секунду развернулись события, ставшими роковыми. Томас направил волну проклятия в демона Артеи, отвлёкшегося на

Николаса, но каким-то образом почувствовал приближение магии и взлетел на пару метров, пропустив под собой волну, угодившую в его хозяйку. Если бы Теона ощутила только эффект от разрушающей некромантской магии, когда в тело будто вонзаются острые шипы! Волна так ударила целительницу, что она упала в огонь прежде, чем Дашка успела убрать стену пламени.

Одновременно с последним вздохом Теоны огонь неожиданно погас, а Артея с демоном и Арджея замерли.

В центре поля боя возникла, осыпав всех фиолетовыми и серебристыми искрами, Эвилана.

— Какое недоразумение! — она подошла к мёртвой целительнице. — Первая смерть настигла того человека, чья гибель нежелательна. Могла бы я снова восстановить ваши силы, и вы начали бы бой заново, но только без сестёр Винсент, которых я бы забрала отсюда. Но вам, наверное, надоело махать мечами и выкрикивать заклинания. Так что разговор продолжим у меня во дворце.

У каждого перед глазами мелькнула вспышка ослепляющей яркости, а когда пугающий свет перед глазами исчез, компания оказалась в весьма неуютном помещении, в просторном, но по всему периметру его тянулась решётка. Друзья оказались за ней, запертой, разумеется. В центре и перед дверью из помещения было пустое место, ну да и за решёткой ничего, кроме нескольких куч тряпья, воняющего сыростью, не имелось. Освещалось оно факелами, по два на каждой стене, горевшими очень ярко, и в помещении был не полумрак, а гораздо светлее.

Компания опять пребывала в полном порядке, словно не участвовала в сражении, Теона ожила. Многие злились. Не боялись, а злились.

— Она над нами издевается. По-моему, эта девчонка добивается, чтобы мы сошли с ума, — произнесла Кларисса.

— Иного предположить нельзя, — согласился Саша. — Эвилана владеет тем, что любого заставляет ужасаться — неизвестностью.

— А мы эту власть теперь у неё и отнять не можем, — нахмурилась Джессика. — Силы стихии Воды у нас больше нет.

— Но мы ведь вернём её… его, — поправилась Теона.

— Эх, почему я такой дурой не родилась, — попыталась уязвить сестру воительница. — Не беспокоилась бы ни о чём, в упор не замечала бы правды.

— Что-то Теона верно говорит, — сказал вдруг Николас. — Если мы не отнимем у Эвиланы пусть не Дмитрия, то хотя бы его магию, — что тогда? Мне лично воображение отказывает, когда я

пробую эту плачевную картину представить. Обстоятельства — та же магия. Могут делать невероятное и давать людям невероятную силу ума и тела.

— И этой магией, как и любой другой, одни люди могут владеть на высшем уровне, а другим она неподвластна вообще, — в помещение вошла Эвилана, за ней — Виктор Эванс, которого никто из присутствующих за решёткой не знал.

— Полагаю, сразу прямым текстом ты нам не скажешь, что хочешь с нами сделать, — протянула Кларисса демонстративно. — Может быть, мне вздремнуть, пока ты говоришь какими-то предалёкими намёками?

— Хамишь? Ладно, разрешаю. Ты ведь больше ничего против меня, кроме слов, использовать не можешь. Выплесни зло, которое накопилось в тебе. Освободи место для нового, потому что скоро я распоряжусь вашими жизнями так, как вам, вероятно, не хотелось бы, — речь Эвиланы была снова лёгкой, медленной, фразы выскальзывали как бы между прочим, никому не предназначаясь, несмотря на то, что обращение было к колдунье.

— Думаешь, я разозлюсь? Напрасно, — произнесла Кларисса с напряжением, постыдно заметным.

— Расслабься, — усмехнулась ведьма. — Даже если ты сумеешь сделать вид, будто ты спокойна, внутри безмятежности у тебя уже не будет до самой смерти, до гибели тебя такой, какой ты есть сейчас. Скоро ты станешь иным созданием… А может, просто трупом, я посмотрю, как всё сложится.

Кларисса промолчала, и вся компания утихла, даже перешёптываний не было слышно.

— Вполне естественный страх и жуткие терзания оттого, что я намного сильнее тебя, Кларисса Аленто, и ты полностью зависишь от меня, — нанесла точный удар Эвилана.

Колдунья замерла, задержав дыхание, потому что воздуха от такого заявления стало не хватать. Многим показалось, что женщина вот-вот упадёт в обморок. Кое-кто уже готов был поймать её, если она рухнет, но Кларисса удержалась, отошла к стене.

— Не представишь нам своего прислужника? — нахально поинтересовалась Джессика.

— Он не прислужник, он значит для меня нечто большее, — загадочно ответила ведьма, но никто, включая самого колдуна, не подозревал, что отчасти красавица врёт. — Это Виктор Эванс, — представила она его с нескрываемым удовольствием.

— Быть этого не может, — пробормотал Томас. — Он ведь, как и два его друга, пропал без вести, возвратившись уже духом!

— Виктор Эванс… Это действительно вы? — Тина изумилась

совсем по-детски.

— Да, это я, — тёмный мрачный колдун непроизвольно улыбнулся, глядя в глаза девушке.

Для компании, вероятно, он и его погибшие приятели — почти что кумиры, предложившие когда-то идею, за которую последующие поколения не жалеют жизни. Эта девушка совсем ребёнок ещё, не утратила наивности и трогательной преданности идеалу. Виктор не мог сразу же быть грубым с ней, ему хотелось дать Тине немного заблуждения напоследок. Наверное, это было большей жестокостью, чем показать свою истинную сущность сразу, но для меньшего зла необходимо было усилие над собой, а таковые колдун давно разучился делать.

Короткий, секундный приступ головной боли стал напоминанием Эвиланы о том, что не стоит показывать пленникам те остатки добра, которые сохранились в сердце Виктора.

— Не думали, что встретите меня? — добавил колдун насмешливо.

— Твои тёмные дела, Эвилана? — спросил Томас холодно, понимая, что вопрос риторический.

Ведьма, тем не менее, сказала кое-что в ответ, и не совсем то, что друзья ожидали:

— Виктор сам вам всё изложит. Так ведь, дорогой?

— Я расскажу, — он не стал возражать.

В воздухе появилось небольшое плотное облако тёмно-серого, почти чёрного дыма. Эвилана опустилась в него, как в кресло, в расслабленной позе, закинув ногу на ногу, как обычно. Дым удерживал её. Виктору предлагалось вести повествование на ногах.

— Итак, что вам известно обо мне? — начал маг, расхаживая по свободному пространству помещения. — Я и мои друзья, Тим Астор и Фред Картер, занимались исследованием этой пещеры, иногда возвращаясь в город с отчётами. Однажды мы снова отправились в зловещее место — и исчезли, больше нас никто нигде не видел. Поиски успехов не принесли. Всё, что осталось от нас — мой дневник. Вскоре среди Великих Ветров появились наши души. Так?

— Мы знакомы с некоторыми его страницами, — Тина прекратила таять. Временно.

— Я безумно счастлив, — съязвил Виктор; вдруг он подошёл к девушке и спросил, взявшись за прутья решётки и прижавшись к ней лицом, оно оказалось сантиметрах в двадцати от лица Тины: — Леди, а что вы думаете обо мне?

— Я? — прошептала девушка, густо покраснев.

— Ты, ты.

— Вы много сделали для всех нас. Пусть вы сами не добились, чего вы хотели — но ваше дело продолжили, — смогла вымолвить лучница, преодолев невероятное смущение.

— Не добился?! С чего ты так решила? — оскалился Виктор.

— Отстань от неё… — начала заводиться Кларисса, но Тина не растерялась.

— Вы в плену у Эвиланы, — девушка вздрогнула из-за того, что посмела упомянуть о ведьме в её присутствии в третьем лице, и метнула испуганный взгляд в красавицу, но та лишь ухмылялась. — Друзей ваших с вами нет, они ведь мертвы…

— Верно, их нет в живых, — Виктор убрал руки, отдалился, но снова мерить пространство шагами не стал, остановился: — Я видел их гибель. Я её и устроил.

Кто-то ахнул, кто-то оцепенел. А некоторые: Джессика, Кларисса и Дашка, — не изменились в лице, только глаза стали ненавидящими.

— Сам додумался или леди Армад надоумила? — задала вопрос воительница.

— Сам, — он повысил тон, вспыхнув из-за того, что Джессика отозвалась об Эвилане так пренебрежительно. — С каждым днём исследований я понимал, что источник — уникальная сила, которой следует найти применение, а не уничтожить её. Тим и Фред были настроены решительно: его существование должно быть прекращено. Я старался переубедить их — они думали, что у меня помешательство, вызванное влиянием чёрной магии. И мне пришлось познакомить их со смертью. Одно моё продуманное, якобы неосторожное движение — и был разбужен демон, едва ли не самый опасный из всех, что когда-либо обитали в этой пещере, такой же сильный, как и Денефикс, которого одолели сёстры Винсент, очевидно, не без помощи духа-хранителя. Я нарочно споткнулся, выронив сферу, которую нёс в руках. Она была очень тяжёлая, и звук падения заставил демона проснуться. Я наложил на себя чары невидимости и смотрел, как он терзает моих приятелей.

Он прервался, наблюдая за тем, как цепенеет от его слов компания. Эвилана улыбалась, покачивая головой. Последний кивок был сильнее и означал, что Виктор может продолжать, что маг и сделал.

— В заброшенном дворце риксов я обнаружил летописи племени, говорящие, что источник зла заставил этих людей покинуть пещеру. Дело было в конце первой четверти Эпохи Вампиров, тогда риксы были совсем малочисленным народом — действительно лишь маленьким племенем, и в этой пещере они

могли укрыться все; тут, как вы видели, располагался их единственный город. Но урок истории нам ни к чему, — проронил Виктор. — Всё, что вам интересно будет знать — шаманы племени использовали магию источника зла, вели записи, где фиксировали результаты своей деятельности, и оставили это всё во дворце. Я узнал из записей, что сила источника была нужна им, чтобы отделять часть души от тела, это являлось необходимостью в случаях, когда чьё-то сознание заражалось чёрной магией, тогда больная часть его изгонялась. Я таким образом выпустил часть своей души, чтобы ввести всех в заблуждение: будучи здоровой, она, отделившись, стала духом, и все подумали, что я тоже погиб.

Джессика, Теона и друзья из Большого Мира уже сталкивались с предательством два года назад, но всё же к подобному проявлению худшей части человеческой натуры ещё не привыкли, поэтому никак не могли оправиться. Остальные вовсе были в полубессознательном состоянии.

— Виктор тогда не знал меня, поэтому проделал эту работу по разделению души сам, — произнесла Эвилана, как всегда, томно растягивая слова. — Да и не владела я в то время такой магией, мне всего семь лет было. Встретились мы с Виктором благодаря человеку, который находится среди вас.

Кто-то недоумённо уставился на Дашку, кто-то — на Николаса (всё-таки о нём мало что знали, а сам он про себя никогда не рассказывал), кто-то — на Клавьера (парень-то про себя ничего не помнил).

— Не на тех думаете, — Эвилана встала, дым под ней растворился, ведьма прошлась вдоль решётки и замерла перед Вироном. — Это тихий, незаметный, молчаливый Вирон Орбенс.

Внезапно бедняга стал задыхаться. В глазах ведьмы сохранялась безмятежность, которая у всех магов исчезает в момент сотворения любого заклинания, в том числе и невербального. Стало быть, Вирон мучается не из-за её колдовства, но в это не верилось.

— Объясняй, — потребовал Бруно.

Эвилана, ко всеобщему удивлению, так и поступила, без всяких туманных вступлений или ядовитых уколов:

— Леди Аленто вам неоднократно говорила, что двенадцатилетней девочкой я уже практиковалась в чёрной магии такой сложности, которую изучают второкурсники университетов и академий магического профиля. Но известно ли вам, что я занималась втайне ото всех, потому что то колдовство, что я изучала, разрешено применять лишь во время войн, настолько оно разрушительно. Родня моя вообще думала, что я пойду по её

стопам и стану белым магом. А меня прельщали тёмное колдовство, алхимия и демонология. Эти три вида магии в городишке, где я росла, не признавались вообще. Я ненавидела всех его жителей, в том числе и свою семейку. Когда по городу расползлись слухи о том, что его собираются уничтожить в целях освобождения места для некрополиса, я была только рада. Слухи подтвердились. Радости мешало только то, что жителей должны были предупредить заранее о том, что город сносят, а я не желала, чтобы эти люди, стремящиеся переделать меня и старательно ломавшие мне жизнь, продолжали существовать. Можно было запросто договориться с теми, кто должен был уничтожать город, но только меня, малолетнюю девчонку, никто бы слушать не стал. И вдруг я встретила Вирона. Ему тогда восемнадцать было. Городок у нас был маленький, все друг друга знали, и я удивилась, почему раньше не видела этого человека. Впрочем, он не подозревал о моём существовании и был удивлён не меньше. Какова была наша радость, когда выяснилось, что у нас одна и та же боль: мы оба чёрные маги, обоих нас за это не любят родные, мы вынуждены скрываться ото всех — поэтому и не встречались раньше.

Вирону сдавил горло новый, более сильный приступ удушья. Теона с Алиной хотели снять его, но магия их оказалась бессильна, молодому человеку даже чуть-чуть не полегчало. Эвилана наблюдала за действиями целительниц, сложив на груди руки и ухмыляясь.

— Не старайтесь, леди, — произнесла ведьма и отвернулась от них. — На чём я остановилась? Ах, да, на том, что я доверилась Вирону… Открылась ему вся, рассказала о своих стремлениях, мечтах и намерениях, посвятила в свои планы. Он одобрил идею об обращении к людям, ответственным за снос городка, с просьбой не предупреждать его обитателей. Он согласился сам поговорить с ними. Мы подолгу обсуждали, куда подадимся, когда городка не станет, а вместе с ним — наших родственничков. Хотели захватить власть пока не над всем королевством, а над Нерфастоном, землями, граничащими с территорией риксов. Думали наладить с ними контакт, объединить наши силы, сделать Нерфастон независимым государством — риксы ведь всегда добивались создания собственной страны, и это стремление можно было использовать для достижения своих целей. Вирон видел себя королём Нерфастона, я представляла нашу королевскую семью…

На считанные мгновения Эвилана, казалось, погрустнела. Вирона отпустил приступ. Компания глядела то на неё, то на него, ожидая продолжения этой странной истории.

— Я полюбила его, — сказала ведьма так, будто говорила о том, что совершила что-то аморальное, но ничуть не раскаивалась в этом, — детей от него хотела. Двух сыновей и дочку, младшую. Вирон позволял мне об этом думать, а сам не брал себе в голову. Но накануне дня, на который было назначено разрушение, в городишке стало известно о том, что завтра его взорвут! Жители в спешке перебрались в ближайший город, а через два дня Вирон сознался, что уведомил всех. Он пожалел свою семью! — возмутилась Эвилана, не играя. — Пожалел стариков, женщин и детей, да за что?! — почти в истерике взвилась она. — За что!?

С этими словами она магией перенесла Вирона, не оправившегося ещё, в центр помещения, к себе, и стала орать ему в лицо, тряся за воротник плаща:

— Почему!? Чем они заслужили милости? Твоя мать постоянно оскорбляла тебя так грубо, что ты не мог сдерживать слёз даже в семнадцать лет! Отец, когда свирепел, избивал тебя. А сестра твоя? Любимым её занятием было подстраивать так, что ты получал увечья или повреждения собственной магией, и смотреть на твои страдания. Ты умолял её об исцелении, а девчонка заявляла, что, раз ты не любишь светлое волшебство, она не будет тебя им лечить, и, смеясь, добавляла: «Ты ведь отдался чёрной магии! Неужели её великие силы не могут помочь тебе?». Было такое?

— Было, — прохрипел Вирон, ему опять становилось плохо.

— Теперь поговорим об остальных жителях городка, — Эвилана убрала руки, и Вирон, на которого накатила слабость, не удержался на ногах.

Упав, он остался в таком же положении, даже направление взгляда, обречённого и печального, не поменялось.

— Тебя считали сумасшедшим, дети и подростки нападали на тебя стаями, взрослые и старики кричали как вслед тебе, так и прямо в лицо ругательства, не скрывали своего презрения и старались всячески его демонстрировать. Священник наш не пускал тебя в храм даже тогда, когда тебе благословление было необходимо или ты был тяжело болен. И ты решил сохранить им жизнь? — взмахом кисти она подняла его на ноги и притянула к себе. — Но это не главное, сам понимаешь, — проговорила она сквозь зубы. — Ты выдал меня. Я попала в исправительный отряд, знаменитый Отряд Смерти. Из походов его не возвращается и трети воинов, попавших во временное рабство. Ты даже попрощаться не пришёл, когда меня забирали. Я ревела от ужаса, народ на улицах ухмылялся. Мне удалось сбежать, убежище я нашла в этой пещере, моей опорой стал Виктор. И я не прощу тебе предательства. Кто ещё не понял, — она царственно

оглядела всех, — проклятие на Вирона наложила я. Чтобы ты не смог передать другим все наши идеи и знания. Чтобы не мог произносить больше моего имени. Всю магию в тебе я блокировала, будучи не в состоянии забрать её себе — мастерства ещё недоставало. От проклятия ты и умрёшь, — с издевательской нежностью протянула она.

Глава 17 Долго ли терпеть?

— Попрощайся со своими друзьями, — Эвилана лучезарно улыбнулась.

Это была именно улыбка, а не ухмылка, оскал или усмешка. Как же обидел ведьму Вирон, если ей его смерть должна была доставить такое чистое удовольствие… Или же это чувство было сродни тому облегчению, что испытывают, когда заканчивают дело, которое никак не могли довести до конца. Или же с годами Эвилана стала гораздо более жестокой и стала искренне, всей душой радоваться, когда уходят из жизни неприятные ей люди. Неважно.

— По-моему, тебе не всё известно, — заговорил Бруно. — Когда-то мы спасли Вирона от топора и плахи, осуждён парень был за то, что хотел выкупить из Отряда Смерти одну из воительниц. Предводительница Отряда, к слову, согласилась, но, как только деньги и несколько редких артефактов были приняты ею, обнаружилось: девочка, которую должны были освободить, сбежала. Предводительницу не могли привлечь к ответственности, боялись портить с ней отношения, так как слишком эта женщина была своенравная, а отряд её по велению правителей выполнял такие задания, на которые нормальные войска не отправились бы. Поэтому решили казнить Вирона. Дача взятки смертью не карается, но… Так захотелось хранителям закона. У них ведь принцип — минимум три казни в неделю.

— Да? Значит, он хотел спасти меня? — спросила Эвилана заинтересованно, но никаких других эмоций в её голосе не прослеживалось.

— Должно быть, это, ещё до момента, когда Вирона кинули на плаху, едва не стоило ему жизни, — принялась за убеждение Кларисса. — Он ведь не мог назвать тебя по имени и даже как-то описать тебя, чтобы предводительница отряда смогла понять, кого парень имел в виду. Он выглядел ужасно, на ногах не стоял, у него были переломы по всему телу, всё лицо в крови. Хранители закона жестоки, но осуждённых на казнь они, как правило, сильно не истязают.

— Спасибо. Это было трогательно, — Эвилана наморщила лоб и покачала головой, будто прониклась сочувствием. — Но надо было ставить меня в известность раньше, — гримаса сошла с её красивого лица. — Он должен умереть.

— Опомнись! — рассвирепел Николас. — Вирон за тебя два раза чуть не погиб!

— Я постараюсь, чтобы в третий раз у него всё получилось, —

Эвилана уже не только улыбалась — ей хотелось смеяться, приходилось себя сдерживать.

— Не притворяйся, что равнодушна! — Николас вцепился в прутья решётки, казалось, если он разозлится ещё сильнее — вырвет их. — Он же любил тебя так же, как и ты его! Мне кажется… — тут молодой человек запнулся, — он до сих пор так же к тебе относится. Может быть, не как к своей девушке, а как к младшей сестре — но эта любовь даже сильнее!

— Сейчас меня его чувства ко мне волнуют меньше всего, — отрезала ведьма. — И сама я к нему охладела. Но тот ужас, который мне пришлось пережить по его вине, всё унижение — я не могу допустить, чтобы человек, благодаря которому я с этим столкнулась, остался безнаказанным. Меланси! — крикнула она.

Девчонка тут же материализовалась из красного дыма.

— Принеси мне сыворотку правды, — последовал приказ.

— Да, госпожа.

Меланси пропала и появилась вновь через мгновение, дым даже не успел раствориться. Она протянула ведьме пузырёк с мутной жёлто-белой жидкостью, та произнесла:

— Это для Вирона. Предложи ему.

Прислужница повернулась к несчастному, вложила ему в руку пузырёк с сывороткой.

— Свободна, — отпустила Меланси Эвилана и, когда девчонки не стало в помещении, велела Вирону: — Что ты так на это смотришь? Пей. Я жду!

— Не могу, — пробормотал он.

Никто из компании ещё не видел, чтобы в глазах у кого-то было такое отчаяние, такая мольба, такой страх. Все смутно понимали, что ждёт Вирона — этого «смутно» хватало, чтобы ужас не давал свободно выдохнуть. А сам он знал хорошо — потому что имел представление о том, на что способна жуткая красавица. И готов был сейчас отдать ей свою плоть и душу на эксперименты, лишь бы она не начала делать то, что намеревается.

— Виктор, заставь его, — обратилась ведьма к магу.

Он, рывком запрокинув голову Вирона, влил в него всю сыворотку без остатка. Большая часть её потекла по лицу, но, наверное, и небольшого количества её было достаточно, раз Эвилана смотрела на процесс спокойно.

— Пожалуйста… Не надо! — тихо попросил Вирон дрогнувшим голосом.

— Нет, милый, я хочу освободить душу от этой тяжести, — протянула она и поцеловала его в губы одним лишь касанием. — Держи его, — сказала она Виктору, колдун подхватил его,

начавшего обмякать.

Эвилана ещё раз смерила Вирона взглядом и начала истязание:

— Ответь мне, моя радость, какой первый город и каким образом мы собирались с тобой семь лет назад захватывать в Нерфастоне?

Вирон судорожно вздохнул, весь мелко затрясся. Проклятие не допускало, чтобы он мог рассказывать об этом, в таком случае физические мучения бедняги были невероятны. Но эффект от принятия сыворотки правды от проклятий не зависел.

— Шергантон, — вылезло из него первое слово ответа, вместе с ним изо рта потекла струйка крови, из глаз — слёзы нестерпимой боли, вырвался из горла стон…

— Продолжай, — Эвилана чуть заметно кивнула, не посмотрев на Вирона, она ходила вокруг него и Виктора, поглядывая на компанию: друзья были в полубессознательном состоянии, не верили, что этот кошмар происходит на самом деле, Теона с Тиной уже всхлипывали.

— В Шергантоне находится Колледж Тёмных Магических Искусств, — он закашлялся, кровь брызнула на пол; Вирон захрипел, закатив глаза, красная жидкость лилась из горла потоком, смешиваясь со слезами, — попросту — некромантии. Мы планировали… — его опять разодрал кашель, стоны стали больше похожи на вой, глаза выпучились — в этот момент, понимая, что его ничто не спасёт, все друзья желали ему быстрой мгновенной смерти, даже Теона.

— Что? Что мы хотели? — Эвилана настаивала на подробностях с игриво-притворным нетерпением, которое воткнулось в уши больнее, чем разъедали слух крики Вирона.

Ведьма остановилась перед ним, вытерла кровь с его лица и шеи.

— Ну же! Говори, не стесняйся!

— Мы собирались… огненными волнами уничтожить… часть населения Шергантона…. чтобы студенты Колледжа… создали армию зомби… и… НЕ НАДО!

Он издал долгий безумный вопль, чередование стона и крика, по телу бегали судороги, всё усиливающиеся, казалось, он пытался вырваться из рук Виктора, державшего его. Маг отпустил Вирона, тот, не прекращая воя, делавшегося громче, рухнул и стал кататься по земле, оставляя на полу красные пятна, постепенно сливавшиеся в одно. «УБЕЙТЕ МЕНЯ!» — иногда удавалось ему простонать членораздельно, и в ту же секунду он захлёбывался кровью.

— Так я этим и занимаюсь, — отвратительно сладким

голосом, приторным до тошноты, протянула Эвилана. — Остался маленький экзамен. Скажи, каков эффект созданного тобой заклинания, названного Проклятием нужной забывчивости? И когда мы собирались его применить?

Вирон выл на одной ноте минуты три, прежде чем смог ответить, потом захрипел, через каждое слово у него перехватывало дыхание, и каждый мгновенный приступ боли сопровождался вскриком.

— Проклятые… не помнят… ничего… кроме того, что… им прикажут… Не помнят… и не узнают… никого… кроме того… кто проклял их… и командует ими…

— Остановись! — сквозь слёзы заорала Теона. — Как ты можешь спокойно смотреть на это? И зачем тебе это нужно, зачем?!

— Вот в этом и разница между нами, — Эвилана приблизилась к ней. — Я могу так, ты — нет. Потому что для меня чужие страдания естественны. А сама я не желаю испытывать никакую боль — пусть это делают вместо меня другие. Вирон, не молчи, — ведьма повернула и склонила голову, глядя на него. — Скажи, куда мы намеревались направиться с войском нежити из Шергантона?

Вирона встряхнуло судорогой так, что он, наверное, сильно ударился головой об пол, который уже был весь в крови, и нельзя было сказать, потекла ли кровь из раны. Кричать Вирон уже не мог, только хрипел. Через горло вдруг потянулась красная линия — след от невидимого клинка.

— Закончишь ответ, поведай своим друзьям, как мы с тобой захватить один из некрополисов возле Шергантона, — распорядилась Эвилана и снова переключилась на Теону: — У тебя есть привычка всё за всех делать, девочка. Это дурная привычка. Надо, чтобы было наоборот.

— Если бы не Вирон, ты бы не оказалась здесь, не встретила бы Виктора. Вирон помог тебе вырваться на волю! Ты бы ещё долго терпела свою семью, которая запрещала тебе заниматься тем, к чему душа лежит, — Теона утихла, крик был только в её взгляде.

— Логично, — согласилась Эвилана. — Многие неприятности ведут к улучшениям, если не опускать руки. И мы тех, кто обижал нас, должны ещё и благодарить. Но я не хочу так делать! Это же неправильно, не следует прощать подлости, какую бы пользу мы не извлекали из них. Потому подлецов всегда полно, что находятся люди, которые, вместо того, чтобы показать зубы и когти, говорят врагам спасибо. Кто вообще решил, что надо уметь прощать всех? Себя — нужно, всех прочих — ни в коем случае.

Она опять посмотрела на Вирона. Кроме неё и Виктора, на него никто не мог и взгляда бросить. Всё тело его было исполосовано силой проклятия, с лица, грязного от месива пыли, крови и слёз, не сходило безумное выражение. Бедняга дёрнулся ещё раз и умер.

— Наконец-то! — Эвилана отставила руку, в которой возник её посох. — Приятного отдыха в царстве мёртвых, Вирон.

Она коснулась посохом груди мёртвого — он вдруг начал втягиваться в магическое оружие, рассыпаясь в красные искры. Шар, которым заканчивался посох, стал делаться красным. Таким и остался, когда тело исчезло полностью.

— С этим разобрались, — ведьма опустила посох. — Пошли к Хидаару.

— Приятного отдыха, — хохотнул Виктор.

Чёрный маг и ведьма покинули помещение.

Молчание длилось меньше полминуты — всхлипы Теоны, Тины, а теперь ещё и Дашки с Алиной стали учащаться и стремительно слились в плач, у колдуньи — тихий, сдержанный, у остальных — переполненный горем, невыносимый для тех, кто не мог заплакать. Вероятно, кому-то надо было что-то говорить, чтобы смягчить всё, облегчить, но для этого надо было собраться с мыслями, чего сделать был никто не в состоянии.

К счастью, волшебницы и Тина скоро уснули. Остальная компания через некоторое время после этого нашла силы говорить.

— Неизвестно, зачем ей нужен каждый из нас, — произнёс Бруно. — Вирона она хотела просто убить, — он тяжело вздохнул, — у Джессики и Теоны — забрать часть души, Дмитрия — сделать демоном. Кто на очереди?

— Получается, она ожидала нашего появления здесь, но ведёт себя так, будто оно оказалось сюрпризом, и она не знает, что с нами делать, — Саша задумался. — Странные правила у этой игры.

— Эвилана всё скрывает ото всех, по её словам и поведению никогда ничего понять нельзя, — отозвалась из угла Кларисса. — Ясно теперь, почему, — печально добавила она.

— Тебе многое про неё известно, — заметил Саша. — Откуда?

— Эвилану достаточно знают по всей Альдане. Разумеется, далеко не все, в основном чёрные маги, — наверное, впервые Кларисса сравнивала их с обычными людьми, не заявляя, что первые намного лучше всех прочих. — В полной мере овладев своей силой, Эвилана стала иногда договариваться с другими магами о сотрудничестве. Три года назад она перестала давать о себе знать.

— Сотрудничество? Мне показалось, что после Отряда Смерти она только себе доверяет, — хмыкнула Джессика.

— Я же говорю: это всё было, когда Эвилана научилась обращаться с магией высшего уровня, — повторила Кларисса. — Делать что-то вразрез с её мнением опасались. И потом, она могла сама подставить того, с кем имеет общее дело. Добиться того, что ей надо было — и в лучшем случае исчезнуть, в худшем — уничтожить бывшего компаньона. Но те, кого она оставляла в покое, оставались очень довольны ею. Кому-то ведьма оставляла крупицу своего тёмного знания, которая потом передавалась последующим поколениям. Это была самая безобидная магия, раз Эвилана позволяла её тайнам распространяться по королевству. Из-за её заклинаний и чар эту леди среди чёрных магов очень даже уважают и почитают.

— Что-то слишком добрая слава, — Джессика недоверчиво покосилась на колдунью.

— Дурной тоже немало, и она в основном среди простого народа. Я имею в виду не только тех, кто не является магом. Эвилана научилась воздействовать на людей, становясь духом в каком-нибудь храме. Шаманизм, управление духами и душами, в том числе и своей собственной, — её главное умение. То, что во сне происходило с Дарьей, могло бы и в реальности иметь место. Меланси ведь говорила ей, что Эвилану не любят священники — так вот, это слишком смягчённая правда, — вздохнула Кларисса измученно, слишком она устала от молодой ведьмы, которая была не только умна и сильна, но и жестока не по годам. — К духам предков обращаются ведь не только во время обрядов или за поддержкой перед боем или каким-то ответственным делом, но и когда больше не у кого просить помощи или совета. Вот в таком состоянии люди готовы слепо подчиняться им.

— Жрецы и священники считают позором себе, если в их храме кто-то вступит в контакт со злом, пусть оно его и обманет, — подхватил Бруно. — Храм теоретически должен быть защищён от подобного вмешательства. Кроме того, это просто осквернение священного места.

— Вам что, дело есть до того, кто как относится к этой… к этой… — Клавьер не стал ругаться, проглотив оскорбление. — Она друга нашего убила, полчаса, наверное, его мучила! И остальных: Динару, Феликса, Аниту, Полу, Честера — тоже она! Не из-за Дарьи это, а из-за неё!

— Тише… — растерялась Кларисса. — Мы вырвемся отсюда, что бы Эвилана не замышляла.

Она пересела к юноше, хотела обнять, но он вскочил на ноги, возмутившись.

— Ты уверена, что спасёмся мы все!? Хотя с кем я разговариваю, ты ведь и не заметишь, если нас ещё меньше станет! — он сплюнул и отошёл в дальний угол.

— Прости, пожалуйста, — надломленный голос Клариссы прозвучал ему вслед. — У меня голова не работает, пойми. Не могу привыкнуть, что Вирона уже с нами нет.

— Конечно, привыкнуть! Ну, гибнут друзья — ничего страшного, нас ещё двенадцать человек осталось! Из них шестеро — вообще посторонние люди, так, прибились к нам, — Клавьер быстро отвёл взгляд. — Что по ним убиваться…

— Нас одиннадцать, — прошептала Кларисса, уже не обращаясь к юноше, а говоря самой себе и тому, что её услышит. — Дмитрий не с нами.

— Вот этого Эвилана и добивается, — вдруг сказал Николас. — Чтобы мы перессорились. Если нас подержать тут неделю, мы, может, наоборот, сплотимся. Но если, что страшно, наша тёмная леди будет постоянно заглядывать к нам…

— И убивать по человеку в день, это имеешь в виду?! — гневно воскликнул Клавьер.

— Мне трудно это говорить, — Николас опечалился сильнее. — Каждый день необязательно… Две-три смерти от магии Эвиланы — и мы сами друг друга поубиваем, выясняя, как мы должны на это смотреть.

— Убили мою мать, моих старших братьев и сестёр, — перечислил себе под нос парнишка, — всю мою семью убьют. Мою единственную, родную, настоящую, — каждое слово он произносил всё громче, а последнее и вовсе выкрикнул, — любимую семью!

— У него истерика начинается, — насторожилась Джессика.

— Мы ему действительно как семья. Биологических родственников он ведь не помнит, — Николас покачал головой.

— Должно быть, ему очень плохо. У меня семья есть, но к ней никакой привязанности. Смерти отца я даже была в какой-то степени рада. Некоторые из вас мне дороже матери и брата. Не все, — сразу оговорилась воительница.

— Интересно выходит. Почти все мы оказались в банде потому, что в семьях своих мы не находили поддержки и защиты, — изрёк Николас. — Томас поссорился с родителями. Клавьера, очевидно, выгнали из дому после того, как он попал под власть какого-то колдуна, — а могли помочь мальчику, пока не поздно. У близняшек судьба невесёлая. Их мать, эльфийка из известного рода, невероятно гордящегося своей расовой принадлежностью, вышла замуж за человека. Семейство, разумеется, было категорически против, но дочь оказалась

упёртой. В семью её избранника кое-как приняли, но родных его видеть в своём доме не желали. Неприязни к этому человеку эльфы не скрывали. Когда у молодых дети появились, близняшек все невзлюбили, так как они оказались похожими на отца. В огромном доме девочки получали любовь только от мамы с папой, но родители, когда дочкам было по восемь лет, погибли. Четыре года сёстры терпели издёвки. Не только семейство стало распускать языки и руки — даже прислуга, тёмные эльфы! Светлые эльфы их не выносят, считают, что те должны жить только в том случае, если будут работать на них. Но тёмные и светлые эльфы объединялись в своей ненависти к бедным девочкам, хотя прислуге запрещалось даже отзываться плохо о членах семьи хозяина! В общем, близняшки удрали от этой стаи и попали к нам. А Бруно? Отец его, помешанный некромант, грозился поставить на нём какой-нибудь эксперимент, энное количество раз он приковывал его к столу и пытался изрезать ножом, но вопли слышали соседи и прибегали на помощь. Матери было не до мужа-психопата и ребёнка, она к ним обоим была холодна, ничего не видела, кроме своих книг по искусству призывания. Кларисса…

— Не продолжай, — попросила Джессика. — Я уже убедилась в том, что я бессердечная.

— С чего ты так решила? — удивился Николас.

— Ты же мудрый. Неужели не догадываешься? — Джессика безрадостно усмехнулась.

— Я знаю, что говорю. Так ответь! — он, наоборот, излучал счастье.

— У всех этих людей семейные проблемы хуже, чем у меня. А если по правде, у меня их могло и не быть, я проблемы сама себе создаю, — уверенно начала Джессика. — А меня так раздражают мать и Дерик, я так на них злюсь иногда! Хотя мне стоит радоваться тому, что они у меня такие… нормальные.

— Правильно. А что в них такого, за что они не заслуживают пренебрежения?

— Мать позволила мне вступить в отряд Айрис, — стала рассуждать Джессика. — Она вне себя была, когда узнала о моём решении, и вовсе пришла в бешенство, когда я его осуществила. А между этими двумя моментами достаточно времени прошло, чтобы на меня надавить. Иногда я поражаюсь, почему мать не выгнала меня на улицу. Это было бы отличной идеей — с моей привычкой устраивать пьяные дебоши средств на возмещение ущерба уплывало немногим меньше, чем на еду и на лечение моей младшей сестре. А братья надо мной только посмеивались иногда, но слова плохого не говорили. Вот и всё.

— Очень хорошо, — кивнул Николас. — Пора бы нам теперь вздремнуть.

— Ты мне ничего больше сказать не хочешь?

— Нет. Больше не нужно ничего, — Николас зачем-то чмокнул её в макушку и лёг, заснув прежде, чем Джессика осознала, к чему был этот разговор.

Саму её в сон не клонило. Она посидела немного, попыталась всё осмыслить — всё оказалось слишком сложно, и Джессика решила отложить это на то время, когда, может быть, спадёт сдавливающая напряжённость. Воительница глянула на Теону нечаянно: лицо у неё уже не было опухшим от слёз. Спала она в обнимку с Дашкой — очевидно, пыталась утешить, хотя её саму надо было успокоить, убедить в том, что всё закончится хорошо. С родными отцом и матерью Теоны Джессика не была знакома, но ей представлялось, что они являлись людьми гораздо более приятными, чем её родители. И юная целительница оказалась в семье Винсент. В этом доме никогда не было особого тепла и понимания, к которым, наверное, привыкла Теона — но она смогла полюбить новую семью, и вряд ли слабее, чем родную. Хотя Теона часто навлекала на себя недовольство Анны, причём, по сути, тем, что оставалась самой собой: доброй, наивной, *абсолютно* бескорыстной девушкой.

В голову вернулась отброшенная мысль, с ней Джессике и предстояло заснуть.

«Вспомни нас! Я прошу! Вспомни, ты любил меня! Несмотря на то, что Джесс, моя сестра, не желала, чтобы мы были вместе. Вспомни тот вечер, ту ночь, ту огромную луну и огни магических источников. Они отражались в наших глазах, вспомни, как было красиво! Мы держались за руки, было прохладно, но в наших ладонях возникло тепло, которое наполняло нас — и мы не чувствовали прохлады. А поцелуи были ещё теплее, вспомни!».

Демон недовольно зарычал. Этот нежный звонкий голос девушки преследовал его целый день. Во время битвы он был гораздо громче и в нём звучало отчаяние напополам ещё с чем-то (с болью, но демон не помнил, как она слышится), он тогда сильно мешал. Инфернальное создание не могло понять и того, что же пытается сказать ему голос.

«Дмитрий! — раздался в голове приказ хозяйки, Артеи. — *Спустись в камеру, погляди, как там пленники».*

Демон проснулся окончательно. На её приказы силы появлялись сами собой.

В подвале незнакомая девушка опять напомнила о себе, голос становился с каждым шагом всё пронзительнее: *«Не отрекайся от*

нас! Вспомни, через что мы прошли вместе! Демоны, взбесившийся лесной народ, а двумя годами ранее — восстание нежити. Ты вместе со своими друзьями возвратился в Большой Мир, на свою родину, потом вы опять пришли в Альдану, решив остаться здесь навсегда, ведь ты нужен королевству! Все трудности и лишения ты терпел, потому что закончиться они должны победой, над чем победой — воля твоя. Разве ты хочешь, чтобы твоя судьба, которая могла бы стать героической, оказалась столь бесславной? Вспомни, сколько людей верят в тебя! Ты должен сделать то же самое, Дмитрий! Ради жителей всех двенадцати земель Альданы, ради своих друзей, ради нас, ради наших будущих детей! Ради нашей не родившейся дочери, Адели — она ведь с нами, любит нас, переживает за нас, боится за нас, хочет нам счастья! Ты ведь достоин его, заслуживаешь большего, чем провести бесконечную жизнь в рабстве у Артеи и Эвиланы!».

Наконец-то девушка заговорила о ком-то знакомом. Она неоднократно призывала его вспомнить неизвестных людей и неизвестные события, а в памяти демона были только ведьма, Артея и Арджея, Виктор, Меланси, дворец риксов, заброшенный город вокруг него и та самая битва. Он не мог и вообразить, что в его жизни был другой период, тем более не мог предположить, что когда-то (совсем-совсем недавно) был человеком. Ему казалось, он всю жизнь демон, и не мог определить, сколько длится его существование в инфернальном обличье.

Демон вошёл к пленникам. Вроде все спят. Двенадцать кусков мяса, материала для экспериментов. Демон фыркнул и собрался удалиться, но изданный звук разбудил одну из девушек, блондинку с крупными локонами, глазастую, невероятно похожую на Артею.

«Ты пришёл один? По своей воле? Ты узнал меня?» — голос незнакомки теперь звучал отовсюду, окружая демона, проникая в ту часть сознания, которое адскому существу оставила Эвилана.

Голос слишком давил, ничего другого, кроме него, слышно не было. Кроме блондинки, очнулись ещё одна девушка с разноцветными прядями в коротких, выше плеч, светлых волосах и юноша, который был младше девиц на пару лет. Двое последних что-то говорили друг другу, блондинка смотрела прямо на демона, тоже не молчала, но всех этих звуков не существовало — был только странный голос, если бы он замолк вдруг, осталась бы тишина.

Блондинка кинулась вдруг к решётке, протянула руку сквозь прутья, желая, очевидно, дотронуться до демона.

«Подойди ко мне! Может быть, ты увидишь в моих глазах что-нибудь, что тебе напомнит о прошлом».

Судя по всему, настойчивый голос принадлежал этой девушке. Он только злил демона, который по этой причине умертвил бы блондинку, но именно её госпожа приказала не убивать.

«Доверься мне! Я помогу тебе вспомнить. Пойми, будет лучше, если ты вернёшься к нам! Эвилана не тебя ценит, а твои способности уничтожать и разрушать. Ты любишь её, а на самом деле — миф, потому что душу свою она ото всех скрывает. Альдебарги ведь не существует, она лишь выдумка Эвиланы…»

Упомянутое имя демона насторожило. Он его, кажется, где-то слышал.

«Вспоминаешь? Молодец, я знаю, что ты сможешь! Альдебарга, я, Чёрные Гавани — это очень красивый город, хоть там никогда не видно солнца. Там одни серые краски, но всё изящно, красиво, невесомо, тихо. Ты по-прежнему любил меня, вспомни! Ты же возвращался ко мне, для нас исчезал весь остальной мир! Вспомни!»

Надрывающийся голос было невозможно вынести. Демон свирепел, он хотел, раз девице нельзя свернуть голову или порвать горло, просто сделать ей больно, сломать ей что-нибудь, вывернуть руку, сильно ударить — заставить её заткнуться. Не подумав, что блондинку от него отделяет решётка, он бросился на девушку…

По телу разбежались импульсы: необычное, приятное ощущение. Вдруг он увидел огромные зелёные глаза, на радужках их мелькали весёлые блики. Нижние веки опустились, показав всю длину густейших чёрных ресниц, поднялись. В глазах отобразилось что-то новое, манящее ещё сильнее, чем секунду назад. Веки опять сомкнулись, видение пропало, но ощущение усилилось — и не хотелось бы, чтобы оно вдруг пропало.

Это было воспоминание: первый, такой неожиданный поцелуй, которым Теона оделила Диму, тогда ещё не колдуна, а простого парня. Но демон не понимал, что же выталкивала наружу, из плена, его память.

Похожая на хозяйку девушка убрала руки, обнимающие его — импульсы затихли все сразу, демон ощутил, что ему стало холоднее, чем было только что.

«Что? Что ты чувствуешь? Я не враг тебе, и все, кто в этой камере — тоже. Надо не так много усилий, чтобы освободиться от магии Эвиланы. Надо лишь не бояться эту женщину».

Новое видение: снова глаза, но другие. Тоже зелёные, но не поразительного, почти нереального травяного оттенка, а чуть менее яркие, но от этого не менее красивые. Глаза Эвиланы, он легко узнал. Но *так* они на него не ещё смотрели. Демон решил без колебаний, что этот взгляд лучше тех, которые он обычно

получал от госпожи Армад. Второе видение так же сменилось приятным ощущением, захватившим всё тело.

Удовольствие было внезапно прервано острой мыслью: Альдебарга. Такие глаза были у Эвиланы, но тогда она представилась этим именем.

Пустота в ушах заполнилась теперь двумя голосами: той девушки и ведьмы. Незнакомка умоляла демона вспомнить, госпожа говорила, томно растягивая слова, какой-то бред, подобные обворожительные фразы Эвилана изредка дарила Виктору. *«Я обожаю тебя. Мне придётся отдать себя другому человеку, но о тебе думать не никто не запретит. Ты веришь мне? Поэтому я и люблю тебя, что веришь».*

Ведьма когда-то и ему такое говорила, наверное… Но когда?

Ответ пришёл так же быстро, как возник вопрос: когда Эвилана называла себя Альдебаргой.

Голос госпожи тем временем стал перекрикивать девушку, и вдруг крикнул со злобой: *«Ударь её! Так, чтобы она потеряла сознание, немедленно!».*

Голоса умолкли, тишина лопнула. Демон запустил лапу блондинке в волосы, надавил на голову — девушка вздрогнула, но не испугалась, даже, кажется, обрадовалась. Он резко присел, не убирая лапы, девушка, конечно, не успела сбросить с себя её и не устояла. Удар об пол пришёлся на щёку, ухо и висок. Демон за локоны приподнял голову несчастной и снова опустил лапу, прижав девушку лицом вниз, разбив ей нос и губы.

Рыдания её летели за демоном, пока он не поднялся на первый этаж.

Глава 18 Прошлое и настоящее. А есть ли будущее?

Джессика с первого дня пребывания в пещере так и не привыкла к тому, что, когда она просыпается, в глаза не лезет солнечный свет, в первые моменты пробуждения такой настырный, наглый, а в первые минуты — столь ласковый, игривый. Новое время суток было встречено в сопровождении негаснущего пламени факелов — на огонь вообще-то приятно смотреть, но этот был мрачным, к тому же как источник освещения в камере он делал видным засохшую кровь на полу в центре помещения — её так много, словно там пол выложили тёмной плиткой или покрасили.

Воительница чуть-чуть завидовала тем, кто ещё спал: они отдыхают от реальности. У всех на лицах трогательное умиротворение. Джессика задержала взгляд на каждом, и вот остановила его на Теоне…

Наверное, впервые в жизни ученица Айрис Ави завопила от ужаса.

Она сама от себя такого не ожидала. Теона ровно дышала, кроме как на лице, у неё крови нигде не было, и других следов повреждений — тоже, а сломанный нос целительница могла легко себе восстановить. Впадать в панику не стоило, нет.

А что тогда стоило? Сохранять невозмутимость? Джессике это показалось ужасающим проявлением эгоизма, цинизма и бессердечия. Где-то глубоко промелькнуло удивление собственным мыслям, оставив за собой пламенеющий горячий след.

— Что такое? Почему ты кричишь? — прошептала разбуженная Теона губами, с которых она так и не вытерла кровь.

— Кто это сделал? — так же тихо спросила Джессика, опускаясь на пол рядом с сестрой.

— Дмитрий приходил.

Теона закрыла глаза, когда Джессика платком стала осторожно чистить ей лицо.

— Он на тебя напал? Почему не позвала на помощь? — без раздражения, а даже как-то ласково упрекнула сестру воительница.

— Мне показалось, к нему стало прежнее сознание возвращаться, — простонала Теона. — Я его обняла, он не дёргался, замер, перестал злиться. А потом ударил меня, рассвирепев в одно мгновение.

— Дурочка ты, — вздохнула Джессика, делая ещё одно движение рукой. — Вот так лучше. Ты бы подправила себе нос, а? Силы есть ведь.

— У меня не болит ничего.

— Ты же морщишься вся!

Теона, не ответив, отвернулась.

— И что с тобой делать? — Джессика убрала руки, но по-прежнему склонялась над ней.

— Утро доброе, — пробурчала над ухом Дашка, тоже поднятая воплем воительницы. — Как я слышала, до тебя уже всё донесли.

— Ты что, видела этот беспредел? — возмущённо ахнула Джессика.

— Остынь, здесь же магический защитный барьер, мы ничего не можем сделать тем, кто по ту сторону решётки, — Дашка перевела взгляд на Теону. — Я кинула в Диму… в демона огнём, пламя погасло, коснувшись прутьев. Алина хотела молнией его — не вышло. А Теона только смотрела на него и плакала, страшно так, не шевелясь. Обычно если так плачут — то беззвучно, а она ревела в голос.

— И меня это не разбудило?

— Ты слишком устала тогда, почти как и все. Никто не проснулся. Меня разбудило появление демона, слишком он шумел — а я некрепко спала, так, дремала. И Клавьер очнулся, он тоже видел всё. Мне показалось, он просто лежал с закрытыми глазами, а не спал. Он сейчас в неважном состоянии, подавленный, грустный, сон к нему не идёт. Остальным же надо будет объяснять, что произошло.

— Теона разговаривать об этом не хочет. Размышлять, по-моему, тоже, — Джессика осторожно стала гладить целительницу по щеке. — Бедная, представляю, каково ей сейчас.

— Тем не менее, я тоже заметила, что демон что-то вспомнил. — Мне бы хотелось, чтобы чудо всё-таки случилось. А тебе, наверное, нет?

— Почему это?

— Это на сказку станет похоже. А Теоне надо прекращать в них верить. Это ведь твои мысли, так? — Дашка глянула на Джессику и быстро опустила глаза, смутившись, но через секунду собралась и посмотрела на неё пристально.

— Я об этом не задумывалась, — воительница сама потупилась. — Да, с реалиями надо когда-то знакомиться. Но почему все обязаны через это проходить? Почему исключений не бывает?

— Ты сама раньше так говорила, — Дашка растерялась. —

Что жизнь жестока, никого не щадит.

— Так и есть. Только вот нельзя ли кого-нибудь от этого защитить? Теона настрадается ещё, в этом я уверена. Может, хотя бы сейчас её можно избавить от мучений?

— Я поддержала бы тебя, но что мы поделать можем? Дима подчиняется лишь демонессе, которую получили из души Теоны, да Эвилане. Вероятно, если их влияние прекратится, он начнёт приходить в себя, но мы с ними ничего поделать не сможем.

— Единственный выход — убить, — ожил вдруг Клавьер, который действительно не спал всю ночь, но вслушивался. — А демонессу убить нельзя.

— Можно, но для этого придётся сначала… — хотела поправить его Джессика.

— Нельзя! — выкрикнул он. — Мы же не сможем!?

Это был неуверенный вопрос, отражающий упорную надежду на лучшее, но с отчаянием.

— Вообще-то я один раз решилась покончить с собой, не прибегая к чьей-либо помощи, но мне повезло, — нахмурилась Джессика.

— Теоне жизнь нужна, — тут Клавьер почувствовал уверенность.

— Если ей ударит в голову то же самое, что и мне — она отважится на самоубийство, — возразила воительница, делаясь всё более мрачной. — Я в жизни не задумывалась о том, чтобы наложить на себя руки, но как представила, как этот мой шаг вам помог бы, считай — спас, сразу решилась, не колеблясь.

— Вдруг дело было в чарах? — Теона, успокоившись, вступила в разговор, а все уже успели забыть, что она не спит, вернее, хотели, чтоб так и было.

— В интересах Эвиланы — не дать тебе и Джессике погибнуть, — возразила Дашка.

Теона промолчала. Она о чём-то думала. Каждый попытался представить, что за мысли могут быть у неё, и в камере стал слышен только треск пламени факелов.

— Вы боитесь за меня? — догадалась Теона.

— Да, — сразу же ответили ей все разом.

— Не стоит. Я буду жить, пока жив Дмитрий — неважно, в каком обличье будет его существование, — сказала она серьёзно.

— А если нам придётся прикончить его? — в абсолютной тишине прозвучал резонный вопрос Джессики.

— Тогда всё будет зависеть от обстоятельств, — целительница скрыла, что колеблется.

— Раз ты так думаешь, то мы его не убьём, — таким же тоном произнёс Клавьер.

— Рада, что ты это, наконец, понял, — огонь одного из факелов вдруг увеличился в высоту и в ширину, а отбрасываемая им тень стала тенью Эвиланы Армад. — Моих слуг таким ничтожествам, как вы, не одолеть.

— А зачем тогда ты заперла нас здесь? — Джессика, поднявшись, скрестила руки на груди.

— Есть причины, — огонь переметнулся на стену и пополз вниз, как только низ его коснулся пола — пламя потухло, и ведьма предстала перед друзьями. — Клавьер, я заберу ваших подруг ненадолго.

Эвилана на шаг подошла к ним, взмахнула посохом — все четверо перенеслись в алхимическую лабораторию, в камере оставив после себя только по снопу красных искр.

— Сперва с вами разберусь, сёстры Винсент, — Эвилана окинула взглядом бескрайний стол, тесно заставленный приборами и пробирками, выхватила колбу, в которой перемещались жёлтые, мягко мерцающие огоньки. — Что, никто не хочет спросить, что это такое? — поинтересовалась она после короткой паузы.

— Вряд ли что-то полезное для нас, — сухо сказала Джессика.

— Как раз наоборот, — усмехнулась ведьма. — Многие мечтают о том, чтобы получить немного вещества, что в этой колбе.

— Хочешь похвастаться, что оно у тебя есть? Мы видим, — продолжала скалиться воительница. — Счастливы за тебя.

Эвилана встряхнула колбу, два огонька выскочили наружу, подлетели к сёстрам, стали кружиться вокруг.

— Этих двух частиц будет достаточно, чтобы подарить вам бессмертие, девочки, — Эвилана провела длиннющим ногтём по стенке колбы, раздался противный скрежет. — Это первый в королевстве источник вечной жизни. Изобретение моё, но я опиралась на труды алхимиков, творивших ранее. Вы будете первыми, кто получит бессмертие. Ну, не слышу восторга!

— Ты подслушала нас, — заключила Джессика.

— Конечно, — ударила резким словом Эвилана, будто воительница усомнилась в чём-то очевидном.

— И зачем? Мы что, можем задумать побег? У нас же ни мозгов, ни сил не хватит! — передразнила Джесс Эвилану.

— Я не сомневаюсь в том, что сбежать вам не удастся. Но мне интересно, как вы всё же будете пытаться что-то предпринять, — Эвилана поставила колбу на место. — Вряд ли вы просто так смиритесь со своей участью.

— Раз ты столь проницательна, можешь ответить, хотим ли

этого бессмертия или нет? — не меняла тон Джессика.

— За Теону не говори, — осадила её Эвилана. — Твоя очаровательная сестра очень хочет жить, благо есть, ради кого. Дмитрий-то слишком силён, чтобы вы его одолели. И потом, ты что, так хочешь, чтобы она погибла?

— А вы её саму не хотите спросить? — предложила Дашка язвительно.

Джессика замялась, Эвилана замолчала, с любопытством, каким-то обижающим, циничным, уставившись на Теону.

— Не можешь сказать — не надо. На такие вопросы трудно отвечать точно, — вступилась за неё Дашка.

— Нет, леди, вам следовало думать, что говорите, — Эвилана не прекращала издёвки. — Пусть теперь Теона наизнанку выворачивается, выискивая в себе истину. Время есть, мы подождём.

— Если даже я отвечу, что не хочу больше жить, это никак не повлияет на ваше решение наделить меня бессмертием, — неожиданно выдала Теона.

— Отказываешься говорить по существу? — уточнила ведьма.

— Да, — Теона сжалась.

— А если я прикажу?

— Вы… вы ведь не можете убить меня, — сообразила Теона.

— Зато истязать — сколько угодно, — вкрадчиво протянула Эвилана, подойдя к ней вплотную, прижав свои ладони к её щекам и покачав головой.

Теона вздрогнула, решив, что ведьма собирается снова поцеловать её. Та рассмеялась и отпустила целительницу.

— Не буду вгонять тебя в краску, — круто развернувшись (Теоне пришлось отступить на шаг, чтобы волосы красавицы не ударили её), Эвилана вернулась на место, где стояла. — И мучить не буду, так и быть.

Она подняла руку, держа ладонь открытой, кончиками пальцев вверх. Два жёлтых огонька бессмертия от посланного магического сигнала, метнувшись, вошли в сердца сестёр. Обе молодые женщины ощутили несильное покалывание в груди, потом — слабое жжение.

— Это оно? — Теона приложила руку к сердцу, где были ощущения.

— Очевидно, да, — хмыкнула Эвилана.

Посох её снова оказался при ней. Она встряхнула его, и шар со змеёй, украшавшие магическое оружие, стали поблескивающим клинком.

— Проверим, — Эвилана приблизилась к Джессике, обошла её, задумчиво оглядев, и встала перед ней.

Оценивающий взгляд с поволокой скользил по воительнице вверх-вниз. Джессика уже открыла рот, чтобы что-то сказать, как ведьма резким точным движением всадила в неё клинок, прямо туда, куда проникло мерцающее бессмертие.

Раздался страшный звук удара об пол рухнувшего тела.

— Как… как вы посмели?! — с трудом проговорила Теона.

Дашка не стала тратиться на слова, а замахнулась на Эвилану, забыв, что в этом месте пленники не могут применять свою магию. Лишь слабое пламя вспыхнуло с неё на пальцах, сразу же потухнув.

— Девочки, спокойно, — Эвилана, наклонившаяся над Джессикой, чтобы выдернуть у неё из груди клинок, обернулась и вытянула вперёд руку — театральный успокаивающий жест. — Бессмертие и неуязвимость — разные вещи. Я могу нанести этой леди хоть сотню ударов, боль доведёт её до безумия, но жизнь Джессику не покинет.

Теона хотела подойти к сестре, Эвилана её остановила:

— Не сейчас. Ещё три проверки. Лучше залечи свой носик, а то на него смотреть страшно.

— Не страшнее, чем на Вирона в последние десять минут его жизни, — с сарказмом заметила Дашка.

— Проверка магией, — объявила Эвилана, превратив клинок обратно в посох.

Из шара вырвался сгусток тёмно-фиолетовой энергии. Дашка знала из книг, что магия такого цвета — самая мощная, убийственная. Она охватила Джессику, всосавшись в неё. Воительница застонала.

— Жива, — констатировала ведьма. — От такого, как правило, умирают мгновенно. Подождём пару минут — вдруг смерть всё-таки наступит — и перейдём к третьей проверке. Пока я займусь тобой, Теона.

Украшение посоха снова превратилось в клинок. Целительница, увидев, что Эвилана направляется к ней, стала отступать, но упёрлась спиной в стену. Ведьма занесла руку с оружием над Теоной, та, дрожа, умоляюще покачала головой: прошу вас, не надо!

— Эх ты, столько всего терпела, а какого-то несчастного удара боишься, — вздохнула тёмная красавица с привычной театральностью.

Дашке стало не по себе. По обе стороны от неё лежали два окровавленных тела, дыхание которых было почти не заметно.

— Недурно, как считаешь? — бросила Эвилана Дашке, послав в Теону магическую атаку.

— Что же это был за Отряд Смерти, что после него ты

потеряла всю человечность? — пробормотала колдунья вместо ответа. — Ты же молода ещё, едва меня старше… Сколько тебе? Двадцать? Чуть больше? И для тебя человеческая жизнь — уже игрушка?

— Мне девятнадцать, — поправила её ведьма.

— Мы с тобой ровесницы, — Дашка посмотрела в пол, погрустнев.

— Все, кому удаётся вернуться на свободу из Отряда, выглядят старше своих лет, — в глазах Эвиланы вдруг вспыхнул свет, приглушённый, холодный, ведьме явно хотелось выговориться, что Дашку почему-то не удивило. — Я там каждый день видела, как людей убивают. Причём не враги, а предводительница наша. Зайдёт в чей-нибудь шатёр, ткнёт в кого-нибудь из ребят пальцем и заявляет, что сегодня он должен жизнь свою отдать ей.

— Зачем это эй нужно было? — ужаснулась Дашка. — Жертвоприношения?

— Нет, у неё был какой-то способ продлевать свою жизнь, и для этого она забирала у учеников жизненные силы. Ей было около четырёхсот лет…

— Я знаю женщину такого же возраста, — насторожилась Дашка. — У неё тоже есть отряд, состоящий из девушек от шестнадцати до двадцати пяти… а, тебе же тогда двенадцать всего было, — вспомнила она с облегчением.

— Айрис Ави? — поинтересовалась Эвилана и после кивка колдуньи пояснила: — Наша предводительница постоянно отзывалась о ней весьма нелестно. Как я поняла, она завидовала ей по-чёрному. Айрис была её сестрой.

— А вот госпожа Ави своим ученицам не говорила о том, что у неё сестра есть, — проронила Дашка.

— Это ещё ничего не значит, — изрекла Эвилана и заговорила несколько на другую тему после паузы и вздоха: — сбежав из отряда, я поклялась, что получу нормальный источник бессмертия, не требующий человеческих жертв.

— Страшно вам всем в отряде было?

— Очень. Где мы только не оказывались: в землях риксов, в горах, в лесах вампиров и оборотней, на болотах троллей, в драконьих пещерах… Мы попадали в центры восстаний, нам на войне приходилось сражаться — а я в отряде была не самая младшая! Вот и представь, — Эвилана застыла, сглотнув — боролась с воспоминанием.

— Отпусти их, — неожиданно попросила Дашка, кивнув сначала на Теону, потом — на Джессику.

— Что? — ведьма враз стала суровой, даже злой. — Так ты

изображала понимание, чтобы меня разжалобить?

— Нет, я просто… — залепетала Дашка, испугавшись за всех сразу, а в подсознании ещё и начав сопереживать Эвилане. — Я не хотела тебя обидеть, пожалуйста…

— Не оправдывайся. Я думала помочь тебе, предложить действовать со мной заодно, а ты оказалась ничем не лучше моей семейки, Вирона, всех тех, кто мне жить не давал!

— Я тебе помочь хотела, правда!

— Не верю.

— Ты всем перестала верить! Так не должно быть! — Дашка сделала шаг в сторону ведьмы, Эвилана отвернулась, поднимая руку с посохом над головой.

Взмах его вызвал в лабораторию Артею.

— Мне нужен твой демон, — сказала ей Эвилана и посмотрела с пронзительным упрёком на Дашку: — Всё, дальше разговора не будет. Не надейся. Я давно за тобой наблюдала, ещё когда мистер Мортис был жив. Я постоянно связывалась с ним, у нас было общее дело, заодно смотрела на всех жителей Фатоны. Мне показалось, у нас есть много общего. Я бы подправила твой разум немного, чтобы ты стала спокойно принимать зло и могла бы оставить свою компанию и потом, если придётся, убить её, никого не пощадив. Я бы дала тебе в подчинение половину земель королевства, я думала, ты это заслужила. Но ты меня понимать не желаешь, так что скоро я с тобой распрощаюсь навечно.

— Мне жаль тебя. Ты не такая, какой кажешься самой себе. Надо лишь приглядеться, а ты не хочешь. Я бы показала тебе, куда смотреть, и…

— Душеспасительные беседы будешь вести в камере с Клариссой, она в них нуждается, — в очередной раз Эвилана не дала Дашке закончить.

Артея тем временем уже призвала демона. Он оглядывал лежавших без движения сестёр, иногда косясь то на хозяйку, то на Эвилану, задавая беззвучно вопрос: «Что с этими двумя делать?».

— Попробуй убить их, — предложила ведьма.

Демон сразу же потянул лапы к Джессике. Дашка зажмурилась, когда раздался ужасный хруст: судя по звуку, демон свернул воительнице шею. Он продолжал с ней что-то творить, так как тишина всё не наступала. Колдунья не хотела представлять, какие кости он ей ещё ломает, но омерзительные картины сами лезли в голову.

Когда всё прекратилось, остались слышны только стоны Джессики, глаза открыть Дашка побоялась, но веки растянула какая-то сила, явно магия Эвиланы.

Джессика выглядела ещё кошмарнее, чем истерзанный проклятием Вирон. На ней не только не осталось сухого, без крови, места — все конечности её были неестественно изогнуты, сломаны были даже все пальцы.

— Что, самому своя работа нравится? — Эвилана взглянула на демона с одобрением. — Принимайся за вторую девчонку, не стой.

Дашка с ужасом ощутила, что не может не только зажмуриться, но и отвернуться. Глаза щипало от слёз, её трясло от истерического смеха, иногда обращающегося в крик, раздирающий горло…

«Что же с тобой происходит? Что они такого делают с тобой, что из тебя вся любовь уходит? Ты убиваешь нас по велению госпожи — а если бы она не приказала, ты бы стал рвать меня? Наверное, ты не задумывался над тем, зачем тебе выполнять приказы хозяйки. Можешь попробовать сейчас?»

Если бы демон был способен на все чувства, что доступны нормальному человеку, его бы тронули эти слова, произнесённые девушкой, которую он перестал считать незнакомой — красавица для него стала просто безымянной. Но всё, что демон смог подумать — девушка злится. Обладатели голосов, способных достать тебя где угодно, очень сильны, и поступать против их воли бесполезно, это демон хорошо знал. Поэтому он прекратил истязание и попытался понять: действительно, зачем он причиняет этим девушкам такие страдания? Так как он начал думать, в голове появился ещё вопрос. Хозяйка с госпожой Армад и таинственная леди требуют противоположных вещей, так что надо будет пойти против воли кого-то из них. Но чей гнев будет слабее? Кого надо слушать?

— Почему ты остановился? — разъярилась Артея. — Добей её!

— Ну-ка, — Эвилана, прищурившись, заглянула демону в глаза. — Проклятье, он вспоминать начал! Артея, отправь его подальше отсюда. Можешь выпустить его в Чёрных Гаванях, но только следи за ним.

Артея послушно направила жезл на демона, он стал становиться прозрачным, пока вовсе не растворился, точно так же исчезла его хозяйка.

— Третью проверку вы выдержали, — отметила Эвилана.

С Дашки спало оцепенение, но теперь колдунья была вся в своих мыслях и не замечала ничего. Надежда, оказывается, есть…

— Последняя проверка — ядом, — осведомила пленниц Эвилана без прежнего энтузиазма, даже с усталостью.

С одного из столов она схватила пробирку наугад, влила

отраву в рот каждой испытуемой. Обе застонали сильнее.

— Иди туда и садись, — велела ведьма Дашке, указав на стол, стоящий в дальнем углу.

Как и на других столах, на нём стояла куча полных колб и пробирок, приборов, но занимали они не всю поверхность, наверное, меньше одной трети её. Он хорошо освещался факелом, совсем как настольной лампой. Центр стола был зеркальный. Рядом, у противоположных сторон, стояли два стула, на один из которых Дашка и присела.

В зеркале отразился дух Кристиана, к чему колдунья была готова, но сердце всё равно сначала сжалось так, что будто уменьшилось в размерах раза в два, и резко вернуло прежнюю форму. Огромные глаза духа созерцали со скукой. Дашка дотронулась до левого плеча, на котором увидела умершего сына, но ничего не ощутила, что она тоже предполагала. Но чего колдунья не ожидала, так это того, что Кристиан после движения её руки уставился на мать с укором.

Ведьма устроилась на втором стуле.

— Левую руку мне дай, — потребовала она. — Только не клади её на зеркало.

Дашка сделала так, как её просят. Эвилана высыпала ей из пробирки немного серебристого порошка в ладонь. Он, словно от дуновения ветра, пролетел по руке Дашки и, как только оказался на её плече, поднялся невысоко в воздух, кружась, и принял очертания Кристиана.

— Не трогай, — процедила Эвилана, заметив, как дёрнулась свободная рука Дашки, затем взяла со стола лезвие, приставила к запястью колдуньи и провела до предплечья, сделав надрез.

Дашка поморщилась, но под взглядом Эвиланы заставила себя терпеть, не меняясь в лице.

Выделяющаяся кровь не стекала на стол, а бежала наверх. Порошок над плечом Дашки приобрёл красноватый оттенок, изображения становилось всё более плотным, материальным. Эвилана пока смешивала разные вещества из нескольких пробирок в одной, потом сосредоточенно посмотрела на неё, вытянув руку вперёд и вверх, — то, что было в пробирке, закипело. Несколько брызг, очень горячих, попали на Дашку, она невольно опять поморщилась.

— Терпи, — как-то по-матерински сказала ведьма и вылила ей содержимое пробирки на надрез, сразу затянувшийся без следа. Кожа заболела, как при тяжёлой ангине или гриппе.

А дух, как и его отражение, начал быстро меняться, становясь похожим на обычного мальчика: голова и глаза уменьшались, возраст делался понятным, лет четырнадцать на вид. Когда

пропорции тела сравнялись с нормальными, боль утихла. Красновато-серебристый порошок осыпался, Дашка почувствовала тяжесть на плече — дух превратился в живого ребёнка, только крошечного совсем.

— Здравствуй, Кристиан, — прошептала молодая мать.

— Привет! — жизнерадостно воскликнул сын.

Но возглас был обращён к Эвилане.

Дашка, растерявшись, хотела погладить его по лохматой голове, но Кристиан с неожиданной силой оттолкнул её руку.

— Леди, вы освободили меня? — спросил он ведьму.

— Да, и ты теперь можешь делать то, что тебе нравится, не ограничивая себя, — улыбнулась Эвилана искренне, но, окажись улыбка фальшивой, Кристиан вряд ли распознал бы это. — Действовать по всему королевству, а не только там, где находится твоя непутёвая мать.

— Я тебя люблю, Кристиан, — произнесла Дашка еле слышно.

— А я привык существовать без твоей любви, — заявил юнец.

— Но тебе ведь хочется испытать материнскую заботу и нежность? — Эвилана протянула ему раскрытую ладонь, он перебрался на неё. — Я могу дать тебе их.

— Это мой сын, верни его мне! — потребовала Дашка, сорвавшись.

— Нет, ты просила избавить тебя от него, вот я и выполняю твою просьбу, — Эвилана прижала Кристиана к груди, сын с вызовом уставился на мать.

— Я передумала.

— Всё, что получено в результате моего колдовства, принадлежит мне, — ухмыльнулась Эвилана.

— Кристиан, эта женщина тебя полностью себе подчинит! — Дашка в отчаянии заломила руки.

— Я буду позволять тебе всё, — ведьма пустила в ход самый весомый довод в пользу того, чтобы Кристиан остался с ней. — Помню, ты поднял изумительный бунт среди тёмных дриад и энтов в священном лесу на территории земель Варфетии. Я разрешу тебе навести собственные порядки в лесах всего королевства, а твоя мать этого не одобрит. Убивать она тоже запретит, насылать проклятия на всех — тоже…

— Я такую мать не хочу, — по-детски надулся Кристиан.

— Её и не будет! — пообещала ведьма. — Она сейчас уйдёт!

Дашка не шелохнулась. Она не сводила глаз с сына, юнец насмешливо глядел на неё.

— Дарья, мы ждём! — глумилась ведьма. — В коридоре тебя догонит Меланси, проведёт в камеру. Джессику и Теону верну вам

позже.

Колдунья не могла заставить себя подчиниться.

— Сейчас я всё улажу, — Эвилана поставила Кристиана на стол, магией притянула к себе свой посох, оставленный у стола с ядами, и коснулась им Дашки.

Молодая несчастная мать только хотела дотронуться до Кристиана, как чары перенесли её в камеру.

Глава 19 Осталось совсем немного

Дашка рыдала долго. Когда слёз не осталось, плакала без них: лежала ничком, периодически вздрагивая. Так уходила боль, которой внутри было очень много, Дашка избавилась лишь от ничтожной её части. Когда колдунья, наконец, смогла сесть и оглядеться, в камере почти все спали, кроме Николаса, Томаса и Джессики.

— Как ты? — сразу обеспокоилась Дашка, увидев воительницу.

— Отвратительно. У Теоны сил не хватает, она всё время теряет сознание от боли, Алина не способна лечить такой кошмар, — прохрипела Джессика.

— Если от этого есть средство, то оно может быть только в лаборатории Эвиланы, — вяло, безжизненно проговорил Томас. — Теоретически от подобных увечий люди умирают сразу же. Что? — слегка недовольно, но вовсе не зло воскликнул он, поймав на себе три изумлённых взгляда. — Не ожидали от меня такого безрадостного заявления? Ну, простите, я озвучиваю то, что знаю.

— Мы отсюда совсем другими выйдем, — произнесла Дашка.

— Спасибо, — хмыкнула Джессика.

Дашка вскинула брови.

— За то, что не добавила: «если вообще выйдем», — пояснила воительница.

— Эвилана получила, что хотела, — Дашка уже не могла вкладывать в речь эмоции. — Отняла у нас Диму, обеспечила вечную неуязвимость своим демонессам, забрала у меня Кристиана, убила Вирона…

Оказалось, немного выплаканных слёз к ней вернулось. Уронив голову на колени, Дашка снова разревелась.

— Эвилана всё получила, и мы ей больше не нужны, поэтому она могла бы нас отпустить, — закончила мысль подруги Джессика.

В течение пяти дней ни Эвилана с Виктором, ни Артея с Дмитрием и Арджея, ни Меланси в камеру не заглядывали. Еду пленникам приносили демонессы, которые во дворце были в качестве прислуги, на вопросы они не отвечали. На шестой день случилось нечто из ряда вон выходящее: компания проснулась в доме Ильды Дэйс.

Розовело раннее утро, яркий насыщенный рассвет. Во всех спальнях для гостей были открыты окна, и с улицы доносилось чириканье птиц, прорывалась в комнаты утренняя прохлада.

Пребывая в полнейшем недоумении, все собрались в гостиной на первом этаже. Хозяйки дома видно не было, скорее всего, она ещё спала. Компания некоторое время сидела молча. Хоть все выспались, полученное впечатление было таким мощным, что съело все способности быстро соображать.

— Странно… Я почему-то радоваться не хочу, — поразился себе Клавьер.

— Отпустить нас просто так — это не в правилах Эвиланы. Я бы не удивился, если бы она предоставила нам возможность выбираться из пещеры самостоятельно и приказала всем своим демонам нам активно мешать, — Бруно встал, прошёлся по комнате, повернулся на середине гостиной лицом ко всем сидящим и воскликнул: — Но телепортировать нас! В целости! Она что, в лаборатории своей парами вредных зелий надышалась?

— Кто здесь? Предупреждаю, я вампир, — раздался голос Ильды и приближающиеся громкие шаги, — так что…

В дверях хозяйке пришлось схватиться за косяк, чтобы удержаться на ногах.

— Вы?.. — Ильда, пошатываясь, сделала несколько шагов вперёд, протянув вперёд руку.

— Только ты не спрашивай ничего, мы сами не поняли, как это произошло, — Томас подошёл к бывшей воспитательнице, обнял осторожно, а она стиснула его изо всех сил.

— Хорошо, не буду, — бормотала Ильда. — Все вы живы, все вернулись — это главное.

— Не все, — Томас отстранился от неё. — Вирон убит, Дмитрий остался в пещере под властью Эвиланы Армад.

Вампирша поспешила сесть.

— Значит, вы отправитесь туда снова?

— Мы же дело не закончили, — вздохнул Томас. — Конечно, мы туда возвратимся, но не так-то скоро.

— Что? — Ильда снова оказалась перед ним, заглянула в глаза. — Мальчик мой, какое дело, речь идёт…

— В том-то и проблема, что уже не мальчик, — в глазах мага обрисовалась лёгкая грусть. — Я теперь ответственность ощущаю.

— О какой ответственности ты говоришь? О, Ветры, мне кажется, ты слишком быстро меняешься, и я к тебе новому привыкать не успеваю, — проронила Ильда.

— Источник зла есть, нам это из достоверного источника известно, — стал излагать Томас, положив руки Ильде на плечи. — Это не самоутверждение — желание уничтожить его, это же на благо всему королевству. А Дмитрия, — он заметил болезненный вопрос в глазах вампирши и сразу на него

ответил, — мы вытащим из плена, так как у этого мага сила, без которой мы ничего не сделаем с источником.

— А вы бы стали его спасать, будь он обычным воином или магом?

— Да, — кивнул Томас, подумав. — Наверное.

Никто не понял, солгал он или сказал правду. Самое неприятное — все сами не знали, стали бы они рисковать жизнями ради приятеля (уже не друга, впрочем, для подавляющего большинства он по-настоящему таковым и не являлся).

Томас углядел и это.

— Дмитрий у меня особой симпатии не вызывал, но долгая жизнь в банде научила кое-чему: в большой группе, компании забывай про собственную неприязнь к отдельным её людям. Если ты сделаешь одолжение тому, кого недолюбливаешь, ты поможешь ещё и тем, кто хорошо относился к нему, а среди них могут быть и твои друзья. Поэтому я согласился бы на такое безумие. Исключительно потому, что среди нас есть некоторые, кому Дмитрий дорог.

Все сразу посмотрели на Теону, целительница опустила голову.

— Вы не просто отдыхать тут будете, — Ильда сладила с огорчением. — Знаете хоть, в каком направлении думать? Я бы посоветовала бы вам хотя бы пару дней потратить именно на отдых, жизнь без сложных мыслей, но вы так не сможете, да и время тянуть, скорее всего, нельзя. Что с Дмитрием-то?

— Он превращён в демона, — теперь заговорила Дашка. — Кажется, обратное перевоплощение возможно, потому что Дмитрий усилиями Теоны вспоминает что-то из своей человеческой жизни.

— Я мысленно с ним общаюсь, — подала голос Теона. — То есть я говорю, а он слышит, но ещё не совсем понимает меня. Между нами же связь есть, поэтому такое возможно, мне Кларисса объясняла, — она испуганно взглянула на колдунью, но та оставалась спокойной.

— Да, нельзя медлить, — не стала спорить Ильда. — Подобная связь не рвётся сама, но разорвать её кому-то постороннему легко. А сейчас вам, наверное, что-то нужно? — вампирша внешне смирилась с тем, что Томаса и его компанию не остановить и не задержать, окончательно, и взяла себя в руки. — Какие-нибудь книги, деньги, связаться с кем-нибудь.

— Проблема номер два: того, что нам нужно, мы как раз и не знаем, — констатировал Томас. — А ещё у меня навязчивая мысль, что, хоть мы были изолированы от мира меньше двух

недель, в Альдане стало твориться что-то.

— В Чёрных Гаванях и во всём Лейшарде ничего не происходит. Это просто тревога, — Ильда обхватила его голову, слегка наклонив: видимо, хотела поцеловать в лоб, но передумала делать это в присутствии компании… или просто передумала. — Я, наверное, пойду, да? — её ещё грела надежда, но Томас кивнул.

— Тупик, — подытожил Бруно, когда Ильда покинула комнату, плотно закрыв за собой дверь. — Я сейчас ощущаю себя ещё неувереннее, чем в камере.

— Не паникуй!!! — заорал вдруг Саша. — Иначе я подумаю, что наше возвращение в Чёрные Гавани — это очередной ход Эвиланы. Зачем нас истязать, если нас можно отправить на свободу, где мы сами от безысходности руки на себя наложим или с ума сойдём?

— Очевидного не замечаешь? — спросила Дашка тихо, но с таким пронзительным упрёком, что заставила замолчать тех, кто начал перешёптываться. — Расстояние вполне может стать помехой связи с Дмитрием.

— Армад умна, вряд ли она догадалась об этом только сегодня, — охладила молодую колдунью Кларисса. — Она нас для чего-то продержала в камере семь дней, так что может и явиться за нами.

— Нет, Эвилана признаваться себе не хотела, что чары её оказались несовершенны и демон, созданный ими, может запросто снова стать человеком, — отстаивала своё мнение Дашка. — Её самолюбие — самое уязвимое место.

— И ты туда же, — Саша проглотил истерический смешок.

Дашка, к которой относилась незаметно брошенная фраза, поняла, что он имеет в виду, но спор прекратила исключительно потому, что осознавала: переубедить Клариссу невозможно, это не просто трата времени, а его убийство.

— Может, вернёмся к проблеме? — вяло предложила Алина.

— Да, пора бы, — подхватил идею Саша. — Да только с какой стороны к ней подходить?

— Проблема номер три, — напомнил Томас. — Следовало бы найти способ, как Дмитрию вернуть человеческое обличье. Кто-нибудь, изучая магические книги, обращал внимание на подобные разделы, а?

— Нет, — ответила Кларисса за всех в полной тишине. — Все думали, что это ни с кем из нас не случится, надеялись на то, что мы сможем противостоять всем тёмным силам, которые на нас направят.

— Это называется не «думали, что…», а «вообще не

думали», — более точно выразился Саша. — Я в шоке.

— У Эвиланы собственная магия. В книгах она не описана, — Кларисса как-то поникла, очень яркая и внутри, и внешне, она заметно поблекла.

«Правда глаза колет», — подумалось Дашке, но сказала она фразу больнее:

— А у вас с Эвиланой больше общего, чем знания черной магии.

— Знаете, что мне в голову пришло? — вдруг обратилась Теона ко всем. — Эвилана, наверное, наблюдает за нами сейчас и смеётся.

— Вполне вероятно, — Джессике предположение понравилось. — Стоит она с Виктором перед этим магическим зеркалом и радостно объясняет этому предателю, что нас бояться нечего — мы сами себя опасаться должны.

— Какое зеркало? — удивился Саша.

— У неё в гостиной зеркало есть, оно по требованию госпожи любую точку королевства показывает.

— Откуда ты знаешь?

Джессика пожала плечами:

— Просто знаю, и всё.

— Алекс, оно там есть, точно! — поддержала сестру Теона. — Большое, во всю стену.

— И как давно вы в этом уверены? — пробормотал Саша.

— Я только сейчас вспомнила, — ответила целительница. — Я видела эту гостиную раньше… Наверное.

— Огромная комната, но пустая почти, — стала описывать Джессика. — Диван, два кресла, два шкафа с книгами — ничего больше.

— Кажется, я поняла, — произнесла Кларисса. — Вы видите это глазами Артеи и Арджеи. Отделённые части ваших душ всё-таки с вами связаны, так что возможны такие… э… помехи.

— А демонессы не могут смотреть нашими глазами? — заволновался Бруно.

— Очевидно, обратный процесс возможен. Но мы свои мысли не скроем, — пожалела Кларисса. — Хм, это неожиданность, причём не такая уж приятная. У вас больше видений не было? — обратилась она к сестрам.

— Это не видение, это как воспоминание, — поправила её Джессика.

— Больше память ничего не подбрасывает? — поинтересовался Клавьер.

— Нет. Она же чужая, получается, я сама в ней разбираться не могу.

— Значит, и они в нашей не могут, — оптимистично заключил Николас.

— Зато за нами беспрепятственно наблюдают, — напомнила Джессика. — Но не всё время. И ещё зеркало не отображает несколько мест одновременно, поэтому, если мы будем держаться отдельно друг от друга, за нами всеми не уследят.

— Значит, будем действовать по одиночке, в парах, ну, или по три человека, — резонно заметил Томас. — Пока что задание у всех есть. В городе пять библиотек — расходимся по ним и ищем там информацию о том, как разрушать чары превращения высшего уровня. Я всё сказал. Сам иду в библиотеку Лунного камня. Сейчас. Остальные, надеюсь, смогут распорядиться своим временем и найти себе дело без моих указаний?

Он с такой скоростью вылетел в коридор, будто последние полчаса только и мечтал о том, чтобы поскорее избавиться от общества своей компании.

— По-моему, от разговора с Ильдой ещё не отошёл, — проронила Дашка.

— А помните, после какого момента разговор поменялся? — громко спросил Клавьер неожиданно. — Мы по-прежнему не команда, а смех один. Впрочем, об этом столько раз задумывались — без толку. Проблема номер четыре.

Он очень хотел покинуть гостиную с большей скоростью, чем Томас, но вышел небыстрым шагом.

В течение следующего часа дом опустел. Осталась только Ильда. Она уже несколько лет подумывала о том, чтобы уехать из Чёрных Гаваней в случайный город: купить билет на любой поезд, сойти на случайной станции, а там — как сложится. Пусть в тех землях даже будет ещё ходить закон, требующий казнить вампиров без суда — всё равно. Ильда в этот день собралась поступить так, но духу не хватило. Или наоборот, он оказался таким сильным, что удержал её. Она не стала задумываться, просто, почувствовав перед входной дверью протест сердца, кинула на пол сумку с вещами и вернулась в свою комнату.

— И зачем ты это сделала? — спрашивал Виктор скорее не Эвилану, а пустоту.

— Даже эти несостоявшиеся освободители королевства от Великого Зла догадались! — рассерженная красавица заломила руки прямо перед его лицом, при этом она сорвалась на такой крик, что Виктор отшатнулся. — Целительница своими мольбами постепенно возвращает Дмитрию прежнее сознание — это раз. Артея и Арджея могут извлекать фрагменты из памяти сестёр Винсент, так что чем больше эти девицы знают, тем больше знаем

мы — это два. Я стану использовать их как дополнительный канал связи, что неясного?

— Прости, — покорно извинился Виктор, удержавшись от вопроса: «А зачем ты их держала почти целую неделю?».

— Хидаар почти готов, — Эвилана, мгновенно потеряв интерес к магу, приложила ладони к зеркалу, в котором тут же появился спящий монстр-лев. — Можно было начать уже и завтра, но только мы ещё не совсем всё продумали. Всё-таки Хидаар — неуправляемая сила разрушения, так что надо знать, куда направлять её, чтобы потом не пожалеть.

— Чувство сожаления мучительно, — согласился Виктор, в этот раз легко и искренне. — Знаю по себе.

— Мне оно тоже знакомо, и очень хорошо, — холодно сказала ведьма.

Конечно, чужие переживания красавице кажутся несоизмеримыми с её собственными. Эвилана очень жалеет, что открылась когда-то Вирону, Виктор — что слишком долгое время закрывал глаза на натуру Эвиланы, властную, не позволяющую ведьме кого-то любить.

Картина в зеркале стала статичным изображением: картой королевства.

— Хидаара надо вести через земли, наименее важные для нас, — начала просвещать прислужника Эвилана, а яркая жёлтая звезда, обозначавшая на карте столицу, вспыхнула — Хидаару надо было добраться именно туда. — Идеи есть? — повернулась она к Виктору.

— Священные леса, — предположил колдун. — Силы в них после попытки Мортиса поднять всю нежить не осталось. Теперь это просто чащи, куча древесины и листвы, место обитания диких животных.

На карте тут же выделились все леса жизнерадостным светло-зелёным цветом.

— Ничего умного ты предложить не в состоянии, я не сомневалась, — ядовито произнесла ведьма с усмешкой в глазах. — Если идти священными лесами, то придётся пересекать либо Адельтию, либо реку Дорен-Хол. Эльфы надругательства над природой своей территории не потерпят и не оставят нас в покое. А я правителю Адельтии союз собираюсь предложить вскоре. Дорен-Хол же кишит водными монстрами, которых нет ни в одной реке, ни в одном море или озере королевства. Мощная сила, нам может оказаться нужной.

— Через равнины?

— Опять не угадал.

— Чем тебя не устраивает этот вариант? По Разории и

Дестиарии ведём Хидаара через леса, Эльгирдему и Варфетию пересекаем по равнине, Шамрейл…

— Мне ясна твоя мысль, но ты одного не учёл, милый, — Эвилана посмотрела на Виктора в упор. — А как насчёт родного Лейшарда? В наших землях городов многовато, рассыпаны они повсюду и находятся на весьма незначительном расстоянии друг от друга. Мы не будем успевать останавливать Хидаара прежде, чем он не ступит на территорию какого-нибудь крупного города, в котором полно людей со светлыми головами, но тёмными душами — наших потенциальных помощников. Я, конечно, очень умна, но, сфер власти много, везде я поспевать не буду.

— Проклятье, раньше Лейшард не казался мне столь густонаселённым! — воскликнул обескураженный Виктор.

— Я сейчас говорила о важности для нас крупных городов, — решила подсказать ведьма.

— Наступать через деревни?!

— Разумеется, а почему тебя это в такой ужас повергло?

— Иногда и в маленьких убогих поселениях встречаются настоящие самородки, — Виктор, в свою очередь, не понял, почему Эвилана не осознаёт нелепость своей идеи. — Сама-то ты родом откуда? Местечко с изумительным названием Рубиновые Рассветы на самом деле жуткая дыра.

— Это всё исключения, вероятность их — один на сто.

— Теона и Джессика Винсент из маленькой деревни. Когда ты наблюдала, как бесчинствует в Фатоне Арджея, приглядела там очень одарённого мага, Патрика Тейлора.

— Ты ещё про Зонаруса Цельсия забыл. И Айрис Ави тоже в данный момент живёт и творит в этой деревне. Но Фатона возле столицы, её с площади перед королевским замком видно. Её замечательные жители никуда от меня не денутся, ведь скоро замок мой будет, — успокоила она колдуна.

— И всё равно мне не нравится это. Нам бы армию хотя бы небольшую! В Зальване, когда узнают, что через королевство к столице несётся бешеный монстр, который оставляет после себя несоизмеримые разрушения, начнут собирать защиту возле замка — и только; но правители земель вряд ли воспримут это известие равнодушно. Про старейшин городов и поселений и говорить нечего — живо друг с другом договорятся, силы объединять станут. На одно город Хидаар напал, оставил от него одни воспоминания — а в соседнем уже готовы его встретить во всеоружии, — Виктор ткнул пальцем в изображение одного из небольших городов на карте, он вспыхнул красным, вокруг стало расползаться красное пятно. Все точки-поселения, отхватываемые им, загорались синим, и синие стрелки от них ползли к центру

пятна.

— Нет, всё можно упростить, — прикосновением посоха Эвилана вернула карте её первоначальный вид. — Все самородки мечтают, чтобы их обнаружили. На этом и сыграем. Я отметила все ненужные, бесполезные в каком-либо отношении поселения, — с этими словами ведьмы на карте стали пульсировать зелёным цветом множество точек. — В каждом из них я появлюсь, поделюсь своими планами в общих чертах, предложу перейти на мою сторону, пообещав каждому из согласившихся местечко при королеве, то есть при мне. Все маги хотят работать в королевских лабораториях, изучать книги королевской библиотеке. Многие за такое обещание продадутся, а те, кто окажутся честными — заплатят. Путь к столице мы проложим через их деревни.

— Ты? Свои планы? Расскажешь? Им? — оторопел Виктор.

— Я кратко, — томно улыбнулась она, предвкушение захвата власти привело её в хорошее расположение духа, и Эвилана не разозлилась и даже не бросилась в атаку словами, которыми она любила колоть тех, кого считала ниже себя — то есть всех.

— Насколько? — Виктор пожалел, что в гостиной мало мебели и кресла и диван стоят далеко от него: шоковая слабость несильно, но настойчиво прижимала к земле.

— Для начала я замечу, что корону хочет присвоить Ирвинг Чезигер. Такая перспектива заставит любого здравомыслящего человека поддержать меня. Тем более что после смерти Ирвинга корона перейдёт Эзарии. Этот молодой маг держит в страхе всю Магическую Академию Зальвана, в данный момент ещё и весь королевский дворец, а дорвётся до целого королевства — даже моей жестокой фантазии не хватит, чтобы живописать последствия. Это должно натолкнуть на мысль, что я в качестве королевы буду просто подарком Альдане, раз спасу её от правления Эзарии Чезигера. Потом скажу о том, что всеми возможными правами в новой Альдане будут обладать чёрные маги. На людей, которых всю жизнь ущемляли, это подействует.

— Этим ты сразу настроишь против себя белых магов!

— Я же ненавижу их. Если они станут отвечать мне взаимностью — пускай. Тебя не должно ничего смущать в этом плане. Соберутся жители города или поселения, начнут обсуждать, примкнуть ко мне или нет, белые маги будут протестовать против этого, небольшая кучка чёрных, может быть, поступит по-глупому и начнёт добиваться справедливости: нечестно, понимаете ли, когда у одних всё, а у других ничего, — Эвилана сделала презрительную гримасу. — Гораздо лучше, когда ни у кого ничего не будет, да. Но большинство, как бы не

были они привязаны к друзьям и родственникам, которые являются белыми магами, перед таким соблазном не устоят, сломаются, предадут всех.

— Если везде всё будет складываться так удачно, городов, которыми можно пожертвовать, не останется, — попытался вернуть её на землю Виктор.

— Какие жертвы? — хохотнула ведьма. — Это уборка мусора! Я не хочу, чтобы королевство засоряли недостойные люди.

— Разве предатели достойны?

— А сам ты, по-твоему, кто? — хмыкнула Эвилана. — Или, — подойдя к магу, она с силой сжала его голову, наклонила к своему лицу и посмотрела ему в глаза, — ты раскаиваешься в том, что избавился от своих приятелей?

— Нет, — сказал он правду. — Просто…

— Что? — Виктору показалось, что Эвилана вот-вот раздавит ему череп.

— Если каждый получит практически неограниченную свободу и начнёт предавать всех без разбору, то во что превратится королевство? — он попытался отвести от себя руки ведьмы, но Эвилана только усилила хватку, несколько ногтей её оцарапали ему кожу головы, он почувствовал, как побежала кровь из-под них. — И тебя они могут так же предать.

— В «практически» всё дело, Виктор, — отчеканила она. — «Практически» — это я. Пусть у всех мелькают мысли о том, что можно пойти против меня, но я именно я даровала всем такое количество прав, о котором они ранее и не думали, не знали, что такое вообще бывает с простым народом. Могу и отобрать. А что касается конфликтов между собой, то они только сделают Альдану чище. Самые умные смогут сплотиться и выстоять, слабые исчезнут.

— План великолепен, — одобрил Виктор, и снова он говорил от чистого сердца; он ещё улыбнулся бы, если б когти любимой женщины перестали раздирать ему голову.

Эвилана убрала руки слишком резко: украшения на ногтях её больших пальцев выдрали колдуну по целому клоку чёрных волос.

— Родители Тима Астора — белые маги. Я буду рад, если их убьют, — он провёл руками по волосам, влажным от крови, скривился.

— Извини, — усмехнулась Эвилана. — Пойдём в лабораторию, там всё исправлю. Кстати, то, что ты сейчас сказал, — закон риксов? Если чувствуешь вину перед человеком, убей его, чтобы не было смысла о нём думать. Интересный закон, шокирующий всех.

— Он распространяется на людей, которые не являются тебе близкими. В понимании риксов это все люди, не являющиеся представителем этого народа. У них ведь самое страшное преступление — убийство своего человека, рикса. Весь народ, все племена — одна семья. Среди риксов не приветствуются даже неприязнь и зависть по отношению друг к другу, — стал рассказывать Виктор, который из летописей знал про этот народ почти всё. — Если подобное чувство всё-таки проскальзывает, эмоции риксы выплёскивают во время набегов. Как я понял, на их территориях царит полнейшая гармония. У них и семей нет поэтому, чтобы не было измен. Все принадлежат друг другу.

— Мило, но не для меня, — сказала ведьма тепло. — Я собираюсь править, а какой смысл управлять королевством, где всё идеально? Власть предполагает наличие некоторого несовершенства, которое можно преодолеть только силой сверху — правящим лицом или несколькими лицами.

— У риксов есть вожди. Они решают, когда и на какие земли совершать набеги. Для риксов военные действия — всё, так что вождь играет огромную роль в жизни этого народа, — вот теперь он смог улыбнуться.

Заблуждение вновь опутало и согрело его.

— Предлагаешь начать захват Неизведанных Земель? — игриво полюбопытствовала Эвилана.

— Когда-то казалась чудом возможность связи с Большим Миром, — изрёк Виктор. — Не думаю, что покорение Неизведанных Земель — задача более нереальная.

— Мы сделаем Альдану единым миром, а не клочком земли в его центре, — ведьма просияла. — А потом можно будет и про Большой Мир подумать. В наших руках три человека из него, от них можно узнать всё необходимое.

— Сыворотка правды — великое изобретение, — закивал колдун.

— Алхимия — вообще наука великая. Из-за неё я и решила, что начну истреблять всех белых магов. Эликсиры, вещества и зелья, получаемые алхимиками, могут полностью заменить магию целителей.

— Магия всегда при волшебнике, это не лаборатория, — заметил Виктор.

— Достижения современной алхимии позволяют создавать эликсиры, дающие человеку способность к регенерации, — осведомила его Эвилана. — И я открыла вещество бессмертия, не забывай.

— Если все будут жить вечно, это противоестественно! — вспыхнул Виктор, споткнувшись на ступеньке и чуть не слетев с

лестницы, — но он успел схватиться за перила.

— Его я буду давать не всем. Да и действие вещества можно прекратить. А ещё существуют эликсиры вечной жизни, от которых тело не стареет и не болеет. Я думаю, народ следует снабжать ими. Как только человек надоедает окружающим — его казнят. Как тебе это?

— Мне нравится! Всё-таки распоряжаться чужими жизнями — очень интересная игра.

— Я тебе всегда об этом говорила… А мы уже пришли! — Эвилана открыла дверь лаборатории.

Когда Виктор вошёл за ней, первое, что он увидел, был большой светящийся шар, покоящийся на специальной подставке на столе, с которого были убраны все колбы и приборы. Внутри него спал Кристиан, которого невидимая сила удерживала в центре шара. Сын колдуньи из Большого Мира лежал на спине, раскинув руки в стороны — как на поверхности воды.

— Вот тебе средство, — Эвилана дала Виктору одну из пробирок.

— Это он? — не беря эликсир, колдун движением головы указал на шар.

— Кристиан Винсент Мортис, он самый. Я на время вернула ему состояние духа. Он и спорить не стал. Эртимеры потрясающе наивны. Кристиан доверился мне. Но я действительно не причиню ему зла. Сила его бесценна, с ней надо обращаться бережно.

— Верно…

Но задумался Виктор не об этом.

Глава 20 Выход из укрытия

— Друзья, мы должны сообщить вам кое-что весьма неприятное, — выпрямил спину Бруно, у него застыло выражение лица.

— Вряд ли ты этим известием нас поразишь, — съязвила Джессика.

Дашка, Николас и Саша сильно обеспокоенными тоже не выглядели, они были готовы к тому, что рано или поздно должно было произойти что-то, ведь Эвилана, избавившись от них, вряд ли теряла время даром, это вообще не было её привычкой. Другая часть компании ожидала этого, но надеялась на больший перерыв между испытаниями.

— Мы не смогли проникнуть в пещеру снова, — Томас с силой выдохнул.

— Вход в неё исчез, — продолжил за друга Бруно.

— Я проверял магией, сама пещера осталась, — подхватил Томас. — А намёков на то, что там вход был, никаких нет.

— Очередной необъяснимый поступок госпожи Армад, — скривившись, Саша покачал головой. — Порой мне кажется, что она не так сильна, как о ней думают. Если верить самой Эвилане — она непобедима. А прячется зачем?

— Ей вовсе необязательно скрываться самой, тем более что раньше она этого не делала. Но прятать что-то — вполне может быть, — Дашка пока не находила повода недоумевать.

— Подозрительнее всего то, что магии в пещере не ощущается, — нахмурился Томас. — Вообще.

— Как?! — у Дашки от такого заявления округлились и без того огромные глаза. — А как же источник?

— Он достаточно глубоко в пещере, — ответил колдун. — Вспомни, когда мы туда вошли, явного присутствия магии не чувствовали.

— Но она исходила от источника, получается, что энергии его стало меньше, явно с чьей-то помощью!

— Я и сам сначала подумал, что в нашем деле нам помогли. Но отбросил эту мысль: если бы пещеру очистили, то зачем тогда надо было закрывать её?

— И что получается? — воскликнула Дашка, из которой вместе с пониманием утекали и душевные, а вместе с ними и физические силы.

— Не паникуй, — пробормотал Саша. — Мы только узнали, что происходит, не можем же мы сразу увидеть и схватить ответ.

— Сейчас опять ругаться начнёте? — мило поинтересовался

Клавьер, причём в интонации его совершенно не было ехидства, кажется, юноша просто настолько привык к постоянным спорам. — Не возражаете, если я пройду прогуляюсь?

— Иди, — разрешила Кларисса.

Дашка проводила глазами Клавьера, вставшего и удалившегося. Ей было обидно, что это слово сказала именно Кларисса. Последнюю свою фразу парень произнёс, словно извиняясь: «Простите, я совершенно не разбираюсь в магии; хоть в нашей компании все разговоры только о ней, я по-прежнему ничего не понимаю, и вообще я могу лишь делать то, что мне говорят — к сожалению, я такой». А Кларисса сильнее и чаще других заставляла его чувствовать такую вину.

Минут десять для виду послушав дискуссию, Дашка вздохнула:

— Всё-таки сосредотачиваться на чём-то мне удобнее в тишине.

Когда она шагала к двери, то поймала на себе несколько расстроенных взглядов. Самолюбие довольно замурлыкало: в последнее время с её мнением стали считаться, более того — надеяться на то, что оно в очередной раз появится и, вероятно, спасёт ситуацию.

Клавьера Дашка отправилась искать в Парке Героев, который находился в конце улицы. Название это место получило из-за того, что там было около сорока скульптур тех, кто совершил какой-то подвиг, сделал важное открытие или просто внёс вклад в историю Альданы. Духам всех этих героев молились здесь же, у изваяний.

Клавьер сидел возле статуи Эвальда Ангрелиса, покровителя воинов, совсем не знающих магии. Этот человек возглавлял армию, которая должна была подавить бунт в землях Кинефы. Основная и непреодолимая на первый взгляд трудность заключалась в том, что в армии Эвальда оружием были лишь стрелы и мечи, а кинефские колдуны не уступали в мастерстве королевским. Но Эвальд смог заставить своих воинов поверить в то, что они неуязвимы к магии, а некоторым даже внушил, что у них есть колдовские способности. Из Кинефы не вернулось и четверти армии, но возвратившиеся принесли победу, вернее, обескураженные бунтари, имея в войсках больше народу, сами сдались.

Увековеченный в белом мраморе Эвальд держал наготове волшебный жезл, а рука с мечом была опущена, хоть и не расслаблена. Магическое оружие было украшено настоящим изумрудом, Клавьер не сводил с него глаз, и блики в них точно повторяли игру света на гранях зелёного камня. Изваяние стояло

на постаменте, и поэтому юноше пришлось высоко задрать голову. Позы он не менял, так что, должно быть, у него уже болела шея, но Клавьер вряд ли замечал это: сквозь танец отблесков в глазах была видна молитва.

Дашка мешать ему не стала, а тихо, внимательно глядя под ноги, чтобы случайно не наступить на сухую ветку, отошла к скамейке, села. Ей показалось, что она могла бы вот так смотреть на Клавьера ещё долго. В парке не было ни души, но его не хотелось называть пустым. Пустота — злое слово, а сейчас было ощущение одиночества, которое, давая лёгкий привкус грусти, помогало тяжёлым мыслям выбраться наружу, со дна разума, и покинуть голову, а облегчающим, дарующим надежду — выбраться оттуда, откуда их было слишком плохо видно, чтобы они могли излечить.

Изумруд блеснул особенно ярко: знак того, что молитва была услышана. Клавьер поднялся, отряхнулся и, выпрямившись, узнал, что за ним наблюдали.

— Я вам понадобился? — он подошёл к Дашке, но не сел рядом, ожидая, что колдунья подтвердит предположение и они пойдут домой.

— Не могу знать, — улыбнулась Дашка, — я от них тоже сбежала.

— Зачем? Ты им нужна, — Клавьер опустился на скамью.

— Один вечер потерпят. Они все эти часы будут пробираться к выводам, которые можно озвучить за пять минут. Я внесу свои поправки, где надо будет.

— Странно рассуждаешь. Без тебя они, вероятно, так к ним и не придут. Да и если все станут так же считать, то кому останется дорогу прокладывать?

— А полагать так не каждый может. И я своими соображениями ни с кем не делюсь. Только тебе вот сказала, — добавила Дашка.

Клавьер, задумавшись, отвернулся.

— Ты чего? — заволновалась колдунья. — Я тебя задела? Прости.

— Правильно сделала, что решила со мной поделиться. Я всё равно мало что понял. Кто может так же, как ты, рассуждать, а кому этого не дано… Знал бы, о чём речь — проговорился бы, все потом решат, что своё время на поиски самой верной идеи тратить не стоит — тогда идеи исчезнут вовсе, — преодолев что-то в себе, он посмотрел на Дашку.

— Глупости! Я не поэтому! — она испугалась, что не сможет переубедить его. — Я это предположение могу хоть при всей компании сказать, это ничего не изменит. Веришь!?

Клавьер закивал, как-то отстранённо пробормотав:

— Тогда объясни, что ты имела в виду, — и покраснел.

— Почти все в нашей компании уверены, что прорубить путь к истине можно только вместе. Так и есть, но каждый, в отличие от меня, думает, что команду первопроходцев может возглавить только он. Поэтому я могу позволить себе немного наглости, пользуясь их готовыми предположениями, — довольно закончила Дашка.

— Да уж, — Клавьер смог улыбнуться тоже, чем, не подозревая об этом, обрадовал подругу. — Кстати, меня кое-что озадачило, пока я сюда шёл. Если задам тебе этот же вопрос, постараешься ответить?

— Конечно! — Дашка заметила, что Клавьер перестал смущаться.

— Ты слышала, когда Томас признался в том, что подумал: кому-то удалось уничтожить источник зла, сделав то, что не удалось нам. Как считаешь, а если вправду так произойдёт, что будет с нашими друзьями? Это расстроит их? Мы же стремясь к цели, столько сил потратили, столько потерь перенесли, и вдруг окажется, что напрасно! Или они будут счастливы, раз воля их оказалась выполнена, пусть и чужими руками? — Клавьера, по всей видимости, этот вопрос сильно беспокоил, так как его будто прорвало: — Бруно лишился лучшего друга, Феликса. Он теперь чувствует себя одиноким среди нас. У Тины больше нет сестры, а ведь с ней она прошла через самые ужасные годы своей жизни — детство. Королевство освободится от зла, но зло вернётся, потому что так всегда происходит, а погибшие друзья — никогда. Получается, если в Альдане воцарятся свет и добро стараниями кого-то другого, им всем будет плохо?

— Как точно ты это подметил, — изумилась Дашка, ощущая, как все эти вопросы проникают и в неё.

— Что, думаешь, они в таком случае будут жестоко разочарованы?

— Я не об этом. Просто мысль очень умная: рвёмся ли мы к цели из принципа или же искренне хотим народу Альданы счастья?

— Спасибо…

Они помолчали чуть-чуть, и Дашка, повторяя про себя монолог Клавьера и обнаружив там кое-что, спросила:

— Почему ты не задумался над тем, что произойдёт со *мной* и с *тобой*? Говорил только обо всех остальных? Ты уверен в том, что почувствуешь, если возможность, натолкнувшая тебя на размышления, обратится в реальность, и знаешь, что буду испытывать я?

— Извини, но мне кажется, тебе тяжело будет осознавать, что сами мы не добились, чего хотели. Ты же всё ещё винишь себя в гибели семерых человек? Если их жертва окажется напрасной, то…

— Уже не виню.

— Правильно, — Клавьер встал и присел перед Дашкой, глядя на неё снизу вверх. — Эвилана ответит ещё и за то, что заставила тебя так терзаться. И забрала у тебя ребёнка.

Колдунья, державшая руки сложенными у живота, одну положила ближе к колену, и Клавьер накрыл её своей ладонью.

— Вставай, — велела Дашка, рассмеявшись.

Он выпрямился, но руку её не отпустил. Колдунья встала через секунду, но за эти мгновения поняла, что Клавьер лучше и красивее, чем она его раньше считала. Мягкие, немного женственные черты лица, очень густые русые волосы, недлинные, но вечно растрёпанные, серо-зелёные глаза — внешность вроде бы непримечательная, но почему-то притягивающая какой-то теплотой. Он был по-детски прост — черта характера, не совсем подходящая парню, но зато не боялся высказывать собственное мнение вопреки диктовке окружающих, был добр и при этом наивен в меру, а ещё…

— Пока у меня есть возможность говорить, я скажу: ты умён. Пожалуйста, прекращай твердить себе, что всё наоборот. Знания в разных областях бывают: Кларисса, Алина, Саша, Томас, Теона и я владеем тайнами магии, Бруно и Джессика — искусством тактики поединков и сражений, Тина — секретами природы, Николас — ответами на многие загадки жизни. А ты все человеческие странности хорошо видишь. Просто пока у тебя не было возможностей этого показать, а как подходящий момент настанет — ты ещё и умнее других будешь выглядеть, точно так же, как сейчас все выглядят умнее тебя.

— Спасибо. Ещё раз спасибо, — Клавьер немного склонил голову, замерев, точно предполагая, что Дашка ему ещё что-то скажет.

Но ответ её был без слов.

Время сожрало ещё одну неделю. В компании уже начинали волноваться, потому что нигде и ни у кого не находили ни намёка, ни подсказки, никаких тропинок к объяснению крайне странного явления, исчезновения магии в пещере. А та леди, что вызвала этот переполох, оставалась спокойна, хладнокровна.

Сегодня ей предстояло начало новой роли.

Магическое зеркало в гостиной её дворца снова сделалось картой Альданы, теперь на изображении Чёрные Гавани

соединялись с дворцом возле столицы зелёными точками — «лишними» поселениями и стрелками от одного городка или деревушки к другому.

— Наверное, я могу тебя поздравить, — Виктор приблизился к Эвилане сзади, хотел обнять за плечи, но ведьма повернулась, вытянув вперёд руку:

— Благодарю.

— Когда ты… О, Ветры, мне даже страшно подумать о том, что ты собираешься сделать, — Виктора передёрнуло.

— Я запретила тебе так выражаться! — вспыхнула Эвилана. — Великие Ветры — воплощение того света, от которого глаза слезятся и перестают видеть красоту многих вещей. К тому же, и их можно обмануть. Тебе, к примеру, это удалось. Нет в них правды.

— Хорошо, будет по-твоему. Так когда начинаешь?

— Сейчас, — произнесла она одно-единственное, но прозвучавшее так жутко слово.

Меланси, Артея с Дмитрием и Арджея, которым госпожа приказала собраться здесь, подошли ближе, демонессы крепче сжали оружие — жезл и меч.

Эвилана перенесла всех к исчезнувшему выходу из пещеры. Там уже ждал Хидаар.

В этого монстра было вложено много сил, и собственной магии Эвиланы и Виктора, и чар источника зла. Энергия последнего была душой, разумом и кровью Хидаара. Сам источник практически иссяк. Всё зло его вобрал в себя монстр.

Оно превратилась в способность, из-за которой Хидаару нельзя было давать полную свободу: это порождение чёрной магии могло не просто уничтожать всё вокруг, оно заставляло что угодно исчезнуть бесследно, навечно растворяло его в пространстве. Разрушающая энергия вырывалась из Хидаара при дыхании, поэтому и магии в пещере совсем не осталось — монстр её уничтожил. Не было больше поселения риксов, населяющих его демонов, каменных стен, разделяющих залы пещеры, сталактитов и сталагмитов, рек и потоков лавы — одна пустота осталась и дворец воинственного племени, в котором несколько лет занималась магией Эвилана и скрывался Виктор. К зданию этому монстра не подпускали, но из окон дворца его обитатели могли наблюдать, как изменилось всё вокруг.

Вечером на площади Ирандии Скавейл было много народу, самого разного, от маленьких детей, которые собирались здесь, чтобы поглазеть на практикующихся в разнообразном колдовстве студентов находившейся напротив Академии Чёрной и Белой

Магии, до старых мудрых колдунов. На огромном памятнике волшебнице, в честь которой была названа площадь, точнее, на её руках, сложенных на груди, сидела студенческая компания, телепортировавшая себя туда, с учебниками, которые держались на коленях открытыми только для видимости, на деле приятели развлекали друг друга шутками и делились впечатлениями ещё одного прошедшего дня. Прогуливались парочки, кто-то через площадь спешил домой, кто-то торопился в таверну поскорее опуститься за столик и опрокинуть в себя стакан чего-нибудь горячительного — благо таких заведений вокруг было немало.

Дашка, Томас и Клавьер расположились возле памятника прямо на камнях, которыми была выложена площадь — несостоявшийся выпускник Магической Академии Зальвана расстелил свою чёрную мантию, на ней и сидели, надеясь отдохнуть.

— У меня уже голова болит думать, — пожаловалась Дашка.

— Элли от безысходности по половине дня в храмах проводит, просит помощи свыше, — сообщил Клавьер. — А я и того больше.

— Давайте помолчим, а? — взмолился Томас, откинувшись на постамент. — Слышать уже про это ничего не могу. А ведь мы ничего толком не сделали…

— Что, плохо дело идёт? — отозвался сверху один из студентов. Компания несчастных героев к одному выводу всё-таки пришла: если в пещере пропала вся магия, вероятно, её вобрало в себя что-то, и таинственное пугающее «что-то», вне всякого сомнения, результат стараний Эвиланы, поэтому является сущим кошмаром. Никто не исключал, что это жуткое творение может быть опробовано в первую очередь на жителях Чёрных Гаваней, поэтому Томас, которого в городе уважали так же, как и его отца, попросил старейшин оповестить жителей о возможной опасности. Теперь практически все знали каждого из компании в лицо, по именам, лицам и голосам, и старались помочь, чем могли.

— Вообще на месте стоит! — в сердцах выпалил Томас.

— Жаль, что ничего не можем для вас. Удачи вам!

— И терпения! — крикнул другой студент. — Это дело…

— …великое и стоит таких затрат времени, — закончил за него колдун. — Нас так, наверное, каждый третий подбадривает.

— Значит, ему стоит довериться! — воскликнул парень жизнерадостно.

— ВРЕМЕНИ ВЕРИТЬ НЕЛЬЗЯ!

Подобно пулям ужас рвал сердца всех, кто был на площади, когда люди оборачивались на голос и видели, кому он принадлежит.

Эвилану мало кто знал, да и среди этого столь незначительного количества людей почти никто не имел понятия о том, как ведьма выглядит. Но красавица ласково поглаживала десятиметрового монстра, льва с пламенной гривой и странными глазами.

— Время может пообещать исцеление, а на самом деле убьёт тебя: отравит или, что веселее, воткнёт нож в спину, — эту фразу, одновременно и мудрую, и пафосную, и циничную, Эвилана произнесла уже тише, но голос её, здорово усиленный магией, оставался громким, охватывающим всю площадь.

— Что это? — вырвалось у Клавьера.

— Следи за своей речью, — надменно ведьма сделала ему замечание. — Этого красавца зовут Хидаар, и то, что создан он искусственно и не является человеком, не делает его хуже тебя и твоей шайки. Томас Дьюри, будь добр, позови сюда старейшин, мне надо с ними поговорить.

— Если они не согласятся на твои условия, ты что, прикажешь Хидаару убрать Чёрные Гавани? — обомлел Виктор.

— Я хорошо знаю горожан, и смогу кое-что сделать, сохранив жизнь достойнейшим из них, — хищно улыбнулась Эвилана.

— Что стоишь? Не зли её! — Дашка толкнула Томаса, выводя из оцепенения.

— Нет, Дарья, я в хорошем расположении духа. Если я почувствую, что настроение моё начнёт портиться, я просто убью того, кто этому поспособствовал, — нарочито мило прощебетала Эвилана.

— Дьюри хороший маг, когда-то делал успехи в некромантии. Если обучить его, из него можно будет извлечь пользу, — забеспокоился Виктор.

— Тише. Мне известны его таланты и потенциал. Но надо же мне заставлять его действовать мирным путём!

Старейшины оказались на площади очень скоро: Фробениус Девинер, седовласый маг, сохранивший ещё величественную осанку и ясный строгий взгляд, и Скентия Ринхафт, двадцатипятилетний элементалист, всеобщий любимец с яркой во всех смыслах внешностью. Волосы красавца, закрывающие уши и касающиеся плеч, поражали невообразимой яркостью — оранжевые, их нельзя было назвать даже пронзительно-рыжими, они изумительно блестели, уложены были идеально, а чёлка длиной в пол-лица полностью закрывала левый глаз. Очень бледная кожа изумляла ровным цветом, а видимый глаз — медово-жёлтой радужкой. На губах сохранялась совершенно беззлобная усмешка. На Скентии были распахнутый плащ, чёрный, со светло-зелёными отворотами на рукавах,

выправленная и расстёгнутая на верхние пуговицы рубашка цвета, на пару тонов темнее изумрудного, и пепельно-серые брюки. В одной руке он держал дорогой посох, изящный, эльфийской работы, в другой небрежно вертел волшебный жезл, выполненный в другом стиле, нежели посох. Молодой элементалист был чем-то похож на Мариуса Раймерса.

— Я снова вижу вас в своём городе, леди Армад, — произнёс он. — Не могу сказать, что рад этому, но всё же — здравствуйте.

— Мистер Ринхафт, добрый вечер, — неожиданно спокойно, без сарказма, ответила на приветствие ведьма. — И вам тоже, мистер Девинер, — добавила она, но гораздо более сухо, Фробениус как носитель магии её явно не интересовал. — У меня к вам предложение. Вы можете либо принять его и получить столько благ, сколько не бывает у королевских любимцев, либо отклонить и проститься с жизнью.

— Звучит интригующе, — хмыкнул Скентия. — А в чём же предложение заключается?

— Я стану королевой Альданы. И правление я хочу начать в стране, где нет бунтов. В ваших силах помочь мне, — заговорила ведьма, обворожительно улыбаясь. — Для этого вам надо всего лишь принять новые порядки и начать их внедрение по всем городам ваших земель.

— Что это за порядки? — Скентия сделал шаг вперёд: голова чуть склонена к плечу, глаз прищурен, усмешка ещё откровеннее, рука с жезлом упёрлась в бок, — очаровательное нахальство.

— О, таких королевство ещё не видело! — заверила Эвилана после того, как подошла к младшему старейшине. — Мы искореним белую магию Альданы! Жизнь, здоровье и силу будут продлевать эликсиры алхимиков, поэтому священные и исцеляющие чары нам больше не понадобятся. Все, кто успел овладеть ими, будут уничтожены. Те, кто встанет на их защиту — будут наказаны. Те, в ком есть два начала, тёмное и светлое, получат право развивать лучшее из них и отречься от дурного. — Самые одарённые маги будут править землями королевства, а когда мы захватим Неизведанные Земли — смогут создавать на этих территориях государства со своими законами. Воины станут рабами нашими, прочий же сброд, не познавший ни магии, ни сражений, будет материалом для наших экспериментов. Хотите вы этого?

— Не могу ответить однозначно, увы! — Скентия развёл руками. — Конечно, с моим даром мне обеспечено господство над Лейшардом, но среди моих друзей много целителей и белых магов, я не смогу их переучить, а отправить их на плаху мне не позволит хотя бы совесть, не говоря уж о сердце, которое их

обожает.

— Я предполагала такой ответ. Мне будет жаль расставаться с таким хорошим правителем и сильным магом, поэтому я дам вам время подумать. А что касается вас, Фробениус, — обратилась она ко второму старейшине, стоявшему поодаль и глядевшего с тревогой то на них, то на собравшихся на площади горожан, с волнением, то на Хидаара и подчинённых Эвиланы, — вам я время *дарю*. Вы, безусловно, один из лучших чародеев этих земель, но вид вашей магии не тот, который я хотела бы наблюдать у своего приближённого. Всё волшебство Воздушной стихии да искусство призывания — это не белая магия в чистом виде, но тем, кто наделён властью, полагается иметь в себе немного тёмных сил. Вы можете быть полезными мне только тем, что жители Чёрных Гаваней вам доверяют, поэтому вы можете должным образом управлять ими. А Скентия будет идеальным властителем, ему надо лишь избавиться от нелепых мыслей о чести и совести, навязанных ему светлым окружением, и срок на это ему полагается по праву.

— Вы приказываете мне заставить всех наших чёрных магов сдавать белых хранителям закона? Даже если бы я согласился, я бы не смог это осуществить, — возразил Фробениус с ровными, но сильно натянутыми интонациями, он, безусловно, очень нервничал.

— Мистер Девинер, зачем столько трудностей! Какие хранители закона? Вы все сами будете являться ими, и их привилегия казнить на месте пойманных преступников у вас будет! Я знаю, сколько в городе людей, хранящих в себе светлое волшебство. Знаю, когда рождаются новые его носители. Ваша задача — считать головы убитых или сердца, кому как больше по душе, и следить, чтобы количество их совпадало со сведениями о том, сколько в городе до начала моего правления было белых магов и целителей, — Эвилана, отойдя, посохом описала круг вокруг себя.

Чёрный шар на конце его стал выглядеть так, будто раскалился добела. Ведьма коснулась посохом земли, и из-под головы змеи-украшения повалил чёрный дым, который стал подниматься вверх, образовав цифру «178».

— Столько белых магов на данный момент на этой площади и ближайших улицах, в том числе и в зданиях. Значит, минимум сто семьдесят восемь голов или сердец вы должны мне предоставить, — объяснила Эвилана невозмутимо. — Полагаю, по всем Чёрным Гаваням белых магов на несколько тысяч больше.

— Допустим, я не приму ваши условия, леди Армад, — элементалист, не меняя самоуверенной позы, приблизился к

ведьме ещё и неторопливо стал ходить вокруг неё, иногда поглядывая на Эвилану весьма снисходительно: старайся-старайся, я полюбуюсь на твои попытки купить меня.

— Этот монстр, Хидаар, — показала она рукой, Скентия движение уловил и посмотрел на результат эксперимента ведьмы, — уничтожит ваш великолепный старинный город вместе с людьми. Не останется ни развалин, ни трупов. Одна безжизненная пустыня. На ней можно будет построить не одну алхимическую или некромантскую лабораторию.

— Угрожаете? — младший старейшина озвучил этот вопрос как утверждение, при этом остановившись и повернувшись лицом к Эвилане.

— Нет, я лишь ответила вам, вы ведь меня спрашивали только что.

— Хорошо, — он убрал руку с пояса, поднёс к лицу, — обозначайте сроки на раздумья.

— До завтрашнего вечера.

— Мало! — сказал Скентия недовольным, упрекающим тоном, впрочем, колдун, как и его собеседница, любил кривляться.

— Вы умный молодой человек, вам этого хватит, — она выставила в сторону свой посох, преградивший ему путь, элементалист остановился снова.

— Что-то ещё? — Скентия вскинул бровь.

— Я верю в вас, мистер Ринхафт.

— Ясно. Кстати, вы не представите нам своих спутников?

— С превеликим удовольствием. Меланси Анхес, — назвала она девицу, та вышла в центр круга, образованного толпой, к госпоже и старейшинам. — Три лучших моих произведения, Артея, Арджея и Дмитрий.

Эти трое тоже медлить не стали; в демонессах, наверное, две трети толпы увидели знакомые черты, сразу загудели.

— Да, они верх совершенства, — проронила Эвилана. — И, наконец, человек, которому вы, наверное, очень обрадуетесь, — Виктор Эванс.

Тишина наступила так резко, что многие испугались, что они внезапно оглохли.

— Я обманул Великие Ветры, — гордо заявил чёрный маг, пока ещё остававшийся для всех героем, — отдав им часть души — способ, используемый шаманами риксов при лечении душевных болезней, вызванных проклятиями. Так как я избавился от той части себя, которая, по мнению предков, была идеальной, она оказалась в потоке Великих Ветров, отсюда и заблуждение, что я погиб.

— Обман священных сил — самое ужасное преступление! — Скентия вспыхнул гневом, красивым, обжигающим, завораживающим, но всё-таки гневом, мгновенным выбросом направив на Виктора жезл, а посох занеся над головой. — Да тебя за это…

— Священная сила предков, когда к власти приду я, не будет иметь никакой ценности, — посох Эвиланы опустился на жезл элементалиста, — оставаясь лишь учебником истории, живыми летописями, памятью, которая, впрочем, не сможет нам ничего, кроме фактов, дать, ведь прежние ценности не только устареют, но и станут совершенной глупостью. К тому же предки сами позволили себя обмануть, а вы считаете Ветры образцом мудрости.

Скентия убрал жезл, но не опустил руку вниз, а резко поднял вверх, сбросив со своего оружия посох ведьмы, и только потом она плавно (даже слишком) вытянулась вдоль туловища, гневный оскал вновь стал неизменной ухмылкой-полуулыбкой.

— Мы вас оставляем. Хидаар, — Эвилана подманила к себе льва-монстра, на площади образовалась давка, когда народ кинулся в разные стороны, чтобы не попасть под лапы гиганту, — будь вежливым, попрощайся с горожанами.

Он издал рык. Несильный, но эффект от этого не стал менее жутким…

Та часть толпы, на которую монстр зарычал, рассыпалась в чёрную пыль, и никто не успел даже вскрикнуть. Дематериализующая волна пролетела, превратив в мельчайшие частицы несколько старинных зданий, в стенах которых свершалось много маленьких историй, каждая из которых по-своему повлияла на жизнь Чёрных Гаваней, и несколько десятков людей с уникальными судьбами, ещё недостроенными, вместе бы образовавшими миллион разных миров, — и ударила в храм, где священная магия не раз воскрешала жителей Альданы. Взрыв был беззвучный, как и всё движение волны. Только частиц разлетелось от него гораздо больше.

Ведьма с монстром и слугами прошла через образовавшуюся пустоту, завернула за угол. Людей и демонов видно не было, а огненная грива Хидаара никак не исчезала, пламя подёргивалось над невысокими крышами, которые не могли её скрыть.

Глава 21 Расстановка сил, переворот ценностей

— От них ничего, ничего не осталось, — прошептала Атегрель, молодая жрица, которую вместе с двумя священниками позвали на место трагедии.

— Что с ними станет? — женщина, стареющая на глазах, схватила её за руку. — Они попадут в царство мёртвых?

— Не могу сказать, простите, — Атегрель судорожно втянула в себя воздух, она уже начинала плакать, с каждой щеки сорвалось и разбилось о землю несколько слезинок. — Если душ нет, то нечему туда лететь…

— Вы проведите Обряд Упокоения, пожалуйста, не может ведь быть, чтоб души исчезли сами по себе, — не унималась женщина, потерявшая двух сыновей.

— Значит, такое реально, — попытался объяснить ей священник по имени Стиф. — Нет на этой улице душ, мы их не чувствуем, что тут сделать?

— Может, они разлетелись по городу? — несчастная совсем повисла на жрице.

— Леди, это был абсолютно новый вид магии, изобретение Эвиланы Армад, теперь нам надо принять то, что души иногда пропадают, — срывающимся голосом произнёс другой священник, Феаджер.

— Вот ещё! Никаких «принять»! — толпа дала дорогу Скентии, который куда-то уходил вместе с Фробениусом, а теперь возвращался один. — С таким монстром леди Армад легко держать нас в страхе и этим полностью подчинять, поэтому, если мы решим взбунтоваться, она с нами не справится, так как никаких вариантов действия на этот случай у неё не найдётся.

— Скентия, я бы очень хотел довериться вам, но что мы можем против этого монстра… Как она его назвала… Хидаара, — вздохнул кто-то.

— На границе эпох всё меняется стремительно, — изрёк старейшина. — Что бы ни говорили про Великие Ветры, духи мудрейших предков — они нам помогут, если мы захотим. Все со мной согласны?

Кое-где в толпе раздалось невразумительное, вымученное бормотание, но Скентия и не рассчитывал на то, что горожане моментально настроятся на победу.

— Для начала я хотел бы, чтобы исследователи, последние полгода посвящавшие себя идее уничтожить источник зла и

оказавшиеся в нескольких шагах от цели прежде, чем им так помешали, снова отправились в пещеру, посмотрели, осталось ли что-то от источника или вся его магия ушла в монстра. Ага, одного из них я вижу, — элементалист заметил в толпе Томаса, тот спорить не стал, вышел к нему, потянув за собой Дашку и Клавьера.

— Нам прямо сейчас туда идти?

— Я не думаю, что там осталось так много опасностей. Идите втроём, да, сейчас, — спокойно распорядился Скентия.

— Хорошо… Да, — Томас понимал, что старейшина был прав, но неясный, непонятной природы страх препятствовал тому, чтобы без лишних разговоров выполнить то, о чём просит элементалист.

— Если хотите, с вами ещё кто-нибудь пойдёт. Например, он, — Скентия вытащил из толпы какого-то парня чуть старше двадцати лет, высокого, на вид крепкого и сильного, имевшего при себе арбалет и два кинжала. — Как тебя зовут?

— Лемиран, — растерянно ответил он.

— Отлично. Лемиран составит вам компанию, — Скентия подтолкнул его в спину. — Через десять минут собираем Совет Города, — отдал он распоряжение и развернулся уже, чтобы уйти, но кто-то крикнул:

— В полном составе Совет не явится, Рида и Кордеус после этой трагедии уже не с нами.

— Зовите Феберру, Ворматиса, Антию и Сафитера, — Скентия даже не задумался. — И я желал бы видеть на заседании Николаса Гриффина. Думаю, к утру у нас появится идея, и в десять часов мы объявим вам.

— Кажется, в королевстве снова начнётся война, — посетовал Лемиран.

— Не хватало ещё, чтобы этот выскочка возглавлял армию против Армад, — послышалось где-то сердитое женское восклицание.

— Это почему? — возразил ей голос помоложе, совсем девичий. — Он изобретателен, умён, решителен и, несмотря на возраст, мудр.

— Война слишком грязна для красавчика Скентии, — поддержал женщину какой-то парень, — и действия его никто не сможет оценивать, открыв рот и распахнув глаза от восхищения, а без этого он и пальцем не пошевелит.

— Пойдёмте уже, — Дашка, не любящая споры, а тем более склоки, кинулась пробираться сквозь толпу, впрочем, особо ей не препятствующую.

Спохватившись, что подруга уходит, Томас и Клавьер

нырнули в кучу народа за ней, Лемиран поторопился за ними, до последней секунды явно сомневаясь, сопровождать ли эту троицу или нет.

— Как бы среди горожан стычки не начались, — покачала головой Дашка, когда друзья вырвались на другую улицу; крики на площади были слышны и здесь.

— Из-за Скентии? — вдруг спросил Лемиран. — Не беспокойтесь, большая часть горожан его любит, противников мистера Ринхафта они числом подавят.

— А сам что думаешь, сможет Скентия спасти Чёрные Гавани? — задал провокационный вопрос Томас.

— Вероятно, — равнодушно ответил парень. — Но перед возможностью, обещанной ему леди Армад, он может и не устоять. Для него лучше с размахом править, чем долго, побывав неоднократно под угрозами поражения, вырывать победу.

— Значит, ты тоже нелестного мнения о нём? — беззлобно поинтересовалась Дашка.

— А вы входите в число его поклонниц?

— Я слишком мало его знаю. Кстати, Лемиран, ты сам можешь озвучить ответ на мой вопрос, а не задавать встречные?

— Мне не нравится, как Скентия относится к людям, — не стал сопротивляться парень. — Они для него реквизит для спектаклей, которые он разыгрывает.

— Марионетки? — уточнила Дашка.

— Нет. Просто средство показать себя. Меня вот он почему с вами отправил? Хотел продемонстрировать, как у него всё легко, быстро и просто, и как он вас уважает, что любую просьбу вашу, любой каприз сразу выполнит.

— Мы не просили этого!

— А Скентия этим самым заявил: «Ах, я столь щедр и великодушен, требуйте у меня всего, я достойным людям не откажу ни в чём!».

— Тебе необязательно с нами идти, — протянул Клавьер. — Мы справимся без тебя.

— Не обижайся, — на всякий случай добавила Дашка. — Мы не думаем, что ты трус или ненадёжный человек. Просто если ты занят — мы не держим. Не хотим отвлекать тебя.

Томас с лёгким упрёком на неё посмотрел, сам он бы не стал беспокоиться о том, чтобы не ранить Лемирана.

— Я не против того, чтобы идти с вами. Просто Скентия мог бы и спросить, занят я или нет, — пробурчал парень.

— По-моему, те, кто был на площади, никуда не торопились. Спешили бы — давно прошли мимо. Эвилана ведь нас туда насильно не сгоняла, все оставались там добровольно, — заметил

Томас.

Лемиран вынужден был замолчать.

— Зачем ты арбалет и кинжалы при себе нёс? — решил побеседовать Клавьер пару минут спустя.

— Кинжалы серебряные, наконечники стрел освящены.

— Ты охотник на вампиров? — удивился юноша.

— Ага, по заказам работаю.

— И как, удачно сегодня день закончился?

— Да, я свою работу выполнил. Только заработок мне уже не нужен.

— Почему?

— Я собирался купить обручальное кольцо своей невесте, а её убил этот монстр сегодня.

— Извини! — Клавьер тут же стал выглядеть печальнее, чем Лемиран.

Они шли молча едва ли не до самой пещеры, заговорив только один раз, когда делали заказ в таверне и оставляли с помощью магического шара сообщения о том, что ночевать не придут: Лемиран для своей матери, Томас для Ильды и всей компании. Когда совсем стемнело, Дашка решилась спросить:

— Лемиран, а у тебя много работы?

— Примерно раз в неделю заказы. Это потому, что город у нас такой, тут всегда вампиров много. Несмотря на то, что два года назад почти все погибли, численность их растёт не так уж и медленно. В среднем каждый вампир обращает в себе подобных человек пять в месяц. Делай выводы. Но в других городах их гораздо меньше, — стал объяснять парень без энтузиазма, но подробно, честно стараясь удовлетворить любопытство собеседницы. — Теперь это дело только в Чёрных Гаванях выгодное. У меня был знакомый охотник на вампиров в Чессе, так он после тех событий вынужден оказался занятие сменить: а то на весь город осталось всего десять вампиров, и те вели вполне добропорядочный образ жизни. Впрочем, всегда многое зависит от окружающих.

— Ты о чём это? — не поняла Дашка.

— Остались ещё те, кто относится к вампирам как в прежние времена — как распознают, так сразу требуют его смерти, — жестоко заявил Лемиран. — А некоторым всё равно, кто на его улице живёт, лишь бы держали себя в руках. Они и лишают нас без работы.

— И ты за деньги согласишься умертвить вампира, который никому не причиняет зла?

— Каждый вертится, как может, — ничуть не смутился охотник, — но спустя секунду вспомнил: — Постойте, вы…

— Верно, была вампиром, но смогла перебороть в себе зло.

— Вы ведь особенная, из другого мира, — попытался то ли оправдаться, то ли подольститься к Дашке Лемиран.

— Моё происхождение даёт мне преимущество только лишь в изучении магии.

Тогда парень попробовал другой приём — разжалобить друзей, у которых на лицах отображалось всё большее раздражение:

— Мне ведь сперва тяжело было. В лучшем случае привыкаешь к тому, что убиваешь невинных существ, только через год-другой. Но у меня семья бедная, мать пожилая уже, отец недавно умер, сёстрам по пятнадцать лет всего…

— Слушай, мы тебя волоком за собой не тащим, можешь не стараться подняться в наших глазах, — Томас, уже готовый разораться на спутника, резко остановился. — Иди отсюда, нам твоё общество тоже не очень приятно.

— Я хочу с вами, — с неожиданной уверенностью произнёс Лемиран, хотя от брезгливых взглядов уже весь съёжился.

— Денег платить не станем! — предупредила Дашка.

— Мне не надо!

— Да? — хохотнула колдунья.

— Теперь не надо. Ценности в них я больше не вижу.

— Ладно, — смилостивилась Дашка. — О, вот и пещера!

Лемиран сразу потянулся к кинжалу, Дашка остановила его, дотронувшись до его руки быстрым касанием, почти незаметным:

— Тут ничего опасного нет, всё уничтожено Хидааром.

В подземном лабиринте блуждать не пришлось, потому что его не существовало более, двигались по прямой линии, чувствуя сильную неприязнь и даже страх — так угнетающе действовала на всех пустота. Это была настоящая пустыня, но только тут не было неба, дающего иллюзию свободы. Поэтому, когда появилось желание спать, все сразу за него схватились — страшные сны лучше пугающей реальности.

Когда продолжили путь, стало поспокойнее. К неестественно огромному пространству глаза привыкли. Покинутый дворец, до которого добрались довольно скоро, очень порадовал просто лишь фактом своего существования, и вызвал волну восторга, которому все сами удивились. Все зашли внутрь, побродили по комнатам (Лемиран постоянно держался Дашки) — обнаружили, что всё ценное, в том числе и магическое зеркало, из замка унесли. В лабораториях, кроме столов, ничего не осталось, книжные шкафы и полки опустели.

Источник зла перестал представлять опасность. Это мог сказать не только Томас, но и Дашка, у которой чутьё на магию

было пока развито слабо. Впрочем, теперь он слишком безобидно выглядел: просто воронка с зелёной водой, компания даже сомневалась, что перед ней то, что они ищут. Но в пещере больше не нашлось ничего.

— Подождите, — попросил Томас перед тем, как собрались идти назад. — Интересно!

Он опустил руку в воду, и над его ладонью она стала быстро густеть. Получившийся шар из магической энергии Томас вытащил и сказал:

— В малом количестве, но тёмные силы в самых немыслимых сочетаниях здесь присутствуют. Если изучить хорошо, можно много чего нового узнать.

— Возможно, возможно, — кивнула Дашка.

На улице только начало светать, когда они вышли из пещеры. Друзья дошли до площади, места вчерашней трагедии, а Лемиран по-прежнему был рядом.

— До дома нас провожать не надо, — буркнул Клавьер.

— Примите меня к себе в банду, — внезапно попросил охотник на вампиров, проявив необычную для него наглость: он забежал вперед и посмотрел в лицо Дашке и Томасу, считая их главными.

— Бросишь любимых маму и сестёр? — съязвила Дашка.

— Хочешь примазаться к нашей славе? — Томас спросил это таким грозным тоном, будто допрашивал Лемирана. — Учти, мы можем её и не добиться.

— У меня в жизни смысл пропал, когда не стало Эйлиры, моей невесты. Начну путешествовать с вами — хоть какое-то дело. Пожалуйста! — взмолился парень.

— Наши странствия не «какое-то дело», — чёрный маг оставался холоден. — Это не развлечение, не работа — это жизнь.

— И меня по-прежнему интересует вопрос: ты кинешь семью на произвол судьбы? — Дашка неслась в атаку с другой стороны. — Она же в таком тяжёлом положении, что ты ради того, чтобы её прокормить, задушил в себе совесть и стал наёмным убийцей!

— Охотником на вампиров…

— Одно и тоже! Неужели тебя семья, ради которой ты ещё вчера готов был переступить через себя, перестала волновать? Ты представь, кем придётся твоим сёстрам работать! Если тебе всё равно, мог бы раньше сообразить, что можно их заставить мараться, а самому сохранить чистоту.

— Я придумаю что-нибудь. Так вы примете меня?

— Не сейчас, — Дашке показалось, что Томас просто стремится избавиться от Лемирана, но маг продолжил: — Мы

потеряли восьмерых членов банды, и вряд ли сможем сейчас взять в свою компанию кого-то постороннего. Мы покинем Чёрные Гавани, а когда снова окажемся в этом городе, найдём тебя. Но Дарья права: ты должен будешь позаботиться о сёстрах и матери.

— Юнира и Камилла могут тоже присоединиться к вам.

— Нас была толпа сначала в тринадцать, а потом в двадцать человек не потому, что мы хотели привлечь в свои ряды как можно больше народу. Просто так поучается, что мы встречаем хороших людей, которые соглашаются принять нашу веру и наши законы, — теперь в глазах и голосе Томаса осталась только серьёзность, без ледяной корки.

— Я понимаю, вы меня хорошим человеком не считаете. Но я очень хочу. Вероятно, ваше братство меня исправит. Останусь прежним — прогоните.

— Это будет через пару лет, на меньший срок не рассчитывай, — сказал Томас.

— Я согласен ждать. До свидания, — он замер, понимая, что уходить вот так сразу невежливо, но добавить что-либо он не мог, так как было нечего, а позволить что-то большее, чем слова: рукопожатие или объятие, — он себе не решался, к тому же вряд ли это понравилось бы друзьям.

— До встречи, — вздохнула Дашка, и взгляд Томаса, который она поторопилась поймать, подтвердил: встреча состоится, радуйся, что так нескоро.

— Ты ведь не наврал ему? — спросила она мага, когда площадь друзья уже миновали.

— Сам не знаю. Лемиран может быть нам полезен. Если так потребует новая эпоха.

— Меня пугает, когда ты говоришь подобные вещи, — пробормотал Клавьер. — Хоть я плохо понимаю, к чему ты клонишь.

— Лемиран — охотник на вампиров. Ими не рождаются, а становятся, но удаётся это не всякому, и мастерство растёт не быстрее, чем маги изучают новые и новые заклинания, и уделять тренировкам надо много времени, почти всё. Если случится так, что в королевстве опять начнут свирепствовать вампиры, то никто из нас не успеет обучиться искусству борьбы с ними. Чёрная магия ещё долго будет торжествовать, вампиры, вероятно, начнут появляться сами по себе, а не становиться такими после заражения. Может, Эвилана захочет создать армию из них. Это же новое время, очнитесь! — он махнул рукой, показывая на пустырь вокруг, появившийся после жуткой атаки Хидаара.

Почти все, кто проходил мимо, обернулись. По многим видно было: они с Томасом согласны.

— Вы и раньше подбирали членов банды по принципу полезности? — нахмурилась Дашка.

— Раньше всё проще было!

— Как меня бесит, когда люди начинают оправдываться прошлым! — выпалил Клавьер.

— Мне жаль, но так оно и есть.

— Да нет, у тебя портится характер, а ты хочешь хоть как-то приукрасить это явление!

— А ты никак не хочешь взрослеть, поэтому обвиняешь других в трезвом взгляде на жизнь, — парировал Томас, ускоряя шаг.

— Вам обоим надо задуматься, — беспомощно протянула Дашка.

Она осознавала, что прав Томас, и хорошо понимала Клавьера, занимая его позицию.

— Ну, и что без нас произошло? — полчаса спустя Дашка бодрым шагом вошла в гостиную, где застала Бруно и Николаса, и тут же упала на софу.

Бодрость она придала нарочно и взгляду, и походке, чтобы скрыть подавленное настроение. Слезам было приказано не появляться, для этого приходилось непрерывно и нудно повторять про себя, что признаков перехода в новую эпоху в виде всеобъемлющей войны или просто тотального беспредела пока не наблюдается, а значит, шансы ещё есть.

— На Совете всё спокойно было, что меня удивило, — стал докладывать Николас, всё-таки явившийся на названное им только что собрание. — По-моему, все присутствовавшие, когда только пришли, заранее были готовы Скентию растерзать, никто не верил, что он сможет предложить что-то дельное.

— Народная любовь — вещь непостоянная, — заметил Бруно.

— Верно, но об этом сейчас не стоит заводить речь. То большинство, которому нет дела до власти, Ринхафта обожают. Члены Совета же всегда были обеспокоены тем, что Скентия стремится к красивым решениям в ущерб их правильности.

— Так чем закончилось последнее заседание? — поторопила Николаса Дашка, которой хотелось побыстрее узнать всё и закрыться в своей комнате.

— Все предлагали покинуть город до прихода Эвиланы. Скентия верно заметил, что от ведьмы всё равно не скроешься, хоть побег и даст немного времени, чтобы найти менее сомнительный выход. Ну и некрасиво это — отступление без боя, — Николас усмехнулся. — Скентия не уверен, что Эвилана, услышав отказ, сразу же прикажет монстру атаковать.

Старейшина станет изображать, что колеблется, начнёт требовать подробностей той картины, что будет в королевстве при власти ведьмы — в общем, тянуть время. Командовать монстром, очевидно, Эвилана никому из своих слуг не позволяет, так что пока её будут отвлекать — город в безопасности. Одна проблема — долго ли леди Армад будет позволять отвлекать себя, — протянул Николас несколько отстранённо.

— Скентия же не думает развлекать её неделю! — хмыкнула Дашка с явной насмешливостью и даже некоторой язвительностью, но это всё было через силу: ей постепенно овладевала головная боль из-за навалившихся событий… и знакомств.

— Времени с момента её появления на всё про всё будет мало — до ночи, вряд ли Эвилана останется ночевать в городе, — не заметил грубости Николас, что принесло Дашке некоторое облегчение. — Так что все сейчас заняты решением проблемы спасения Чёрных Гаваней, хотя пока идея появилась только насчёт того, что делать, если Хидаар всё-таки начнёт атаку.

— И что же? — продолжала держаться Дашка.

— Его внимание можно отвлекать существами, созданными магией: элементалями, за это будет отвечать сам Скентия, призванными созданиями, зомби, духами… Нежить доставят из ближайшего некрополиса, распоряжение уже отдано. Но этот план — «только». В чём заключается то, к чему следует стремиться, Совет так и не определил. Надо думать о том, как быть не с Хидааром, а с Эвиланой, и на этом мысли у всех заканчиваются. Сделать вид, что согласны помогать ей, и потихоньку начинать подготовку к бунту? Изображать казни и гонения трудно, к тому же вряд ли Армад обманешь. Просить ещё время на размышление? Это её только разозлит, да и от проблемы не избавит. Прямо сказать ей «Нет»? Мы с Хидааром не справимся. Принять условия, но помогать белым магам и целителям скрыться от нового правосудия? Опять же, ей станет известно. И она заставляет всех держать обещания, ты великолепное тому подтверждение. Те, кто заключают с Эвиланой сделку, на самом деле продаются ей в рабство. Мы в слишком сильной зависимости от неё, — сокрушённо признал Николас.

— Схватить бы её, заставить усмирить Хидаара, — произнесла Дашка, осознавая, что это невозможно.

— Она владеет магией на церебрально-невербальном уровне, таких магов проще убить, чем продержать хоть десять минут в плену, — Николас как-то по-доброму, с родительской теплотой посмотрел на неё, сняв капюшон, и ещё взгляд его был будто бы извиняющийся.

— Что это значит? — спросила Дашка, перестав маскировать усталость в ответ на его неожиданную мягкость, но пролилось её гораздо меньше, чем она от себя ожидала.

— У магического умения две характеристики, — спокойно стал объяснять он, хотя это звучало скорее как занимательный рассказ. — Вербальность и невербальность, мануальность и церебротония. Первая характеристика показывает, нужно ли магу произносить слова заклинания вслух или ему достаточно проговорить их про себя, вторая — требуются ли ему жесты или нет. Эти характеристики образуют четыре сочетания. Низший — мануально-невербальный, нужны и слова, и движения. Средние — жесты без слов и слова без жестов. Высший — тот, что у Эвиланы. Одна мысль — и всё. Правда, у уровня есть подуровни, к нашей радости, у Армад он низший: ей надо видеть объект, на который направлено заклинание. Средний — когда этого не требуется. Высший — если даже заклинание вспоминать не нужно, достаточно лишь мысли о том, что ты хочешь с кем-то или с чем-то сделать.

— Такие люди вообще непобедимы…

— За две эпохи их было всего несколько десятков, причём не все были чёрными магами, а среди тёмных колдунов не каждый являлся злодеем.

— Наверное, здорово знать исцеляющую магию на такой высоте.

— Почти все целители мечтают об этом, — улыбнулся Николас. — Кстати, иногда случаются исключения, и некоторым удаётся постичь магию на среднем или высшем подуровне, хотя их умение остаётся не только вербальным, но и мануальным.

— То есть взмахнул посохом на одном конце королевства — а на другом кого-то отпустила болезнь. Щёлкнул пальцами в Элиорамии — в Разории вспыхнул пожар. Произнёс заклинание в Лейшарде — а в Кинефе кто-то превратился в камень, — Бруно, взявшийся читать книгу, оторвался от неё и пояснил.

— Я бы так хотела. Пока что мой уровень — мануально-вербальный, я правильно поняла?

— С него можно подняться, — уверенно, но ласково сказал Николас. — Мне жаль, что я не могу тебя учить.

— Точно? Мне иногда кажется, ты магию знаешь, только не показываешь этого.

— По отношению к Николасу столько всяких «кажется», что мы со счёту сбились, — снова отвлёкся Бруно. — Но если он действительно владеет колдовством, то уж таким, что убить Эвилану не составит для него труда. Может, поэтому он всегда спокоен? — он хитро прищурился и вновь углубился в чтение.

— Убивать? Не надо, — вдруг пробормотала Дашка, и опять это оказалось для неё самой неожиданностью, впрочем, по мере понимания того, что заставило её произнести это, удивление проходило.

— И с тобой беда, — вздохнул Николас, садясь рядом с Дашкой и обнимая её.

Колдунья уже догадалась, что за унизительный монолог ей придётся выслушать, и головная боль опять появилась.

— Как и ты, я осуждаю тех, кто заявляет, что ценности теперь другие, реальность требует отбросить красоту поступков. Идти против совести нельзя — либо по её указаниям, либо вообще без них, но не вразрез с ними. Резать должно быть нечего — в нужных моментах. А те, кому всегда есть, что, будут растерзаны жестоким миром. Неправильная это позиция, уродливая, здесь я с тобой согласен, да, — он неосознанно прижал Дашку к своей груди, ему казалось, что она сама уронила голову. — Но случаются моменты, когда обстоятельства главнее совести.

— Я имела в виду не это, — Дашка сообразила, что пытку можно прекратить. — От неё зависит мой ребёнок. Наверное, Эвилана знает, как превратить его в полноценного человека. Я лишь догадываюсь, но всё же… А потом, как только добьюсь своего или пойму, что это невозможно, я сама её уничтожу.

— Были бы все такими хорошими как ты, — Николас отпустил её и натянул капюшон обратно, Дашка мысленно себя упрекнула в том, что опять не потрудилась разглядеть его лицо.

— Сейчас это слово многие употребляют как ругательство. Но тебе я верю, — Дашка соскочила с дивана, подошла к двери и уже оттуда сказала (хотя не забывала, что надо поставить Николаса и Бруно в известность): — Томас принёс одну интересную вещь, идите, гляньте. Что касается результатов нашего похода, то источник действительно потерял почти всю силу. Я пошла полежу, голова что-то разболелась.

— Лучше Теону попроси, она, как-никак, целительница, — усмехнулся Бруно.

— Её нет дома, — возразил Николас, вероятно, соврав.

— Отдохну, — сказала Дашка, выходя.

Закрывшись в комнате, она попыталась представить, какими же путями можно избавиться от давления Эвиланы Армад. Идей не было, но надежда появилась. Расплывчатая, мерцающая, бледная — но ощущаемая. Всё сложно, но ведь Томас не зря твердил про новую эпоху. Они обязаны перевернуть этот волшебный мир, иначе не были бы здесь сейчас. Пусть их трое осталось — наверное, так суждено. В конце концов, если у многих есть слабость списывать все неудачи и поражения на злой рок,

почему тогда она не может позволить приписать судьбе будущую победу?

А ещё Дашка не сомневалась в Скентии.

Глава 22 Леди Анархия. Ждём?

— Добрый вечер, Чёрные Гавани, — Эвилана лениво оглядела всех собравшихся на той же площади Ирандии Скавейл, задержав взгляд на пустом пространстве, вчера оставленном городу Хидааром, оно, хоть и не было слишком уж большим, посреди красивых зданий, парков и храмов смотрелось зловеще.

Толпа состояла в основном из воинов, магов и колдуний, не представляющих, что их ждёт, что может устроить здесь Эвилана, но готовых сделать всё, чтобы защитить жителей города.

Скентия и Фробениус нервничали у памятника, как и тогда, в кольце толпы, разорванном в том месте, где стояли в ожидании слова госпожи Хидаар и пятеро слуг ведьмы. Эвилана вышла к старейшинам, замерла в двух шагах от них и не говорила больше ничего. Скоро все догадались, что, огласить решение Скентия должен сам, без её вопроса.

Элементалист, кажется, мысленно быстро перебирал возможные варианты ответов и реакции ведьмы на них, стараясь всё-таки выбрать лучший из них. И, наконец, сказал:

— Мы принимаем ваши условия.

Фробениус немного изменился в лице. Впрочем, любое решение младшего старейшины показалось бы ему не самым удачным, настолько старик был напряжён, да и вся толпа тоже.

— Как трогательно, — Эвилана рассмеялась, звуки её смеха вгрызались в души, прикосновения их заставляли всё внутри сжиматься до невообразимо малых размеров. — Я очень довольна, что мы смогли договориться с вами, мистер Ринхафт. Для более надёжного контроля над порядком я вышлю вам в помощь несколько отрядов хранителей закона с демонами. Завтра утром прибудут. Кстати, ещё три города встали на нашу сторону, Ферра, Дифокс и Люниос, чтоб вы знали. С вами останется Виктор, даст вам кое-что подписать, а так же разъяснит некоторые детали. До скорой встречи, Скентия, — она пошла в том же направлении, что и тогда, через пустырь, монстр послушно последовал за ней, как преданная собака, четверо слуг чуть отставали от него.

— Где вы будете меня принимать? — сразу спросил Виктор.

— В Зале Советов, — Скентия только посмотрел в сторону, где виднелся дворец старейшин, а толпа уже разделилась на две половины, образовав проход, народ изо всех сил старался скрыть страх.

Красавец взглядом выразил им признательность, вполне искреннюю, она теперь была в его глазах вместо простого

удовлетворения, констатирующего, что никто и не смеет сомневаться в нём, Скентии. Кто-то мог предположить, что элементалист чувствовал бы себя неуверенно, натолкнувшись на неприязнь со стороны горожан, этой неуверенности боялся и поэтому был благодарен людям за то, что они не дали ему её испытать. Но Скентия не зависел от мнения окружающих, просто хотел сам поддержать народ, показывая, что он привязан к нему, да так оно и было.

— Скажите, какой этаж, и я нас телепортирую, — небрежно произнёс Виктор.

— Давайте. Третий, — неожиданно согласился Скентия.

Чёрный маг схватил его за руку, рукой описал круг перед собой, щёлкнув пальцами, и два колдуна исчезли, вместе с ними. Фробениус долго и пристально смотрел на то место, где они стояли до телепортации.

— Вам ничего не грозит, мистер Девинер, — кто-то попытался подбодрить его, неправильно растолковав его хмурое молчание. — Ваш магический класс не белый маг, вы призыватель и стихийный чародей, повелитель Воздуха.

— Мы к этой игре не готовы, вчерашний Совет это продемонстрировал, — вздохнул Фробениус. — Пока что мы единственные, кто бросил вызов Эвилане. Ферра, Дифокс и Люниос — города тьмы, белая магия там никогда особо не ценилась, они, наверное, с лёгкостью перебежали к леди Армад. Мы пока одни на защите добра стоим, без союзников.

— Подождём, — философски проронил другой человек.

Часть толпы начала расходиться, другая половина, наоборот, сплотилась.

> ***Права и обязанности правителя любых из двенадцати земель королевства Альданы, избранного госпожой Эвиланой Армад, королевой вышеназванного государства.***
>
> *— Правитель имеет право назначать себе заместителей, помощников, а так же лиц, следящих за выполнением любой его воли, и может смещать их без объяснения причин.*
>
> *— Вся законодательная, исполнительная и судебная власть принадлежит правителю.*
>
> *— Ему позволено уничтожать на месте любых лиц, вызвавших у него неприязнь.*
>
> *— Подобным правом он может наделять любого, кого захочет.*
>
> *— Единственный человек, которому правитель обязан*

подчиняться — королева Альданы, а на правителей других одиннадцати земель распространяется п. N3.

— Правитель может требовать от жителей своих земель беспрекословного подчинения.

— В случае, если кто-либо из правителей земель Альданы будет умерщвлён в соответствии с п. N3, правитель, осуществивший это, имеет право взять под свою власть его земли или же передать их под власть другого человека, в том числе и правителя иных земель.

— Все вышеуказанные права и обязанности распространяются только на тех правителей, кто подпишет их утверждение, а так же новый Кодекс Альданы.

Скентия несколько раз перечитал этот документ.

— Весьма сомнительно, — он швырнул его на стол, лист бумаги красиво пролетел, скользя по поверхности с шорохом, и опустился на пол. — Я не желаю в один прекрасный день быть убитым ни за что.

— Госпожа очень вам симпатизирует. Она открыла вещество, дающее бессмертие, может дать его вам, если проявите себя получше, — убеждал Виктор.

— Потрудитесь придумать довод, больше смахивающий на правду. А даже если бы я вам и поверил, то вполне может случиться, что леди Армад найдёт себе нового любимца. Не будет же она раздавать бессмертие всем! Или последняя фраза пятого пункта этого документа, — Скентия мотнул головой в сторону, куда упала брошенная им бумага, — написана только для того, чтобы привлечь наше внимание, и Эвилана не собирается допускать, чтобы этим правом кто-нибудь когда-нибудь воспользовался?

— Интересная мысль, — похвалил его Виктор. — Но вы не знаете госпожу. Хаос в королевстве не кажется ей явлением непривлекательным.

— Допустим, по этому вопросу спорить с вами мне надоело. Что у нас ещё есть? — он взял со стола следующий документ.

Кодекс Альданы

— Все волшебники, преобладающей магической энергией которых является белая, целительская и священная магия, должны быть умерщвлены.

— Для лиц, владеющих типами волшебства, указанными в п. N1, но вместе с ними другими видами магии на боле высоком уровне и в большем объёме, устанавливается лимит знаний и сил из области

светлого чародейства. Как только светлое мастерство волшебника достигает определённого уровня, мага следует умертвить.

— Каждому магу заклинания волшебства, указанного в п. N1, разрешается применять только по отношению к себе, но не направлять их на других, нарушителей этого пункта следует умерщвлять на месте.

— Во всех учебных заведениях факультеты белой магии и всех областей волшебства, наиболее тесно с ней связанных, должны быть закрыты; запрещается обучать студентов по соответствующим специальностям.

— Вообще наказывается смертью любая попытка научить кого-либо в любой обстановке магии, указанной в п. N1.

— Любой человек, заметивший лиц, обозначенных в п. NN1-2, или деяние, наказуемое в соответствии с п. N5, обязан совершить акт правосудия (умерщвление) самостоятельно или с чьей-то помощью.

— Невыполнение условий п. N6 карается смертью.

— Все духи предков, обладающие светлыми силами, должны быть уничтожены.

— Книги, пригодные для изучения типов магии, указанных в п. N1, должны быть изъяты у владельцев и уничтожены.

— Те жители королевства, в отношении которых правитель какой-либо из земель применил своё право, указанное в п. N4 «Прав и обязанностей правителя…», не могут уничтожать правителей своей земли и остальных одиннадцати.

— Жители не обрадуются, — хмыкнул Скентия, второй документ проделал тот же путь, что и первый.

— Если вы это подпишите, то недовольство народа не будет иметь никакого значения, мистер Ринхафт.

— Я о своём народе думаю, в отличие от тебя, — элементалист резко перешёл на «ты».

— Теперь тебе о себе самом думать пора, — попытался «вразумить» старейшину Виктор. — Или ты изничтожаешь белых магов, или госпожа уничтожит тебя.

— Ты рано сменил тактику, — съязвил Скентия. — Сперва ты должен был добиться, чтобы я понял все прелести новой жизни в качестве диктатора и начал скакать от восторга, а уж потом запугивать. Плохой из тебя дипломат, Эванс. Или очаровательная госпожа позволила так делать?

— А я чуть было не начал восхищаться твоим умом, — Виктор тоже отставил вежливость. — Если ты разубедишь меня в том, что действительно хочешь того, что предлагает тебе леди Армад, а ты уже на полпути к этому, и даже ближе, я доложу ей, и ты не успеешь спасти ни жителей Чёрных Гаваней, ни свою голову.

— Будь ты проклят, давай документы на подпись, — выдохнул Скентия.

— Подними сам, тебе же надо.

Старейшина не стал утруждать себя вставанием со стула и вызвал дуновение ветра, поднявшее два листа бумаги вверх, когда они оказались над Скентией, он вытянул руку вверх и далеко не бережно схватил их, смяв углы. Магией же элементалист притянул к себе чернильницу с пером, поставил, где требуется, по размашистой подписи, изобилующей закорючками (после этого расписаться здесь могли не одиннадцать оставшихся правителей, а человек пять) и впихнул бумаги Виктору так, что это скорее походило на удар.

— До новых встреч, Ринхафт, — оскалился колдун и телепортировался из зала.

На столе возникли две копии бумаг.

— Не стоит он Эвиланы, — усмехнулся Скентия. — Тряпки таким женщинам, разумеется, нужны, ни руками же грязь вытирать или брать, но не должны же роковые красавицы отказываться от нормальных кавалеров, эх…

Он схватил документы и устремился в коридор, по нему — к выходу на лестницу, но навстречу ему выскочил Николас, которого Скентия успел включить в состав Совета вместе с Томасом.

— Что-то случилось? — насторожился старейшина.

— Мне вдруг захотелось присутствовать при вашей беседе с Виктором. Простите мою дерзость, но эта проблема меня очень тревожит.

— Я тебя давно знаю, как и всю твою банду, — улыбнулся Скентия. — В тебе невозможно вызвать и малейшее беспокойство. Так что я представляю, как ты сейчас переживаешь. Вот почитайка, — он дал ему «Права и обязанности…»

— Как я и предполагал, ничего хорошего, — Николас хотел вернуть старейшине документ, но элементалист его отклонил.

— Погляди на первый пункт.

— Он единственный, который выглядит не таким диким.

— Опять не понял! Я тебя назначаю! — красавец хлопнул его по плечу.

— Эти правила ведь ещё не в силе, тут ниже написано, что

они начинают действовать с того момента, как леди Армад станет королевой, — Николас ткнул пальцем в соответствующие слова на документе. — К счастью, и Кодекс — тоже.

— Вряд ли эта гарпия с лицом ангела не доберётся до короны, — Скентия сложил бумаги, и без этого уже успевшие измяться, в четыре раза и положил в карман брюк. — Моим помощником будешь ты, Фробениус и ещё несколько членов Совета.

— Смотри не заиграйся. Что-то ты слишком спокойно относишься к тому, что Эвилана будет править Альданой.

— Потому что глупо паниковать перед тем, что неизбежно случится. Пойдём, надо всех оповестить о том, что нас ожидает.

Они направились на площадь Ирандии Скавейл, ставшую в связи с последними событиями главным местом города. Образованные люди, глядя на памятник волшебнице, чьё имя было в названии площади, грустно вздыхали: эта женщина несколько веков назад тоже захватила власть над королевством в то время, когда правитель Альданы погиб, а наследников не осталось.

Завидев старейшину, все напряглись. Народу здесь было не так много, но практически все при оружии, хмурые. Молодые девушки и парни стали выглядеть намного старше, у мужчин и женщин появились первые седые волосы.

— Я должен вам зачитать один документ, — Скентия достал «Кодекс Альданы» и, встряхнув, развернул. — Не пугайтесь, пожалуйста, я не буду требовать, чтобы всё это соблюдалось.

Он озвучил все десять пунктов. Теперь стало казаться, что каждый человек на площади, кроме самого Скентии и Николаса, имеет вокруг себя затемнённую ауру, и вместе они все создают впечатление, что погода сделалась пасмурной — так все помрачнели.

— Завтра сюда прибудет отряд хранителей закона, проклятых блюстителей нового, как это ни противно, порядка, — громко, с вызовом произнёс человек лет сорока на вид, но голос его был как у тридцатилетнего, как и глаза, в которых мелькнула молния гнева. — Вы будете объяснять им, чтобы они придерживались вашей позиции?

— Им, как и мне, придётся подождать того дня, когда Эвилана Армад станет правительницей Альданы, — ответил Скентия ровным тоном.

— Вы уж извините, мистер Ринхафт, но я не смогу смириться и ждать, — протянул другой человек, моложе первого, если судить по глазам, лет на пять. — Надо что-то делать, замок занять, войско собрать, не знаю… Но не ждать этой анархии!

— Как твоё имя? — вдруг поинтересовался старейшина.

— Файризан Балифер.

— Хочешь быть одним из моих полководцев?

— Я не ослышался? — он замер с удивлением на лице, но спохватился: — Или тут подвох?

— Пока армии нет, — произнёс Скентия. — Я лишь знаю: долго мы притворяться, что поддерживаем новый хаос, не сможем, когда-то придётся начинать борьбу. Для этого нужна подготовка, которая займёт очень много времени. У меня есть образец энергии, из которой создан Хидаар, спасибо мистеру Томасу Дьюри. Постараемся понять, как можно воздействовать на этого монстра. Вот поэтому нам придётся встретить правление Эвиланы, понимаешь меня?

— Да.

— Наверное, ты думаешь, что мы будем медлить в исследованиях, и жалеешь, что не владеешь тайнами магии и не можешь повлиять на подготовку?

— Леди Анархия рискует, собираясь сделать вас правителем Лейшарда, — хохотнул Файризан. — Вы же мысли читаете!

— Я не ошибся, — Скентия повеселел. — Вам придётся потерпеть, полководец.

Скентия и Николас вернулись во дворец старейшин, в тот же зал, где произошел разговор с Виктором.

— Я начинаю верить сильнее, чем прежде, — красавец, усевшись, потянулся. — Идея взять сгусток энергии источника посетила Томаса случайно, но теперь всё сделалось не таким ух безысходным. Интересно, он предполагал, насколько он облегчил нам задачу?

— Могу спросить его об этом и передать его слова вам, если желаете. Действительно, теперь всё немного проще. Вообще странно немного: всего одна лишь идея, одно намерение, ещё не ставшее действием — и придало нам столько сил. Мысль — единственная энергия, которая мощнее магии, — мудро заключил Николас.

— Точно! — лениво растёкшийся в кресле Скентия тут же собрался, подавшись вперёд. — Мы ведь с тобой главные в Чёрных Гаванях, — он хитро улыбнулся, — и к нашим словам, которые есть ничто иное, как отражение мыслей, народ прислушивается. Нам повезло, что он делает это искренне, а значит — у нас сила не намного слабее, чем у Эвиланы.

— Леди Анархии, — Николас вспомнил выражение, придуманное Файризаном.

— Ступай, обрадуй своих, — элементалист снова расслабился, откинувшись на спинку кресла. — И заканчивай мне

выкать уже.

— Как скажешь, — легко согласился Николас. — Надеюсь, до скорой встречи, — попрощался он.

— От тебя зависит!

— Гениально! — воскликнул Томас, когда Николас передал содержание беседы со старейшиной. — А я-то для себя этот образец взял, думал когда-нибудь изучить самостоятельно. О, Ветры, простите меня, я был эгоистом!

— Не страшно, — будущий помощник правителя Лейшарда качнул головой, — это одна из загадок нашего ума. Если смотришь вперёд с поднятой головой, то видишь то, что дальше, а не то, что происходит под носом. И ум наш так же: чем важней, выше задача, тем более сложные решения мы ищем, сразу перескакивая через варианты попроще.

— У Томаса комплекс, — сообщил Клавьер так, чтобы это попало в уши рядом стоящей Дашки и Алины. — Он не закончил Академию и теперь думает, что он не настолько умён, чем мог бы, и пытается доказать самому себе, что это неправда. Отсюда и тяга к магическим исследованиям.

— Ум от образования не зависит, — Джессика, как оказалось, тоже услышала Клавьера.

— Поговори с ним, а? — попросил он.

— С ним давно это творится? Вы все уже могли бы разъяснить ему, — упрекнула его Джессика. — Но я помогу ему, да.

— Не надо, сам справлюсь.

Клавьер покраснел: оказывается, в компании случайно образовалась тишина, и шум голосов перестал скрывать его шёпот. Джессике же было всё равно.

Томас выскочил из гостиной.

— Сам виноват, — жестоко заявила воительница. — Человек сам добивается того, что его обсуждают.

— С ним и так проблем много, — вздохнула Тина. — Раздражительный он какой-то стал. Вспыхивает быстро, но хуже видеть, как он остывает. Так переживать начинает, бедный.

— Мы, между прочим, не о Томасе говорили, — напомнила Кларисса. — Силуэт выхода у нас появился, теперь надо его чем-нибудь заполнить.

— Следует отдать Скентии сгусток энергии на анализ, — сразу высказался Саша, не ощутив укола недовольного взгляда колдуньи, который он поймал. — У него знаний больше, чем у всех нас, ничего не поделаешь, — он кинул ей ответный взгляд, с упрёком.

— Знания — это одно. Ещё есть мудрость, сообразительность,

проницательность, находчивость, — ободрил её Бруно.

— Шар чёрной магии до сих пор у Томаса, кто-нибудь поднимитесь к нему, заберите, я отнесу, — решилась Кларисса.

— Дарья, на тебя надежда, — пропела Алина.

— Почему это?

— По-моему, ты его понимаешь, а значит, сможешь убедить.

— В чём?

— Тебе решать.

Сделав картинно-недовольное лицо, но в душе усмехнувшись, Дашка медленно поднялась и неторопливо, по пути собирая практически восхищенные взгляды, прошла к двери.

Томас стоял возле окна, смотря не на улицу, а на подоконник.

— Обиделся, — Дашка будто бы его упрекала. — Да, со стороны Джесс это некрасиво было — говорить о тебе в третьем лице в твоём присутствии. Но у неё характер такой, она никогда никого не жалеет, в том числе и себя.

— Мне не нужна жалость, — отчеканил Томас, поворачиваясь. — От вас мне не надо вообще ничего. Мне бы от себя добиться чего-нибудь, хотя бы того, чтобы у меня внутри всё попроще стало.

— Наверное, это мечта каждого хорошего человека, — Дашка села на кровать, не сводя глаз с Томаса, этим приглашая его сесть тоже, он опустился на стул.

— А что насчёт плохих? — колдун постарался улыбнуться, получилось слабо, но искренне.

— У них запутанно не бывает. Они чего-то хотят — и это делают, иного для них не существует.

— Значит, ты считаешь себя хорошим человеком?

— Признаться, не очень, — Дашка покосилась на него несколько виновато. — Мне это случайно в голову пришло. Получается, что да, я хороший человек.

— С трудом верится?

— Пока что. Абсолютное счастье — когда ты или уверен в этом, или не задумываешься насчёт этого, — она замолчала.

— Будешь его достигать?

— Знала бы способ — попробовала бы.

— Ну так узнаешь, — твёрдо сказал Томас. — Кстати, тебя зачем ко мне послали? За этим? — он взял со стола сгусток энергии.

— Не только. Меня попросили с тобой… э… поговорить.

— Пожалуйста. О чём?

— Ты не боишься?

— Кого? Тебя? Нет, я хороших людей не боюсь, — рассмеялся

колдун.

— Разговора! — как-то устало выдохнула Дашка. — Мне вот страшно не нравится, когда я хочу побыть в одиночестве, а ко мне лезут с душеспасительными беседами. В лучшем случае после них после них на душе ничего не меняется. А некоторые и вовсе добиваются того, что мне делается хуже, чем было.

— Я знаю, как ты этого не любишь, именно поэтому я не боюсь. Ты же не будешь уподобляться тем, кто делает тебе больно.

— Ну ладно. Сперва скажи, ты ведь так рассердился не из-за одного лишь поведения Джессики? Думаю, оно тебя вообще не так уж и задело.

— Ей не понравилось то, что все члены банды, зная о моей, так сказать, странности, не подумали о том, чтобы помочь мне от неё избавиться, — глаза Томаса подёрнулись грустной задумчивостью. — Почему? Мы все стараемся избавить друг друга от таких тяжестей на сердце, так было всегда, и это меня больше всего удивило, когда я только оказался в банде. Я очень переживал из-за разрыва с семьёй, чувствовал себя виноватым невесть в чём — но их стараниями я с собой справился. А потом меня всё чаще и чаще оставляли со своими проблемами одного. В большинстве случаев я справлялся с ними сам, да и не хотел я своими трудностями беспокоить компанию. Но проблемы делались серьёзнее, а все по-прежнему продолжали наблюдать за моими сражениями с ними. Теперь я думаю: чем же я не заслужил поддержки? Что сделал не так? Почему мне не спешат протягивать руку? Чем я отталкиваю от себя друзей? Или я сам их проблем не замечаю, и они отвечают мне тем же?

— Вряд ли. Это как-то не по вашим неписаным законам, — протянула Дашка. — А что у тебя за проблемы были? Это звучит жестоко, но, может быть, у других сложности были больше, поэтому все кидались помогать им. Ты очень требователен к себе, может, в этом всё дело? То, что кажется тебе чем-то неприглядным, остальные воспринимают как совершенно нормальное. У всех недостатки есть, чем ты хуже всех?

— Я во власти реальности, беспощадной и кровожадной. Вы все верите, что больших жертв можно избежать, самая ощутимая из которых — собственное «Я». Кем были — теми в конце пути и остались. Но жизнь людей портит, и очень сильно. Этого я с детства боялся, потому что рос в такой обстановке, где дорогу к цели все выкладывают трупами врагов, друзей и даже родных. В нашей семье это осуждалось, в свою очередь, её позиция осуждалась другими. После того, как Ирвинг Чезигер подставил моего отца, я впервые задумался о том, что в нашей семье все

были неправы, говоря, что жестокость в союзе с цинизмом не может править миром. Теперь думаю об этом всё чаще.

— Не ты один так считаешь. В нашей компании это, кажется, вторая головная боль. Первая — Эвилана.

— Терзаются этим почти все, но только я один… — Томас запнулся, опустил глаза, потом собрался с духом и произнёс: — Дарья, кажется, эту идею я принял.

— Нет. Было бы так, ты бы не обращал на это внимание.

— Всё происходит постепенно. Сейчас эта мысль мне противна, потом я буду смеяться над собой, вспоминая, как верил во всякие глупости вроде нерушимой дружбы, которую невозможно предать.

— Мы не позволим тебе ожесточиться! — выкрикнула Дашка так громко, что сама испугалась своего голоса.

— Как? Влезть в душу и всё там переставить вы не можете.

— Ты ведь будешь находиться в нашем окружении, а мы будем продолжать поступать по совести. И Лемирана в банду мы не примем, — вспомнила она обещание Томаса.

— Тебе не известно, сохраните ли вы свою чистоту. Некоторые из нас уже её теряют. К тому же я собираюсь покинуть банду.

— Что? — Дашка побледнела.

— Её ценностей я больше не разделяю, — Томас подошёл к Дашке, положил ей на колени шар магической энергии. — Вам это нужно, берите.

— Спускаемся вниз. Сейчас ты всем скажешь о своём решении, — Дашка встала, в дверях задержалась, глядя на Томаса. — Ну же, пойдём!

— Я покину вас тогда, когда Эвилана будет повержена. Не сейчас, не завтра, не через неделю.

— Вот как, — Дашка просияла. — Тогда я за тебя спокойна.

Она уже закрывала за собой дверь, как Томас её окликнул:

— Я уже решил. Знаю, куда подамся, когда уйду. Один из преподавателей Магической Академии держал собственный некрополис. Буду работать у него, подальше от людей.

— Так ты их боишься? — Дашка вернулась на середину спальни. — Ты встречал неправильных, тех, что насаждают эти новые законы, они заставляли тебя меняться, а тебе от этого плохо, так? Боишься разочарований?

— Нет, себя боюсь! Уходи! — заорал Томас. — Хочешь бить тревогу — пожалуйста! Меня могут прогнать, не дожидаясь победы, тем более что её и не дождутся — я готов! Исчезни!

Дашке хотелось хлопнуть дверью, предварительно тоже накричав на колдуна. Слишком сильно прижав к себе сгусток

энергии — он стал обжигать, она спустилась по лестнице, дверь за собой не закрыв вовсе.

В гостиной все были взволнованны.

— Чего ты так разошлась? — Саша кинулся к Дашке, нечаянно выбив у неё из рук зелёный шар магии источника. — Что с Томасом?

— Он хочет уйти от нас через пару лет. Настроен решительно.

Глава 23 Что сложно, что просто

Дашка, посмеиваясь, слушая из своей комнаты, как по всему дому то и дело вспыхивают скандалы: кто посмел проглядеть то, как Томас превращается из весёлого жизнерадостного парня в мрачного, злого на весь мир человека. Она сама не замечала этого, но не могла сказать, что к её стыду. Дашка сама скрывала собственные переживания ото всех, поэтому хорошо понимала Томаса — Алина верно заметила. Но она радовалась тому, что молодой маг, наконец, узнает, как к нему относится компания: все ведь *обвиняли* друг друга в том, что Томас вознамерился оставить их.

Покоя в доме не было всю ночь, а утром, когда все уже физически не могли пересилить усталость и продолжать разборки, хаос начался вне его стен.

По улице шагала колонна хранителей закона, за ней — колонна демонов, самых разных. Ни тем, ни другим теоретически ещё не было позволено распускать руки (лапы), но ни те, ни другие никогда не отличались терпимостью к простому народу, поэтому любой, кто попадал на путь колонны, оказывался поверженным магической энергией волшебного жезла или, что хуже, ощущал на себе клыки или когти демонов, или же просто их удары. А горожан на улице было немало.

— Скентия, что ты наделал? — прозвучал чей-то отчаянный крик, тут же перешедший в вопль боли.

— Магию зла Ринхафту надо передать как можно скорее, — услышала Дашка из соседней комнаты Бруно.

— Сейчас же пойду, — послышался оттуда же голос Николаса. — Я, в конце концов, помощник Скентии.

— Они тебе ничего не сделают? Ты не маг, от них всех не отобьёшься, — Бруно заволновался сильнее.

— Полагаю, у меня как у помощника властелина Лейшарда тоже есть неприкосновенность, — Николас был уверен и полон решимости.

— Я с тобой! — Дашка схватила стоявший в углу посох, выбежала в коридор, где столкнулась с этими двумя. — Я смогу защитить нас.

— Я тоже, — выглянул к ним Томас. — Мне надо к Скентии.

— Отлично, втроём пойдём, — кивнул Николас. — У кого сгусток?

— У Клариссы, — Дашка развернулась, направилась к лестнице, — она в гостиной.

Вскоре они вышли.

Вся площадь перед дворцом старейшин была заполнена «зелёными мантиями» и демонами, чего-то ожидавшими. Троицу заметили сразу и, конечно, весьма грубо схватили.

— Мистер Ринхафт занят, — заявил один из хранителей закона.

— Во-первых, я могу идти к мистеру Девинеру, он до сих пор является старейшиной Чёрных Гаваней, во-вторых, я могу вообще направляться не во дворец, а куда-то по своим делам, и в-третьих, мистер Ринхафт назначил меня своим помощником, поэтому у вас не должно быть ко мне претензий, — спокойно ответил на грубость Николас.

Те хранители закона, что слышали это, прыснули. Наконец, один, остановившийся первым, выговорил сквозь последние судороги неудержимого смеха:

— Ты правильно заметил, старик Фробениус до сих пор старейшина. И Скентия до сих пор лишь старейшина Чёрных Гаваней, а не правитель Лейшарда. Так что ты пока никто.

— Ваша госпожа тоже не обладает ещё никакими полномочиями, — продолжил Николас. — И вы не имеете права так невежливо обращаться с невиновными людьми, а я сейчас никаких законов не нарушал. Меня назначили членом Совета города, я имею право обращаться к старейшинам в любое время.

— Тогда жди, — тот хранитель закона, который держал Николаса, отшвырнул его.

Дашку и Томаса отпустили таким же образом.

Друзья хотели отойти в сторону, но «зелёные мантии» обступили их, пришлось терпеть насмешливые взгляды и ухмылки.

Вскоре из здания (на самом деле дворцом оно называлось исключительно формально, представляя из себя не очень-то большое строение, правда, чуть красивее и изящнее, чем все остальные, расположенные на этой улице), вышел хранитель закона, очевидно, главный в отряде. На груди у него на мантии была нашивка с перечёркнутым изображением двух сложенных вместе и раскрытых ладоней, в которых светился белый огонёк. Оно символизировало в королевстве белую магию.

— Ну и как успехи, Фадер? — поинтересовался один из его приятелей.

— Как мы и рассчитывали, деваться красавчику некуда, — усмехнулся главный. — Конечно, он требовал вести себя спокойно, придерживать демонов, не применять оружие и не оскорблять никого до начала правления Эвиланы. Но нам какое дело до этого, а? Убивать всех, кто его ослушался, он пока не может — опять же это право обретёт силу только с появлением

королевы.

Мерзкий гогот. Потом тот хранитель закона, что говорил с Николасом, сообразил:

— Ну так это знаменательное событие произойдёт, и скорее рано, чем поздно. Вот Скентия и почистит наши ряды.

— Не сможет. Он не способен убивать не в бою, — возразил Фадер. — Да и парень он неглупый, вероятно, поймёт, что на нашей стороне лучше.

— Какая гадость, — бросила Дашка, оборачиваясь; друзья, наслушавшись главного хранителя, уже шли во дворец к Скентии.

Один из хранителей выстрелил в неё из жезла, она отразила магию, взрывной волной нескольких «зелёный мантий», в том числе и Фадера, сбило с ног.

— Слушай, — выкрикнул кто-то, — духа не её ли ребёнка госпожа забрала себе?

— Ага… Кристиан на неё не похож, в отца весь, — ответил ему другой хранитель.

— Что, видел его?

— Да, госпожа иногда духа вызывает, беседует с ним.

— О чём?

— Думаешь, подслушать возможно? Госпожа почувствует, а я не хочу умереть в муках.

Дашке стало не по себе, её окружила пустота, забиваясь в глаза и уши. Может, Эвилана не испортит жизнь лично ей, но она поломает судьбу Кристиану…

— Не слушай их, — по очереди выпалили Томас и Николас, но не долетала до неё как раз их речь, а диалог двух «зелёных мантий» звенел в голове, и каждая реплика оставляла за собой эхо.

— Здравствуйте, — бодрое, но с умело замаскированным недовольством приветствие Скентии смогло вытеснить из головы разговор хранителей. — Надеюсь, ничего не стряслось? Эти вместилища чёрной магии никого лишить жизни не успели?

— Я принёс тебе то, что обещал, — Николас положил перед старейшиной шар энергии. — Ради этого и шёл сюда.

— Друзья твои тебя охраняли? — улыбнулся Скентия.

— И притом со своей задачей справились.

— Да ты вживаешься в роль помощника тирана Лейшарда, — старейшина рассмеялся. — Охрану тебе подавай.

— Из-за меня всё, — пробормотала Дашка. — Если бы я не нахамила Фадеру, в нас бы не стреляли. Впрочем, и целились-то в меня.

— Когда получу неограниченную власть в пределах

Лейшарда, стану выдавать знаки отличия за нападения и правдивые высказывания в адрес хранителей закона, — усмехнулся красавец. — Ты получишь первой.

— Благодарю, не нужно.

Скентия удивился:

— Что с тобой? Не понравилась идея? Да, слишком смелая, но надо же как-то бороться с произволом людей в зелёной форме.

— Один беспредел вытесняется другим. Согласна, это срабатывает всегда и надёжно, — произнесла колдунья.

— Вряд ли, — махнул рукой старейшина. — Не у каждого хватит смелости, чтобы спорить с хранителями.

— Будь осторожней, — из-за большого книжного шкафа, стоявшего боком к стене, вдруг выглянул Фробениус. — Тебе нравится выделяться и внешним видом, и идеями, и поступками, но из-за этого многие думают, что твоё решение вступить в игру Эвиланы — не видимость.

Он вышел к ним с древней потрёпанной книгой в руках, впрочем, иных в этом доме не было. «Существа, созданные магией: опасное чудо» — прочитали друзья на переплёте.

— Да не переживай ты, я же не призываю уничтожать хранителей закона так же, как леди Анархия велит истреблять белых магов. Ну, получат они пару раз, кому от этого хуже станет? — Скентия хотел взять у Фробениуса книгу, тот не отдал.

— Ты меня поражаешь, — вздохнул старик.

— И не только тебя, — элементалист стрельнул глазами.

— Какие соображения появились? — второй старейшина сел, раскрыв фолиант на коленях, открыл оглавление и стал искать нужную страницу.

— Надо готовиться к войне. Соберём собственную армию. Один полководец уже есть. Фризан Бафер, кажется, звать…

— Файризан Балифер, — напомнил Николас.

— А, точно. Вряд ли все города Лейшарда, как Дифокс, Люниос и Ферра…

— Ещё Чесса и Вэлизор, — уведомил младшего старейшину старший.

— Вряд ли все города, как эти, — Скентия нарочно продолжил громче и отчётливей, делая ударения на отдельных словах особенно сильно, — примут условия Эвиланы так же легко, как это приписывают мне. Даже если старейшины городов согласятся, то жители не станут радоваться новой жизни. Они присоединятся к моей армии. А старейшины, кстати, обязаны подчиняться мне, я и забыл…

— Я не могу запретить тебе думать о будущей почти неограниченной власти, но заставить тебя об этом молчать —

да! — вспыхнул Фробениус. — Впрочем, ладно, говори. Не хватало ещё, чтобы ты втайне ото всех выносил какой-нибудь план.

— Если Хидаара создали — значит, можно его уничтожить, вечного ничего не бывает, — Скентия по-прежнему не замечал сарказма мистера Девинера. — Наберём армию, наберёмся сил — и пойдём в атаку. Чёрной магии теперь будет учиться больше молодых людей, раз выбор им сократили, а именно ей, я уверен, и можно одолеть монстра.

— Не только ей, — Фробениус, читающий что-то в книге и на каких-то строчках остановившийся, поднял вверх указательный палец; Дашку, Николаса и Томаса это рассмешило, Скентию — тоже, только красавца позабавило настойчивое стремление Фробениуса показаться умнее, чем он, так показалось элементалисту. — Леди Армад — мастер телепортации. Почему она не перемещает с помощью магии своего монстра?

— Он слишком уж огромный, — предположила Дашка.

— Нет, неверно. Скентия? — он посмотрел на младшего старейшину, сдерживая улыбку.

Красавец нахмурился, так как ответа не знал.

— Все искусственно созданные существа под воздействием магии перемещения очень медленно, но всё же разрушаются. При ежедневных перемещениях такому гиганту, как Хидаар, существовать пару лет, не больше. Причём последний год монстр будет заметно слабеть. А магия телепортации не относится к чёрной, — закончил он торжествующе.

— Наверное, можно набрать столько людей, владеющих этим видом магии, чтобы их чары, наложенные одновременно, уничтожили бы монстра, — сказал Скентия чуть сухо.

— Слишком это просто, — возразила Дашка.

— Отказываешься от своих слов? — произнёс Томас, колдунья поняла, что он имеет в виду вчерашний разговор, точнее, ту её фразу про очевидные решения.

— Это же Эвилана Армад, — протянула она. — Вряд ли она не учла того, что телепортация, являющаяся для Хидаара смертельной, известна не только ей одной и что об этом кто-то может догадаться.

— Не спорьте, — остановил Фробениус её с собравшегося что-то возразить Томаса, — всё равно нам нужно человек триста магов, владеющих искусством телепортации. Думаете, столько просто найти? Магические перемещения — сложнейшая наука, те, кому она поддаётся, обычно могут переносить из одного места в другое только себя самого, лишь единицы поднимаются на такой уровень мастерства, что могут телепортировать с собой ещё кого-

то, но вот перемещать кого-либо, а самим оставаться на месте — задача ещё более сложная. Если собирать магов по всей Альдане, то, может, мы и найдём столько людей. А ведь не каждый ещё захочет помогать нам.

— Но ведь это лишь один из способов, — заметил Скентия.

— Ты говоришь так, будто их множество, — хмыкнул Томас.

— Допустим, их всего два. Но даже это означает, что альтернатива есть, — не выходил из равновесия элементалист.

— Так давайте уже её искать, — Фробениус захлопнул книгу, прошёл к шкафу, положил её туда, откуда взял, и стал рассматривать на свету сгусток магии, который ему протянул Николас.

— Видишь что? — небрежно поинтересовался Скентия.

— Там внутри проступают какие-то символы, — старик опустил сгусток, но не стал отдавать его красавцу, словно не заметив того, что тот протянул к нему руки. — Отнеси его ребятам из лаборатории, а я пока займусь этими знаками, — вот теперь он вручил элементалисту комок магии, а сам взял из шкафа другую книгу, «Тайны Рун».

— Ты эти знаки запомнил? — спросил младший старейшина с подозрением, некоторые стороны сложившейся ситуации решительно переставали ему нравиться.

— У меня великолепная память на символы, — на столе, за который сел Фробениус, появился чистый лист и чернильница с пером, он принялся рисовать всё, что увидел.

— Ладно-ладно, — усмехнулся Скентия. — Пойдёмте со мной, — велел он друзьям.

— В лабораторию? — выпалил Томас с надеждой.

— Куда ж ещё!

Лаборатория алхимии занимала весь верхний этаж. Она была хорошо освещена из-за того, что в ней было много окон во всю стену, и даже вполне уютна, что для подобных помещений редкость. Под потолком летали разноцветные пузыри разных размеров с огоньками внутри; капли воды, летевшие в разные стороны при столкновении их, превращались или в искры, или в лепестки цветов, а иногда и в бабочек или маленьких фей. Нигде ничего не взрывалось, разве что иногда из какой-нибудь колбы вырывалась пара клубов дыма, запах которого не всегда был приятным. Алхимики в простых серых мантиях, одинаковых, форменных, что-то творили над столами, переговариваясь.

Когда вошёл старейшина (троим его спутникам с первого взгляда внимание уделять не стали), все оторвались от работы и повернулись к нему.

— Добрый день. Ни с кем из ваших близких утром ничего не

случилось? — он обошёл все столы, оглядел всё и остановился посередине лаборатории.

— Спасибо, всё хорошо, — кивнула девушка, стоявшая над банкой, где плавало в желтоватой жидкости что-то шевелящееся белого цвета.

— Демоны дочку мою напугали, — вздохнул алхимик, до появления Скентии работавший с кучей пробирок, содержимое которых казалось одинаковым. — Вроде оправилась уже.

— Точно оправилась?

— Ну… да.

— Ты смотри, — пригрозил ему Скентия. — Дети — это наше всё, их охранять надо от всего, пока маленькие. Вырастут — натерпятся, незачем им ещё и в детстве терпеть. А у остальных что? — повеселел он снова.

Все ответили, что нормально, в порядке.

— Итак, зачем я к вам пришёл, — он опустил на стол сгусток, все подошли к нему. — Прошу вас определить все его компоненты, а так же свойства.

— А что это? — спросила девушка, первая заговорившая со Скентией.

— Сгусток магии источника зла, чьи силы пошли на создание монстра Хидаара, — гордо объяснил старейшина.

— Фактически нам предстоит искать способ бороться с монстром, так? — уточнил ещё один алхимик, самый старший, лет шестидесяти.

— Именно. Кстати, вот этот человек, мистер Томас Дьюри, догадался его принести, — Скентия отошёл, раскрытой ладонью указав на колдуна.

— Вы, все трое, из той команды исследователей? — ахнул другой алхимик, немногим старше Томаса и старейшины.

— Это мы, да, — подтвердил Николас.

— Будут помогать нам в работе? — обрадовался алхимик, у которого чуть не пострадала маленькая дочь.

Скентия развернулся к троице, всё ещё скромно стоявшей сзади:

— Вы станете?

— Обязательно! — воскликнул Томас. — Я как раз хотел попросить вас позволить мне заниматься этой работой.

— Я только родную магию, огненную, хорошо знаю, всю прочую — только теоретически, — Дашка развела руками. — Вряд ли моими скромными познаниями кого-то удивишь.

— А ты мне будешь нужен, — обратился Скентия к Николасу, тоже собравшемуся высказаться. — Будем вместе заниматься армией. Талантливых полководцев придётся поискать.

— Что, уже? Не рановато ли? Мы толком не знаем, против чего бороться.

— И что? Борьба или есть, или нет.

— Вообще-то разумно, — признал Николас.

— Э… Мистер Ринхафт, — пробормотал Томас.

— Хочешь ещё о чём-то меня попросить? — вечная добрая усмешка Скентии стала ещё ярче.

— Не могли бы вы назначить меня вторым своим помощником?

— Мог бы. Николас — мой личный помощник в военных делах, ты — в магических исследованиях. Неплохо, — Скентия сделал вид, что замечтался, потом поправил растрепавшуюся чёлку. — Что ж, мы оставляем вас. Удачных вам экспериментов, точных результатов и, что нам сейчас важно, успешных исследований!

— Спасибо! — поблагодарили все.

Старейшина с Дашкой и Николасом оставили алхимиков. Когда компания спускалась вниз, Дашка обратилась к Скентии серьёзным тоном:

— И зачем ты это сделал?

— Позволил мистеру Дьюри принимать участие в работе? А что здесь такого ужасного? Он в чёрной магии разбирается, и отлично.

— Почему ты делаешь вид, что не понимаешь, о чём я говорю? В кого ты играешь? — недоумевала Дашка.

— Значит, к этому факту ты не придираешься, — отметил Скентия. — А что касается назначения Томаса моим вторым помощником… Не всех же мне уговаривать, некоторые должны вызываться сами. Многие люди в этом городе вызывают у меня доверие, но всех их я назначить не могу, поэтому пусть они сами решают. Николаса я хотел видеть в своих помощниках сильнее, чем кого-либо ещё, — он обернулся, посмотрев на него, молча идущего позади, — личные причины имеются. — А выбор остальных за ними самими.

— Если больше никто не вызовется, обойдёшься двумя? — продолжала выяснять Дашка.

— Вполне! — слишком уверенно ответил элементалист, но было непонятно, придуманное ли это чувство или всё-таки настоящее.

— По-моему, ты не осознаёшь всего груза, что сейчас на тебе.

— Прекрасно понимаю.

— Ну-ну. Двадцать помощников и два — разница ощутимая.

Старейшина ничего не стал говорить на это, потому что они подошли уже к комнате, куда он всех вёл, красавец потянул на

себя ручку, открывая дверь, и отошёл, давая Дашке и Николасу войти. Колдунья, несмотря на пристальное разглядывание, не заметила в глазах Скентии и в выражении его лица облегчения, вызванного тем, что не пришлось давать ответ на последний её вопрос. У Дашки промелькнула мысль: старейшина специально пригласил их пройти в комнату, чтобы не оправдываться перед молодой женщиной, тем более, он не сказал ей и помощнику, что собирается задержать их. Но Скентию пока ничего не выдавало.

— Присаживайтесь, — бросил старейшина. — Николас, я думаю, тебе будет интересно знать, что требовал от меня Фадер Леагон, предводитель стаи, которую к нам сюда направили.

— Вряд ли я узнаю что-то новое, — хмыкнул помощник. — Наверняка кричал о своей власти, неужели нет?

— Ты не догадываешься, в каких тонах, — Скентия рухнул в кресло напротив Николаса, умудрившись сделать это почти элегантно, убрал чёлку с носа, продолжил: — прямо Леагон мне об этом не говорил, но невозможно было не догадаться, что ребята из группы будут не столько нам помогать, сколько доносить на нас госпоже Анархии. Впрочем, это всё до тех пор, пока я официально не начну править Лейшардом.

— Что ты сказал?!

Все трое вздрогнули: голос принадлежал Фробениусу, которого в комнате не было. Секунду назад. Старик отошёл от окна, направился к Скентии. Дашка ничего не могла понять: телепортация, как правило, сопровождалась дымом, искрами или огнём, в крайнем случае, тихими звуками. Фробениус, получается, возник в комнате из прямо воздуха.

— Повтори, повтори, — требовал пожилой маг, взгляд его заставил красавца встать.

— Что именно?

— Последнюю свою фразу, — Фробениус встал перед ним.

— Пока я официально не начну править Лейшардом, — пробормотал Скентия, произнеся последние два слова совсем невнятно.

— Официально не начнёшь, — ещё раз озвучил старик то, что в этой фразе его больше всего обеспокоило. — Официально. Значит, ты считаешь, что уже держишь в подчинении весь Лейшард?

— Я просто так выразился, — отчеканил младший старейшина, вмиг перестав нервничать.

— Непохоже, что ты лжёшь, но и поверить тебе я тоже не могу, слишком уж это неправдоподобно, — взгляд Фробениуса оставил элементалиста и стал скользить по комнате, ни на чём не задерживаясь. — Когда ты только стал старейшиной города,

никто не воспринимал тебя всерьёз, лишь я сразу увидел в тебе человека с живым умом, мудрого не по годам. Народ прозревал очень медленно, целый год прошёл, прежде чем жители Чёрных Гаваней изменили своё мнение. Но и разочаровываться в тебе мы будем так же, они — постепенно, я — за считанные дни. Ты думаешь, что без моей поддержки справишься, тем более ты вряд ли можешь себе представить, что я кину тебя на произвол судьбы, ведь этим самым я и весь город и все земли Лейшарда лишу помощи. Но разочаровываться могут все, в том числе и ты.

— В общем, все поняли, что я хотел сказать, — дослушав старика, Скентия легко вернулся к проблеме, затронутой им до появления мистера Девинера.

— Некоторое время посланные нам хранители закона с демонами будут нас контролировать, в особенности тебя, — подвела итоги первой части разговора с красавцем Дашка.

— Вам тоже тяжко придётся, — подметил элементалист. — У них сейчас власти больше, чем у меня… Больше только у самой Эвиланы, — быстро поправился он, но сделал это аккуратно, по виду и не испугавшись за неосторожные слова.

— Николас, следи за ним, — вздохнул Фробениус, последний раз оглядел и его, и Дашку, и Скентию, и исчез так же поразительно, как и возник в комнате.

— Надо бы тебя, Дарья, научить такой телепортации, — протянул Николас.

— Почему именно меня? — она немного смутилась.

— Ты бы пользовалась этой магией с большим умом, чем кто-либо. Тебе нравится помогать людям?

— Да, — удивилась Дашка, не ожидав такого вопроса.

— Такая телепортация позволит тебе в этом преуспеть.

— Я ещё не закончил! — напомнил о себе Скентия, точнее, потребовал от помощника и колдуньи внимания. — Мы имеем некоторое количество доносчиков в городе, а так же кучу демонов, которым разрешено кидаться на любого, кто будет совершать какие-либо подозрительные действия. Так сказал Леагон, не потрудившись объяснить, что понимается под этими самыми подозрительными действиями. Так что подготовка к войне будет весьма затруднительна. Ждать — не выход, так как Эвилана до замка не так-то скоро доберётся. Хоть Хидаар и расчищает ей дорогу, но территории земель королевства, которые ей надо преодолеть, немаленькие. Надо искать способы, как можно связываться с людьми так, чтобы хранители и, главное, демоны не заподозрили ничего.

— Вот где выручила бы такая телепортация, как у Фробениуса, — с сожалением отметила Дашка.

— Он будет поддерживать связь между мной и членами Совета. Не на заседаниях же с ними этим делом заниматься. А в Чёрных Гаванях больше таких мастеров телепортации, как Фробениус, нет.

— Магией нельзя? Какие-то знаки подавать? — предложила Дашка и тут же отвергла это: — Проклятье, это определённо будет расценено как подозрительное действие.

— Я бы на твоём месте потребовал от Леагона его точное определение, — произнёс как бы между прочим Николас. — Мы хоть будем знать, от чего отталкиваться.

— Великолепная идея! — не смог скрыть радости Скентия и, отложив, наконец, жезл и посох, игра с которыми прекращалась очень редко, перешёл на другую сторону комнаты, свободную от мебели, где на стене висела карта города.

Указательный палец левой руки он поднял вверх, из-под ногтя потянулся зеленоватый дымок, превращавшийся в изображение Фадера Леагона. Когда начальник группы нарисовался полностью, даже жезл в его руке появился, картинка стала исчезать, и улетающий дым втягивался в одну единственную точку на карте, которая…

— Дарья, взгляни сюда, — попросил Скентия.

Колдунья обошла все кресла, стоявшие полукругом перед картой, и встала рядом с элементалистом.

— Видишь, где сейчас находится Леагон?

Зелёная точка горела там, где находилась Аллея Теней, довольно мрачное место, там был храм Тёмных Духов, обитель предков, покровительствующих некромантам.

— Как я и думал, недалеко он ушёл. Дарья, приведи-ка мне его.

— Но он же… — Дашка попыталась сопротивляться, Скентия не дал:

— Ты ведь здорово его припугнула своей магией, пусть он ещё раз столкнётся с нормальной реакцией на своё хамство, — к Скентии возвращалось обычное его расположение духа.

— Но он же там не один будет, наверное! Атаки небольшой кучки хранителей я отражу одним взмахом руки и выбросом магии в них, я не спорю, — она улыбнулась, сама этого не заметив, Скентия же увидел движение уголков её губ и сделал то же самое в ответ. — Но вдруг там они все! Знают ведь теперь, на что я способна, и вряд ли станут ждать, пока я продемонстрирую это во второй раз, первыми в меня выстрелят. А если демонов натравят? С ними точно не справлюсь. Нет, я не пойду за ним.

— Вся их колонна на Аллее не поместится, — постарался успокоить её элементалист. — Да и не собираешься ты

высказывать всё, что думаешь о хранителях, сразу как увидишь их. Парни в зелёных мантиях обожают цепляться к словам и сразу направлять на тебя волшебный жезл, но просто так, без хотя бы малейшего, абсурдного повода, они не нападают.

Дашка глянула на Николаса — он вообще их со Скентией не слушал.

— Уговорил, — произнесла она, давая понять, что делает красавцу большое одолжение.

— Прав Николас, надо тебе телепортации учиться. Начнёшь и добьёшься первых успехов — сделаю тебя третьим помощником.

— Вот возьму и соглашусь! — Дашка вышла, гордо выпрямившись.

— Кучка хранителей, — повторил придуманное ею выражение Скентия, когда её шаги перестали отдаваться в коридоре. — Милая девушка. Мне нравится.

Глава 24 Аркена

Опасения Дашки подтвердились не полностью: с Фадером Леагоном было только пять человек хранителей и три демона, все отдыхали возле храма. Она не знала, следует ли их бояться или нет, надеясь, что возможности узнать точно у неё и не появится. Лица хранителей были знакомы: именно этим людям пришлось испытать на себе Дашкину магию.

— О! Фадер! Опять эта девчонка идёт! — глумливо выкрикнул один из них.

— Чего хочет? — поинтересовался Леагон, пребывавший, очевидно, в хорошем настроении.

— Может, дуэли? — усмехнулся хранитель, который только что обратился к начальнику.

— Вас требует к себе мистер Ринхафт, — произнесла Дашка, подойдя на не совсем близкое расстояние, поэтому говорить ей приходилось громко и отчётливо.

— Зачем? — лениво протянул Фадер.

— Вы забыли сообщить ему кое-какие детали, — пояснила Дашка, пока не начиная нервничать сильнее.

— Значит, так надо. Я сказал Скентии то, что посчитал нужным, — невозмутимо ответил Фадер, колдунья, похоже, его ещё не начинала злить.

— Мистер Ринхафт настаивает.

— Да? А мы не обязаны ему подчиняться, он же ещё не правитель Лейшарда. Кстати, может, он и не станет им, — гоготнул ещё один хранитель.

— Значит, сказать ему, что вы отказываетесь?

— Пожалуйста, — Фадера диалог забавил. — Он всё равно ничего с нами не сделает, полномочий ещё нет.

— Вообще-то он старейшина, — напомнила Дашка.

— А мы при исполнении приказа госпожи Армад!

— Она ещё не королева. И потом, Эвилана послала вас помогать именно правителю этих земель, так что или начинайте относиться к мистеру Ринхафту как к главному человеку Лейшарда, или прекращайте издеваться над людьми до тех пор, пока его не назначат.

— Мы являемся хранителями закона, имеем право обращаться с людьми так, как захотим, — подлетев к Дашке, Фадер притянул её к себе за воротник мантии, и с такой силой, что чуть не оторвал колдунью, не отличающуюся даже средним ростом, от земли. — Мы всегда действовали в интересах короля, а сейчас его нет, и мы сами выбираем, кому служить, — он разжал

пальцы.

— Я передам ваши слова старейшинам, — Дашка поправила воротник и направилась по аллее обратно.

— Отпустишь её? — разочарованно спросил какой-то хранитель, очевидно, у Фадера. — Она нам указывать пыталась, а этого мы не терпим, таков наш кодекс.

— Мы ещё развлечёмся, когда госпожа наденет корону.

— Так… — того, кто задал вопрос, вдруг осенило: — Ты что, испугался, что она снова волну в нас пустит?

— А самому смелости, как вижу, не хватает, — быстро нашёлся Леагон.

— Боишься её. Какой ужас, — подначивал его этот же хранитель.

— Рэдикел, а Фадер прав, — сказал ещё кто-то. — Эта выскочка всех нас одним заклинанием может по земле распластать. Нас шестеро, но мы с ней, увы, не справимся. И демоны вряд ли помогут. Тут думать надо, что с ней делать.

Дашка про себя посмеивалась. Наверное, ей удалось сделать то, что редко кому удаётся: заставить хранителей закона убедиться в наличии в королевстве людей, с которыми они справиться не могут.

Внезапно она ощутила мощнейший удар в спину, такой силы, что Дашка подумала было, что у неё ломается позвоночник.

— Ошибаешься, Кертанис, не думать, а действовать нужно! — торжественно заявил Рэдикел, его голос и шаги делались громче, и вот он уже склонился над Дашкой, в жутковатой позе застывшей на земле, могло показаться, что она умерла.

К боли Дашка уже привыкла, а вот приступ собственной наивности её испугал. Ну не в состоянии хранители закона признавать поражение, это много веков назад стало главной чертой их характера. Почему она вдруг решила, что они дадут ей уйти?

— Казним? — предложил Кертанис.

— Пусть её демоны порвут, — дал согласие Фадер.

Хранители отошли, а отвратительные существа, порыкивая, стали собираться вокруг. Дашка медленно поднялась, сначала села, потом встала. В первую секунду колдунья подумала, что угрозы для неё демоны не представляют: огненная волна отшвырнула бы их, несколько огненных шаров, которые она могла выпускать одновременно по шесть штук, летящих в разные стороны, — убили. Во вторую секунду в голове мелькнуло опасение: подобное заклинание требует больших затрат магии, энергия может кончиться быстро и внезапно, а свой удивительный посох, дающих неисчерпаемый запас колдовской

силы, Дашка оставила дома. А в третью секунду было сделано пренеприятное открытие. Магии в себе молодая женщина больше не ощущала. Приятное, родное тепло появлялась в ладонях и пальцах, стоило только представить предстоящую атаку, почувствовать готовность. Но сейчас ничего такого не было.

— Не ищи в себе силу, мы предварительно парализовали её в тебе! — крикнул Рэдикел.

— Мама, — по-детски простонала Дашка, когда демоны стали приближаться…

После того, как один толкнул её на землю, они стали терзать её одновременно. Колдунья думала, что все виды физических страданий ей уже знакомы, но нет, таких мучений, как сейчас, она ещё не испытывала. Демоны действовали и клыками, и когтями одновременно, с каждым укусом и новой раной кровь смешивалась с ядом. Три адских создания — три вида яда, действующих по-разному. Один сжигал изнутри, второй, попадая в тело, будто превращался в сотни иголок, вонзающихся в органы, третий ломал кости, но это была лишь половина ощущений, остальная — когти и зубы, пропарывающие кожу.

Странный туман. Вроде бы окутывает всё, но он словно светится, поэтому нельзя сказать, что в этом месте пасмурно. Под ногами — поляна, на которой так много цветов, что почти не видно травы. Как же давно Дашка этого всего не видела! Деревья в тумане едва заметны, но он не скрывает их пышные кроны, нежно шелестящие: дует ветерок. Доносится плеск воды. Дашка на него и пошла.

В живот ткнулось что-то тёплое и мягкое. Она посмотрела вниз: это был летунчик, виляющий хвостом, радуясь встрече.

— Царство мёртвых? — Дашка только подумала об этом, не хотела говорить вслух, но слова сами прозвучали, отдавшись эхом.

Летунчик Роки, которого она взяла на руки и прижала к щеке, давно умер от тоски по хозяевам, когда и её, и Сашу с Алиной, и всех детей Анны, кроме Джессики, отправили в Денаувер.

В тумане показалась фигура, остановившаяся. Подойдя ещё чуть-чуть, Дашка ахнула.

Марика Новиш. Эта женщина, неполных два века имевшая облик вампирши, но сохранившая человеческую душу, заставляла Дашку жить тогда, когда ей казалось, что существовать дальше нет смысла. Марика сама выбрала час своей смерти, но это нельзя было назвать самоубийством, скорее, уход на покой. После гибели ей была возвращена сущность человека.

Подруга была весьма привлекательна, сейчас же ещё

похорошела. На щеках появился нежный румянец, с красноватым оттенком волосы заблестели. На ней было алое платье до пола, с аккуратным вырезом и длинными расширяющимися книзу рукавами. Изменилась и причёска: исчезла чёлка, появились волнистые локоны. Как ни странно, то, что цвет глаз теперь был не красным, а карим, внешность изменило меньше всего, а вот число бешеных искорок в глазах немного уменьшилось, и взгляд стал мягким. Марика выглядела гораздо более женственной.

— Ты уже здесь? — голос её тоже отразило эхо.

— Я не хотела умирать, меня убили, — пробормотала Дашка.

— Не оправдывайся, не стоит, — Марика приблизилась на шаг в её сторону. — У тебя ещё есть возможность спуститься обратно на землю.

— Так я не умерла?

— Твою душу освободили. Тело твоё пока мертво.

— Не поняла, — призналась колдунья. — Меня что, убили?

— Не совсем. Это делается, чтобы, спася плоть, отозвать душу обратно, соединив их. Или ты, — Марика, стоявшая на месте и ожидавшая, когда Дашка к ней подойдёт, сама вдруг кинулась к ней, — желаешь здесь остаться?!

— Хотя бы на день, — её руки дёрнулись вверх для того, чтобы обнять, но задержались, Дашка не решилась оборвать линию двух взглядов, встревоженного и растерянного. — Мне бы с тобой чуть-чуть побыть…

— Это главная ловушка Аркены, царства мёртвых, королевства душ, — Марика прижала её к себе, стиснув так, что Дашка могла обхватить её за талию, но не за шею или плечи. — Ты видишь, что тут легко, нет боли и страданий, и можно соединиться с теми, кто вынужден был тебя покинуть в мире смертных. Кажется, что бессмысленно возвращаться назад. И ты остаёшься. Весь процесс священной магии, магии жизни, — это попытка вытянуть душу из Аркены, но если ты твёрдо решишь, что твоим домом навеки стало царство мёртвых, никакому священнику не повлиять на твой выбор. А живётся нам здесь, кстати, не так уж и просто.

— Мне бы лишь один день, — Дашка сделала усилие, чтобы отодвинуться назад, Марика не стала препятствовать, но не убрала от неё руки.

— А потом будет неделя, месяц, год и, наконец, вечность. Не расстраивай меня, хорошо? — она провела ладонями по щекам Дашки, пальцы Марики оказались у неё в волосах.

— Обещаю. Но ты же меня прямо сейчас не бросишь?

— Ну что ты, — Марика рассмеялась. — Покажу тебе здесь всё, что успею.

— Лучше расскажи всё, что ещё не рассказала мне при жизни, — попросила Дашка.

Они взялись за руки, медленно направились на звуки плеска воды. Вперёд бывшие вампирши не смотрели, только друг на друга, не могли оторваться. Каждой казалось, что подруга изменилась гораздо сильнее, чем она сама.

— Меня подождите! — послышался за их спинами детский крик.

Обе одновременно повернулись: их догоняла Дженни, первая жертва вампирских инстинктов Дашки. За девочкой летел Роки, про которого колдунья от неожиданности уже успела забыть.

— Я тоже хочу тебя послушать, Марика! — изъявил желание ребёнок, поравнявшись с подругами, летунчик устроился у неё на плече. — Дарья, привет! — поздоровалась Дженни со своей убийцей, пусть и ставшей таковой против своей воли.

— Здравствуй, — растерялась колдунья.

— У нас лучше, чем на земле! — выпалила девочка радостно и пообещала: — Тебе понравится!

— Дженни, что ты, везде прекрасно, если знать, как жить, — ласково возразила Марика, свободной рукой притянув к себе девочку и потрепав её по голове.

Через пару десятков шагов молодые женщины и ребёнок встретили ещё одного знакомого. Джейка Винсента.

Он быстро очутился рядом. По глазам его теперь можно было сказать с уверенностью: любит. Надеясь, что в мире смертных об этом не узнают, Дашка быстро поцеловала его в губы.

— Ты тоже? — уловил то, что хотел поймать, Джейк.

— Возможно, если бы нам не пришлось с тобой расстаться.

— Мне этого достаточно.

Из тумана продолжали появляться люди. Мишель, Анита, Феликс, Вирон, Честер, Пола, Динара — все те, кого потеряли в тяжёлом путешествии, самом сложном из всех странствий необычной банды. А Джейк и Дженни, стоило Дашке отвести от них взгляд, исчезли.

— Присматривай за всеми нашими, — первой обратилась к колдунье Анита. — Они же накапливают в себе мелкие обиды друг на друга, и иногда забывают от них избавляться, а потом злятся, ссорятся. Раньше мне бегали плакаться, теперь им некому стало. Помогай всем за меня, а то разругаются когда-нибудь так, что не будет больше нашей семьи. Это ведь совсем простая задача для тебя, награда же за это потом окажется огромная.

— Анита, все знают, что я слушать умею и понять всегда стараюсь, но своего мнения не навязываю, и иногда просят другим помочь, но для самих себя ни о чём подобном не

просят, — ответила Дашка беспомощно, она не ожидала увидеть здесь всех потерянных друзей и боялась, что они так же мгновенно пропадут.

— Будь внимательнее — и ты поймёшь сама, кто в тебе нуждается.

— Да, конечно… — Дашка не поспевала за своими мыслями и ощущениями, её снова остановили, теперь это была Динара.

— Ты независима, а значит, от тебя зависит всё, — девушка улыбнулась, колдунья быстро глянула туда, где только что стояла Анита — конечно, женщины уже не было. — Я не шучу. Вдруг ты когда-нибудь будешь в нашей банде главной, и твоё слово будет успокаивать всех и разрешать все споры? И возьми это, — она чуть ли не силой впихнула ей свой лук, возникший у девушки в руках только что. — Артефакт работы нашего дедушки по папиной линии, человека. После побега из дома мы с ним встретились, он нам подарил.

— Откуда? Мы с поля той битвы его не забирали!

— В Аркене всё бывает! — воскликнул Феликс, Дашка не удержалась, взгляд её на него не продлился и секунды, но этого было достаточно, чтобы позволить Динаре исчезнуть.

Колдунья, вздохнув, уделила внимание Феликсу.

— Как там Бруно? Держится? — спросил он о своём лучшем друге.

— Старается, — закивала Дашка. — Перед нами теперь новая цель, все душевные силы забирает. Он, наверное, не успевает тосковать по тебе. А как мы добьёмся того, к чему стремимся, тоска, наверное, почти пройдёт.

— Вы молодцы, вы измените жизнь Альданы. Потому что с нами ты, Алекс, Элли и Дмитрий, — Феликс, договорив, тоже кивнул.

— Береги себя и постарайся, чтобы все делали то же самое, — пробасил Честер, в которого Дашка вцепилась, надеясь удержать. — Мы сами себя называем безголовыми, иногда такими быть опасно.

— Пообещай мне, что если у тебя будет возможность стать королевой Альданы, ты от этого шанса не откажешься, — захотела взять с неё слово Мишель.

— Обещаю…

— Возьми вот это, — прозвенел у Дашки над ухом голос Полы, каким-то образом оказавшейся на месте Честера, волшебница сняла синюю ленту, которая была у неё в волосах, и повязала на шею колдунье. — На память.

— Жизнь прекрасна, пусть и тщательно это скрывает. Будь упрямее её, не прячь ничего своего! — дал наставление Вирон.

— Тебе всё ясно? — веселилась Марика, сменившая в Дашкиных руках Полу.

Кроме неё и Роки на поляне никого не осталось.

— Что это было? Куда все делись? — Дашка, пошатнувшись, отступила назад, сделала судорожный вдох и опустилась на цветочно-травяной ковёр поляны.

— Души чувствуют, когда кого-то собираются отозвать из Аркены. Вот твои друзья и не стали тебя задерживать, — Марика помогла ей подняться.

— Уже всё? Так быстро? — Дашка чуть было снова не села, но подруга её поддержала.

— Прежде чем ты покинешь королевство душ, я тебе кое-что всё-таки покажу, — произнесла Марика, они продолжили движение к воде.

— У тебя было много друзей, приятелей и знакомых, любимый человек, ученики, — Дашке вдруг стало интересно: — Ты многих тут нашла?

— Никого, — совершенно невообразимый, по мнению юной колдуньи, ответ был совершенно спокойным.

— Как так? Сочувствую, — расстроилась Дашка.

— Зачем? Я знаю, что с ними здесь всё в порядке.

— Разве ты не хочешь увидеться с ними? — изумилась повелительница одной из четырёх стихий.

— Хочу, но если бы Аркена была местом встречи тех, кого разделила смерть, то самоубийства в Альдане совершались бы каждый день. Мы не для этого здесь. Нам надо следить за миром смертных и направлять тех, на кого можно ещё повлиять, предупреждать тех, кто сможет понять нас, и оказывать помощь тем, кто действительно достоин её.

— Ко мне пришли все. А когда ты сюда попала, разве с тобой такого не случилось?

— Я не собиралась оставлять Аркену, а тебе надо вернуться. Поэтому твои знакомые решили тебя поддержать, ободрить, дать совет и попросить кое о чём.

— Понятно.

У Дашки больше не было слов, что её саму очень огорчило, а Марика без вопросов подруги не торопилась ничего говорить. Колдунье не хотелось тратить это время на молчание, но так получалось.

Туман рассеивался, Марика с Дашкой оказались на невысоком холме. Покров из густой травы и цветов не заканчивался, пестрело всё вокруг. Внизу поблескивало серебряное озеро, вокруг гуляли люди, красивые и счастливые.

— Пойдём! — Марика потянула засмотревшуюся колдунью за

собой.

В озере была видна аудитория, в которой шла лекция. В воду глядело ещё несколько человек, но все они, судя по их комментариям, наблюдали там что-то другое.

— Озеро показывает для каждого то, что интересно именно ему? — догадалась Дашка.

— Верно. Вот это — Марика дотронулась до водной глади, — Магическая Академия.

По поверхности озера вдруг побежали круги, когда всё успокоилось, в нём была уже не аудитория, а зал во дворце старейшин, где шло заседание Совета Чёрных Гаваней.

— Прошёл всего день, а мы уже признаём, что не в силах справиться с хранителями! — свирепел человек неопределённого возраста, с полностью седыми короткими волосами, смуглый, с лицом, на котором почти не было морщин.

— Не с хранителями, а с их демонами, — поправил его другой член Совета, колдун чуть старше двадцати лет, сидевший с неестественно прямой осанкой, худой, высокий, нескладный, бледный, с тёмными кругами под глазами; его прямые, снизу чуть подкрученные волосы потрясающей черноты, с ровным пробором посередине, не заправленные за уши, обрамляли вытянутое узкое лицо. Внешность была странная, но, как это не парадоксально, приятная.

— Огеста, демоны подчиняются хранителям! — вспыхнул тот, чьи слова Дашка услышала первыми.

— И те, и другие повинуются госпоже Армад, — парировал молодой человек.

— Ты можешь хоть раз высказаться нормально, а не ронять отдельные фразы? — продолжал злиться седовласый. — Три года в Совете сидишь, ни разу на заседании больше двух предложений подряд ты не произнёс.

— Так его специально взяли, чтобы среди нас был хотя бы один человек моложе Скентии, — съязвил парень, который вряд ли был старше элементалиста больше, чем на один или два года, не отличающийся выдающимся ростом, с русыми пышными кудрями, а цвет его васильковых глаз был заметен даже на расстоянии.

— Равелиан, Элабер, тихо! — не выдержал Скентия. — Вернёмся к обсуждаемому вопросу. Итак, вполне разумным выглядит предложение устроить комендантский час…

Отражение пропало, в озере синел только кусок неба с облаками, соединявшимися радугами.

— Вот так мы следим за событиями королевства, — улыбнулась Марика. — А возможностей исправить всё у нас

достаточно. Дело в том, что для этого нам надо подавать нужные знаки нужным людям в нужное время, и эту обязанность мы выполняем всегда, но не всем охота замечать знаки, разбираться в них и, тем более, что-то менять в соответствии с тем, что они велят.

— Значит, нам от тебя была помощь, а мы не поняли? — прошептала Дашка.

— Пока у меня не было в этом необходимости. Вы сами справлялись. Так что всё нормально!

— Я бы так не сказала. А Совету Чёрных Гаваней ты тоже не пошлёшь никакой подсказки?

— Это же только начало! Пусть эти люди сначала сами попробуют найти выход.

— И для чего ты мне вообще это показала? — вырвалось у Дашки. — Чтобы я знала, что у вас тут такое есть?

— Для того, чтобы ты знала, что я в тебя верю, — Марика повернулась к Дашке, чуть-чуть наклонившись, чтобы их взгляды оказались на одной линии. — Если я не помогаю тебе — верю в твои собственные силы. Предложу помощь — верю в то, что ты сможешь ею воспользоваться. Ты не одна на самом деле. И компания твоя — тоже.

Пространство вокруг вдруг вновь стало заполняться туманом, необычайно густым, теперь поглощающим абсолютно всё. Не скрыл он только Марику, а вот саму Дашку прочно опутывал, она уже не видела себя.

— Прощай! — женщина-дух продолжала улыбаться колдунье, которая закричала, но не услышала своего голоса.

«Постойте, не так быстро, пожалуйста!» — билось у неё в голове, не превращаясь в звуки. Глаза закрывались, несмотря на усилие держать их открытыми. Она переставала чувствовать себя…

Синий мозаичный свод храма, длинные узкие окна, яркое небо в них. Спиной Дашка ощутила холод каменного пола. Она приподнялась, одной рукой держась за гудящую голову, другой помогая себе. Перед ней возвышалась статуя женщины в мантии с накинутым капюшоном, в ладонях её горел голубой огонь.

— Всё получилось, — прошептал за её спиной Томас. — Она ожила.

Дашка оглянулась: на полу на коленях сидели чёрный маг и Теона. Тишина была невыносимая, несмотря на потрескивание пламени.

— Как ты? — Томас поднялся на ноги, пересёк зал и опустился перед подругой.

— Я была в царстве мёртвых, — Дашка изучила себя: всё раны были обработаны и почти не болели, но некоторые выглядели неприятно, скорее всего, от них останутся шрамы. — Я видела Аниту, Мишель, Джейка и всех остальных, кто погиб в путешествии, и ещё Марику и даже ту девочку, которую я убила в Денаувере, когда мной вампирские инстинкты первый раз овладели. Все разговаривали со мной, — она нащупала у себя на шее ленту Полы, а под боком — лук, отданный ей Динарой, — и оставили мне вот это…

— И что они тебе сказали? Не предупреждали ли о чём-нибудь?

— Нет, — Дашка застонала и снова легла, голова совсем разболелась.

Над ней тут же склонилась Теона, принявшаяся за исцеление Всё время, пока она держала руки у головы Дашки, Томас молча взирал на огонь. Маг не видел, когда целительница закончила, но, очевидно, почувствовал, потому что сразу же произнёс:

— Пойдёмте домой.

По пути Дашка не дождалась от него ни слова, а Теона всё выясняла, точно ли с ней всё в порядке.

— Что, никто не верит, что у меня может быть всё хорошо? — вздохнула, наконец, колдунья устало. — Думаете, я всегда себе проблемы создаю?

— Не сердись, — протянула Теона. — Просто многие так про тебя говорят. Я не очень их понимаю. Зачем тебе придумывать, что всё хуже, чем есть на самом деле? Это же глупо…

— Мне как-то полегче стало, — Дашка задумалась. — Вряд ли я смогу это тебе, да и ещё кому-то, объяснить, почему так. Это познавать самим надо. Я довольна.

— Правда? Алекс и Клавьер думали, что ты после такого злая будешь на Тома, — она покосилась на мага, который брёл чуть поодаль, уставившись себе под ноги.

— За что? Мне ведь жизнь спасли, разве не так?

— Том изгнал из тебя душу. Считай, он тебя убил, чтобы ты не мучилась. Он с Ником с Скентией, когда примчался на Аллею Теней и увидел, что тебя терзают демоны… — впечатлительная Теона поёжилась. — Эти твари совсем бешеные были, их так просто от тебя не представлялось возможным оторвать. Хранители стояли и смотрели, ничего делать не собирались, Тому, Нику и Скентии пришлось самим с демонами управляться, и Том, понимая, что тебя быстро не спасти, изгнал твою душу, это делается одним заклинанием, моментально. Потом я то, что от тебя осталось, в порядок привела, — вспомнив это, целительница снова содрогнулась, — и мы отнесли тебя в храм и попросили

духов вернуть твою душу тебе. Рискованно было, могли и не отдать. Вот за это мы могла бы и рассердиться — твоей жизнью сыграть решили.

— Нет, я действительно вам благодарна, — заверила её Дашка.

— Том ведь не спросил никого, когда решился на это. Когда демонов разогнали и Скентия с Ником увидели, что ты не дышишь, он сознался. Старейшина вне себя был!

— Мы его успокоим.

— Уже не сегодня, он уехал в Дифокс, — вдруг известил Томас. — Там съезд старейшин, готовых принять новые порядки. Его уведомили час назад, если бы не это, он бы успел забрать назад свои слова о том, что он назначил меня своим помощником и позволил мне принимать участие в исследованиях.

— Как всё серьёзно, — проронила Дашка.

Они подошли к своему дому. Там горели все окна, но чёрные силуэты виднелись только в гостиной, не считая одинокой фигуры в спальне, которую занимал Клавьер.

Представ перед компанией, Дашка в первую же секунду чуть не задохнулась в объятиях и чуть не оглохла от визга Алины. Из кучи тел, лезущих обниматься, колдунью вытащила Джессика.

— Ты жива, — эта фраза впервые за сегодняшний день прозвучала без идиотских вопросительных интонаций.

— Меня вернули к жизни во всех смыслах, — проговорила мечтательно Дашка.

— Пожалуй, всё обернулось так хорошо, насколько мы и не надеялись, — усмехнулась Джессика. — Скентия зря свирепствовал.

— Даже так? — хохотнула Дашка.

— Готовься, он тебя как назначит вместо Томаса помощником! — выпалила Джессика и согнулась от смеха, делавшегося всё неудержимее.

Томас, со вздохом покачав головой и глянув на воительницу, вышел.

— Джесс, не надо, — упрекнула её Теона.

— А что? Попытка предательства, как-никак, — она приостановилась, но тут же снова прыснула, в изнеможении опускаясь на диван. — И Дарья в качестве помощника будет смотреться просто идеально, никто не находит?

— Тебя уже Кларисса недолюбливает, — сказала ей Теона тихо на ухо. — Зачем тебе неприязнь второго человека?

— Мне это никогда не мешало! — заявила Джессика, приподняв растрёпанную голову, тут же снова её уронила.

Только тут Дашка с Теоной сообразили, что она пьяна.

— Алекс, отведи её в спальню, — велел Бруно.

Дашка вызвалась помочь Саше.

— Она минут за десять до вас вернулась, — разъяснил парень в коридоре.

Когда они добрались до комнаты и он остался с Джессикой, что-то бормотавшей в полубессознательном состоянии, Дашка заглянула к Клавьеру. Ни говорить ничего, ни пристально глядеть друг на друга они не стали…

Глава 25 Смерть в помощь

— Молодцы, — похвалил Скентия, когда в его кабинет вошли Томас и Дашка. — Не подвели меня. Всё без затруднений прошло?

— Да, так, как я и предполагал, — кивнул Томас, которому такое равнодушие старейшины было непонятно: так переживавший вчера за молодую колдунью Скентия сейчас не показывал никакой радости при виде живой и здоровой Дашки.

— Садитесь, — предложил элементалист, но, несмотря на безмятежный тон, это, скорее всего, был приказ. — И сними ты эту ленту с шеи, она сюда не подходит!

Дашка (это к ней он обратился) только лишь поправила её. Синяя лента с оранжевыми одеждами не смотрелась, но колдунье было всё равно.

— Как хочешь, — хмыкнул Скентия. — У меня к вам другой вопрос. Что делать с хранителями? От них ничего не скроешь, а держать от них в тайне нам надо будет многое.

— Вопрос только к нам? — поинтересовалась Дашка.

— Нет, я предпочитаю важные дела обсуждать не на собраниях и советах, а лично с теми, от кого ожидаю умных мыслей. Вчера на Совете такое творилось…

— Я видела, — усмехнулась она.

— Где? Как? — изумился Томас, старейшина просто сделал удивлённое лицо.

— В Аркене. Оттуда всё, что хочешь, можно увидеть. Я наблюдала тот момент, когда двое, молодой парень и человек непонятного возраста, я не помню их имён, пытались оскорбить колдуна по имени Огеста.

— Значит, ты меня понимаешь, — улыбнулся ей Скентия. — Равелиан и Элабер — главный кошмар Совета, но приходится их терпеть. Элабер, как это ни прискорбно, гений, как и я, мы с ним вместе заканчивали Университет Тёмных Магических Наук. В семнадцать лет, то есть в том возрасте, когда в это учебное заведение только вступительные экзамены сдают. Я мастер стихий, элементалист, а он владеет стихийной магией, всеми четырьмя её типами. Равелиан — шаман, единственный специалист в этой области в нашем городе. Понабрали в Совет прескверных характеров, а я с ними мучайся, — вздохнул он картинно.

— Кто-нибудь из них идею уже подал?

— Если бы! Только Огеста высказал мнение, что хранителям и демонам можно как-нибудь стирать память.

— По-моему, это вариант…

— Если накладывать на кого-то чары забвения постоянно, это будет заметно — человек ни имени своего не будет помнить, ни возраста, знакомых узнавать перестанет. Будет наталкивать на мысли, что мы что-то скрываем от Её Величества, — съехидничал Скентия.

— У меня есть предложение, только оно вам не понравится, — Томас, в очередной раз ушедший в себя (этой привычкой с каждым днём он всё больше и больше напоминал Николаса и покойного Вирона), вдруг вынырнул из забытья.

— Раз ты не побоялся дать понять, что оно у тебя есть — предложение не такое уж и бредовое. Говори, — велел старейшина.

— Если мой опыт с чужой душой оказался удачным, то можно попробовать его повторить, — медленно, чтобы не запинаться и не демонстрировать волнение, Томас заговорил, то косясь или на Скентию, или на Дашку, то глядя в пол. — Некоторым людям мы сообщаем то, что надо передать другим, убиваем их, и их души вселяются в тех, кто должен это получить. Люди узнают всё, и души мы возвращаем на место. Это для шамана работа. Или можно использовать призраков, с ними должно быть проще — эти души не надо снова соединять с телами. Вот, это всё.

— Потрясающе! — воскликнул Скентия, подскочив на стуле.

— Разве? — обалдел Томас.

— Конечно! — красавец вылетел из-за стола, стал носиться по комнате. — Вы ведь можете взять на себя призраков? Поедете в некрополис, оттуда будете сласть отчёты. А насчёт переселения душ придётся побеспокоить Равелиана. Он, конечно, не захочет, но всё и не должно быть легко.

— Ещё труднее будет уговаривать народ отдавать свои души, — заметила Дашка. — Причём делать это надо тоже незаметно. Не выйдешь же на площадь и не объявишь. Членов Совета тоже вряд ли убедишь, да и нужны они вам.

— Не слишком-то, — Скентия пренебрежительно, если не брезгливо, поморщился.

— А если начать с призраков? — осенило Томаса. — Пусть они, вселяясь в людей, велят им являться, допустим, в Управление города, там оставляют их, а пришедшим пусть объясняют, в чём дело и что от них требуется.

— Да, стоит над этим задуматься, — согласился Скентия. — Только Управление не подходит. Его заняли посланные Эвиланой хранители закона. Отправлять людей во дворец старейшин тоже небезопасно. Всё, на этом сегодня хватит, — вдруг решил он. — Томас, поднимайся в лабораторию.

— А я свободна? — спросила Дашка.

— Я бы ещё на тебя посмотрел и тебя послушал, но, боюсь, ты не захочешь сидеть здесь как украшение, — произнёс красавец.

— Спасибо, — усмехнулась Дашка. — Значит, я вас оставлю.

Через четыре дня Томас уехал в Лебру, некрополис. Николас пропадал во дворце старейшин, Кларисса — тоже, она заменила Томаса. Число городов, старейшины которых подписали Кодекс Альданы, как это не печально, росло.

Теона с Джессикой чувствовали себя отвратительно: очевидно, демонессам Артее и Арджее приходилось принимать участие в сражениях. Это и радовало — значит, не всё Эвилане легко даётся, но на сестёр Винсент было невыносимо смотреть. Кларисса из лаборатории носила им эликсиры литрами, но облегчить страдания удавалось ненадолго. Где сейчас Эвилана и её слуги, никто не знал, старейшинам она ничего никаким образом не сообщала.

Через неделю в дверь дома Ильды Дэйс постучалась не знакомая никому из компании девушка.

— Мне надо видеть Алекса Винсента, — сказала она, когда её впустили.

— Это я, — произнёс парень.

— Меня прислал мистер Томас Дьюри, — продолжала девушка.

— Первые результаты, — отметила с радостью Тина и тут же беспомощно пробормотала: — И что ей говорить? Что с ней делать.

Девушка вдруг замерла, странно дёрнулась, вздрогнула и рухнула на пол, над ней повис голубовато-белый призрак молодой женщины, тут же растаявший в воздухе.

— Где я? — гостья открыла глаза и застонала, у неё явно раскалывалась голова, Дашка представляла, что за ощущения сейчас испытывает девушка.

— Мы сейчас объясним, только не кричи, — предостерёг Бруно, помогая ей встать.

— Это связано с борьбой против леди Армад, — начал Саша.

— Так, — девушка устроилась в кресле, не сводя глаз с колдуна, его слова сразу привели её в чувство. — Я что-то должна сделать?

— Понимаете, мы планируем восстание.

— Я не удивлена. Продолжайте.

— Во главе всего этого стоит Скентия Ринхафт. Считайте, мы объявим войну Эвилане и её сторонникам. Но подготовку к войне нельзя осуществлять открыто из-за обилия повсюду доносчиков.

Поэтому Скентией и мистером Томасом была придумана система оповещения с помощью переселения душ, — Саша следил за глазами девушки, они отражали пока только предельную заинтересованность и готовность помочь, когда попросят, она после каждой его фразы кивала в знак одобрения. — Душу человека, знающего то, что надо передать всем, изгоняют из него, она облетает нескольких человек, задерживаясь в их телах, чтобы оставить в сознании этих людей, что надо до них донести, и потом её возвращают в родное тело.

— Вы что, хотите, чтобы я согласилась отдать свою душу? — догадалась девушка.

— Не сейчас, леди… Кстати, как вас звать-то?

— Эранта, — хмыкнула она. — Вы не поведаете мне, как я здесь оказалась?

— Конечно, — спохватился маг. — В вас призрак вселился, по его воле вы пришли к нам. Простите, другого выхода нет, открыто призывать людей делать то, о чём мы просим вас, нельзя, могут услышать и донести леди Армад. Нашему другу пришлось поработать с призраками, убеждая их приводить народ к тем, кто сможет объяснить им всё.

— Что?! — возмутилась гостья. — Это некромантские опыты на людях, их запрещено проводить!

— Это вынужденная мера! — Саша заломил руки.

— С вами ведь ничего не случилось, — заметила Дашка. — Призрак ушёл из вас, всё! Вы сейчас отлично себя чувствуете, у вас не повредилось сознание, так ведь?

— Вероятно, мне просто повезло. О, Ветры, как мистер Ринхафт мог на такое согласиться, — Эранта посуровела.

— Потому что он о вас заботится! — заорал Саша, на этот раз не сумев сдержаться. — Можно перебить всех хранителей закона и демонов, да, и готовиться, ни от кого не скрываясь, но только леди Армад всё равно узнает! Мистеру Ринхафту она быстро найдёт замену среди тех, кому новая политика действительно по душе! Что тогда с вами станет? На спасение надежды не будет! Не свои привилегии ему жалко, а свой народ!

— Он должен понимать, насколько велик риск, — девушка, в отличие от мага, своё мнение отстаивала, не повышая тона. — Призраки могут пожелать остаться в чужом теле навсегда, прекратив подчиняться некроманту, а души, освобождаясь из плоти, становятся принадлежащими Аркене, её собственностью. Не всем им будет позволено возвратиться, это уже предкам решать. Вас что, не предупредили? — гримаса удивления, скорее всего, нарочитая, появилась на её лице, когда она увидела, как изумилась компания.

— Скентия побоялся, что мы передумаем, — поняла Дашка.

— Наверное, действительно так будет, — нахмурилась Алина. — С такой подготовкой к восстанию восставать окажется некому.

— Как точно ты выразилась, — проронила Эранта.

— Значит, надо брать души избранных, — не промедлила Джессика, наблюдавшая за разговором молча, но с интересом. — Тех, кому предки дадут второй шанс.

— Я разочарую вас, но волю предков угадать невозможно, — охладила её гостья.

— Можно спрашивать у них.

— По новому закону светлые духи подлежат истреблению, — напомнила девушка, — а тёмные, скорее всего, будут помогать не нам, а королеве.

— Обращаться к предкам тайно?

— Если мы найдём способ делать что-то так, чтобы об этом не узнали сторонники Эвиланы Армад, то вряд ли придётся прибегать к переселению душ, — тут уже вмешался Бруно. — По-моему, придётся рисковать. Выживут достойные, и это ведь будет не зря.

— На словах красиво и легко, — вздохнула Эранта. — Я могу согласиться, но вот только сомневаюсь, что потом мне разрешат жить дальше. Хотя нас всех, возможно, ожидает такая жизнь, что уж лучше умереть с верой в чудо.

На улице раздался вопль и рык демонов, чей-то крик, смешавшийся с рыданиями. Алина подошла к окну, глянула и отскочила назад, ахнув.

— Соседу нашему голову оторвали, — пролепетала она, лишаясь чувств.

— Он постоянно твердил, что беспредел, который воцарится в Альдане, долго терпеть не смогут и наступит день, когда в королевстве начнётся бунт, — Джессика тоже посмотрела в окно. — Он со мной недавно об этом говорил. Неужели простые рассуждения караются смертью? На меня тоже напали, когда я домой возвращалась, но только я отбилась.

— Ты осторожней будь! — воскликнул Саша. — На тебе и так раны не заживают!

— Я их удивила, — усмехнулась воительница. — Наверное, те хранители первый раз видели, чтобы кто-то ушёл от их демонов живым.

— Страшно становится, — Эранта подошла к Алине, чтобы помочь Бруно перетащить её на софу. — В Школе магии имени Хельги Кардер, там учится моя сестра, хранители с демонами иногда появляются, вроде как с проверками, издеваются и над

преподавателями, и над учениками. Там был класс целителей, который распустить пришлось, некоторые студенты сразу бросили учёбу, некоторые выбрали другой класс, теперь их по всей школе выискивают, а если вычислить не могут, то срывают злость на том, кто под руку подвернётся. Наверное, за свободу можно отказаться от собственной жизни. Вы правы.

— Мы так не говорили, — Дашка чуть заметно улыбнулась. — Может, ещё многим из тех, кто не пожалел души, будет суждено увидеть новый мир, где чёрная и белая магия равноправны.

Раздались шаги в коридоре: вернулась из лаборатории Кларисса.

— Вечер добрый, — бросила она, войдя в гостиную. — Здравствуйте, — увидела колдунья Эранту.

— Она разрешила взять у неё душу, — сообщил Саша.

— Очень хорошо! — оживилась Кларисса. — Завтра скажу Равелиану, — она поднесла к лицу руку, на которой был браслет из маленьких шариков из бутылочно-зелёного стекла, державшихся вместе без помощи нитки, вытащила один (два соседних тут же притянулись друг к другу), протянула на раскрытой ладони Эранте: — Дотроньтесь до него.

Девушка послушалась, шарик после её прикосновения потемнел.

— Вы можете идти.

— Далеко живёте? — спросил Саша. — Вас провожать нужно?

Эранта подняла руку, сжала кулак: в нём появилась молния.

— Благодарю, я сама за себя постою.

— Удачи вам!

Усмехнувшись, она вышла.

— Что это за вещь у тебя на руке? — полюбопытствовала Дашка, созерцая, как Кларисса, прищурившись, смотрит в стеклянный шарик. — Ты носишь этот браслет с тех пор, как стала работать в лаборатории.

— Это поисковик, — Кларисса вставила шарик обратно. — Запоминает людей, и тот, кто его носит, чувствует, когда какой-то человек находится поблизости. Скентия предполагал, что Томас первое время будет отправлять людей к вам, и дал мне поисковик, чтобы я заполняла его память. С его помощью Равелиан будет находить людей, давших разрешение забрать у них душу, и прямо на улице… Ну, убивать их. К сожалению, подобное поведение теперь выглядит естественным.

— Этот поисковик на тебе подозрений не вызывает? — усомнилась Дашка.

— Посмотри на меня, — женщина покружилась, взмахнув руками. — Белой и светлой я никогда не выглядела, всегда всем

кажусь злой ведьмой. Так что на вопрос «кого и зачем ищет помощница мистера Ринхафта» все хранители, наверное, дают такие жуткие ответы…

— Не спорю, образ у тебя, что надо, — усмехнулся Бруно.

Все с лёгкостью с ним согласились. Один только взгляд глаз Клариссы, совершенно невыносимый, физически ощущаемый, чего стоил, и её горделивая осанка, да плюс чёрные и красные цвета в одежде, никогда не отличающейся простым покроем и дешевизной тканей — столь яркая, что смотреть на неё было больно, а глаз отвести невозможно.

Уже два месяца длился драматический спектакль «Гонения белых магов». Эранта была права: из всех добровольцев, отдававших души, выживали единицы, сама она тоже погибла. С призраками было легче до тех пор, пока хранители не начали контролировать и существование некрополисов, которые потом и вовсе решено было объявить собственностью королевы. Больше ничего не оставалось, кроме как прекратить использование призраков.

Радовало лишь то, что исследования в алхимической лаборатории завершились успешно. Как показывали результаты, монстра Хидаара можно было убить силой четырёх стихий, точно так же, как компания намеревалась уничтожить источник зла, из энергии которого его создали. Проблема оставалась лишь в том, где найти человека с чистой силой Воды.

В Чёрные Гавани потихоньку просачивались известия о том, как происходит захват земель королевства. Шамрейл почти не пострадал, старейшины почти всех городов против нового Кодекса и новой королевы ничего не имели, а те поселения, что не захотели подчиниться, были разрушены монстром. Варфетия же почти полностью стала пустыней.

В столице Лейшарда на месте трагедии разбили Парк Скорби, ещё в нескольких местах города, превращённых Хидааром в пустыри, пришлось возводить храмы (очередной приказ Эвиланы), тут же сделавшиеся обителью духов злодеев. Из-за их влияния город стонал от эпидемии жуткой болезни, которая косила исключительно тех магов, которых следовало казнить по Кодексу ведьмы.

Теона через десять минут после того, как у неё появился первый признак болезни, кошмарная боль в сердце, потеряла сознание; такие были мучения, в себя она не пришла ни разу. Но всё это было только началом кошмара.

В день, когда Алине исполнилось девятнадцать, в доме появились три гостя, самые нежеланные из всех, кого можно было

представить. Фадер Леагон, Кертанис Вейтин и Рэдикел Изорио.

— Мы зададим вам несколько вопросов, господа помощники мистера Скентии Ринхафта, — ответил на безмолвный вопрос Фадер, отпихивая впустившую их Тину. — Но и остальных это тоже касается.

Прошли в гостиную, позвав всех. Леагон приступил к делу:

— Мы знаем, что к вам постоянно приходят какие-то люди. Потом их убивает Равелиан Лексиан, член Совета Чёрных Гаваней. Мы верно это заметили, не ошиблись?

— Так и происходит, — процедил Бруно.

— Эта связь выглядит весьма странной, объяснения мы, как ни ломали головы, не нашли. Вы ведь направляете всех своих визитёров на смерть сознательно, так? Но к вам как ходил народ, так и ходит, причём сам, может, не добровольно, но вполне самостоятельно, никто людей силой к вам не тащит. Неужели никто не догадывается, что ваш дом все гости покидают обречёнными на неминуемую гибель? Как так получается? Или вам наносят визиты те, кому жить надоело?

— Вы правильно сказали, добровольно к нам никто не приходит, — стал выкручиваться Томас. — Это всё чары леди Аленто.

— Мы убираем тех, кто кажутся нам людьми ненадёжными, — подхватила Кларисса.

— У вас искажённые представления о людях, — произнёс Фадер. — От магии Равелиана погибли, среди всех, талантливый демонолог Руфина Айверти, некромант Георг Скайфер, чёрный маг Дартеза Рейар, Авестион Эльриз, человек, добившийся того, что факультеты некромантии стали появляться во многих университетах и академиях, Лефис Цебрес, отменивший закон о…

— Нам эти достижения ни о чём не говорят, — прервал его Бруно. — Это всё может быть использовано как в наших целях, так и против нас.

— Госпожа не в восторге от того, что вы отправляете в царство мёртвых таких талантливых людей. Прекращайте. Убивайте белых магов, если вам так понравилось дарить людям смерть.

— Это всё? Мы поняли, до свидания, — прямо сказала Кларисса.

— Мы очень надеемся, что поняли вы правильно и с этого дня прекратите расстраивать госпожу, — медленно проговорил Фадер.

Хранители избавили компанию от своего общества.

— Как же я хочу, чтобы восстание началось поскорей! — воскликнула Джессика.

— С этого момента твоё пожелание не может быть исполнено, — вздохнул Саша. — Незаметно набирать армию — работа долгая, а теперь её вообще придётся приостановить.

— Даже когда войско станет многотысячным, оно будет оставаться бесполезной кучей людей, — произнесла Дашка. — Нам нужен человек, которому подчиняется стихия Воды, и только она.

— Странно, всё дело в силе четырёх человек, а мы зачем-то собираем армию, — Клавьер, с обречённостью в глазах слушавший все разговоры в гостиной, явно пытался не дать истерике, которая давно полыхала у него внутри, выбраться наружу, и с каждым днём это было всё труднее, теперь усилий требовалось больше с каждой минутой. — Почему нельзя просто отправить четырёх стихийных магов к Эвилане? Зачем нужна война? И почему мне так противны войны? — он внезапно остановился, сжал кулаки, опустил голову, борясь с чувством, грозившимся вот-вот взорвать его, с отчаянием, гневом и даже ненавистью. — Войны неизбежны. На них держится история королевства. Значит, я не выношу свою страну… Свою жизнь… выходит, что и себя.

— Даже если мы лишим Эвилану её главного орудия устрашения, её монстра, то у неё останутся преданные ей люди, которых, как выясняется, очень много. В Лейшарде Чёрные Гавани выглядят отдельным королевством — настолько наш город теперь отличается от остальных своей верностью добру и свету. В Шамрейле тоже не разделяют наших взглядов. Официально. Те, кто властвуют там, запрещают это делать. Теперь нам придётся и с ними бороться. Они слишком полюбили безнаказанность, и даже если госпожа погибнет, они сами продолжат её дело, — жёстко закончив, Кларисса выглянула в окно. — Все улицы в крови, убирать не успевают.

— Сегодня двух алхимиков убили, с которыми я работаю, — вставил Томас. — Прямо у входа во дворец старейшин.

— За что? — возмутилась Дашка.

— Я задал хранителям тот же вопрос. Они сказали, что видели их, разговаривающих с бывшим преподавателем белой магии, и беседа была дружеская. И добавили ещё, что за подобный вопрос стоило прикончить на месте и меня.

— На улицах почти не бывает никого, все боятся из дома без оружия выйти. Скентия говорил, что зелёным мантиям решительно не нравится то, что люди постоянно от них скрываются. Леагон подумывает о том, что стоит ходить по домам с проверками, — посвятил компанию в неприятельскую идею Николас.

— Да уж, — усмехнулась Джессика. — Признавайтесь, кто из вас когда последний раз на улице был? Кроме Томаса, Клариссы и Николаса, вы постоянно пропадаете во дворце старейшин.

— Я — четыре дня назад, — ответила Дашка. — На свою магию теперь рассчитывать не приходится.

— А я всю неделю дома сижу, — очнувшаяся Алина, сидевшая на софе, упала щекой на подушку.

— Дома есть нечего, — отчиталась Тина, — а на рынок идти — страшно. По-моему, я не могу вспомнить, когда последний раз решалась покинуть дом.

— Как и половина горожан, — заверила Кларисса, по-прежнему стоящая у окна со сложенными на груди руками и глядевшая в окно. — На улицах трупы лежат, увозить некому, про то, чтобы проводить последние обряды над ними, и речи нет.

— А без обряда Упокоения что происходит? — Дашку вдруг обеспокоило это. — Это очень плохо, да?

— Душа не может задержаться в Аркене, её притягивает на землю через некоторое время, и практически невозможно помочь ей попасть туда снова, это по силам лишь самым опытным священникам.

— Сильно мучается душа, которая не обрела покой в царстве мёртвых? Мне трудно вообразить.

— Представь, что ты бесплотная, немая и невидимая. И не можешь ничего чувствовать. И не можешь вырваться из плена мёртвого тела. До тех пор, пока связь между плотью и душой не исчезнет окончательно. Тогда ты становишься полностью свободной, но никому не нужной. Можешь попасть в любое место в королевстве, но тебя нигде не ждут, и свобода не приносит никакой радости. Скука и томление — твои единственные спутники.

— Ужасно… Но ведь призраки видимые и могут говорить.

— Душа становится призраком, когда в ней накапливается достаточно злости, обиды и ненависти ко всем и ко всему. С некоторыми призраками удаётся войти в контакт, некоторые из них тогда могут даже стать счастливыми. Но большинство или наводят ужас и насылают проклятия на людей до тех пор, пока не будут уничтожены священной силой, или становятся рабами некромантов. Впрочем, самим призракам, скорее всего, нравится быть при деле, поэтому работа с ними всегда бывает легка. Некроманты вытягивают души из погибших, но не упокоенных, становящиеся призраками сразу, — стал объяснять Томас, как специалист, — и вернее слуг не найти: призраки благодарны хозяевам за то, что те спасли их от столь печальной участи, многолетнего заключения в мёртвом теле.

— Томас, — Бруно вдруг замер, — у меня, кажется, идея.

— Какая? — все сразу накинулись на него.

— С трупами на улицах ведь надо что-то делать. Обряды Упокоения, как и вся священная магия, запрещены, но поднимать из мёртвых призраков можно ведь. Раз экспериментировать с душами путём шаманизма нельзя, надо использовать некромантию. Хранителей можно запугать тем, что через десять лет в Чёрных Гаванях разведётся столько озлобленных призраков, что жить тут станет невозможно, будет ещё хуже, чем в Эпоху Вампиров, но если души приручить сейчас, то ничего кошмарного не произойдёт.

— Хорошо придумал, — похвалил Томас.

— В голове не укладывается, — поморщился Клавьер. — Мы будем использовать мёртвых людей. Будто люди — это вещи какие-то.

— Надо перетерпеть, — пробормотала Дашка. — Мне тоже не по себе от мысли, что выход мы нашли в чужом горе.

— Может, это испытание? — задала вопрос в пустоту Алина.

— Сможем ли мы измениться или нет? — воскликнул юноша. — Станем ли такими, как все, равнодушными к чужой жизни?

— Мне одна девушка говорила: глупо сожалеть об умерших. Ни им пользы, ни нам радости, — вспомнила Дашка то, что когда-то сказала ей Марика ещё в Денаувере.

— Вроде бы всё так, но только…

— Из-за всяческих «но только» люди часто себе сами жизнь портят.

— Я не спорю. Просто получается, что, раз смерть некоторых людей принесёт нам пользу, эти люди жили для того, чтобы умереть, — Клавьер попытался придать лицу спокойное выражение, не очень получилось. — Противоестественно это, жизнь должна быть ценнее смерти.

— Противоестественно убивать людей за то, что их магические способности не того вида, какого следует! — выкрикнула Джессика. — Магия — это дар, и не мы его для себя выбираем, и не виноваты в том, что владеем каким-либо волшебством или колдовством.

— Всё, хватит! — остановил её Клавьер. — Я всё понял. Мёртвых не жалеют.

— Молодец, — протянула Джессика. — Ладно, я поднимусь к Теоне, — вздохнула она, вставая, и в дверях вдруг, остановившись, но не оборачиваясь, отчеканила: — Её убивают духи. Никто не задумывался о том, что это мёртвые распространяют по городу эпидемию? Нет, сожалеть о чьей-либо

смерти не стоит. Не все достойны наших терзаний.

— Надо же, как умно выразилась! — вспыхнул юноша, не дожидаясь, когда Джессика поднимется на этаж выше. — Зачем ты оправдывалась? Не хотела показывать, что годы тренировок и мечты о славе бесстрашной воительницы так ожесточили тебя, что чужие страдания ты перестала воспринимать?

— Я знаю её лучше тебя, лучше её матери, сестёр и братьев… брата, — сразу поправилась Дашка, ощутив мерзкий ком в горле. — Она находит забвение во всём этом, но если бы ты имел понятие о том, что заставляет Джессику его искать, ты бы так не злился на неё. И ещё она слишком любит Теону.

— Раз уж мы вспомнили о бедной девочке, — наконец-то ожил Николас. — Сейчас мне кажется, для неё только лучше то, что она без сознания — понятия не имеет о том, что очередная наша попытка сплотиться так, как раньше было, с треском провалилась.

Глава 26 Ну что же, вперёд…

— И всё-таки этот день завтра наступит, — Файризан, опершись на балконные перила, оглядывал площадь перед дворцом старейшин и выходящие на неё улицы. — Мы дождались. Не верится.

— Ещё бы! — Огеста, услышав его слова, вышел на балкон тоже. — Нигде нет никаких следов насилия, не слышно криков. У хранителей закона энтузиазма со временем поубавилось, они уже не так активно жезлами машут — в городе сплошное спокойствие.

— Люди теперь умирают тихо, оплакивают погибших молча, — с сарказмом продолжил первый полководец, понимая, впрочем, что Огеста тоже говорит с издёвкой.

Да, Файризан Балифер командовал пехотой, Огеста — отрядом чёрных магов, призывателей и демонологов. Восстание начиналось завтра, но об этом хранители не подозревали. Утром все воины должны были собраться за городом и начать продвижение в сторону Элиорамии, во многих городах на пути их тайно готовили свои войска, которым предстояло слиться с этой первоначальной армией. Эвилана правила Альданой всего месяц, и за эти несколько недель уже имели место две вспышки двух восстаний, в Разории и Кинефе, но подавлены они были сразу же. Сторонники нового режима, казалось, совсем потеряли бдительность…

Полководцев у Скентии было пять человек, кроме Файризана и Огесты, ещё Адриэл, командующий кавалерией, Теодора, предводительница войск на пегасах, и, конечно, Николас, ему поручили руководить стрелками. Был бы ещё один полководец, Джессика, но из-за чар, связывающих её с Арджеей, она была чуть живая. Состояние своё воительница усугубляла ещё больше, так как не только не собиралась лежать в постели, но и продолжала искать поводы для драк с хранителями.

Джессика уже походила на сумасшедшую, кое-кто из друзей боялся, что так оно и есть. Исхудавшая до безобразия, побледневшая, со странными глазами, которые будто выцвели, но глубоко-глубоко в них горел последний огонь, не отваги, не бесстрашия, а чистой ненависти; со спутанными волосами, с обескровленными губами, воительница походила больше на зомби, чем на человека, если бы не взгляд. Вся одежда молодой женщины была в пятнах крови, текущей из незаживающих ран, но Джессика не пыталась остановить её или вытирать. Меч, с которым она теперь не расставалась, всегда держа его

обнажённым, становился слишком тяжёлым для воительницы, но пальцев она не разжимала, хоть усилия, необходимые для этого, были столь велики, что отражались на лице страшной гримасой. Хранители Джессику сперва боялись, потом начали проявлять снисхождение, никак не отвечая на попытки мечницы вызвать у них агрессию, впоследствии и на прямые её оскорбления, к которым она перешла, понимая, что ничем больше людей в зелёной форме из себя не вывести. Всё это хранителей лишь забавляло, и Джессика стала сама на них нападать. Тут уже смешно им не было, но и отпор давать ей что-то не позволяло. Это даже была не жалость, а нечто иное… Страх, нет, ужас, заставляющий убегать.

Удержать дома Джессику было невозможно. Не отпускать её одну, а всюду ходить с ней оказалось затеей бессмысленной: заставить вести себя спокойно было нельзя. Если кто-то держал её за руку, она успевала нахамить, если отвлекался и отпускал хоть на полминуты, она успевала сделать что-то такое, что привлекало внимание хранителей. Впрочем, от всех сопровождающих, кроме Дашки и Саши, она убегала сама, вырываясь, но единственная близкая подруга и любимый человек тоже не могли влиять на неё. Джессика, почти совсем переставшая разговаривать, выслушивала их, а толку от этого не было: что бы ей ни говорили, она не собиралась этому следовать.

— Ивар, — вдруг позвал Файризан.

— Что? — незамедлительно откликнулся тот, к кому обратился полководец.

Ивардеос Нимиал был человеком, без которого восстание бы не началось. Ему было всего десять лет, но имел этот мальчик то, чего недоставало всем остальным участникам военного похода. Силу магии Воды, ни с чем не смешанную. Его родители были убиты Фадером, который пустил бы смертельное заклинание и в ребёнка, но его спас Николас, и приютом с тех пор Ивару был то дворец старейшин, то дом Ильды.

— Ты что-то хотел? — подошедший ребёнок потянул Файризана за рукав.

— Взгляни на это в последний раз, — парень поставил его впереди себя, положил ему руки на плечи. — Внимательно. Каждую секунду слушай и рассматривай, каждое движение, что происходит внизу, на площади и улицах.

— Ты советуешь мне это, потому что мы завтра утром покидаем Чёрные Гавани и нескоро возвратимся сюда? — спросил мальчик, обернувшись и задрав голову.

— Совсем из-за другого. Опиши мне, что ты видишь, — неожиданно попросил Файризан, многие из присутствовавших в

комнате стали прислушиваться к тому, что происходит на балконе, Скентия и вовсе приблизился и встал в дверях.

— Пожалуйста, — удивился Ивар. — Вон два студента возвращаются из университета, хранители закона остановили какого-то парня, что-то спрашивают… Отпустили. Девушка с рынка идёт с полной корзиной, два алхимика из лаборатории спорят, женщина двух церберов ведёт, эти хранители теперь к ней привязались. И её тоже отпустили. Мальчишки о чём-то разговаривают, живо так, руками машут, смеются…

— Достаточно, — прервал его полководец. — Ну и какие можешь выводы сделать?

— Пока что никаких, — пробормотал мальчик. — Ничего особенного не вижу, всё тихо, не происходит ничего.

— Вот! — воскликнул Файризан. — Тишина и спокойствие. Этого нигде не будет с завтрашнего дня и до тех пор, пока мы не завершим то, что задумали. Может, нам не хватит жизни на это, и закончат за нас другие люди. И всё это время никто не будет ничего делать спокойно, исчезнет безмятежность, от напряжения станет дышать трудно. Растворяйся в покое, пока возможно. Потом у тебя его отнимут, хорошо, если не навсегда.

— Ясно, — протянул Ивар с пониманием и послушно замер, боясь моргнуть.

Файризан тоже стал созерцать.

— Эй, — Скентия неслышно подошёл к нему и похлопал по спине, — удели ещё немного внимания нам, — прошептал он, усмехнувшись. — А вообще я не предполагал, что ты такой чувствительный.

Колкость Файризана задела, но отвечать он не стал, покорно вернулся в комнату. Скентия, задумавшись на пару мгновений, потащил его в коридор, кинув всем: «Извините, мы отлучимся на минутку».

Они остановились у лестницы. Файризан поднял грустные глаза на старейшину, полководец не хотел сейчас раскрываться перед кем-либо, но именно этого, судя по всему, Скентия и ожидал. Так и случилось.

— И что с тобой происходит? — вздохнул красавец.

— Кажется, это слишком сложно. У вас и так проблем хватает.

— И всё же? — напирал Скентия, но мягко, по-доброму.

— Я всегда хотел быть воином, отстаивать справедливость, — неуверенно начал Файризан, стараясь не отводить взгляд, в котором предательски задрожали блики наворачивающихся слёз. — И я всегда знал, что путь к ней — река крови, через которую приходится строить мосты из трупов. Без этого нельзя

обойтись, бесплатной свободы больше не существует. Но я, зная это, всё равно хочу отстаивать её, держа меч в руках и не скупясь на смерти тех, кто будет мешать нам. Значит, я хочу стать убийцей, пусть это желание искусно украшено. Таков наш настоящий мир, мы с одним грехом боремся с помощью другого. Ты не задавался вопросом: почему то, что положено нам, то, что должно быть для нас естественным, теперь достаётся в борьбе? И не по справедливости, а по силе? То, что полагается нам по праву, мы делим между собой, и отнюдь не поровну. Вроде бы я привык к этому, но случаются моменты, когда броня на сердце разлетается на куски. Вот так сейчас со мной.

— Знакомо, — усмешка Скентии поменяла оттенок, стала горьковатой. — Когда броня образуется, здесь, — он положил руку на сердце, — остаётся то, что тебе раньше покоя не давало. Один лишь отзвук этого, отголосок, тень — но в темноте он растёт и развивается, броня-то свет не пропускает. Когда это становится достаточно большим, то ломает её. Вырываясь из плена, уходит, ты снова заковываешься в металл, но под него успевает залететь маленькая, незаметная частичка новой мысли, которая потом вырастет в большую проблему, сломает броню и впустит следующую беду.

— Ты меня понимаешь? — Файризан чуть заметно улыбнулся.

— Не кажется? — спросил Скентия печально, эта грусть была неожиданной.

— Не обижайся… — пробормотал молодой воин и тут же хотел поправиться, назвав старейшину на «Вы», но элементалист зажал ему рот рукой:

— Не надо. Меня бесит, когда мне «выкают».

— Извини… — Файризан еле удержался, чтобы не договорить»…те».

— Ты же обращаешься так ко мне, потому что я главнее тебя? Уж явно не потому, что мы с тобой плохо знакомы.

— Да, — пробормотал он.

— Не стоит этого делать. Главный я только официально, — Скентия вдруг выпрямился, напрягся. — Я слишком молод, не отличаюсь серьёзностью. Огрехи алхимиков. Вы не виноваты.

— Что? При чём тут они? Впрочем, для меня никакой разницы. Ты мудрый настолько, чтобы быть старейшиной, иначе тебя не назначили бы. Кстати, я считаю, что Совет Чёрных Гаваней выбрал тебя, не спросив мнения народа потому, что мы бы не разглядели в тебе мудрость раньше, чем тебе стукнуло хотя бы лет шестьдесят. Когда человеку всего третий десяток идёт, принято больше обращать внимание на его красоту, манеры и

остроумие.

— Все бы так думали, как ты, — он покачал головой, снова усмехнувшись так, как только он умел — тепло и ласково, но, тем не менее, это была не улыбка а именно усмешка. — А вообще ты заблуждаешься относительно меня.

— Может, ошибка не моя, а ва… твоя?

— Нет, просто тебе не всё про меня известно, — Скентия вновь стал холоден, как пару минут назад, даже суров. — Ты мне душу излил, я — тебе. Это остаётся между нами.

Не дожидаясь, скажет ли ему на это что-нибудь Файризан, он удалился в комнату. Полководец ощутил укол, весьма болезненный. Может, старейшина и думал, что ему, Файризану, хватит этой узкой полоски света из приоткрытой двери в зал души красавца, но сейчас у воина было ощущение, будто он только просунул туда голову, а Скентия дверью придавил её.

«Самовлюблённый эгоист, — мелькнуло в мыслях у Файризана. — Думаешь, я приду в восторг от минутного ощущения своей избранности — мистер Ринхафт чуть было не поделился со мной чем-то сокровенным! И ведь в чём-то ты прав, чем-то ты меня купил».

— Ты идёшь? — окликнул его красавец.

Он молча догнал элементалиста.

— Надо ложиться спать, — Дашка, глядя на свои вытянутые руки, лежащие на столе, всё пыталась преодолеть прострацию и подняться в спальню. — Когда встаём, в шесть?

— В шесть уже собираемся, — Томас уронил лицо на стол, приподнял голову: — Вот сейчас пойду, только ещё пять минут посижу.

— Не клонит в сон, — поддержала вялотекущий, но не затухающий разговор Дашка.

Было уже два часа ночи, все, разумеется, весь вечер нервничали, девушки с Ильдой не успевали вытирать со щёк слёзы. Сейчас, к этому часу, многие заставили себя добраться до кровати, не спали только хозяйка, Дашка с Томасом, Тина и малыши — за последнюю неделю дом Ильды превратился в сиротский приют для детей, которых оставили без родителей хранители закона, демоны, эпидемия или эксперимент с переселением душ.

В обеденный зал заглянули два мальчика и девочка.

— Тётя Ильда сказала, что вам надо вздремнуть хоть полчаса, — сообщил один.

— Да, надо, — Томас выпрямился, посмотрел на детей, пытаясь поймать их в фокус. — Мы сейчас.

Ребята не шелохнулись. Колдунья и чёрный маг не торопились выходить из-за стола, Томас только отодвинулся на стуле, Дашка откинулась на спинку, опустив руки вниз.

— Вам завтра, наверное, уже сражения предстоят, — по-взрослому серьёзно заметила девочка. — На поле боя надо быть бодрыми, собранными, по пути вам вряд ли удастся подремать.

— Ты представляешь нас в битве? — произнесла Дашка.

— А как же? Война начинается, разве нет? Ты же не думаешь, что города вам сами сдаваться будут?

— Мы лишаем детей детства, — вздохнула колдунья. — Всё, я — в свою комнату.

Дашка долго ворочалась в постели, и всё это время она слышала шаги в коридоре: Ильда ночью так и не сомкнула глаз.

Прощание вышло ещё хуже, чем предполагали. Тяжело было оставлять Джессику, Теону и хозяйку дома, да и к детям привыкнуть успели. Кто знает, суждено ли им всем увидеться снова?

— Береги Джессику, — Томас, обращаясь к Ильде, судорожно сглотнул, посмотрев на воительницу, у которой отняли возможность проявить себя в боях. — Она может сбежать или ещё что натворить. Пожалуйста. Алекс не перенесёт, если она погибнет.

Джессика пока стояла в стороне, исподлобья уставившись на всех. Лицо и взгляд её были без какого-либо выражения, теперь она ещё больше была похожа на неживую.

— Ты о себе думай, не забывай, — сквозь слёзы проговорила вампирша. — Вижу, ты к самому себе равнодушен стал, это перебороть надо, прошу тебя! Слышишь, ты обязан вернуться с войны, обязан!

Томас отскочил назад, когда она захотела обнять его.

— Это моё дело!

— Следите за ним, — Ильда оглядела остальных, медленно поворачиваясь. — Кларисса, Дарья, Алекс, Элли, вы с ним в одном полку, присмотрите за ним, пожалуйста! Ивар, ты тоже!

Мальчик, выбравшись из объятий рыдающих детей, отчётливо произнёс:

— Я обещаю!

— О, Ветры, Ивар, кажется, рад войне, — обомлела Дашка, хватая за руку Николаса.

— Каждый ребёнок хочет почувствовать себя взрослым и важным, — изрёк полководец. — Сейчас ему это ощущение дали. Может, это и к лучшему, что он воспринимает это так легко.

— Скоро это превратится в ожесточённость, — Дашка жестом поманила к себе мальчика, пора было уходить.

— Не все переносят кровавый опыт сражений в обычную жизнь, оставляя себе только некоторые приёмы, но не привычку их применять. Ивар, как ты? — Николас потрепал по голове юного мага, подошедшего к ним.

— Не делай так! — воскликнул мальчик, стряхивая с себя его руку. — Я в полной головой готовности! — Ивар занёс руку над головой, в кулаке блеснула ледяная молния, которая ударилась о землю, взорвавшись, в воздухе стала кружиться и падать ледяная крошка — будто снег пошёл.

Маленькие сироты, открыв от изумления рты, замерли и прекратили реветь, потом, представив, наверное, как такие молнии будут выбивать противникам мозги и пронзать насквозь грудную клетку и как такая магическая сила будет превращать людей в глыбы льда, возобновили.

Прощание закончилось.

К шести утра улицы Чёрных Гаваней были полны крови хранителей закона и демонов, которые пытались остановить направляющийся к месту сбора народ.

Дашка пыталась не думать о том, что известие о начале восстания уже расползается по Лейшарду. Наверняка против них пошлют куда более сильное войско, ведь лучшие чёрные маги, чей взмах руки может вызвать огненную волну, способную уничтожить сотни людей, не на их стороне.

Она двигалась, не отпуская руку Ивара. Мальчик, наконец, рассмеялся:

— Ну что ты в меня вцепилась? Боишься, что потеряюсь?

Дашка не могла ничего ответить.

— У нас с тобой противоположные силы, — весело рассуждал мальчик, — которые считаются самыми могущественными. Здорово, правда?

— Да, — Дашка не нашла сил, чтобы спорить, у неё кружилась голова, а ноги колдунья еле отрывала от земли.

— По-моему, это мне за тебя бояться надо, — хихикнул Ивар и заорал, заметив среди людей приятеля: — Эдвин, привет!

— Привет, Ивар! — отозвался ребёнок, ровесник Ивара, его магические способности тоже проявились слишком рано, и теперь мальчика забрали на войну тоже.

Стихийный маг выпустил вверх из ладони облако пара, превратившееся в маленького белого дракона:

— Нравится?

Эдвин поднял скрещенные руки, создав дриаду (гениальный ребёнок был призывателем). Дракон бросился на неё, но её магия отбросила хищника назад. Схватка не закончилась, зверь выдохнул тёмно-синее пламя, дриада стала атаковать дракона

молниями.

— Прекратите! — велел кто-то.

— Колдовство не тратьте, — попросила Дашка, почти взмолилась.

— У нас медленно расходуется! — заупрямился Ивар.

— Вам может потом капли магической энергии не хватить для спасения собственной жизни, — предостерёг другой чародей, шедший впереди Дашки.

— Восстановим! — самоуверенно выпалил Эдвин.

— Джессика говорила, что справедливая ярость придаёт такие силы, каких у тебя не бывало никогда, — произнёс поучающим тоном Ивар.

Через час состоялся первый бой: у леса Тёмных Туманов воины и боевые маги Ферры и Дифокса устроили засаду. По численности они превосходили армию Чёрных Гаваней, но разгромить их удалось. Войска неприятеля состояли в основном из чёрных магов, использующих проклятия и разрушающие и убийственные заклинания. Десяток таких колдунов мог одолеть большой отряд мечников, составляющих едва ли не половину армии повстанцев, но стихийные и белые маги Чёрных Гаваней успевали творить всем отрядам магическую защиту всех видов, а элементалям Скентии, которых он прямо на поле битвы создавал в огромном количестве, многие чары противников не приносили особого вреда.

Дашка ни разу не перевела дух: то отражала атаки, то накладывала на бойцов чары, дающие иммунитет к огню, то сама поражала ряды войск городов-предателей подвластной ей стихией. К ней не удалось подступиться никому, пламенная стена охраняла её и одновременна пугала, не давая видеть не только врагов, но и союзников. А от криков бьющихся в агонии она не спасала ведьму — по-другому Дашка уже не могла себя назвать. Вокруг неё всё горело, она выбиралась из огненного кольца и бежала в другое место, выискивая вражеских бойцов.

Стихло всё внезапно, как почудилось колдунье. На самом деле победу забирали медленно, просто у Дашки такой шум стоял в ушах. Когда она слишком быстро пришла в себя, не удержалась на ногах; конечно, привыкла к виду окровавленных изуродованных трупов, но столько мёртвых тел сразу в одном месте — это было для неё невыносимо.

— Дурёха, — послышался за спиной беззлобный упрёк старейшины, а теперь главнокомандующего. — Ну зачем тебе было лезть в самый центр месива? Преимущество магов в том, что они могут сражаться на расстоянии, неужели забыла?

— Да, — чуть не расплакалась Дашка.

— Ты уникум, — Скентия, кажется, сделал ей комплимент. — Впрочем, ты сопротивляешься ты превосходно, так что я за тебя спокоен. Вижу, ты даже не ранена?

— Зато сама ранила и убила многих.

— Молодец! Любого другого мага за подобную халатность по отношению к собственной персоне, столь драгоценной для нашей армии, я бы наказал, но тебя прощаю. Добавил бы: «Надеюсь, больше не придётся», — но не стану.

Настало время подвести первые итоги. Жертвы, разумеется, были, не такие уж и маленькие, но к повстанцам должны были присоединиться люди из освобождённых городов, да и пленных можно было заставить с помощью магии, действующей на разум и волю, сражаться на стороне Скентии.

— Эта была генеральная репетиция, — спустя некоторое время сказала Алина, лечившая пострадавших. — Сейчас всё королевство узнает, что мы в битве просто звери, и слать нам навстречу будут огромные отряды, вооружённые так, как мы вообразить не можем. Тебе точно помощь не нужна?

— Я осталась невредимой, — повторила Дашка.

— Смотри, некоторые проклятия начинают действовать не сразу, — предупредила Алина. — И подойди к алхимикам, возьми у них восстанавливающий эликсир.

— Мне не нужно, спасибо, — Дашка хотела встать и отправиться искать кого-нибудь из юных колдунов, но волшебница возмутилась:

— Прекрати! Ты во время битвы не красотами природы любовалась, я тебя видела. И ты на себя глянь, поймёшь, что восстанавливаться тебе очень даже нужно.

Ведьма посмотрелась в щит одного из воинов, которому Алина сейчас убирала жуткую рану на плече, оставшуюся после того, как из него выдернули стрелу. Отражение удручало, да и чувствовала Дашка, что выглядит кошмарно. Идти к алхимикам не пришлось, эликсир ей принёс Огеста.

— Она отказывалась, — сразу доложила Алина.

— Меня предупредили, — ответил, улыбнувшись, колдун. — Хочешь проверить, насколько твоих сил хватит? Не стоит этим сейчас заниматься.

Дашка, поморщившись, проглотила горький эликсир.

— А где спасибо? Ой, чудо, — вздохнул Огеста, не дожидаясь благодарности. — Но ты того стоишь, Дарья Винсент, — пробормотал он, удаляясь.

— Видишь, как тебя ценят? — подбодрила её подруга.

Колдунье от этих слов, наконец, стало полегче, но тут

раздался радостный визг Ивара, ведьма взглянула на него — мальчик тащил к Алине Эдвина, у которого было пропорото бедро. Призыватель выглядел счастливым и держал в руке голову кого-то из вражеских воинов.

— Пострадал за дело! — сообщил Ивар, передавая приятеля изумлённой Алине.

— Ты сам убил? — прошептала Дашка.

— Нет, дракон, которого я призвал, — ответил Эдвин. — У меня же ни меча, ни кинжала нет, только жезл. Но я хочу себе. Будет у меня два оружия, как у мистера Ринхафта, — замечтался мальчик.

Дашке стало противно, она покинула Алину и мальчиков, которые теперь были детьми только по возрасту.

На следующий день утром грянуло новое сражение, брали город Геллаун, куда было послано подкрепление из некрополиса. С ним, имея в армии магов-священников, расправились быстро, но потратили на него почти все силы, и физические, и, самое опасное, колдовские. Продолжение битвы было тяжелее, чем сражение возле леса Чёрных Туманов. Ударной силой войска Геллауна являлись некроманты, поэтому к полудню вражеских воинов только стало больше, зомби создавались и поднимались скелеты и призраки как из павших людей Скентии, так и из погибших защитников города. Теоретически биться с ними было не так уж и сложно, но священники не успевали набраться новых сил, никакие чары не спасали. К тому же, отвлекаясь на нежить, оставляли без внимания самих некромантов, которые продолжали своё тёмное дело.

В этот раз Дашка помнила, что ей надо держаться подальше от центра побоища. Она, ворвавшись в какой-то дом, поднялась на верхний этаж и с балкона стала целиться в одного из некромантов. Ведьма замахнулась, почувствовав, как в ладони растёт огненный шар, и тут её за руку кто-то схватил, и пальцы эти были ледяными.

Девочка лет двенадцати сдавливала запястье Дашки всё больнее, такой силы от неё невозможно было ожидать. Выпученные огромные глаза её были ужасны: абсолютно чёрная радужка, такая широкая, что белков почти не было видно, редкие короткие ресницы. Кожа имела серый оттенок, тёмные волосы, невероятно грязные, все слиплись, по подбородку текла слюна — девочка была омерзительна.

Рука Дашки начала быстро неметь, колдунья испугалась, так как не могла её вырвать. А у ребёнка стали вдруг расти ногти, скорее даже когти, впивающиеся в кожу всё глубже, вот-вот проткнут запястье насквозь в нескольких местах. Давать выход

магической энергии Дашка через левую руку, сейчас свободную, не могла. Она, конечно, попробовала, у неё получилось слабое пламя, которое, ударившись о девочку, не сделало той ничего. Жуткий ребёнок, не издавая не звука, вторую ладонь положил ей на горло — когти стали врастать в плоть и здесь. Из-под пальцев потянулись тёмно-фиолетовые, почти чёрные стебли, опутывающие жертву. Свободной рукой Дашка попыталась оттолкнуть девочку — вошедшие в тело колдуньи когти её соединили маленькое чудовище и молодую женщину слишком крепко. Дашка хотела выдрать их, несмотря на адскую боль — бесполезно. А стебли уже добрались и до лица, закрыв рот, потом нос…

Но правая рука всё ещё оставалась смертельным оружием. В ней постепенно собиралась сила магии, готовая выплеснуться, обернувшись яростным пламенем, и Дашка дала бы ей команду сделать это, если бы не задержала взгляд не лице девочки лишние полсекунды.

Это был несчастный ребёнок, заколдованный каким-то злодеем, почти неживой уже. Остаток жизни и отчаяние из-за того, что и он скоро растает, выдавали ненормальные глаза. Из них, наверное, потекли бы слёзы, но только магия неизвестного мерзавца не допускала их появления.

— Дарья! Очнись! — заорал ей снизу Файризан. — Ты сможешь это! Ты убьёшь её! Ну же, одно лишь усилие!

Девочка, не мигая, смотрела на неё, уголки сжатых губ ещё сильнее опустились вниз, руки её задрожали, она вся сама тряслась. Очевидно, ребёнок с радостью отпустил бы жертву, но когти, которые ему стали ненавистны, не давали. Колдунье становилось всё труднее дышать, воздуха не хватало. Зажмурившись, Дашка выкрикнула заклинание.

Стебли разом лопнули, девочка обмякла, когти её втянулись обратно, она упала лицом вниз. Вот теперь она была мертва.

— О, Ветры, Дарья! — на балкон телепортировался Скентия (главнокомандующий в сражении заполучил вражеский артефакт, медальон, дающий способность мгновенно перемещаться). — Проклятье, тебе срочно нужен целитель!

Возражать было глупо, потому что у Дашки вдруг стала болеть кожа, а в некоторых местах лопаться.

— Чёртовы некроманты с их экспериментами, — красавец продолжал ругаться сквозь зубы. — Что мы здесь стоим?! — спохватился он, схватил колдунью на руки, кинулся с ней в дом. — Нет, нет…

Она уже истекала кровью вся, кожа расходилась стремительно. Дашку положили на какую-то твёрдую

поверхность, наверное, на стол, Скентия звал на помощь, водя по её телу руками и пытаясь остановить кровь, применяя все свои навыки целительской магии, на улице по-прежнему гремело сражение.

Чьи-то шаги… Голоса… Ещё чьи-то руки… В рот Дашке влили что-то, и она сразу отключилась.

Глава 27 Прощание с удачей

Пришла в себя Дашка в какой-то комнате. В окне был виден кусок неба и полуразрушенный дом. На кровати, где она лежала, сидели Скентия и Саша с Алиной, по комнате металась девушка-целительница, которую среди своих Дашка не видела.

— Какой сейчас день? Всё тот же? — простонала она. — И что со мной было?

— Да, этот день ещё длится, — Скентия наклонился вперёд, к ней. — На тебя напала таната.

— Та девочка?

— Это новое изобретение некромантов Геллауна, — элементалист нахмурился. — Наполовину люди, наполовину мертвецы. Танаты дышат, но уже почти ничего не чувствуют, у них не только отмирают все органы внутри, но и душа слабеет. Жаль, конечно, этих детей — а в качестве танат используют только их, потому что у них и разум, и организм ещё неокрепшие, легко разрушаются, — гниют заживо, а чтобы продлить существование себе, вынуждены вытягивать жизненную энергию из людей.

— Она из меня хотела её получить?

— Да. Эти стебли впитали бы твою жизнь и передали её танате. Мы захватили одну лабораторию, в которой готовили очередной отряд этих созданий. Спасти их было уже нельзя, пришлось уничтожить всех, — красавец тяжело вздохнул.

— Кстати, знакомьтесь, — вдруг сказал Саша, и целительница сразу остановилась, повернувшись лицом к Дашке. — Это Вероника, она тебе жизнь сохранила.

— Спасибо. Спасибо большое, — прошептала Дашка.

— Завтра утром ты уже сможешь встать на ноги, — пообещала Вероника. — Танаты на самом деле не такие уж опасные существа. Если оказать пострадавшему своевременную помощь — ничего страшного не будет, никаких последствий. Вот только не все её дожидаются. Человек может сам убить танату, но стебли её ядовиты, как ты убедилась, и яд начинает действовать моментально.

— Как битва закончилась? — поспешила узнать Дашка.

— Полководцы целы, но погибших много, — мрачно произнёс Скентия. — Наших целителей и священников заставили потратить всю силу, выставив против нас орду нежити и пополняя ряды её в ходе сражения, потом выставили против нас танат. Целители уже помогать никому не могли, так что жертв много. Если бы не поддержка от тех жителей Геллауна, которые

заинтересованы в том, чтобы новая королева была свергнута, мы бы проиграли. Многие примкнули к нашей армии, но больше, чем была, она не стала. Надо ещё несколько городов послабее взять, набрать воинов там.

— Целителей совсем мало осталось, — покачала головой Алина. — В Геллауне почти все истреблены были, а наши погибли в сражении из-за того, что отдали такое количество магической энергии, которое несовместимо с жизнью. Светлым магам после деяния Мортиса чародейство сложнее даётся, несмотря на эликсиры алхимиков.

— Всё, хватит! — заявила Вероника. — Девушке покой нужен, а вы сейчас разволнуете её.

— Но хоть посидеть с ней можно? — протянул Саша.

— Кто-нибудь один, — разрешила волшебница.

— Давайте я останусь, — пробормотала Алина. — Я знакома с основами целительской магии, если что.

— Хорошо. Отдыхайте, — Вероника схватила за рукав Скентию, потянула к двери, Саша вышел сам.

— Вопросы не задавай, я отвечать не стану, — предупредила подруга, закрыв дверь.

— Можно всего один? Что с Клавьером, ты знаешь? Видела его?

— В бою дрался безжалостно, удивил всех, — улыбнулась Алина. — Видно было, с каждым убийством у него на сердце всё тяжелее становится, но он держался, молодец.

— А тебе что, легко было?

— Да привыкла как-то. Ты нет?

— Не очень.

— Ничего страшного. Это ведь справедливая война, скоро жалость тебя оставит.

— Наверное.

— Всё, больше ничего тебе не скажу. Спи.

Скоро захватили ещё два города, один маленький, с красивым названием Белая Звезда, и довольно крупный, Иджеон. Подавляющее большинство жителей последнего являлись ярыми сторонниками нового режима, поэтому сражение было невероятно жестоким и кровавым. Техника превращения детей в танат оказалась известна и здесь, они забрали больше жизней, чем все остальные воины, но всё-таки Иджеон пал. Брать здесь было нечего, горожане, осознав, что победа будет на стороне Скентии Ринхафта, уничтожали и разрушали всё, что противники могли бы забрать себе. Город превратился в руины.

Вечером накануне того дня, когда войско собиралось

продолжить наступление, Скентия собрал всех полководцев. Через час Николас, созвав всю компанию, поведал то, что узнал от командующего армией:

— Вероятно, с нами сольётся эльфийская армия.

— Значит, Эвилана всё-таки нарушила многовековой написанный закон, — покачала головой Кларисса. — Я права?

— Что за закон? — спросила Дашка сразу после того, как Николас утвердительно ответил ведьме.

— Когда-то в Альдане эльфам был устроен геноцид, — вздохнула Тина. — Истребляли эту расу так же, как сейчас белых магов, нет, даже более ожесточённо. Массовые казни были. А всё из-за человеческой зависти. Эльфы кое в чём превосходят людей: у них зрение и слух намного лучше, даже сравнивать нельзя, они живут на несколько веков дольше, они мудрее… В те времена Альданой правил ужасный человек, Алозиан Третий, последний из династии Лайфери, самый отвратительный её представитель, хотя она вся не отличалась человечностью. Вот он и подписал указ об истреблении всех эльфов, и тёмных, и светлых. К счастью, Алозиан умер через десять лет, этот кошмар прекратился. Тогда эльфы жили по всему королевству, но от преследований бежали на территорию, которая была не обжита тогда — современная Адельтия. С прекращением геноцида они там и остались. Их было несколько миллионов — выжило несколько тысяч. Они хотели основать на тех землях своё государство, настолько сильной была возникшая неприязнь к людям. Потом это чувство несколько утихло, а новый король, ощущая невыносимую вину за людей, разрешил Адельтии жить по собственным законам. Там только платят налоги в королевскую казну, а законодательство у эльфов своё. А теперь Эвилана стремится навязать им свой Кодекс.

— И какова вероятность, что мы получим подкрепление?

— Очень высокая. И не просто подкрепление — целое войско лучников, друидов и призывателей, — уточнил Николас. — Ладно, расходитесь. Спокойной ночи всем.

Соединение двух армий, человеческой и эльфийской, произошло на границе земель Эльгирдемы и Разории. К этому времени в полках Скентии бойцов прибавилось даже с учётом того, что в сражениях гибло много людей. Вставало на сторону Скентии ещё больше альданцев, а благодаря эльфам в полках появились новые воины: драконы, грифоны, единороги.

Новая армия легко брала большие города, выдерживала атаки противника, которые случались ежедневно, и готовилась к тому, что скоро столкнётся с огромным войском королевы Эвиланы и её монстром, одним из самых жутких существ, ходивших когда-либо

по Альдане. Ленту пустоты, лишённой живой и неживой природы — путь Хидаара от Чёрных Гаваней к столице, армия иногда пересекала, и в такие часы всем становилось не по себе. Страшно идти по месту, где вокруг совсем ничего нет, просто ровная плоскость земли, на которой нет ни одной травинки, ни одного камня.

Приближались к столице Эльгирдемы, Истарсии. Почти счастливые из-за нескольких последних успешных побед, окрылённые…

«Знакомство» с королевскими полками произошло в десятке километров от города. Наступление было со всех сторон, войска или телепортировались, или каким-то образом с помощью магии оставались незаметными до последней минуты перед началом боя, но эльфы-разведчики раньше их увидеть не смогли.

Первый раз за всё восстание те, кому собственная роль убийцы была в какой-то степени противна, а таких было не так уж мало, уничтожали врагов с невероятным энтузиазмом — без этого надежды на победу быть не могло.

Только что применив заклинание огненного дождя и заставив мучиться в агонии десяток вражеских мечников, виверну, которая была живым драконом считанные минуты назад, и некроманта, успевшего создать её, Дашка отпрыгнула назад: перед ней ударила молния. За талию ведьму обхватили ледяные руки, послышался треск пропарываемой ткани — когти танаты впились Дашке в живот. Через секунду ребёнок лежал бездыханный, но яд тёмно-фиолетового стебля всё-таки попал её на кожу. Инстинктивно Дашка зажала рану рукой, но тут же отдёрнула, сообразив, что ладони у неё все в грязи и чужой крови. Эта была потеря нескольких мгновений, этим воспользовался кто-то и полоснул её по предплечью, желая, очевидно, отрубить руку, но удар оказался несильным. Колдунья, развернувшись, выпустила перед собой пламя, мечник, ранивший её, заорал, свалившись на землю.

— Раймен! — воскликнула какая-то девушка, за спиной ведьмы послышались торопливые шаги, и Дашку толкнули.

Упав на живот, она не успела перевернуться, её рванули за волосы, запрокинув ей голову, и приставили к горлу кинжал.

— Тварь! — продолжала неистовствовать воительница. — Ты убила Раймена! Я его больше жизни любила! А ты…

— Да он не умер ещё, Сиарда! — другая девушка, колдунья, направила посох на пылающего мечника, исходившего страшным криком, огонь потух. — Ах ты дрянь! — вторая противница тоже накинулась на Дашку, как только она вцепилась в ведьму, воительница, чуть было не потерявшая любимого, бросилась к

Раймену.

— Керзиан!

На зов девушки-ведьмы появился из чёрно-зелёного пламени человек… нет, не человек — какой-то дух, тень, нечто бесплотное — чёрный балахон с капюшоном, из рукавов торчали серые кисти с длинными костлявыми пальцами, вместо лица — чернота, в которой горят два желтовато-белых пятна-глаза без зрачков. Керзиан висел в воздухе, руки его были приподняты, словно их толкала вверх неизвестная сила.

— Возьми пленницу, — девчонка оттолкнула от себя Дашку, та упала перед зловещим существом, вокруг взметнулось пламя, на мгновение исчезли все звуки.

Телепортировались Керзиан с колдуньей в лабораторию, где работали некроманты вместе с алхимиками. По периметру помещения стояли шкафы с пробирками и клетки, в которых ожидали своей жуткой участи пленники. Опыты здесь ставили над живыми людьми, Дашка заткнула уши, чтобы не слышать воплей, и старалась не поднимать головы, чтобы не видеть столы, к которым были прикованы жертвы.

— Кого привёл? — один из некромантов, до ужаса молодой, отошёл от своей подопытной, уже мёртвой девушке, у которой второй изверг вырезал сердце.

— Вот, — Керзиан силой заставил Дашку приблизиться к некроманту.

— Неплохо, — одобрил он. — Никаких указаний не давали?

— Нет.

— Останешься с нами или вернёшься на поле боя?

— Там и без меня справляются, — Керзиан был немногословен.

— Продолжишь свой эксперимент? — всё суетился вокруг него некромант.

— Да, приведите мою Штарси, — велело нечто.

— Как скажешь. Абрион! — он оторвал от опыта другого некроманта, работавшего с ним в паре. — Сходи за работой Керзиана.

Абрион закатил глаза — наверное, его постоянно куда-нибудь за чем-нибудь посылали, — но оставил мёртвую девушку и вышел.

Дашку заперли в клетке, где уже сидел мужчина. Лицо его пересекал свежий шрам, на губах темнела запекшаяся кровь. Уже не молодой, но ещё не старый, в чёрных волосах его не было ни одного седого, но морщины на лице уже появились.

— Что это за место? — она села перед ним на коленях.

— Город Цейген, сюда собираются перенести столицу

Эльгирдемы, слишком уж любят здесь королеву с её законами. Центр магических экспериментов Фиарела Эвокса. Главная лаборатория, — без запинки выдал полный ответ пленник со вздохом, Дашке показалось, что он это не раз кому-то говорил.

— И все здесь обречены… на *это?* — большим пальцем через плечо она показала за решётку.

— Все, — проронил он. — Армии Ринхафта оборону Цейгена не пробить.

— Вы уверены?

— Девушка, я живу в этом городе, я не из войска повстанцев. Прекрасно знаю, кого выставят против них: виверн, танат и ещё кучу существ, созданных некромантами и алхимиками. Людям, наверное, не вообще не придётся прибегать к оружию, за них всё нежить сделает. А если её истребят, то повстанцы будут измотаны, а горожане — полны сил. У армии освободителей шансов взять Цейген нет, — устало и немного нервно пытался объяснить мужчина. — Да и вряд ли она за этим отправится. Ей же, как говорят, Хидаар нужен.

Дашка хотела прошептать ему на ухо, что без её участия монстра не уничтожить, и повернула голову, чтобы убедиться: на них никто не смотрит. И в этот момент вернулся Абрион, и не один.

У Штарси, молоденькой девушки не старше Дашки, были выколоты глаза, на лице зияли пустые кровавые глазницы. Колдунью при неосторожном взгляде на неё сразу вывернуло.

— Ну, девочка моя, сегодня так больно не будет, — расхохотался Керзиан, подойдя к Штарси и взяв её за руку. — Садись, дорогая.

Он подвёл её к странному креслу, железному, с откинутой спинкой. К подлокотникам были прикреплены кожаные ремни, но Керзиан не стал застёгивать их на запястьях девушки. Он взял со стола рядом пробирку с порошком, напоминавшим золу, насыпал на ладонь себе, сверху капнул из колбы что-то бесцветное — в руке загорелся белый огонь. В пламя экспериментатор опустил конец тонкого металлического стержня, тот загорелся. Едва уловив по движению руки Керзиана, что он собирается ткнуть его в одну из глазниц девушки, Дашка отвернулась. Штарси не кричала, а жутко выла, не по-человечески, как зомби.

Мужчина молча прижал к себе Дашку, не сводя глаз с мучителя и его подопытной. Её вой смешивался с криками других узников лаборатории и фразами некромантов и алхимиков.

— Всё, вставай, — колдунья, больше не поднявшая лица, через некоторое время распознала голос Керзиана.

Шелест одежды, несколько шагов — Штарси подчинилась.

Дашка решилась посмотреть, что с ней сделали.

У девушки теперь были такие же светящиеся глаза, как у самого экспериментатора.

— Абрион, — протянул Керзиан.

— Что? Ах, да, увести, — проворчал некромант, к которому девушка сама подошла — значит, кошмарные глаза уже могли видеть.

И последовала Штарси за ним тоже самостоятельно.

— Кто такой этот Керзиан? Не человек ведь? — спросила Дашка мужчину.

— Он когда-то им был. Гениальный алхимик и некромант, чуть меньше трёх веков назад он имел свой некрополис, свою лабораторию, где тихо трудился, просто ради своего удовольствия. Всё по закону, весь материал для некромантских опытов — исключительно трупы, ни в коем случае не живые люди, а эликсиры и зелья он испытывал на самом себе, благо знал ещё и магию исцеления в совершенстве и мог сам себе помочь. Керзиан много сделал для алхимии и некромантии, открытия и изобретения его ценны и используются и по сей день. Но последний эксперимент, успех которого оказался весьма относительным, стоил ему человеческого облика и доброго сердца.

— Керзиан сам себя таким сотворил? — поразилась Дашка.

— Одарённый маг ошибся в расчётах, указывая пропорции в составе эликсира. Уже не важно, для чего он предназначался по идее Керзиана, вот уже почти триста лет этот эликсир, делая своего создателя практически бесплотным и поэтому неуязвимым для оружия, превратил его в то, что он сейчас из себя представляет.

— Так кем он является? Призраком?

— Он и сам не понимает. Впрочем, и не задумывается сейчас над этим. Но, наверное, ему придётся придумать, как назвать себя и себе подобных, раз он собирается создавать их. Штарси — первая. Если из неё получится такое существо, то Керзиан продолжит.

— Штарси в который раз тут мучили?

— Во второй. Сначала…

— Не рассказывай! — перебила его колдунья, вздрогнув от отвращения. — Чёрт, меня же может ожидать то же самое! — процедила она, сползая по стенке и растягиваясь на полу.

— Вряд ли, — успокоил было её мужчина, но следующие слова его не порадовали: — Быстро бедняжку Штарси в чудовище не превратить, думаю, нашему злому гению понадобится хотя бы пара дней, а все, кто работает в лаборатории, не могут

сдержаться, чтобы не поиздеваться над новыми пленниками. Тут народ нетронутым дольше суток не сидит, потом терпение у лаборантов заканчивается.

— Значит, вы скоро на столе окажетесь, — жёстко сказала Дашка, невозмутимость «сокамерника» начала её раздражать.

— Меня уже неделю зельями поят, — парировал он. — Изучают побочные эффекты.

— Извините.

На улице темнело. Лаборатория почти опустела, все разошлись, убрав за собой на столах, тех несчастных жертв опытов, которые остались живы, поместили обратно в клетки, кое-кого увели. Постепенно здесь стали собираться новые люди.

Доставили ещё троих пленных: эльфа-призывателя, колдуна из полка Огесты и… Файризана. Он, очевидно, доставил конвоирам немало хлопот; два воина, притащивших его в лабораторию, пестрели кровоподтёками и ранами, как и сам полководец. Заперли его в клетке у противоположной стены, так что Дашка не могла с ним переговариваться, другой человек тоже оказался в заточении на приличном расстоянии от клетки, где изнывала от всего сразу молодая ведьма, а вот эльфа кинули в соседнюю.

Дождавшись, пока лаборанты увлекутся жертвами, Дашка прислонилась к решётке, окликнула пленника:

— Эй! Узнал меня?

— Тебя всё войско знает, — хмыкнул эльф. — Нам приказано, если что, защищать тебя и остальных стихийных магов хоть ценой собственной жизни. Ты думаешь, мы с Файризаном попали сюда из-за досадной случайности? Обнаружили, что тебя нет, через кое-какие источники нам стало известно, что часть пленников доставляют в Цейген, часть — ещё в несколько мест. Так что мы тут по заданию: найти тебя и вытащить.

— Ты… Кстати, как тебя зовут?

— Гармелис.

— Ты и Файризан имеете представление о том, как меня вызволить? По-моему, тут постоянно люди, пустой лаборатория не остаётся никогда.

— Не очень-то. Это был приказ — выследить, кто из войска противника телепортирует пленников, и подвернуться ему под руку. Файризан поэтому и злой такой. Ну, и ещё войска наши на тот момент, когда мы ещё присутствовали на поле боя, сражение проигрывали, — эльф, договорив, сник.

— Почему вызволять меня отправили Файризана, полководца? Кто будет командовать его воинами? Или Скентия полагал, что спасти меня — настолько легкая задача, что займёт

пару дней? — бормотала Дашка, глядя за решётку. Ей не хотелось наблюдать за действиями некромантов, как и Гармелису, но приходилось следить, чтобы не упускать моменты, когда кто-нибудь из лаборантов поднимает голову, направляя взгляд в их сторону, и вовремя прерывать разговор, не различимый для мучителей из-за стонов и криков «материала» — так цинично тут называли тех, над кем проводили эксперименты. — Город надёжно защищён, мне сказали. Нашей армии не под силу.

— Это был приказ, — измученно повторил эльф, сам не свой от кровавого зрелища, на которое приходилось глядеть, не отрываясь. — Мы ничего не знаем. Он был отдан железным тоном, пришлось поверить.

— Отсюда можно уйти только одним способом — тебя уведут, уже обработанного некромантами, — протянула Дашка.

— Я понял, — пробурчал Гармелис. — Глубокая ночь уже, а тут такая толпа.

— Может, это временное оживление? — предположил вдруг сосед Дашки. — Впрочем, неизвестно, доживёте ли вы до того дня, когда оно закончится.

— Жестоко, но правильно, — пришлось согласиться ведьме.

Гармелис хотел что-то ответить, но работающий напротив них некромант отложил инструмент и пошёл обходить стол, эльф и колдунья поняли, что он направляется к ним.

— Эй, вы! Кто-нибудь из вас магию Огня знает?

— Я, — Дашка приподнялась с пола.

— Ключи дайте, — попросил некромант, обернувшись.

Кто-то кинул ему связку, он открыл клетку и вытащил колдунью, потянув за рукав и отбросив от себя. Некоторые из лаборантов усмехнулись.

— Долго лежать будешь? — рявкнул он. — Иди вон туда, — он указал на кресло, в котором недавно издевались над Штарси.

— Зачем? — Дашка от ужаса ощутила такую слабость, что захотела снова опуститься на колени.

— Надо, раз говорю!

Шатаясь, она доковыляла до кресла, села. Некромант прихватил со своего стола небольшое лезвие (Дашка не сдержалась, простонала) и большую стеклянную ёмкость.

— Руку! — потребовал он, оказавшись возле колдуньи и поставив ёмкость на стол рядом с креслом, а лезвие опускать не стал.

Дашке вспомнились манипуляции Эвиланы в лаборатории, терпимые, хоть и доставившие довольно неприятные ощущения. Она медленно подняла руку, положила на подлокотник, вытянув.

Лаборант пять раз провёл лезвием по её ладони из одной

точки: от середины и до кончика каждого пальца, накрыл своей рукой, пробормотал слова заклинания. Порезы неожиданно перестали болеть, некромант отошёл от кресла на шаг, потому что капли выступающей крови стали взлетать вверх, падая уже в ту большую чашу, что принёс сюда лаборант, постепенно наполняли её.

— А для чего вы интересовались моей магией? — Дашка недоумевала: всё происходило слишком спокойно, легко и безболезненно.

— Ты поделишься ею с нами. Вместе с кровью я и её у тебя забираю, — объяснил некромант.

— И много вам нужно?

— Достаточно.

— Но у меня-то хоть сила останется? — заволновалась она, сообразив, что подобный интерес вряд ли понравится лаборанту, только тогда, когда закончила вопрос.

— Твоя магия здесь тебе не поможет, — заверил он с ухмылкой. — И ты находишься в таком опасном положении, что должна быть готова отдать всё ради того, чтобы с тобой ничего не сделали. Ладно, на сегодня хватит, — он ударил Дашку по ладони, кровь остановилась.

Дашку вернули в клетку.

— Что он с тобой сделал? — эльф прильнул к решётке. — Зачем ему была твоя кровь?

— Выкачал из меня с ней сколько-то магии, — ведьма обхватила закружившуюся голову, прислонилась к прутьям, потому что ей срочно понадобилась опора. — От больших потерь крови умирают, нет, надеюсь, они больше меня разорять не будут, а то…

— Тут всё может быть, — Гармелис дотянулся до Дашки, схватил за плечо крепко, но грубости в этом не чувствовалось, скорее, это было выражение переживания за неё. — Нам нельзя допустить, чтобы тебя лишили силы или вообще убили.

Больше говорить было нечего. Спали в эту ночь отвратительно, под жуткие звуки лаборатории невозможно было даже задремать. Это удалось только под утро, когда менялись группы экспериментаторов, однако пробуждение (эльф заметил по часам) наступило меньше чем через час — подопытные не могли терпеть мучения молча.

Стал чувствоваться голод. Вчера есть не хотелось совершенно — картина в лаборатории надёжно глушила аппетит, сегодня в животе бурчало, несмотря на неё. К полудню некоторым из пленников дали немного еды. Дашке, Гармелису и Крифену (так звали мужчину, сидевшего в одной клетке с ведьмой) повезло, им

досталось, большинство же оставили голодными.

— Это те, кого умертвить собираются, — грустно сказал эльф, — или превращать в нежить. А мы им, значит, живыми нужны.

— Файризан ничего не получил, — с ужасом заметила Дашка. — Мне тоже начинает казаться при всём моём уважении к нашему командующему, что Скентия погорячился.

— С другой стороны, эта слабость должна обойтись Ринхафту потерей отличного полководца и колдуньи, без которой повстанцы обречены на поражение. Это выглядит неправдоподобно плохо.

— Вы, двое, эльф с девчонкой! — рассердился некромант, встретивший вчера Керзиана с Дашкой и дававший распоряжения лаборанту по имени Абрион. — Что вы друг к другу приклеились, раздражает!

Нарушители спокойствия лаборанта отодвинулись к противоположным углам своих клеток. Гармелис отвёл глаза, Дашка исподлобья глянула на некроманта и склонила голову.

— Крифен, а тебе пора лекарство принимать, — пропел лаборант нарочито заботливым тоном. — Давай, шевелись!

Взмахом руки, то есть магией, он отпер дверь клетки. Мужчина, нахмурившись, вышел. Лаборант толкнул его к столу, где работали два алхимика. Они сперва что-то выспрашивали у Крифена, очевидно, о его самочувствии, записывали, потом заставили выпить пять видов зелий — от нечего делать Дашка посчитала, да и созерцание этого отвлекало от остальных кошмаров.

Керзиан доставил в лабораторию ещё одного человека, на этот раз, кажется, простую горожанку, девушку, сотворил ещё что-то со Штарси, выбрал следующую жертву, стихийного мага, которого Дашка знала: парень был из одного с ней отряда, один раз она спасла ему жизнь, один раз — он ей. Его, приковав к столу, облили чем-то, что само воспламенилось разноцветным пламенем — слишком ярким и весёлым, словно означавшим торжество зла. Что с беднягой делали дальше, Дашка не могла смотреть. Она забилась в угол, изредка роняя на пол слёзы. Гармелис утешил бы её, насколько возможно, но боялся навлечь на себя и колдунью гнев лаборантов, а Крифен хотел, но Дашка не позволила — он почему-то был ей неприятен. Так она просидела довольно долго. Менялись в лаборатории люди — и истязатели, и жертвы, появлялись новые пленники, среди которых не было ни одного знакомого. Это и радовало, и расстраивало.

Поток бессвязных, бессмысленных раздумий был прерван, когда один из лаборантов приказал вытащить из клетки

Файризана.

Глава 28 Предатели

— Неужели, — Дашка с такой силой вцепилась в прутья решётки, будто хотела их раздвинуть или вырвать, ногти больно врезались в кожу ладоней, но колдунья не обращала внимания. — Неужели он вот так погибнет, прямо тут? Как Скентия мог допустить такое?

— Ваш командующий думает, что все его приказы обязательно должны исполняться, — произнёс некромант, потребовавший Файризана. — Ему дарованы красота и обаяние, но они так часто обеспечивали ему трепет перед ним окружающих, что Ринхафт привык: его никто не разочарует.

Взгляд Файризана, мрачный, тяжёлый, Дашка поймала на себе и не могла отпустить. Собственной жизни ему жалко не было, Дашкиной, вероятно, тоже, но свободы Альданы — да.

— Почему вы послушали Скентию? — уже тихо спросила Дашка пустоту перед собой.

— Потому что не подозревали, насколько он слаб, — услышал вопрос Гармелис.

Но или Скентия всё-таки знал, кого посылает к врагам, или Файризан не позволил себе так просто сдаться, когда от него столько много зависело — полководец решил сделать то, на что не решался ни один из других пленников. Оказать сопротивление лаборантам.

Выхватив у какого-то некроманта нож, он метнул его в человека, подскочившего к нему, чтобы потащить к столу, лезвие вошло в шею, лаборант упал замертво. Другой некромант, не растерявшись, кинул в полководца фрезу, у Файризана оказалась невероятная реакция: услышав свист, он рванул на себя алхимика, оказавшегося рядом, прикрылся им, фреза попала в него, точно в живот. Несколько магов направили в бунтаря по лучу магической силы, Файризан быстро пригнулся, выдернув фрезу из тела убитого алхимика, она полетела в некроманта, у которого на тот момент висела на поясе связка ключей. Лаборант уклонился, фреза ударилась о прутья одной из клеток и упала рядом.

Действия полководца пленников вдохновили. Кто-то догадался дотянуться до фрезы, секунду спустя ещё одним некромантом в лаборатории стало меньше. Многие пытались применять магию. Защитный барьер не давал атаковать некромантов и алхимиков поражающими заклинаниями, например, молниями, но кое-кому было под силу другое.

Гармелис призвал грифона так, что существо появилось в

центре лаборатории. Маги, и так пребывающие в шоке от ярости Файризана, были не в состоянии ориентироваться быстро, не могли сообразить, на кого кидаться: на грифона или воина, но зато они не задумывались над тем, кого атаковать. Ответ был прост: того, кто ближе стоит. Человек из полга Огесты, мастер демонологии, призвал на помощь Файризану церберов, один из пленников подобрал с пола оброненные ключи, и это было замечено только тогда, когда он освободил себя.

Отшвырнув от себя полем магической энергии нескольких лаборантов, он бросил ключи в соседнюю клетку, поймал Гармелис. Открыть дверь было уже не суждено: в лабораторию телепортировался Керзиан.

Нет, все бы продолжили резню и грызню, но нечто, когда-то бывшее нормальным человеком, резко развело руки в стороны, и всех отбросило к стенам. Керзиан повторил жест — все призванные существа исчезли.

— Мило, — усмехнулся он. — В этом и польза есть. Теперь наши пленники будут знать, что сбежать из Центра магических экспериментов Фиарела Эвокса нельзя. Шум, понимаете ли, слышно.

— А что с бунтарями делать? — поинтересовался кто-то. — Отдать танатам?

— Решайте сами. Я сегодня добрый, выбор предоставлю вам. Кстати, кто, кроме этого бесстрашного воина, отличился?

— Вон тот, — лаборант показал на демонолога, — и тот, — ткнул пальцем в Гармелиса.

Эльф как-то странно смотрел на Керзиана, слишком пристально. За спиной получеловека сделали взмах два чёрных перепончатых крыла, лаборанты побледнели, один прошептал:

— Керзиан, обернитесь!

Гармелис на этот раз призвал чёрного дракона, вернее, его миниатюрную копию, на самом деле эти существа были огромны, размах крыльев их достигал до двадцати метров. Дышали чёрные драконы то огнём, то, как виверны, ядовитыми парами, и обладали иммунитетом к проклятиям и разрушающей магии. На территории королевства эти создания почти не встречались, обитали на Неизведанных Землях, окружавших Альдану.

Пленники замерли. Один выдох призванного создания — и, кроме Керзиана, погибнуть могут не только лаборанты, но и те, кто сидит в клетках ближе к нему. У Гармелиса, вероятно, есть план.

Почти все посмотрели на эльфа. Он был мёртв. А дракон собирался изрыгнуть пламя.

В то же мгновение, когда он открыл пасть, вместилище двух

рядов острых длинных зубов, Дашка осознала, что одно из сложнейших заклинаний — защита от огня, действующая на всех союзников, находящихся в поле зрения колдующего мага, — можно применить и сейчас. К счастью, оно было коротким, всего в три слова, ведьма успела выкрикнуть.

В лаборатории находилось множество веществ, легко воспламеняющихся и взрывающихся или выделяющих опасные газы при нагревании, поэтому помещение сразу заполнилось огнём и дымом, не было видно ничего вокруг. Нащупав через решётку в клетке Гармелиса ключи, Дашка отперла дверь, принялась освобождать остальных. Глаза не слезились, чувствовала она себя превосходно, как и остальные пленники. Дракон, верный защитник, не отставал от беглецов, ему надо было защищать их.

Из других лабораторий выскакивали встревоженные люди, но, увидев чёрного дракона, почти никто не отваживался кинуться за удирающими пленниками. Некоторые стали исключением, но их тут же настигало пламя, не приносящее вреда беглецам, но убивающее всех остальных.

Выскочив на улицу, бунтари на секунду остановились. Надо было продолжать движение всем вместе, для этого надо было определить, в какую сторону.

Решил за всех Файризан, рванув направо. Погони не было, так как никто не знал, чего можно ожидать от чёрного дракона, люди никогда не имели дела с этими существами, представления о них складывались исключительно по рассказам духов, взору которых был доступен весь этот магический мир, не только все двенадцать земель Альданы. Здание Центра полыхало. Если кто и готов был начать преследование — для этого ему надо было выбраться из огня…

Чтобы отдышаться, отдохнуть и подлечиться, захватили дом какой-то богатой семьи. Все, наконец, наелись и отправились отсыпаться. Дашке не дали дойти до комнаты, её в коридоре остановил Файризан.

— Слушай, надо провести последний обряд над Гармелисом.

— Ты что, забрал его тело?

— По-моему, он этого достоин, — сказал полководец твёрдо.

— Я не спорю, — вздохнула Дашка. — Среди нас священники есть?

— Рикелла, тёмный эльф. Прямо за домом имеется кладбище, где хоронят членов этой семьи. Я уже отправил его туда. И нам пора спускаться, — практически приказал Дашке Файризан.

Ей не хотелось присутствовать при совершении обряда, но ослушаться полководца она не могла. Колдунье казалось

хамством спорить с человеком, который собирается отдать жизнь за тебя, если придётся, и не попрощаться с тем, кто уже это сделал.

— Гармелис погиб, потому что отдал слишком много магической энергии? — догадалась Дашка.

— Оставленный им чёрный дракон — полноценное живое существо, не иллюзия. Он состоит не из магической энергии, а из плоти и крови. Его не убьёшь заклинанием, уничтожающим призванных созданий. Гармелис свою жизнь передал ему, — подтвердил её догадку Файризан и кое-что добавил: — Скентия знал, что ему под силу такое сделать, поэтому и отправил его в Цейген.

— А Гармелис притворялся, что не представляет, как можно выбраться из лаборатории, — Дашка замедлила шаг.

— Это было так, на всякий случай. Вдруг ты начнёшь возражать против того, чтобы он, молодой совсем эльф, у которого всё может быть впереди, умирал за тебя. Не хочу тебя обижать, но ты немного странная, — произнёс он.

— Очевидно, война меня исправит.

— Послушай, — полководец положил руку Дашке на плечо и встал, Дашке тоже пришлось. — Считается, что на войне жизнь обесценивается, но нельзя судить, правильно это или нет. Твои правила, твой закон, твоя мораль — всё внутри тебя, и меняешь их ты сама, а не то, что происходит снаружи. Да, от тебя ждут, что ты станешь жёстче. Если ты хочешь остаться собой — ты это выдержишь.

— Ты тоже ждёшь?

— Я ни от кого ничего не жду, моё главное правило. Именно потому, что я считаю так, как только что тебе сказал. Перемены — личное дело каждого.

— Хорошо, я задам последний вопрос, и мы пойдём. Можно?

— Конечно, — улыбнулся Файризан.

— Ты жаждал войны только потому, что не мог смириться с тем, что собиралась сделать с королевством леди Армад, или ещё какая-нибудь причина была?

— Была. Не ожидал, что ты спросишь меня об этом. Итак, отвечаю, — он набрал в грудь воздуха, встряхнулся, будто давая понять, что повествование коротким не будет. — Я успел так разочароваться в жизни, что пришёл к выводу: мне всё равно, как долго в ней ещё задержусь. И не только. Я захотел как-нибудь сократить себе этот срок. Два раза был готов наложить на себя руки, но передумывал. Я гулял по ночам в самых опасных районах города, надеясь, что на меня нападут и убьют. Выходило так, что в дни, когда отчаяние становилось нестерпимым, предки

меня берегли, улицы были пустынны, а когда бандиты и агрессивные вампиры, которых пару лет назад в Чёрных Гаванях обитало полно, сталкивались со мной, я оказывался настроен существовать дальше и не давался им. Тогда мне пришла идея: если случится война, я пойду в армию. Там от смерти уберечься труднее, да и смысл жизни может появиться — если отдать её за кого-то другого, то этому человеку польза, должно быть. Почему я так безразличен к собственному существованию, захочешь знать ты? А их у меня два — «до» и «после». Если мне вернули первое, я бы с ним не расстался. Тогда я мечтал стать скульптором.

— Скульптором? — удивилась Дашка.

— Тебя это развеселило?

— Что ты! Просто я первый раз слышу в вашем королевстве, что кто-то хочет связать свою жизнь с искусством. Вы всё больше к магии или оружию тянетесь. Продолжай!

— Так вот, я в юности восхищался некоторыми людьми, героями. Расскажу тебе о них позже, а то я если начну сейчас — проговорю до поздней ночи. Я хотел создать парк, который украшали бы памятники этим героям. Я представлял, как они будут выглядеть, всё до мельчайших деталей. Нашёл место, где планировал разбить парк. Ещё я хотел, чтобы дом для моей будущей семьи построили рядом с этим местом, и дети мои гулять туда ходили. У меня была девушка, я уже сделал ей предложение. Мы хотели, чтобы у нас было четверо детей. Но в городе вспыхнула эпидемия. Она отняла у меня и девушку, и родителей, и учителя, и друзей. Я сам оказался при смерти, меня какие-то добрые люди отправили в соседний город, вернее, небольшое поселение, защищённое магическим полем — туда перебирались все, кто мог, чтобы спастись. Там я провёл три месяца. Когда пришёл в себя, то меня известили, что между Лейшардом и Нерфастоном вспыхнула война. Чёрные Гавани были захвачены. Об этом я узнал, когда покинул поселение, где нашёл на время приют. Полдороги прошёл пешком, путь мой лежал через маленькую деревню, где мне и сказали — нет смысла идти вперёд, там война и больше нет ничего. Я вернулся в поселение — меня встретили руины и десятки трупов. Поселение разрушили. Так я остался абсолютно без всего. Шесть лет назад. Уже через год война прекратилась, Чёрные Гавани зажили, как прежде, но в этом городе у меня не осталось ничего.

— Шесть лет — это много, — пробормотала Дашка. — Как ты выдержал?

— У меня нет сил вспоминать это. Раз я лишился учителя — лишился возможности осуществить мечту, которой жил, а, значит, и жизнь потерял. Мне надо было выбрать новый путь, но

мне нужен был только тот, который для меня закрыли навсегда. Новые знакомства были необходимы, но я не желал их. Меня пригрела одна целительница, дав мне работу и кров, а я ненавидел эту женщину за то, что она не Вальрана, моя умершая девушка. Я избегал людей, потому что среди них не было Скайфела, моего учителя. Я разлюбил себя, потому что не мог стать тем, кем хотел, — Файризан широко распахнул голубые глаза, показавшиеся вдруг особенно красивыми, словно демонстрируя этим свою открытость и отсутствие стыда перед прошлым. — Я сейчас по-прежнему представляю, что могу не дожить до победы нашей армии, это меня не расстраивает.

— Ты бы хотел быть на месте Гармелиса? — спросила Дашка провокационно.

— Хотел бы, — не стал ничего скрывать полководец.

— А если ты увидишь вдруг, ради кого или чего живёшь? Если поймёшь, что есть человек, которому твоя смерть сделает очень больно?

— Вот как увижу — так и будет разговор, — уклонился молодой человек.

— Ты сознательно жмуришься, я думаю, — заподозрила колдунья.

— Наверное. Ой, мы заставляем Рикеллу ждать! — спохватился Файризан и кинулся по коридору к лестнице, потянув за собой Дашку.

Семейное кладбище выглядело неприлично роскошным. О том, что это кладбище, а не парк, напоминали только таблички на надгробиях, на которых были слишком красивые статуи, кажущиеся просто украшением этого места. Ровные дорожки, два фонтана, деревья, кусты и клумбы — всё было неуместным. Дашка представила, как кладбище выглядело тогда, когда в королевстве всё зеленело и цвело. В воображении получилось примерно то, о чём мечтал Файризан.

Рикелла сидел под раскидистым деревом, возле недавно вырытой могилы, рассматривая собственный посох. Дашка чуть было не приняла священника за девушку: он был маленького роста, длинноволосый, черты лица его были слишком нежные, женственные.

— Что-то вы долго, — заметил Рикелла, вставая.

Он подошёл поближе, Дашка удивилась тому, что он оказался едва ли не ниже её, не дотянувшую ростом до метра шестидесяти. Священник был весьма привлекателен не только для расы тёмных эльфов, в большинстве своём далеко не красавцев, но и в сравнении с людьми. В облике его было столько изящества, что ему могли позавидовать и светлые эльфы. Поражали серебристо-

серые глаза, круглые, каких у представителей этой расы не найти, и точно такого же цвета прямые волосы, густые, часть которых он перевязал фиолетовой, в тон плащу, лентой.

— Прости, если ожидание тебя утомило, — извинился Файризан.

Тёмный эльф кивнул и, повернувшись к телу Гармелиса, начал Обряд. Аккуратные, быстрые, отточенные движения священника напоминали танец, белые символы, вычерчиваемые его посохом в воздухе, плавно разлетались от него, растворяясь в воздухе. Уже совсем темно было, и поднявшийся над мёртвым телом дух призывателя, светящийся, выглядел особенно, впечатляя. В небе появилось лицо Гармелиса, конечно, он сейчас был счастлив и улыбался Дашке, Файризану и Рикелле, который помог ему попасть в королевство душ. Полководец остался, чтобы вместе с эльфом похоронить Гармелиса, Дашка пошла в дом.

Разбудил её и ещё многих беглецов оглушительный рык. Проснувшись окончательно, все поняли, что ревёт чёрный дракон, и тут же осознали, что это не предупреждение об опасности, а предсмертный стон…

Дом был окружён королевскими боевыми магами. Дракон уже не дышал.

— Молодцы! — крикнул в окно Крифен. — Теперь вызволите меня отсюда!

Прежде, чем кто-либо из беглецов вышел из оцепенения, Крифена телепортировали на улицу.

— Мне жаль, что я не смог предотвратить побег, — произнёс мужчина, обращаясь сразу ко всем королевским магам.

— Пожар быстро потушили, — успокоил его главный среди них. — Конечно, обидно, что столько людей потеряли, бедняжка Сиарда не возлюбленного, так отца лишилась. Но Центр уже привели в порядок, исследования возобновили. Нескольких зомби огонь уничтожил, но это пустяки, всё наверстаем и восполним.

— Только не это, — Дашка отшатнулась, ударившись спиной о стену, сползла на пол. — Крифен…

— Подлец! — выругался Файризан, отходя от окна, в эту же секунду в комнату ворвался Верлиан, демонолог Огесты:

— Вы поняли, что…

Он не договорил: в окно влетел зелёный шар магической силы, который, врезавшись в пол, взорвался, по комнате пополз дым, его оказалось достаточно вдохнуть один раз, чтобы потерять сознание.

— Значит, она повстанцам для чего-то нужна, — протянул

Керзиан.

— За её безопасность вся армия отвечает, — усмехнулся Крифен. — Эльф-призыватель упоминал ещё каких-то других стихийных магов.

— Значит, сила девчонки для них настолько ценна?

— Алеон мне говорил, что магии Огня в ней — на десять колдунов хватит, только она ей, видимо, пользоваться как следует не умеет. Да, жизнь девчонки стоит того, чтобы ради её спасения идти на подобные безумства.

— А больше ты ничего не узнал? Сколько этих стихийных магов, зачем они вообще нужны?

— Они обсуждали в основном приказ своего командующего. Скентия отправил в Цейген полководца, весьма неплохого.

— Что, допрашивать будем? — оптимистично спросил ещё один человек, Дашка узнала по голосу: Абрион.

— Надо делать это аккуратно, так, чтобы девчонка жива осталась, — предупредил Керзиан. — Её сила Алеону нужна для эксперимента.

Открыть глаза не получилось, пошевелиться — тоже. Дашка была полностью парализована. Кто-то приблизился к ней, и паралич вдруг исчез.

Вокруг были стены лаборатории, значительно уступающей в размерах той, откуда пленникам удалось сбежать. Всего два стола для жертв, на одном из них и лежала Дашка, один стол с инструментами, приборами и колбами. Крифен стоял у окна, облокотившись на подоконник, и смотрел на колдунью, Керзиан изучал содержимое колб.

Абрион сделал несколько пасов над головой Дашки, после чего физически ведьма почувствовала себя легче, исчезло покалывание в руках и ногах, перестала гудеть голова.

— Тебе не следовало себя утруждать, — упрекнул его Крифен. — Ты можешь идти.

Лаборант угрюмо глянул на него, покосился на Керзиана, для которого присутствующие в помещении временно перестали существовать, так он увлёкся колбами, и решил остаться.

— Ты видела, что творится в главной лаборатории? — приторным голосом поинтересовался Крифен. — Так что можешь представить, что мы с тобой сделаем, если ты откажешься говорить. И мы даём тебе шанс избежать невероятных мучений. Итак, ответь, зачем армии так нужна твоя сила, бесспорно, выдающаяся?

Дашка сжала зубы.

— Тебе же дороже, — хмыкнул мужчина со шрамом на лице. — Ладно, второй вопрос: сколько ещё у вас стихийных

магов, таких же важных персон, как ты?

Она снова промолчала.

— Имена их ты и подавно не скажешь, верно?

— Где все остальные? — готовясь услышать что-то ужасное, вместо ответа спросила Дашка.

— Мертвы, — не стал скрывать Крифен. — Керзиан, мы с Абрионом вернёмся в главную лабораторию, а ты сделай так, чтобы она к утру заговорила.

Они оставили пленницу с получеловеком, Керзиан подошёл к ведьме с ножом, быстро нанеся ей несколько неглубоких ран по всему телу, посмотрел, как течёт из них кровь, и взял колбу с густым зелёным веществом, подозрительно подрагивающим. Он наклонил её над пленницей, вещество выползло наружу, шлёпнувшись Дашке на ногу, и стало принимать форму какого-то существа, напоминающего лису. Получившееся создание принялось обнюхивать ведьму, ощущения были мерзкими, как будто по телу ползают слизняки.

— Развлекайтесь, — Керзиан подлетел к двери, покинул лабораторию.

«Так не может быть, — бормотала про себя Дашка. — Скентия, пожалуйста, придумай что-нибудь! Ты же не полагаешь, что у нас всё хорошо? Да и *нас* больше нет, одна я осталась. У меня отберут силу, скорее всего, или превратят в кого-нибудь, прошу тебя, пошли сюда ещё кого-нибудь! Меня собрались пытать, почему вы не можете додуматься до этого? Схватите вражеского воина, вызнайте у него, как прорваться в Цейген! Я не хочу заканчивать жизнь здесь! О, НЕТ!»

Последнее слово она выкрикнула: зелёное существо вгрызлось в её тело в месте одного из ранений, принялось высасывать кровь, рану дико защипало. Дашка, сообразив, что её к столу не приковывали и не привязывали, соскочила на пол и попыталась отодрать от себя зверёныша, но как только ей это удалось, он накинулся на другую рану, потом на следующую. Через пять минут на Дашке болела вся кожа, её словно разъедало, но с виду не происходило ничего ужасного. Слёзы боли закончились, ведьма могла только кричать, но маленький монстр не остановился, стал раздирать самую большую на ней рану лапами, а мордой уткнулся в неё; его начало затягивать туда, в тело пленницы, внутри он превращался обратно в вещество, которое постепенно заполняло весь организм. Сосуды лопались, органы разрывались — тем не менее, боль была соизмерима с той, которую Дашке приходилось испытывать раньше. Но она успела отвыкнуть, да и слишком долго длился этот ад. Дашка мечтала потерять сознание от боли — этого не наступало.

— Эй! — перед ней возник Абрион, Дашка, катаясь по полу от боли, не заметила, как он вошёл. Он держал колбу с таким же веществом, из которого Керзиан сделал «пыточное орудие», но оно было голубого цвета.

— Не надо, я скажу! — взвыла ведьма. — Нас, стихийных магов, четверо, мы…

— Тихо! — испугавшийся некромант, упав на колени, зажал ей рот рукой. — Услышат же!

Вещество точно так же выбралось из колбы, превратившись, правда, не в лису, а в кошку. Дашка заорала, Абрион опять заставил её замолчать силой.

— Я помочь хочу, ясно?

Она попыталась вырваться, Абрион свободной рукой прижал её к себе, не давая. Голубая кошка проникла в колдунью через рану, которая сразу же затянулась. Боль стала затихать.

— То, чем тебя пытали — изобретение Алеона, — пояснил он. — А голубое вещество — моя идея, Алеон про это не знает.

— Если бы я всё рассказала бы Керзиану, как бы меня избавили от страданий?

— Убили бы. Магию, которую Алеон хочет использовать в опытах, можно выкачать и из трупа, — он встал, подал руку Дашке.

Поднявшись, он всхлипнула, недолго смотрела на спасителя, хлопая глазами от растерянности, и расплакалась вдруг, бросившись ему на шею.

— Не стоит, — он тоже обнял её. — Все, кто были пойманы, живы, Крифен тебе солгал, чтобы ты сильнее терзалась.

— Где они? Отведёшь меня к ним? — Дашка сразу пришла в себя.

— Не выйдет. Незаметно это нельзя сделать. Я собирался спасти тебя и телепортировать туда, где находится твой полк, твои друзья.

— Без тех, кто здесь в плену, армия будет уже не та, — Дашка вцепилась в Абриона, схватив его за плечи. — Мне ведь ты помог! Или ты боишься Крифена, Керзиана и остальных? Вместе со мной беги! Если ты меня можешь освободить, то и самого себя тоже!

— Я обречён, — некромант, повернувшись к двери, выставил вперёд руку, сделал движение, будто он поворачивает ключ, и замок щёлкнул, дверь закрылась. — Я не по своей воле тут работаю. Мои родители были хорошими друзьями Ривена Мертелли, главы этого Центра. Два года назад, оказавшись при смерти, они попросили его пристроить меня сюда. Я тогда не стал возражать, мне было интересно. Потом стало противно. Я мог проводить опыты на мертвецах, но не на живых людях.

Признаться в этом я не мог. Центр — это плен, тут нельзя поработать пару лет и уволиться. Тут некромантии всю жизнь отдают. Если бы я сказал, что мне тут не нравится — попал бы на стол.

— За то, что ты освободил меня, тебя точно убьют! — у Дашки голова пошла кругом. — Или тебе жить надоело?

— Альдане положен хотя бы век мира за то, что она так долго терпела войны и восстания. Ваша армия стремится установить его. Раз ей необходима ты — они получат тебя назад. А я, вернув тебя, покончу с собой, — недрогнувшим голосом заявил Абрион.

— Армии необходимы все: я, Файризан, Рикелла, Верлиан! Я с тобой пойду, вместе мы сможем отбиться ото всех, а ты присоединишься к нам, ты всё равно хочешь, чтобы Эвилану свергли. Пожалуйста!

— Они меня найдут, рано или поздно, — он медленно опустил её руки, по-прежнему держащие его.

— Но ведь не станут *искать,* — Дашка высвободила ладони, взяла кисти Абриона и притянула к своей груди. — Керзиан постоянно появляется на поле боя, но ты вряд ли ему на глаза попадёшься.

Он, сморщившись от подступающих слёз, покачал головой.

— Только не говори, что тоже хочешь уйти из жизни!

Абрион замер. На щеке появился первый мокрый след.

— Да что с вами всеми такое! Я когда-то сама хотела убить себя, но позволила друзьям убедить меня в том, что не надо этого делать. Не отказывайся, ну же!

Парень судорожно втянул в себя воздух, медленно выдохнул и едва заметно кивнул.

— Теперь идём?

Некромант дёрнул на себя правую руку, попытавшись вырвать. Дашка, вспомнив, что далеко не все владеют магией на церебрально-невербальном уровне, не только без слов, но и без жестов, и отпустила Абриона. Он взмахнул рукой, Дашка почувствовала, что её будто бы втягивает куда-то наверх, вокруг всё смазалось, и через мгновение они попали в карцер, где томились Файризан и ещё трое молодых людей. Выглядели они не хуже, чем сегодня утром, но Дашка понимала, что это ещё ни о чём не говорит, их могли мучить и магией.

Никто из четверых пленников не произнёс ни слова, выражения их лиц не изменились, только взгляды, в которых ничего не появилось, притянулись к ведьме и некроманту.

— Телепортируй их, — велела Дашка. — Без меня.

— Почему? — пробормотал Абрион жалобно.

— Подозреваю, что, избавившись от меня, ты всё-таки

совершишь самоубийство.

— Объясни, — внезапно прохрипел Файризан. — Почему он с тобой? Сначала Крифен, потом ты. Как так?

— Это не я с ними, а он с нами! Давай, Абрион, действуй!

После того, как некромант повторил жест и воины исчезли, в карцере вспыхнуло чёрно-зелёное пламя, эффект телепортации Керзиана.

— Так-так. Крифен был прав насчёт тебя, — жуткие жёлтые глаза уставились на Абриона. — А ты недооценил его способности.

Глава 29 Обмен

— Я понимаю, почему девчонка хочет жить, — Керзиан развернул к себе лицо Дашки, прикосновение его пальцев оказалось ледяным и отчего-то скользким. — Но почему этого не желаешь ты, Абрион? — получеловек оттолкнул колдунью, наклонился к молодому некроманту (они были одного роста, но из-за того, что Керзиан находился в воздухе в нескольких десятках сантиметрах от пола, был выше лаборанта). — Мы ведь тебе всё дали, а ты отказываешься. Не надо разбрасываться благами, которые получаешь, не знал разве? Самое главное, чем мы тебя оделили — это доверие. Оно многое значит. В наш круг мы только избранных пускаем, сотни магов мечтают оказаться на твоём месте — а ты вот так поступил? Центр ведь — одно из двух учреждений в Альдане, где можно легально проводить опыты над живыми людьми, а не над гомункулами; второе — это королевская лаборатория. Ты должен был работать не только за себя, но и за всех тех людей, что не попали в Центр, хотя очень этого хотели. И предал ты не только нас, служителей тёмных искусств в этом храме, но и тех, кому пока не повезло стать одними их нас.

Абрион сжал кулаки, дрожа, но выдержал взгляд.

Взвилось тёмное пламя, и из карцера Керзиан, Абрион и Дашка попали в главную лабораторию, причём некромант с колдуньей оказались в клетке, а получеловек — перед ней. К нему подошли Крифен и тот маг, который забирал кровь и силу у Дашки.

— Поблагодарите Алеона, он выбрал тебя, девчонка, материалом для своего эксперимента, поэтому убивать тебя мы не станем. А на тебе, Абрион, мы опробуем то, что он в результате получит, так что умрёшь ты не сейчас, а позже, — огласил приговор Керзиан. — Я удаляюсь в Истарию, которую повстанцы до сих пор не захватили. Кому-нибудь нужны люди для работ?

— Захватишь для Ральфа нескольких эльфов, если тебя не затруднит, — попросил Крифен, — Кейрину требуются чародеи со священной магией, Торману — дети до десяти лет. Остальных пока устраивает тот материал, что имеется.

— Что бы мы без тебя делали, — вздохнул Керзиан и исчез в огне.

Крифен и Алеон торжествующе посмотрели на неудачливых беглецов, потом некромант вернулся к прерванной работе, мужчина со шрамом прислонился к решётке и прошелестел:

— К твоему сведению, малыш Абрион, я всё-таки умею не только передавать свои мысли на расстоянии, но и читать чужие. Правда, это только в пределах сотни метров, но, как видишь, даже такие скромные способности иногда помогают. Находясь на одном с тобой этаже, но в разных помещениях, я услышал твой разум. До встречи, не скучайте!

Он отошёл.

— Вот ведь подлиза! — тихо вспыхнул Абрион. — И откуда только это чудо взяли?

— Крифен — телепат? — спросила Дашка.

— Уникум несчастный! Обычно дар телепатии дополняет какое-либо магическое умение. У Крифена же колдовской силы нет, — стал вдохновенно жаловаться некромант, но Дашку это не раздражало, ведьма понимала, что раньше поделиться Абриону было не с кем. — Подозреваю, этот доносчик — единственный человек, не являющийся магом, свободно расхаживающий по территории Центра.

— Да, нужный человек в таких-то условиях, — хмыкнула Дашка. — Понимаю теперь, каким образом он сдал нас, когда мы сбежали. Но почему он не услышал мысли Гармелиса, когда тот решил призвать дракона, и Файризана?

— Не вслушивался, — проронил бывший лаборант. — Ты ведь говоришь о человеке, который устроил тут резню, когда его к столу потащили? Крифен не мог предположить, что кто-нибудь когда-нибудь сообразит, что такое возможно. От ужаса у всех не только руки-ноги — мозги отнимаются. И с призывателем то же самое.

— Откуда у него шрам? Свежий вроде. Он принимал участие в сражении?

— Нет, такого ценного человека боятся отпускать на войну, — усмехнулся Абрион. — Там ему легче с его даром, но телепатия не делает Крифена бессмертным. Это более чем глупо — держать его в Центре. Тут с бунтарями проще простого справиться, если таковые появятся, а если кто сбежит — невелика потеря, новых жертв можно достать сколько угодно и на любой вкус. На войне же боец-телепат — просто золото, на него ведь внезапно нельзя напасть. И ещё весь Центр побаивается, что он может и на них донести кому-то. Не понимаю я тех, кто здесь работает.

— Файризан прикончил нескольких лаборантов, — заметила Дашка. — Они важнее, чем подопытные люди. Так что может люди Центра и правы. Так откуда у Крифена шрам?

— Для маскировки. Сам попросил себя по лицу ножом полоснуть. Чтобы стать похожим на пленного воина, будто бы из

армии Скентии Ринхафта, — Абрион поморщился.

— Сообразил, что фанатиков тут обожают, — Дашка отвлеклась, когда заметила в лаборатории Штарси, теперь над ней работали другие люди, и задумалась: — Что с Файризаном будет? Мы обязаны что-то сделать!

— Ты его любишь? — напрягся вдруг Абрион.

— С чего ты решил?

— Слишком много о нём говоришь.

— Он талантливый полководец, если мы его потеряем, трудно будет найти ему замену.

— Его полк можно поручить кому-нибудь другому. Наверняка среди полководцев Скентии кто-то согласится взять на себя ещё и солдат Файризана, — возразил Абрион, не глядя на ведьму.

— Может… Но всё равно так хорошо уже не будет.

— А ты ведь тоже незаменима, — проговорил он, уставившись в одну точку перед собой. — И ты важнее для армии, чем Файризан. Тебе за собственную жизнь надо бояться, а не за него.

— Ты что, — насторожилась Дашка, одной рукой обняв Абриона за шею сзади, — любишь меня?

— А ты запрещаешь?

— У меня уже есть молодой человек, — теперь Дашка не могла смотреть на Абриона, а он повернулся к ней.

— И какой он?

— Немного похож на тебя. Он тоже невысокий, и лицо у него такое же… доброе и простое, — колдунья собралась с силами и снова взглянула на него, зачем-то пытаясь сравнить. — У тебя волосы чёрные и блестящие, а у него — светло-русые. Но такие же лохматые. Ии черты характера, кажется, у вас общие есть. Но его я встретила раньше, чем тебя, так что прости.

После этого разговаривать друг с другом они не могли, сидели в разных углах и иногда переглядывались, но взгляды длились не дольше мгновения. Два раза Дашку требовал к себе Алеон, проделав с ней то же самое, что и в прошлый раз. Её напоили чем-то освежающим, и она чувствовала себя относительно неплохо, как не должен ощущать себя человек, потерявший достаточно крови.

Уже через два дня случилось то, чего Дашка опасалась. Ведьма после каждой «процедуры», чтобы развеять свой страх, что у неё начнёт уменьшаться магическая сила, творила какое-нибудь не самое простое заклинание. И вот настал момент, когда энергии не хватило.

— Что-то не так? — заволновался Абрион после того, как

Дашке с четвёртой попытки не удалось создать вокруг себя огненную оболочку — своеобразные защитные чары; огненные «доспехи» сразу же гасли.

— Силы недостаточно! — Дашка готова была разрыдаться. — Всегда ведь получалось!

— Подожди немного, Алеон тебя пять минут назад отпустил, — неуверенно пробормотал некромант.

— До сих пор его манипуляции надо мной на мои способности никак не влияли!

— Ты думаешь, что это…

— Да, оно самое! — воскликнула Дашка в сердцах.

— Успокойся, может, силы восстановятся, — пытался сохранять спокойствие некромант.

— Вдруг меня заразили чем-то? — ведьма оглядела шрамы на ладони. — А если они сделали это намеренно?

Абрион взмахнул ресницами один раз, другой, так и не нашёл слов, чтобы опровергнуть это предположение, и вероятность такого печального развития событий пугала его не меньше, чем саму Дашку.

Но бояться, как оказалось, следовало другого кошмара.

С каждым днём запас магической энергии восполнялся всё медленнее. Через неделю он практически иссяк. От страха и за себя, и за всех, кого могла бы спасти её стихийная магия, от безысходности, от злости Дашка постоянно плакала, ей уже казалось, что слёзы на щеках оставляют шрамы. Абрион сгорал от ненависти к Керзиану, Крифену, Алеону и вообще всем, кто работает в Центре. Ведьма всматривалась в лица тех, кого доставляли в лабораторию в качестве материала, надеясь увидеть кого-нибудь из своего полка, возглавляемого Огестой, или воинов других полководцев армии повстанцев, но никого не узнавала, успевая пугаться того, что, возможно, у неё, Дашки, стараниями Алеона ещё и стирается память.

Ещё через день экспериментирующий над ведьмой некромант отвёл её, полностью потерявшую магию и лишённую поэтому возможности сопротивляться, во внутренний двор, где их ждал посаженный на цепь огромный пёс, явно выращенный магией. Свирепого вида, с роскошной чёрной шерстью, красными горящими глазами и неестественно длинными клыками, он, когда появились Алеон с Дашкой, хотел на них броситься (вернее, судя по направлению взгляда, на колдунью), но резко присмирел. Что-то оказалось сильнее его инстинктов.

— Это Фиелин, — «представил» пса экспериментатор. — Как он тебе?

— Обычный монстр, — буркнула Дашка.

— Это ты зря, — усмехнулся Алеон. — Я передал ему твою колдовскую силу, а она у тебя выдающаяся.

Сжав губы, Дашка мотнула головой, не хотела свыкаться с тем, что в ней практически не осталось магии.

— Фиелин, — собрался дать команду лаборант, но договаривать ему не пришлось.

Пёс вспыхнул вдруг ярким мощным пламенем, сжался, приготовившись к прыжку, и кинулся на ведьму. Драть он её не стал, оставив ей лишь укус на предплечье, из которого, несмотря на глубину (клыки Фиелина чуть не проткнули Дашке руку насквозь), не потекла кровь.

— Вот вы и обменялись силами, — удовлетворённо произнёс Алеон. — Отныне ты, ведьма, владеешь тем, что тебе больше подходит: чёрной магией.

— Владею, но не умею пользоваться, — уточнила Дашка тихо.

— Это не беда, — сказал он, и перед ней нарисовалась в воздухе, повисла и раскрылась внушительная древняя книга. — Ты легко обучаешься, причём сама, без помощи. Основы тебе когда-то показал старик Цельсий, продолжала ты сама.

— Вы всё про меня знаете? Откуда?

— За вами всеми госпожа следила. Четыре человека из Большого Мира, надежда Кевина Гранда, не могли не заинтересовать леди Армад.

— Теперь вы заставите меня воевать на вашей стороне? — предвидя ответ, Дашка хотела убедиться окончательно. — Понимаете хоть, что без помощи магии не обойдётесь, по своей воле я не стану этого делать?

— Это несложно, — протянул Алеон. — В нашем Центре есть несколько специалистов по чарам сознания. Воля у тебя, конечно, сильная, но и не таких ломали.

Дашка сделала вдох, расслабила руки, стараясь прочувствовать новую магию. Она надеялась, что инстинктивно какое-нибудь проклятие придёт ей в голову, но, увы, магический язык был слишком сложным, а все заклинания, составленные на нём, она просто заучивала, таким образом поступали многие колдуны Альданы. Дашка знала, что достаточно произнести на этом языке, какого эффекта вы желаете добиться своей магией — это и будет заклинание. Но так ведьма как раз не могла.

— Вижу, тебе не терпится приступить к изучению тёмного колдовства, — Алеон указательным пальцем описал в воздухе дугу, книга захлопнулась и мгновенно исчезла, превратившись в маленькое облачко серого дыма. — Что ж, твоё желание будет исполнено, выделим мы тебе отдельную камеру вместо клетки в лаборатории, где сутками не стихает шум, дадим книг, два раза в

день к тебе будет приходить специалист по магии сознания, и через три-четыре дня мы получим из тебя отличное оружие для лучшего магического полка Её Величества. Фиелина я отдаю тебе, он не может причинить тебе вреда. Ты ему, кстати, тоже, так действуют мои чары. Торман!

Ведьма даже не вздрогнула, когда перед ней телепортировался колдун, высокий шатен в синей мантии, накинутой поверх белых брюк и рубашки. Он лениво пробежался взглядом по Дашке сверху вниз и обратно, зевнул, надел мантию как следует и капризно спросил:

— Что надо? Я устал, домой сейчас собирался.

— Из этой девицы надо сделать нашего союзника, — очевидно, хорошо набравшись терпения, Алеон принялся объяснять Торману, что он от него хочет. — Не срочно, но и долго тянуть не стоит. Заставь её осилить несколько книг по чёрной магии и, разумеется, согласиться применять полученные знания в наших интересах, против повстанцев.

— Начинать придётся с нуля? — в интонации мага продребезжали плаксивые нотки.

— Если бы она колебалась, я бы тебя не звал. Э-э, — Алеон, увидев, как вытянулось лицо Тормана, сообразил, что неправильно выразился, и быстро поправился: — Я хотел сказать, я бы не стал тебя беспокоить.

— Вы относитесь ко мне как к собственности Центра! — заявил красавчик. — Вспоминаете о моём существовании только тогда, когда нужно проделать нудную, сложную, кропотливую работу! А я возьму и стану ваши приказы выполнять тогда, когда захочу, а не когда вам надо! До завтра, Алеон, — он уже собрался было телепортироваться, но экспериментатор заорал:

— Стой! Всё не так, что ты! Ты самый важный человек в центре после Керзиана и Крифена, самый талантливый, самый умный, ты просто гений тёмных искусств! Кроме тебя, с некоторыми задачами никто не справится. Преображать разум — мастерство, не каждому данное, а так искусно, как ты, им в Центре не владеет никто, — стал убеждать Тормана Алеон.

— Что вы все в Крифене нашли? — скривился маг. — Что, нельзя было нормального телепата найти, полноценного мага? И вообще, ты меня с ним сравнил не в мою пользу! Как ты посмел?! Всё, не хочу больше с тобой разговаривать, до свидания!

Вторую попытку удержать колдуна Алеон предпринял в ту же секунду, когда Торман не только решил исчезнуть, но и осуществил это намерение, и экспериментатор прокричал уже в пустоту:

— Да я сам не понимаю, за что все Крифена обожают! Ты его

лучше!

— Правда? — Торман тут же вернулся.

— Конечно!

— Так и быть, уговорил ты меня, — согласился Торман с охотой, превращённой в одолжение актёрским талантом. — Куда её отвести?

— Камеры в подвале, — заулыбался Алеон, не веря, наверное, что смог так быстро уговорить специалиста по магии разума. — И собачку с собой заберите, это помощник девчонки.

— Твоё творение?

— Ага! — гордо ответил Алеон.

— Заметно. Слишком она мерзкая. В твоём духе, — напоследок нахамил Торман и перенёсся в подвалы Центра, забрав с собой Дашку и Фиелина.

Тут была обыкновенная тюрьма. На двери камеры, ближайшей к нему, специалист начертил пальцем руну, светящуюся синим цветом, дверь беззвучно открылась. В камере оказалось ещё два человека, молодых парня. Один, постарше, со стянутыми в недлинный хвост красивыми светло-каштановыми волосами, слегка вьющимися, с сильными руками (рубашка его была с короткими, вернее, оборванными рукавами, поэтому мышцы ничего не скрывало), мрачным, суровым, но всё равно красивым смуглым лицом оказался к Торману с ведьмой и собакой равнодушен. Младший, с более тёмной шевелюрой, но бледноватой кожей, со странными глазами, не голубыми, а насыщенно-синими, дёрнулся, но остался на месте под укоряющим взглядом второго парня.

В камере почему-то оказалось окно, несмотря на расположение помещения. Вид был на луг и лес, зелёные и цветущие, так что окно было не только явно магического происхождения, но и показывало несуществующее место в королевстве. Впрочем, это всё заняло Дашкино внимание на считанные мгновения, её больше тревожил вопрос, как избежать уготовленной ей участи.

— Что смотришь? Садись, — велел Торман.

Не сводя с мага недоверчивого взгляда (а хотя каким он ещё мог быть?), колдунья устроилась на жутком подобии кровати, которое оставалось свободным. Торман согнал с той, что стояла напротив, одного из заключённых и тоже сел, развалившись поудобнее, затем нехотя приступил к делу.

Одну руку он вытянул вперёд, будто показывая на Дашку пальцем, стал водить им из стороны в сторону и вверх и вниз. Ведьма откинулась к стене и сложила руки. Торман, как ей показалось, халтурил. На его лице не было сосредоточенности,

взгляд оставался томным, он мог бы очаровать любую девушку. А Дашка никаких изменений в себе не чувствовала.

Но вдруг она спохватилась, что неотрывно следит за движением пальца Тормана. Дашка тут же тряхнула головой, моргнула и хотела ещё потереть глаза рукой — руки стали слишком тяжёлыми, чтобы она смогла их поднять. Тогда ведьма зажмурилась, скоро к ней пришло успокоение. А ещё через некоторое время Дашка вновь обнаружила, что смотрит на специалиста. Колдунья сказала себе, что сейчас опять закроет глаза, отвлечётся, но дальше обещания дело не продвинулось — отвести их не смогла. Страха за себя не было, даже малейшего испуга. Был *интерес*.

Торман свёл ладони вместе, замер. Что-то подсказало Дашке, что ей надо сделать то же самое. Сопротивляться она не стала. Специалист начал произносить заклинание, ведьме не известное, она не могла уловить ни одного знакомого слова магического языка, но повторяла за Торманом, благо он не торопился и проговаривал всё. Со стороны это казалось молитвой.

Когда она закончилась, колдун и ведьма раскрыли ладони, в которых заплясали фиолетовые огоньки-вспышки. Торман просто сжал руку в кулак и встряхнул, магия исчезла, и Дашка хотела за ним повторить, но её остановило любопытство: что за силу ей сейчас дали.

Мерцающие огоньки задёргались сильнее. Вдруг один из сокамерников, тот, что помоложе, занервничал.

— Не надо, — он отодвинулся в угол. — Пожалуйста, нет!

Старший, увидев, что парень хочет спрятаться за ним, подскочил и отошёл к двери, где разлёгся Фиелин. Пёс зарычал, молодой человек быстро отвернулся от него, чтобы не злить, и уставился в окно.

— Тебе ведь это не нужно, — юноша задрожал. — Ты же добрая, не делай этого!

Это ведьму позабавило. Рассмеявшись не своим смехом, она сдула с ладони огоньки, те, слившись в две ленты, полетели к парню, одна обмоталась вокруг его шеи, безжалостно сдавив, вторая — вокруг запястий. Бедняга стал задыхаться, побледнел.

Убедившись, что всё соответствует ожиданиям, Торман телепортировался из камеры.

А Дашка уже хохотала вовсю. Она не помнила, чтобы когда-нибудь чувствовала себя такой счастливой.

Следующая россыпь фиолетовых огоньков предназначалась второму парню. Прекратила издевательства подневольная злодейка только тогда, когда в стену постучали. Тут колдунья догадалась, что переборщила с магией. Мысли оказалось

достаточно, чтобы прекратить её действие.

— Что ж ты так, — сокрушённо вздохнул старший, когда пытка прекратилась и он пришёл в себя. — Ты ведь не об этом мечтала, когда вернулась в Альдану, я прав?

— Что со мной? — Дашка схватилась за голову, череп словно распирало изнутри, было нестерпимо.

— Торман внушил тебе интерес к магии. Я полагал, ты сдашься не так быстро и легко.

— О, Ветры, простите! — у Дашки сердце свело судорогой, когда она увидела страшные бордовые полосы на коже сокамерников, следы её колдовства. — Я слишком расслабилась. Мне не верилось, что так просто можно меня загипнотизировать.

— По-моему, на легендарную Дарью Винсент ты не похожа, — изрёк старший. — Я тебя вообще не такой себе представлял, но думал, что ты можешь другой оказаться. Оказалось, разница между тобой и образом, придуманным мною, слишком велика.

— Вы разочарованы?

— Не стану скрывать.

— Наваждение прошло, — ведьма потёрла виски. — Голова болит.

— Это хорошо. Значит, сопротивляешься, — смилостивился парень. — У нас в Академии повесили в холле первого этажа твой портрет, так я заметил, что многие студенты задерживают на нём взгляд и, наверное, в этот момент что-то про себя говорят. В нашей группе холл назвали *местом веры,* возле портрета было принято делиться своими планами на будущее и надеждами, этот то ли обычай, то ли обряд распространился не только среди нас, но и среди всех студентов Академии, Академии Защитников.

— Как мой портрет там оказался?

— Одного из наших преподавателей пригласили в Магическую Академию читать курс лекций по боевой магии, и в тот день, когда ты с друзьями покидала королевство, он вас видел, запомнил тебя и написал по возвращении твой портрет.

— Много я для вас значу…

— Ты веру нам подарила. Твоя история в Альдане о многом говорит, многое найти помогает в себе. А ты, кажется, сама её перечитать не можешь.

— Я уже испортила себе всё, — Дашка уставилась на изуродованные ладони. — Родной магии нет, а инородной мне пользоваться нельзя было, чтобы не смешивать силы разных видов и свойств.

Красноглазый пёс, стуча когтями, подошёл к хозяйке, обнюхал её руки. Снова показал клыки, холка его слабо

воспламенилась.

— Скучаешь по своей магии? А я — по своей, — ведьма опустила пальцы в невысокое пламя, побаливающие шрамы перестали беспокоить.

Фиелин встряхнулся, ей пришлось отдёрнуть руку, опять занывшую.

— В тебе ведь силы и не смешаны, — неожиданно произнёс парень. — Если магию в тебе удалось заменить с огненной на чёрную, то и наоборот можно, скорее всего.

— Эта технология известна только в Центре, — подал голос младший так же внезапно. — А здесь тебе никто не поможет.

— Замолчи, — прикрикнул на него старший. — Мне ты сколько нервов подпортил, теперь и ей ещё будешь?

— Ты же видишь, что она не та, которую вы боготворили, — он поднялся, шагнул к Дашке, но старший отвесил ему мощную затрещину, и парень растянулся на полу.

— Так вы вместе сюда попали? — поняла ведьма. — Не по его вине?

— Отчасти. Эту тварь, кстати, зовут Барклиаф, а меня — Дерхонис.

— И чем же он вызвал такое отношение к себе?

— Нас хотели забрать в армию, воевать с повстанцами. Я сразу собрался бежать, Барклиаф вообще боялся войны, но ещё больше боялся, что его найдут. К дезертирам у нас жестоки. Я, дурак, всё-таки уговорил его. Намучился с ним, конечно. Он жалеть начал, что поддался уговорам, порывался вернуться. Однажды я за ним не уследил. Его поймали. Разумеется, этот трус ещё и меня сдал.

— И вас не убили?

— У меня папаша известный человек, тренирует боевых магов. Некоторые из них у короля служат, — хмыкнул Дерхонис.

— Но почему не в тюрьму вас кинули, а в камеру Центра? — удивилась Дашка.

— Отец меня не очень-то любил. Он велел людям, работающим тут, в случае необходимости пустить меня на опыты вместе с Барклиафом.

— У него тоже родители не из простых смертных?

— Он сирота, рос в приюте. Я его пожалел. Нас когда-нибудь выпустят. Сознание нам замутят, как тебе, и с чистой совестью отпустят.

— О! Ты всё же признал! — поднял голову Барклиаф. — Отсюда нормальными не выходят. Дарья, у тебя ведь в нашем мире нет никого? — он сел на полу, облокотившись одной рукой на кровать ведьмы.

— Друзья есть, — возразила она. — Любовь есть.

— А живы ли они теперь? Я слышал, они с тобой на войне. У тебя нет семьи, нет того, кто жил бы тобой. Ты же чужая среди них, что, неправда? Тебе бы не переживать особо из-за того, что тебя тянут на другую сторону, к Эвилане Армад. По всем землям королевства столько людей, которым терять нечего, они могли бы позволить себе уйти туда, где теплее, удобнее, спокойнее, свободнее. Но нет, уходят люди, у которых на стороне света жёны с детьми и ещё куча народу. Предатели! А те, кто не может ими стать, потому что им предавать некого, думают, что именно такими подлецами и станут, и уступают место тем, кому не следовало бы.

— Нет, мне есть, кого предавать, поэтому я добровольно не подчинюсь им, — жёстко ответила ведьма.

— Значит, они тебя заставят, — протянул Барклиаф с безразличием. — Я тоже тебя по-другому представлял, — заговорил он более оживлённо. — О тебе ходили легенды, что ты одинока. Совсем. Вот я и высказал своё предположение о предателях.

— Оно глупое, — заявила Дашка. — Если против самого себя пойти — это тоже предательство.

— Ты можешь измениться так, чтобы оно таковым не казалось. У нас гораздо большие запасы в душе, чем нам кажется, — голос Барклиафа, наконец, отвердел.

— И что же скрываешь в себе ты? — усмехнулся Дерхонис, опередив Дашку.

— В том то и дело, что скрываю, — огрызнулся парень. — Не влезай, не дамся.

— Можешь не притворяться тонкой чувствительной натурой. Дарья уже увидела, что ты трус и приспособленец. По-моему, к этому больше добавить нечего.

— Да оставь ты его, — укорила старшего ведьма. — Мне и без ваших ссор тяжело.

Парни разошлись по разным углам. Дашка хотела лечь, но на кровать забрался Фиелин, спихнуть которого колдунья побоялась. Молодые люди одновременно уступили ей свои. Не раздумывая, ведьма выбрала место Дерхониса. В окне полыхал великолепный закат, ведьме удалось застать превращение его в ночь.

Сон был слишком ярким, живым: Дашка в библиотеке изучает чёрную магию. Взяла потрёпанный фолиант и начала с первых страниц, не пропуская ни строчки, ни слова. Никто не беспокоил её. Иногда колдунья, делая перерыв, подходила к окну, и видела, что находится библиотека в высокой башне, внизу — река и лес, и вокруг ни души, слышно только пение птиц. Один раз хлынул

дождь, оставивший после себя радугу. Красивый был сон, Дашка даже расстроилась, когда проснулась. Зелёный уголок в ненастоящем окне камеры, конечно, великолепен, но тишины в камере дождаться было нельзя…

Глава 3 ˚Сила, крушащая надежду

Из замечательного сна Дашку вырвали крики Барклиафа и рык Фиелина. Вампирского вида пёс с упоением терзал бедного парня, Дерхонис же явно не сочувствовал, поэтому не пытался ничего сделать.

— Фиелин, прекрати! — заорала Дашка, безуспешно. — Хватит!

Констатировав, что команд животное не понимает, она готова была усмирить его магией, но в последнюю секунду, когда ведьма уже открыла рот, чтобы произнести заклинание, подсказанное ей Торманом, спохватилась, что практика в чёрной магии сильно усугубит её положение. От неё добиваются достижения мастерства, которое применят потом против её же друзей.

Однако Фиелина надо было оттащить.

— Дерхонис, помоги же! — попробовала она воззвать к совести парня.

— У меня есть план побега, — сказал он ей сквозь зубы прямо в ухо. — Барклиаф с нами вряд ли пойдёт, он второй раз на такое не решится, слишком свежи воспоминания. А обсуждать при нём — рискованная идея, он же донесёт тюремщику.

— Ты хочешь, чтобы Фиелин его убил? — воскликнула Дашка.

— Ну а что? Зачем он тебе? Воин посредственный, маг плохой, ум не выдающийся.

Выругавшись, ведьма кинулась к зверю, но перед ней вспыхнула стена пламени, непривычно обжегшая Дашку. Защита от магии огня исчезла из колдуньи вместе с её стихийной силой.

Почти обезумевшая ведьма, прочувствовав, как больно у неё защемило сердце, выпалила то самое заклинание. Цепи фиолетовых вспышек прошли сквозь огонь… и разлетелись по сторонам, словно оттолкнувшись от зверя.

Ведьма вспомнила, что не может причинить ему вред, равно как и он ей. Но сквозь огненное кольцо вокруг Фиелина и Барклиафа прорваться было невозможно. К счастью, память стала подкидывать те заклинания, что Дашка изучала во сне (у ведьмы не было сомнений в том, что его ей послали специально). Колдунья решила попробовать чары, блокирующие магическую силу противника — вроде бы она не в состоянии только причинять Фиелину физическую боль.

Заклинание подействовало — стена пала. Фиелин, понимая, что от него не отстанут, сам отпустил Барклиафа и запрыгнул на кровать.

— Это ты зря, — фыркнул Дерхонис.

— Позови… доктора… — прохрипел пострадавший парень, когда Дашка помогла ему добраться до его кровати.

— Каким образом? — беспомощно простонала Дашка.

Дерхонис подошёл к двери и несколько рас ударил, потом пнул. Она скрипнула и отворилась — явился неопрятного вида заспанный человек неопределённого возраста.

— Опять, — заворчал доктор, пытаясь нащупать что-то в кармане грязной безразмерной мантии блёкло-зелёного цвета, покрытой грязными пятнами, засаленной. — Дерхонис, как же ты мне надоел, а!

— Это не он, это мой пёс, — внесла ясность ведьма, которую доктор почему-то не заметил, как и Фиелина.

— А ты здесь откуда? — недовольно спросил человек.

— Посадили по приказу Алеона.

— Кажется, я понял, — подобрел врач. — Только собака зачем?

— Алеон мне дал.

— Тогда я снова в недоумении, — человек скривился. — Куда же оно делось?

Он снял мантию, вывернул карманы с рваной подкладкой: всё, что в них было, провалилось в дыры. Наконец он нашёл склянку с чем-то мутным, встряхнул, кинул Дерхонису. За склянкой последовал кусок ткани, очевидно, на повязки.

— Сейчас за водой схожу, — сказал доктор и удалился, появившись не очень-то скоро, принеся чашу с чистой водой.

— Прекрасно знаешь, что я только из-за тебя здесь торчу, будь проклят твой именитый папочка! — продолжал демонстрировать недовольство врач. — В мои обязанности входит только тебя лечить, а не твоего дружка. Когда я после твоих побоев его выхаживал — ещё ладно. Теперь ты будешь меня звать всякий раз, как только эта собака, невесть откуда и зачем взявшаяся, будет об него зубы точить? Так вот, мистер Дерхонис Фарцеус Земиан Рикмел, это был последний раз, когда я тратил своё время на пустяки. До встречи, надеюсь, нескорой, — закончив обвинительную речь, он покинул камеру, не забыв хлопнуть дверью.

— Тоже мне, сама доброта, — фыркнул Дерхонис. — Возиться-то с этим страдальцем мне!

Вылив в воду полсклянки жидкости, он принялся промывать Барклиафу раны, Дашка вызвалась помочь.

— И зачем Алеон тебе пса оставил? — полюбопытствовал парень. — Надеюсь, при побеге он нам поможет, — он понизил голос так, чтобы Барклиаф не услышал. — Эй, осторожней!

Раствор, как только Дашка опустила в него руки, вдруг стал окрашиваться в чернильный цвет.

— Ой! — она отдёрнула руки, вода очистилась.

— Ты силу контролируй, — упрекнул её парень. — Если ты обращалась с огненной магией, то и с чёрной должна уметь. Чуть воду не заразила.

— Я не хотела.

Это была правда. Но пальцы и ладони продолжали гореть. Раствор вдруг начал закипать, а Дерхонис поморщился:

— Голова раскалываться начала. Ты чудишь, уймись.

— Это против моей воли!

— Охотно верю. Но отойди, пожалуйста, к двери, а то твоя энергия и до Барклиафа доберётся, а он и так плох.

Покачивая головой — нет, нет, быть этого не может! — Дашка повиновалась. Воздух под пальцами её дрожал, магия рвалась наружу.

Перевязав раны приятелю, Дерхонис снова обратился к ведьме, не приближаясь к ней:

— Тебе нездоровится? Отвратительно выглядишь, как бы ломка не началась.

— Какая ещё ломка? — испугалась Дашка.

— У некоторых магов есть такая болезнь, когда они не могут держать в себе колдовскую силу. Долго находясь внутри них, энергия разрушает их самих, и им необходимо давать ей выход, разрушать что-то. Нередко они делают это бессознательно, сами не замечая. У целителей, белых магов и призывателей такого не бывает, — Дерхонис пристально на неё посмотрел. — Ты держись.

Пришло время то ли завтрака, то ли обеда. Оказавшись в помещении, где заключённые Центра принимали пищу, она заняла свободное место за столом и стала оглядывать народ. Женщин и девушек почти не было, почему-то некромантам доставляло большее удовольствие измываться над ними. Одна из них, сидевшая напротив и увидев, что рядом с Дашкой устроился Дерхонис, сочувственно на неё посмотрела. Ведьма грустно улыбнулась. Девушка задумалась и, будто поняв что-то, закивала.

Есть Дашке не хотелось совершенно, магия, кажется, притупляла чувство голода. Зато человек, сидевший рядом, опустошил миску сразу и сытости не ощутил.

— Можешь взять моё, — ведьма придвинула к нему свою тарелку.

— Благодарю, — человек принялся за неё.

Доесть не смог: схватился за живот и застонал. Заключённые зашептались.

— Отравился, — произнёс кто-то.

— Больше никому плохо не стало? — громко спросила девушка, переглядывавшаяся с Дашкой.

— Позвольте, — пожилой человек, сидевший рядом с несчастным, взял миску Дашки, накрыл рукой. На ладони его после этого проявился какой-то знак, руна.

— Чёрная магия, — объявил он. — Действительно, кто-то отравил еду. Леди, это ведь ваше? — человек толкнул миску ведьмы, она, скользнув по поверхности, оказалась перед Дашкой, остатки похлёбки со дна расплескались по столу.

— Я ничего не делала, — стала оправдываться ведьма, догадываясь, что это бесполезно.

— Она страдает из-за эксперимента Алеона, — вступился за неё Дерхонис. — У неё, судя по всему, стала развиваться имаурийская болезнь.

— Таких магов умертвляют! — возмутился другой человек. — Мне жаль эту девушку, это не её вина, но многие погибают по милости некромантов и Алеона в частности, тоже, заметьте, напрасно, так что такова судьба ваша, леди. Да и болезнь такая вообще поражает внезапно, обезопасить себя от неё никто не в силах, тем не менее, всех страдающих ею убивают, не сетуя на несправедливость.

— Ну так прикончи её! — хохотнул парень.

— Запросто! — взбешённый мужчина прежде, чем к нему подоспели два тюремщика, швырнул в Дашку нож.

Рука сама рванулась вверх, согнулась в локте и выпрямилась, кулак сам разжался, выбросив волну фиолетовой энергии, отбившей нож, он чуть было не угодив в метателя.

— Вы не ранены? — схватил её сзади за плечи один из тюремщиков.

— Вот этого — в шестую лабораторию, — распорядился второй надзиратель, притягивая за воротник агрессора. — Керзиану материал необходим.

— Отведи девочку в камеру, а я этим займусь, — кивнул первый.

— Я с вами, — сорвался с места Дерхонис.

— Вот-вот, катись отсюда! — выпалил человек, определивший, что Дашка нечаянно стала отравительницей. — Вместе со своей подстилкой!

Ведьму и Дерхониса увели.

* * *

— Что ты так переживаешь? — не выдержал старший

сокамерник Дашки.

— Откуда ненависть к тебе и ко мне? И ведь неприязнь ко мне из-за того, что мы с тобой вместе, я видела! — сердилась ведьма, которая взад-вперёд по камере находила, наверное, уже пару километров. — Какой ты дал повод так к себе относиться?

— Все тюремщики на самом деле передо мной стелются, — усмехнулся Дерхонис. — Отец, служащий при короле — это нельзя упускать из виду. Они не подозревают, что родительской привязанности ко мне у него нет, я согласен воевать только за доброго короля, а не за диктатора и его прихлебателей, поэтому не нужен отцу. Все, скорее всего, думают, что мне женской плоти захотелось, вот тебя ко мне на растерзание и кинули. А тебя этим от скоропостижной смерти спасли.

— Я же больная, вдруг убью тебя своей магией случайно?

— Зависть мозги портит, — изрёк парень.

— Мне здесь не нравится! — выдохнула Дашка.

— Логично. Неволя, как-никак.

— К ней я привыкла. Люди тут странные. Ты, Барклиаф, завистники твои. Странные и страшные.

— Барклиафа не бойся, он больше чудить не станет, опыта нахватался, — вспомнив о приятеле, Дерхонис подошёл к его кровати, поправил юноше повязки. — А мы удерём отсюда, я обещаю.

— Я тебе не совсем доверяю, — честно сказала Дашка, — мне хватило Крифена.

— Тебе придётся мне помогать, — парень приблизился к ней вплотную, сильные пальцы обхватили её предплечья. — Сама не выберешься отсюда. А вдвоём мы справимся. План у меня есть, и осуществление его надо начать как можно скорее, пока тебя не сделали фанатичкой, отстаивающую интересы леди королевы Эвиланы.

— Мне надо свою родную магию вернуть, — повысила голос Дашка.

— Ничего. Подождёшь. Центр с его лаборантами никуда не исчезнет. Позже заставишь их сделать то, что нужно тебе.

Он разжал пальцы. Дашка рухнула на кровать. От услышанного внутри всё сжалось.

Сам того не ведая, напряжение развеял телепортировавшийся Торман, ведьма даже была рада его видеть. Дерхонис удостоил мага презрительным взглядом и стал созерцать природу в окне, поглядывая на раненого приятеля.

— Очевидно, мои старания даром не прошли, — оценив состояние Барклиафа, Торман сел напротив Дашки, как и в тот раз.

— Вы Фиелина натравили?

— Да, леди. Заразив вас имаурийской болезнью, мне достаточно было заставить вас применить магию один раз, чтобы проявились симптомы, — протянул он с нескрываемым удовольствием. — Осталось лишь отучить вас от вероятной привычки кидаться не на врагов, а на нас, преданных Её Величеству Эвилане защитников тёмного великолепия. Это самая лёгкая часть порученной мне работы.

Торман встал, приблизившись к ведьме, у которой вдруг пропало только что возникшее желание покалечить его магией прежде, чем он как-то на неё, Дашку, повлияет. Когда он положил ей руку на горло, ведьма почувствовала, что кожи коснулось что-то твёрдое и холодное, а вокруг шеи обвилась широкая лента, кажется, кожаная.

— Теперь ты наша, — усмехнулся Торман. — вечером я тебя заберу, жди. Надо будет показать тебя в действии Алеону и Керзиану, — и специалист оставил заключённых, только его пугающий смех продолжал отдаваться в стенах камеры ещё пару мгновений, как эхо.

Дашка ощупала появившийся на ней прямо под повязанной лентой Полы кожаный ошейник с большим тяжёлым камнем. Разумеется, он никак не снимался, сидел, как приклеенный.

— Это слишком просто! — уже плаксиво возмутилась она, эмоции уплывали из-под контроля.

— Признаться, я разочарован, — произнёс Дерхонис. — Неподобающая для спасительницы мира покорность.

— Я сама не поняла, как это произошло! — выкрикнула ведьма.

— У отца есть знакомые специалисты, которые придумают, как избавить тебя от ошейника. Конечно, ты познакомишься с ними лишь в том случае, если я дождусь твоей помощи сейчас.

— Что делать надо? — вздохнула колдунья.

— Ты заставишь Фиелина схватить Тормана, когда он придёт за тобой. Всего-то.

— Но я не умею им командовать! Он меня не слушается!

— А должен, — Дерхонис оставался непреклонным. — Для тебя ведь создали!

— Мы обменялись силами и связаны тем, что не можем наносить друг другу увечья, — решила всё-таки объяснить Дашка, подозревая, что убедить парня невозможно, и не ошиблась.

— Значит, ничто не мешает тебе его подчинить себе, — Дерхонис сказал это и демонстративно сел на свою кровать, закинув ногу на ногу.

— Я могу и передумать. Беги отсюда сам, — заявила ведьма.

— Полагаешь, что справишься сама? Или ждёшь, что за тобой спасители придут?

— Такое возможно, — ответила колдунья, отчасти в это поверив и улыбнувшись.

— А на помощь предков не рассчитываешь? У меня подозрение, что ты настолько избалована вниманием, что считаешь, будто и духи за тобой следить обязаны и заботиться о твоей безопасности. Ты сама ничего предпринимать не хочешь! — трясся в гневе Дерхонис. — Ты для королевских прихлебателей должна быть идеалом, а не для нас! Думаешь, он тебе поможет? — он кивнул в сторону Барклиафа. — Да ни за что! Он настолько труслив, что даже с тобой не пойдёт, к тому же он, как видишь, очень слаб. Или тебе было бы всё равно, даже если бы он лежал при смерти? Я не позволю так над ним издеваться, Дарья Винсент! Откажись — и я скажу кому-нибудь, что ты пыталась меня убить. И тебе плохо придётся.

— С каких это пор ты стал так заботиться об этой, по твоему же выражению, твари? — съязвила Дашка.

— Ах, в ком-то ревность заиграла? Тебя не касается то, как я обращаюсь с парнишкой.

— Для тебя он лишь собственность? — только начавшая раздражаться колдунья взяла себя в руки, заподозрив, что разговаривает сейчас с человеком, выросшим в атмосфере вседозволенности — семья наложила отпечаток, как это ни прискорбно, в ней, скорее всего, было принято не считать за людей всех, чьё положение ниже твоего. — А я, к твоему сведению, результат важного эксперимента, и Алеон вряд ли допустит, чтобы меня просто так уничтожили. Он же старался, работал…

— Но я здесь всё равно главнее.

Дерхонис не кричал больше, не пытался доказать. В том, что он произнёс только что, парень не сомневался, и мнение других по этому вопросу его не интересовало.

— Что же ты бездействуешь, Винсент? — он снова развалился на кровати и спрашивал оттуда лениво, но с хищными интонациями.

— Мне нужен кто-то, на ком я смогу тренировать Фиелина. Ты, как я полагаю, не дашься, а на беспомощном Барклиафе я не стану.

— Будь по-твоему, — не стал спорить Дерхонис, вставая и идя к двери, которую он как следует пнул.

На «зов» явился тюремщик:

— Что вам?

— Приведите какого-нибудь человека, нам надо.

— Девчонки вам мало?

— Вам так сложно выполнить мою просьбу?

— И кого желаете, парня, девушку, мужчину, женщину? — тюремщик съехидничал, но Дерхонис воспринял его слова серьёзно и поинтересовался у Дашки:

— Кто тебе нужен? На ком твоя совесть позволит отыграться?

— Парня, — пришлось отвечать ведьме.

— Сейчас, — проворчал тюремщик, исчезая за дверью.

Предоставил он Дерхонису и Дашке почти что ребёнка, юношу лет четырнадцати, и удалился прежде, чем ведьма воскликнула:

— Этот слишком молод!.. Как ты сюда попал? — пробормотала она, разглядев его: фарфоровой белизны кожа, мелкие смоляные кудри, не такие уж длинные, чтобы собирать их в хвост, однако юноша сделал это, ненормально чёрные ресницы, привлекающие взгляд к великолепным глазам. Дашка даже подошла, чтобы рассмотреть их: потрясающий цвет, у зрачков — голубой, а к краю радужки темнеющий до оттенка морской волны. Черты лица оказались малость грубоватыми, но это красоты не портило.

Одет юноша был дорого но со вкусом, не вызывающе; и ведьма, и Дерхонис только через полминуты пристального разглядывания юного красавца заметили, что мантия его украшена изумрудами и сапфирами.

— Что же ты, мама, наделала? — вздохнул он.

Сокамерники приготовились слушать, даже Барклиаф поднялся в постели.

— Она у меня целительница, — не стал тянуть паренёк. — Так как семья у нас знатная, именитая, ей дали срок переучиться и переучить меня. Я тоже целитель. Мать из принципа не стала этого делать, у нас в роду если и появлялись маги, то только светлые. Я бы сам взялся за какой-нибудь из видов разрешённой магии, да только по книгам не могу ничего понять, мне нужно, чтобы кто-нибудь объяснял всё и показывал, а обратиться не к кому было. Срок вышел, а мы с матерью себя не изменили. Вот и кинули нас сюда.

— Почему не в обычную тюрьму? — недоумевала Дашка.

— Сейчас времена тяжёлые, для армии много чего нужно, так что сейчас народ не по тюрьмам, а по лабораториям распределяют. Маму, кажется, сразу на стол потащили, а меня — в запас, — он всхлипнул.

Дашке захотелось его пожалеть. Было в этом мальчике что-то совсем простое, но удивительно располагающее к себе, притягивающее. Даже речь у него такая была, хотелось ещё

послушать, и голос звучал приятно.

— Приступай же, — настаивал Дерхонис, — или скажешь, что тебя что-то не устраивает?

— Нет, я не могу этого сделать, — заявила ведьма. — К твоему сведению, мне даже на войне было не по себе оттого, что приходится убивать и калечить. А этот юноша даже не враг мне. Скорее уж, товарищ по несчастью.

— Так ты будешь выполнять то, что я говорю?

— Могу тренировать Фиелина на тебе, — развела руками Дашка. — Целитель среди нас есть, так что не переживай, жив останешься.

— Леди, помните, из-за проклятия Книги Смерти сил светлой магии у чародеев почти не осталось, а я и без того был более чем посредственным целителем, — юноша смутился.

— Вот видишь, он сам признал свою ненужность, — продолжал давить Дерхонис. — К тому же он обречён, всё равно погибнет от рук некромантов или ядов алхимиков. Если его нечаянно загрызёт Фиелин, это, вероятно, будет ещё и более лёгкая смерть.

— Это отвратительно — так судить о людях, — Дашка оставалась непреклонной. — Каждый вправе выбирать, в чём он лучше других, и развивать это, и этот выбор столь огромен, что ненужных людей практически не бывает, а те, кто решил, что он существо бесполезное, сами себя заклеймили. За других определять мы не вправе.

— Выбор может затянуться, а времени ждать не всегда достаточно! Особенно в таких затруднительных ситуациях, как у нас! Наша жизнь есть величайшая ценность, величайшее благо, что мы имеем, и разбрасываться им нельзя, его надо оберегать всеми силами. Если тебе она не нужна, то королевству — очень даже! У тебя предназначение — избавить Альдану от кошмара Эвиланы Армад, но ты не рвёшься в бой, ты согласна сдаться её людям и воевать за них, ты эгоистка! — выпалил он. — Тебе можно простить нелюбовь к собственной шкуре, но то, что ты так подставила народ королевства — никогда!

— Что тут происходит? — поразился юноша, когда Дерхонис, тяжело дыша, замолчал.

— Эта девчонка, небезызвестная Дарья Винсент, должна обучить своего помощника, эту жуткую собаку, плод лабораторных развлечений одного из сотрудников Центра, нападать на людей по её команде, — театрально, с сарказмом произнёс Дерхонис. — И для тренировок нужна жертва. Но не волнуйся, ты если умрёшь, то за дело. Если мы обучим собаку, то натравим её на мага, который иногда наведывается к нам в

камеру, и заставим перенести нас в одну из лабораторий, а затем — в особняк моего папочки. Так что погибнешь за дело. Вырвется из заточения Дарья — будет Альдане спасение. Как тебе?

— Согласен, — буркнул юноша. — Пожалуй, вы правы: лучше здесь жизнь кончить, чем под ножами и фрезами некромантов.

— Никто тебя и пальцем не тронет, — успокоила его ведьма.

— У тебя скоро начнётся приступ, — хмыкнул Дерхонис.

— Я уничтожу тебя, — парировала Дашка.

— Вы оборотень? — ничего не понимающий целитель задал вопрос, покраснев ещё сильнее.

— Нет, страдаю имаурийской болезнью.

— Наверное, ужасно это осознавать? Моя мать умела лечить её, но это ей очень редко удавалось. Я видел глаза таких больных, на совести которых уже десяток убийств, совершённых невольно. Совсем как у новообращённых вампиров, которых инстинкты заставляют бросаться на людей, — целитель, пробормотав это, присел, наконец, на самый край постели.

— Я и вампиром была.

— Знаю. Многие знают. И каково это?

— Я чуть не решилась на самоубийство.

— Тебя подтолкнули, — Барклиаф слабо, еле разлепляя губы и не открывая глаз, заговорил. — Был какой-то парень, он тебе сказал, как можно уйти из жизни тем, кто практически бессмертен. Он нарочно это сделал, возненавидев тебя.

— Какие познания, — фыркнул Дерхонис. — Да, тебе, малыш Барклиаф, повезло, из рассказов ты узнал Дарью такой, какая она есть: слабовольной, изнеженной.

— Закрой рот! — сказал он громче. — Не всем же по трупам бегать, как ты.

— Поздно клыки обнажать, когда в клетку посадили, — ухмыльнулся старший парень.

— Оба прекратите! — выпалила Дашка. — Ты больше ничего поведать не желаешь? — накинулась она на целителя. — Ой, прости, — она замотала головой, опустив глаза и закрыв лицо руками, скрестив их перед собой. — Что-то на меня нашло.

— Приступ, — охотно предположил Дерхонис.

— Сердце… В груди жжёт, — ведьма зажмурилась, подавила стон, а жжение стремительно разливалась по рукам, за секунды добравшись до ладоней.

Юный маг глянул на свои, надеясь, наверное, почувствовать исцеляющую силу, посмотрел в лицо Дашке, молча извиняясь.

Терпеть было невозможно, фиолетовое пламя, не стихийное, не родное, уже подрагивало на пальцах, уши вдруг заложило, проклятие ведьма выкрикнула, уже не слыша собственного

голоса.

Дерхонис отличался ловкостью и метнулся к целителю, вознамерившись использовать его в качестве щита, но уровень Дашкиного мастерства оказался таким, что посланные ею чары без контроля самой ведьмы находили цель, им предназначенную. Юноша остался стоять, Дерхонис упал, оглушённый. Боль отступила. Раздались хлопки: восхищение Барклиафа, уже не лежавшего, а сидевшего.

— Браво, леди Винсент. И не верьте ему. Он всех по себе и своему окружению меряет.

— Надёжно сделано, — наклонившись, целитель осмотрел Дерхониса. — Эх, мне бы одну четверть ваших способностей, и я бы был счастлив.

— Твоя мама не говорила тебе, как долго люди, оглушённые чёрной магией, могут пробыть без сознания? — поинтересовалась Дашка.

— Около часа, если уровень силы колдуна средний, а у жертвы нет врождённой или приобретённой любыми способами магической защиты, ослабляющей действие чар и снижающее их продолжительность, — дал точный ответ целитель. Наверное, он был у своей матери примерным учеником.

— У меня есть идея, — задумалась Дашка. — Торман, специалист по магии разума, который пытается переделать меня, — пояснила она для целителя, — скоро должен посетить нас. Если вы в тот момент, когда он захочет перенестись вместе со мной, вы схватите меня за руку, то телепортируетесь тоже. Это возможно?

— Конечно, — кивнул юноша. — Только нужна очень быстрая реакция. Перемещение ведь можно отменить мгновенно. И потом, надо решить, что дальше делать. Этот специалист вряд ли позволит нам убежать.

— Вы и меня с собой берёте? — Барклиаф только осознал, что ведьма говорила о *«вас»*, а не о *«нём»*.

— Ты хочешь дальше терпеть унижения Дерхониса? — строго спросила Дашка.

— Нет, но я же… Я и вправду такой, как он обо мне говорил. Обузой вам стану.

— Бред! Ты… — ведьма снова посмотрела на целителя, наморщила лоб: — Как тебя зовут?

— Фелицио.

— Ты сможешь поддерживать самочувствие Барклиафа?

— Простите, даже это мне не по силам. В лабораториях Центра, впрочем, наверняка можно достать зелье, придающее магам силу, — протянул Фелицио, увидев, как Дашка изменилась

в лице, вот только он неправильно истолковал это, ведьма хотела сказать, что он просто в себя не верит, а целитель подумал, что колдунья начнёт возмущаться отсутствием у него способностей. — Одна проблема — распознать я его распознаю, спасибо маме, научила, но как украсть?

Найти ответ Дашка не успела — в камере материализовался Торман.

— Готова? Алеону не терпится тебя увидеть.

Она, вздохнув и подняв голову, шагнула к нему, его рука легла, надавив, ей на плечи. Фелицио подлетел к ведьме, впихнув свою ладонь в её, на него уже опирался Барклиаф — это за полсекунды. А за вторые полсекунды открыл глаза Дерхонис, схвативший целителя за штанину. Торман заметил, но это было уже в момент телепортации.

Глава 31 Клятва

Группа оказалась в огромном зале с мраморным полом и колоннами и окнами во всю стену. На специалиста, ведьму и троих молодых людей уставились четыре пары недовольных глаз и много удивлённых, но счастливых. В зале присутствовали Керзиан, Алеон, Крифен и алхимик, которого Дашка неоднократно видела в той лаборатории, где ей пришлось провести несколько суток, а так же Файризан, Рикелла, Верлиан и остальные пленники из армии Скентии и Абрион. Последние толпились за спинами сотрудников лаборатории, стоявших в ряд.

— Что это? — нахмурился Керзиан.

— Проклятье… — Торман оглядел троих молодых людей.

— Убить их? — Алеон поднял руку, приготовившись выбросить сгусток смертельной магии.

— Не нужно, это сделает Эйлин, — возразил получеловек.

— Кто такой Эйлин? — пробормотал Рикелла, обращаясь к Абриону, но вопрос услышал ещё и Крифен, с радостью поспешив ответить:

— Это не он, а она. В нашем Центре есть традиция — всем людям, эксперименты над которыми завершились успешно, давать новые имена.

— А вы так уверены? — вспыхнул Файризан.

— Мистер Торман заявил, что своё дело он выполнил, — Алеон строго посмотрел на специалиста, тот сделал недовольное лицо.

— Я нашёл простой способ заставить её работать на нас. Имаурийския болезнь — вам это ни о чём не говорит? — накинулся на Алеона специалист. — Приступы можно контролировать, это уже не в моей компетенции. Я же устроил так, что облегчение Эйлин будут приносить только нападения на бывших союзников, не на нас. По-моему, всё просто и идеально, — заявил Торман.

— Сейчас проверим, — произнёс Керзиан, жуткий свет его жёлтых глаз внезапно стал несколько другим, приглушённым.

В сердце и в руках Дашка опять почувствовала жжение. Боль усилилась слишком стремительно, несколько мгновений назад она была приятным теплом, а теперь ладони будто приложили к раскалённому металлу, кусок его словно воткнули в грудь. Ей повезло, что из-за завесы слёз она не увидела ничьих взглядов, самым страшным из которых был взгляд Дерхониса, пережившего только что самое большое разочарование в жизни.

Кольцо невидимой энергии пробежало по залу, не причинив

вреда никому из сотрудников Центра. Те пленники, которые смогли ощутить, на какой высоте надвигается волна, успели пригнуться, но большинство оказалось поверженными. Кое-кто от удара потерял сознание.

Жжение не уменьшилось, и заклинание пришлось повторить снова. Свой голос ведьма слышала будто со стороны, рука не сама сделала взмах — её подкинула вверх и потянула вниз злая сила. Вместе с магией она вытянула из Дашки и часть жизни, так ей показалось. Когда отступила боль, она не могла стоять, пошатнувшись, упала, её подхватил кто-то.

— Подождём, пока она в себя придёт, — постановил Торман, — и заставим её убить всех. — Керзиан, вы ведь сможете сделать её приступ сильнее?

— Смогу, но хочу тебе сказать, что работу свою ты выполнил плохо, от тебя ожидали другого, — получеловек плавно подлетел к нему, хотел дотронуться до его лица, но красавчик отскочил назад.

— Что вас не устраивает? — попытался возмутиться он.

— Эйлин устаёт. Она не должна. К тому же от тебя хотели, чтобы ты сделал её искренней нашей помощницей. Пока Эйлин осознаёт свою подневольность, ничего путного из неё не выйдет. А после того, как девчонка уничтожит весь этот сброд, — широким жестом Керзиан указал на пленников, — то из-за угрызений совести ей и дышать трудно станет.

— Прикажете убить её? — нагло усмехнулся Торман.

— Вот ещё, я не для того старался! — прикрикнул на него Алеон.

— Ты? Старался? Подумаешь, какая сложная кропотливая работа — несколько раз порезать девчонке руки!

— Больших усилий стоило внедрить её силу в Фиелина.

— А смысл какой был в этом? Использовал бы для этой целей кого-нибудь из пленных. Не только в нашей армии есть чёрные маги, у Ринхафта их тоже предостаточно.

— Я хотел проверить, возможно ли из искусственного создания переместить магию в настоящего человека, — всё ещё старался не сорваться на крик Алеон, теперь он говорил слишком медленно и отчётливо.

— Ах, значит, у него эксперимент не удался, а я виноват оказался?! — бесился Торман.

— У него всё вышло так, как он и хотел, — хотел охладить его пыл Керзиан. — Ты ему всё испортил.

Но этими словами он сделал только хуже.

— В таком случае, я ухожу от вас, — Торман вытянул вперёд сцепленные руки, вывернул ладони, раздался тихий хруст

суставов пальцев. — И, раз результат эксперимента вам всем не понравился, я забираю испорченный материал с собой. Всех пленников — тоже, раз они вам были необходимы только для того, чтобы испытать Эйлин.

Пленники замерли. Тот, кто поддерживал Дашку, от неожиданности опустил руки, но, опомнившись, успел её подхватить. Алеон расхохотался, Керзиан, вцепившись в воротник дорогой рубашки Тормана, рванул красавчика к себе, оторвав его от пола.

— У тебя только один способ сделать это, — сказал он ему, края капюшона практически доставали Торману до лица. — Ты знаешь, он недешёвый, а для тебя так и вовсе неприемлемый.

Крифен и Абрион с алхимиком обступили их, им, кажется, было смешно, но в то же время что-то их пугало.

— Мне надоело это рабство, — Торман поморщился, наверное, от Керзиана исходила какая-то энергия, действие которой нормальные люди на столь близком расстоянии переносили плохо. — Я же творец, а вы заставляете меня делать то, что нужно вам. Почему одним сотрудникам можно создавать то, что им самим угодно, а другим приходится отдавать свою силу, свою фантазию для их опытов?

— Что у него за намерения? — заволновалась Дашка. — Он хочет убить всех?

— Тогда бы он просто всем пригрозил, — шепнул ей Фелицио, который и не давал ведьме упасть всё это время.

Тем временем Торман продолжал:

— У меня слишком много идей накопилось, так что можете за меня не волноваться. Что ж, мне было с вами хорошо, если закрыть глаза на то, что вы меня постоянно подавляли, кое-чему я здесь научился, кое-что вы смогли мне дать — до свидания!

Воздух в зале задрожал, пленники один за другим стали… исчезать. Последними из зала телепортировало Дашку и Фелицио.

Торман отправил всех, в том числе и себя самого, на берег неширокой реки, на другой стороне её виднелось поселение. Всё вокруг было серым, холодным, под стать пасмурной погоде со слабым, но надоедливым ветром. Он умудрялся пронизывать, пробираясь под одежду, и вызывать клацанье зубов. Местами торчали клочья тумана, проткнутые сухими деревьями, а у самого горизонта — вершинами гор, хмуро черневших. Единственным пятном тёплого цвета являлось солнце, бодрствующее последний час, да и оно золотилось слишком осторожно.

— Неужели придётся говорить ему спасибо? — Фелицио нащупал пульс у Тормана, лишившегося чувств. — Нет, пока он

жив, — пробормотал он, отступившись от своей мысли и тут же вернулся: — Тебе же не надо рассказывать, что если потратить разом всю свою магию, она выйдет из тебя вместе с жизнью? Не знаю, что задумал Торман, но мы теперь на свободе, а помочь ему мы ничем не сможем.

— Почти все в обмороке, — вздохнула Дашка, оглядываясь. — Нельзя гадать, как долго народ протянет в таком состоянии. Придётся кого-то посылать за целителем. Все наши — без сознания.

— Есть ли тут где-то поблизости такие одарённые маги? — покачал головой Фелицио. — Мы даже не имеем представления о том, где находимся. Да, одно поселение я вижу, но как до него добраться? Моста нет, вплавь — лично у меня сил не хватит. Кроме того, не факт, что среди местных жителей найдётся целитель, который на что-либо способен.

— По-моему, придётся оставить всех, кто не в состоянии идти, — предложил один из воинов. — Мы сами безоружны и слабы.

— Может, нас заметят на том берегу? — задумался Абрион, глянул в сторону поселения и неожиданно кинулся к Дашке: — Как замечательно, что ты снова с нами!

— Она нас не спасёт, — подал голос Дерхонис, разлепивший веки и с трудом поднявшийся. — Когда с ней опять случится приступ — она и уничтожить нас может. Вы, юноша, правы, уходить надо отсюда как можно скорее, — кивнул он тому, кто был готов бросить здесь поверженных воинов.

— Среди пострадавших — полководец и несколько превосходных магов, в том числе и целитель, Рикелла, — возразил другой парень.

— Забираем их — и исчезаем. Торман может очнуться, — настаивал Дерхонис.

— Подожди, может, бежать не придётся, — шикнул на него Абрион. — Я попробую кое-что с помощью своих скромных знаний огненной магии. Надо наломать дров и разжечь большой костёр. Всего-то. Я всё-таки надеюсь, что жители поселения на том берегу не откажут нам во временном приюте.

— Вряд ли этим мы усугубим ситуацию, — протянул тот же юноша, что выразил несогласие с Дерхонисом. — Все согласны, или у кого-то есть свой вариант?

Идея споров не вызвала. Натаскали из ближайшей рощицы сухих веток, подожгли — вспыхнуло ярко, как и рассчитывали. На том берегу стали обращать внимание.

— Над Торманом надо будет Обряд Упокоения провести, — Абрион присел возле специалиста, бывшего коллеги. — Он нас

вытащил из Центра, перенёс на сколько-то километров или даже десятки их от Цейгена, а может, и тысячи. Вероятно, по глупости его все так удачно для нас сложилось, но всё же…

— Жаль его, — Дашка опустилась на колени с другой стороны.

— А себя — нет? Он наградил тебя вот этим? — Дерхонис похлопал себя по горлу.

— Ошейник с проклятым камнем? — ведьма запустила пальцы под платок. — И что?

— Снимать его кто будет? Тормана можно было бы заставить. Теперь же, прежде чем мы найдём специалиста, который освободит тебя от камня, ты большинство из нас испепелишь, уничтожишь!

— Обещаю сразу же, как начнётся приступ, наложить на себя руки. Теперь ты замолчишь? — неожиданно для себя рассердилась Дашка.

— Твоё желание поскорее сдохнуть меня поражает, — грубо ответил Дерхонис. — Может, мне стоит помочь тебе осуществить его?

Он поднялся с земли и, прихрамывая, подошёл к Дашке, остановившись, сжал кулаки и застыл так, его колотила дрожь злости из-за бессилия.

— Я найду способ, — процедил он. — Я убью тебя и развею потом миф о твоей сильной душе. Наверное, мне стоит отыскать и трёх твоих друзей — наверняка они лучше тебя, но людская молва редко признаёт правду. Я покажу королевству его истинных героев.

— Да как ты только с нами оказался! — Фелицио ударил его по лицу, парню этого оказалось достаточно, чтобы рухнуть на землю. — Валялся бы на полу в камере, как те, кого ты сейчас требуешь кинуть здесь умирать. Нет же, очнулся, — он брезгливо поморщился.

— У меня есть некоторая стойкость к чёрной магии. Иначе мой отец давно отправил бы меня в царство мёртвых.

— Как я его понимаю! — театрально заломив руки, воскликнул Фелицио.

— О, Ветры, что тут было?

Голос заставил замолчать даже Дерхониса, собравшегося нахамить в ответ.

Прямо на поверхности воды стояла девушка, которая, очевидно, пришла сюда из деревни по поверхности реки, будучи в ладах с водной стихией, но все слишком были заняты выяснением отношений и не заметили её появления.

— Долгая неприятная история, — не стал освещать

подробности Абрион. — Скажите, могут ли в вашей деревне как-то помочь нашим пострадавшим? Это поражение чёрной магией. Понимаем, вряд ли у вас практикующие целители остались, но всё же…

— Кто вы? — неожиданно резко, недоверчиво спросила девушка.

— Мы чудом спаслись из Центра магических экспериментов Фиарела Эвокса, это в городе Цейген, — осторожно стал рассказывать парень. — Мы из армии Скентии Ринхафта, попали туда в плен, — Абрион не стал говорить, что он не оттуда и что совсем недавно он принимал непосредственное участие в ужасной деятельности Центра. — Из-за необдуманного поступка одного из сотрудников Центра мы очутились тут, но не знаем, что это за место. Человек, по воле которого произошло это, среди нас, вот он, — он показал на Тормана. — Медленно умирает, выплеснул количество магии, несовместимое с жизнью.

— Его спасать мы не требуем, — перебил Дерхонис. — Считайте, что его нет. Забудьте.

Абрион увидел, что девушка, нежная, хрупкая, изящная красавица, неземное существо с гривой невероятно длинных кудрей, русых с золотистым отблеском, от такой жестокости ничуть не изменилась в лице… впрочем, нет, она, смотревшая на незнакомцев строго, чуть-чуть смягчилась. Парень с ненавистью глянул на Дерхониса. Некромант до этой секунды ещё надеялся, что Торману можно было сохранить жизнь.

— Мой дядя был целителем, после кошмара, устроенного мистером Мортисом, он остался способен лечить несерьёзные повреждения. Его казнили. Неделю назад, — произнесла девушка. — Порядки Эвиланы Армад добрались и до нашего поселения, о существовании которого иногда забывали даже сборщики налогов при короле Мартине. Хранители закона явились к нам в деревню, казнили всех неугодных магов, исчезли. Зачем это всё? — воскликнула она, словно обвиняя Абриона и всех остальных. — Почти ни у кого из священников, целителей и белых магов теперь силы нет, так чем они провинились?

— Она боится, что это недолго продлится, — ответил один из воинов. — Вернулись четверо избранных.

— Уважаемый мной Кевин Гранд имел право на ошибку, как и все смертные, и он совершил её, избрав не тех, вернее, не ту. Хотя остальных троих я ещё не видел. Вероятно, они тоже не герои, — Дерхонис и не думал подчиняться.

— Что он несёт? — потребовала объяснений девушка.

— Леди, этот человек ненавидит Дарью Винсент, — вздохнул Фелицио. — Он при каждой возможности вставить слово

оскорбляет её, на неё наговаривает. А Дарья с нами, если вы не узнали.

— Приятно познакомиться, — хмыкнула девушка, протянув руку колдунье. — Я Лефрайс. С некоторых пор моя вера в вас начала уменьшаться.

— Почему? — насторожилась Дашка.

— Войска Ринхафта давно не одерживали побед. От армии едва ли осталась половина. Продержатся повстанцы пару месяцев и сложат оружие. Что-то не видно счастья, которое вы и трое ваших друзей нам принесли.

— Где повстанцы сейчас? — занервничала ведьма заметнее.

— Только подошли к Дестиарии.

— А мы где сейчас?

— В Разории.

— Так вы нам не поможете ничем? — влез в холодный сухой разговор другой воин.

— В ближайшей деревне есть друид, у него можно достать исцеляющее зелье, — Лефрайс стала делиться сведениями с заметной неохотой. — Но добираться до неё несколько суток, так как порталов ни в нашем, ни в том поселении нет, а с помощью магии переместить вас туда никто не сможет.

— Вы дадите нам лошадей? У нас выбора нет, — сказал Фелицио.

— Возможно. Так вам нужен приют у нас?

— Очень вас просим!

— Хочется думать, что вы меня не обманываете, — девушка присела на воде, коснулась подёргивающейся глади, и она стала быстро покрываться льдом — получился мост на тот берег. — Я людей позову, вам помогут перенести пострадавших.

— Какая великолепная магия, — отметил Фелицио, глядя вслед быстро удаляющейся девушке и явно ей завидуя.

— Стихийная, водная, — Дашка погрустнела, вспомнив кое о ком: — Жив ли сейчас Ивар? Вы когда последний раз видели его? — спросила она воинов, умолчав о том, что её также интересует судьба другого стихийного мага, Дмитрия.

— Я за него переживаю, — пробормотал парень из магического полка. — Он не думает о том, что его убить могут. Уже несколько бойцов сложили головы, защищая его.

— А как Алекс и Элли?

— Стремительно набираются опыта, страх врагов перед ними огромен, — парень улыбнулся, а Дашка ощутила гордость за них. — Если бы не они, от армии сотня человек бы всего осталась.

— Так значит, они всё-таки не так плохи, — признал Дерхонис. — Тебе бы поучиться у них, Дарья.

— Она была не слабее их, — заметил боец.

— Я не мощность магической энергии имею в виду. Те два стихийных мага почему-то не попали в плен. Значит, они так хотят жить, бороться, отстаивать то, что дорого им и всему народу Альданы.

— У тебя слишком большие идеалы, — Фелицио пристально посмотрел ему в глаза. — Надежда, вера и чувство долга не дают бессмертия и даже не гарантируют безопасность.

— У тебя, кажется, их нет вообще. Ты жалкое подобие своей мамочки, как я понял. Ты ведь себя таковым сделал, — Дерхонис не отвёл взгляд, который становился всё более злобным.

Фелицио снова ударил его. Раздались одобрения.

Дашка наблюдала, как по лицу Дерхониса стекает кровь. Вдруг появилось желание: а пусть он умрёт, наконец! Оно было ясное, отчётливое, спокойное, ровное. Колдунью желание не испугало. Дашка только удивилась тому, что она так незаметно для самой себя изменилась. И не могла сказать, что в худшую сторону.

Но Дерхонис, кажется, собирался встать. Вот тут Дашка заволновалась, сообразив, что её раздражает выносливость этого человека. Он за последние часы два раза получал удар магией, два раза — кулаком. Вряд ли этим можно убить крепкого парня, но вогнать его в бессознательное состояние на какое-то время, пусть и непродолжительное — наверняка. А этот сопротивляется! Ведьма ненавидела его за это. Почему такие хорошие люди, как воины Скентии, находятся при смерти, а Дерхонис, невыносимое создание, циничное и жестокое, наотрез отказывается умирать?

Ей хотелось накинуться на Дерхониса и сжать пальцы на его шее. Тут Дашка поняла, что он и так задыхается.

На неё уставились все, обомлевшие. А она злилась сильнее и сильнее. Чем больше делалась её ненависть, тем хуже приходилось Дерхонису. Многие готовы были закричать ведьме, чтобы она прекратила, но колебались.

Успокоилась Дашка только тогда, когда Дерхонис перестал хрипеть и дёргаться. Ярость стала сменяться нарастающей усталостью, примерно через такое же время, которое отняло у Дашки умерщвление Дерхониса, ведьма вынуждена была лечь прямо на землю.

— Что с ней? — Фелицио побледнел.

— Всё выглядит так, словно Дарья убила его, но эта магия оказалась слишком мощной для неё, этим самым она чуть себя не уничтожила. Только мне не верится, что всё так, — категорично заявил Абрион.

— А не последствия ли это вмешательство в её сознание? —

предположил целитель.

— Торман в себя пришёл, — спохватился сзади кто-то.

— Точно, — ахнул Фелицио. — Вот подлец, его же работа!

— И верно, моя, — простонал Торман, открывая глаза, воспалённые, но забегавшие сперва по верхушкам деревьев, заметившие костёр и принявшиеся за изучение воинов. — Не поможете ли вы мне встать?

— Нет, — отрезал Фелицио.

— Невежливо по отношению к старшим, — нахамил юноше маг, приподнимаясь на локтях. — Эх, сочувствую я Керзиану — он потерял такого ценного человека, как я!

— Почему?! — только и смог произнести с надрывом Абрион. — Почему ты очнулся?

— Потому что я гений, — Торман с трудом сел. — По-вашему, я не знал, чего мне будет стоить эта массовая телепортация? Я всё продумал — смогу заставить Дарью — нет не собираюсь я называть девчонку именем, которое хотели дать ей Керзиан и Алеон, — вытянуть душу из кого-нибудь и передать её мне. Выбирать жертву мне не пришлось, Дарья сама определилась, впрочем, я и рассчитывал на то, что Дерхонис выведет её из себя и мне легче будет заставить ведьму совершить убийство.

— Прикончите его, — потребовала Дашка, настолько ужаснули её возможности Тормана: сколько смертей она может ещё принести по прихоти мага?

Два воина хотели уже выполнить приказ, но колдунья успела неприятно поразиться внезапной своей жестокости, остановила их:

— Впрочем, не стоит. Его надо заставить снять с меня ошейник, делающей меня опасной для всех вас.

— Лежи, гений, — парень, подбежавший к Торману первым, пнул его в живот; Фелицио вздрогнул и зажмурился — это было, по его мнению, чересчур, сам-то юноша прибегал к менее суровым мерам.

— Где же Лефрайс? — беспокоился Абрион.

— Убеждает односельчан, что мы не являемся отрядом королевских воинов, а они уверяют её, что мы шпионы, — печально усмехнулся маг полка Огесты. — Из-за тех хранителей закона жители деревни всех подозревать стали, озлобились.

— Считаешь, они все как Лефрайс? — вздохнул Фелицио.

— Иначе давно бы сюда примчались.

— Всё, идут! — обратил всеобщее внимание кто-то.

Куча людей, похоже, вся деревня, торопливо пересекала реку по ледяному мосту. Все при оружии. Как только ступили на берег,

остановились.

— Что с Дарьей? И с молодым человеком? — грозно поинтересовалась Лефрайс. — Оба были в себе, когда я приходила сюда.

— Эпидемия? — послышался возмущенный вопрос в толпе. — Это что, новый способ изводить нас, простой народ, которому нечем платить налоги?

— Действие магии, как мне сказали. Или ты солгал мне? — обратилась красавица к Абриону.

— Чёрная магия, правда.

— Ей можно вызвать эпидемию. Магических болезней существует немало, — человек, подозревающий несчастную компанию, выбрался из толпы: это был колдун, не имеющий при себе магического оружия, но поигрывающий изумрудным пламенем чёрной магии. Сила колдуна явно позволяла ему обходиться без посоха или жезла. — Ну так вы не признаетесь?

Абрион засомневался. Если не говорить про очнувшегося Тормана, успевшего натворить дел, то местные жители в лучшем случае просто откажут в помощи, в худшем — нападут. Если рассказать всё, как есть — наверняка решать убить и специалиста по магии разума, и Дарью.

— Хорошо, вы можете объяснить нам, как добраться до деревни, где живёт друид, делающий исцеляющие зелья, — выступил Фелицио.

— Друид один на пять деревень, — хмыкнул маг. — Целителей больше нет, мы не можем ещё и его лишиться.

— Хотите — пошлите с нами нескольких человек. Мы безоружны, как видите, никому вреда причинить не можем, а вы нам — запросто.

— Хм, Оливер, у нас остался ещё защитный эликсир? — человек повернулся к односельчанам, глядя на одного из них. — Выпьем по глотку и отправимся с ними.

— Идея опасная, — Оливер скользящим взглядом осмотрел тех, кто лежал на земле без чувств. — Путь туда и обратно — шесть дней, если среди ваших людей действительно эпидемия, то по возвращении мы рискуем увидеть, что в деревне никого в живых не осталось.

— Ничего не произойдёт. Клянусь, — выдавил из себя Абрион.

Ему сразу же стало страшно слово, что прозвучало последним. Почему ему, пожелавшему лишь вытребовать у жителей каплю доверия, первым вспомнилась именно оно, наделённое особой властью над тем, кто сказал его?

Но оно было услышано всеми.

Раздавалось потрескивание догорающего костра, дёргались на воде полоски заходящего солнца. Небо этим вечером не розовело, а агрессивно краснело.

— Будь по-вашему, мы попросим у предка-защитника деревни принять вашу клятву, — смилостивился маг, приятель Оливера. — Лефрайс, ты проведёшь их в Храм Порядка?

— А они готовы? — прищурилась девушка. — Это очень серьёзно.

Тем не менее, это была возможность. А молодой некромант знал, ради кого он соглашается на риск и чем он будет клясться.

— Я — да.

— Тебя достаточно. Но остальным следует присутствовать при Обряде Клятвы, — Лефрайс уже позволяла себе игру в интонациях, радуясь неожиданной победе.

— Что ж, показывайте дорогу, — вздохнул Фелицио, не увидев на лицах воинов протеста.

— Славно договорились, — Оливер потёр руки. — Мы же выполним своё обещание, устроим ваших друзей. Вы все друзья ведь? — он полагал, что съязвил, но получил серьёзный ответ от кого-то из повстанцев:

— Самые настоящие.

Деревня изнутри была такой же, какой виделась издалека: бедной и унылой, и Храм Порядка не отличался великолепием. Конечно, он выглядел лучше других зданий, но всё же заметно уступал по красоте даже Храму Ветров в Фатоне. Похвастаться затейливыми деталями и хорошей отделкой он не мог: серые каменные стены с заметным отпечатком времени, невысокий шпиль, колонны с рельефным изображением людей, личность которых нельзя было определить из-за того, что его основательно попортили века, окна без витражей.

Лефрайс, Фелицио, Абрион и пятеро повстанцев: чёрный маг Эристен, мечники Вельдер и Фериксен (ударивший Тормана), призыватель Элебар и эльф Дармес, лучник, вошли в Храм.

— Вы желаете дать клятву? — сразу же прогремел откуда-то непонятный бесполый голос: то ли низкий женский, то ли мужской высокий. Хоть в Храме стояла статуя одного из правителей королевства, Эменриса, доносился голос не от неё.

Все, кроме Лефрайс, завертели головами, но определить, откуда прозвучал вопрос, было невозможно, голос будто бы был повсюду, это стало заметнее, когда он продолжил:

— Клясться можете чем угодно, но только не чужим, или же чем хотите, но только не своим — это зависит от вашего сердца. Чем оно больше и теплее, тем больше вероятность, что вам

необходимо выбрать второй вариант, — философствовал дух. — Ну же, честные люди, кто первый отдаст мне под залог самое дорогое, что у него есть?

— Я, — выдохнул Абрион. — Клянусь своей жизнью, что повстанцы, которым дали приют местные жители, не принесут им никаких проблем.

— А я, Эменрис Кардимон Саэлья, берусь следить за ними во время вашего отсутствия, имея право покарать не их, но вас, молодой человек, — вкрадчиво произнёс дух. — Искренне и всей бессмертной своей душой надеюсь, что оставленный вами залог мне не придётся забрать себе.

Из статуи показался дух юного правителя (Эменрису было всего шестнадцать, когда он стал королём, а в девятнадцать молодого человека отравили, однако три года его правления прошли весьма бурно). Раскрытая ладонь замерла перед Абрионом, некромант приложил к ней свою. Изобразив рукопожатие, юноши опустили руки: тот, кто дал клятву, резким движением, тот, кто взял, медленно, при этом довольно улыбаясь.

— Пусть удача тебе сопутствует.

Абрион смог в ответ один раз кивнуть, страх сковал его.

— Прощай! — дух растаял.

— Теперь вам всё известно. Не удивляйтесь, если что случится, — Лефрайс уколола повстанцев усмешкой.

Солнце уже село. Всего одна ночь — и настанет время проверять судьбу, отправившись в путь.

Глава 32 Пришествие

Ещё не исчезла утренняя промозглость, а Абрион, Фелицио и повстанцы с сопровождающими: Оливером и магом Лермисом, — были уже далеко от деревни. Некромант шёл медленнее всех, уже не раз ему приходилось, отстав, догонять компанию бегом. Ночью он спал плохо, прерывисто, провалившись в сон тогда, когда уже светать начинало. Досмотреть его Абриону не дали, подняли и заявили, что пора в путь. А парень хотел попрощаться с Дашкой. Предчувствие, что жить ему из-за нечаянной клятвы осталось пару дней, не отступало.

— Эй! Что тебя беспокоит? — выстрелил в ухо вопрос Фелицио, поравнявшегося с Абрионом. — Или причина в ком-то?

— В ней, — признался некромант, не задумываясь над тем, что целитель может и не понять, про кого колдун говорит. Но Абрион ни на секунду не представлял и того, что его любовь, тихая, грустная, смирившаяся с безответностью, слишком заметна.

— За неё страшно, да, — закивал целитель. — Для местных жителей она такое же зло, как и Торман, попытавшийся сотворить его в ней.

— Он придёт в себя, если уже не очнулся, и без дела сидеть не станет, — Абрион втянул голову в плечи, сложил руки, будто замёрз, помрачнел ещё сильнее.

— Дарью он ничего не заставит. У неё сил теперь лишь на то, чтобы не умереть, — неуверенно попробовал успокоить нового друга Фелицио. — И их он у девушки не отнимет. Торман, кажется, как оружие Дарью использовать хочет, вызывая у неё приступы, но для этого надо, чтобы она поправилась. Пока мы не вернёмся с эликсиром или самого друида не приведём, ей не станет легче.

— Я должен этому радоваться? — пробормотал некромант, Фелицио услышал вину.

— Странно, но да. Понимаю, переживаешь, но и хуже Дарье вряд ли сделается.

— От Тормана можно чего угодно ожидать, — Абрион начал рассуждать в другом направлении. — Я же с ним работал, знаю. Ты правильно заметил, на его месте любой подлец бы пользовался магией Дарьи, но в духе Тормана уничтожить того, кто перестаёт быть ему полезным в той мере, в какой он желает. В Дарье чёрной магии не очень много, хоть и энергия большая.

— Что шепчетесь там? — крикнул им Лермис. — Ты, некромант, за себя испугался?

— Не за себя, — не смог отразить удар Абрион, просто ответил.

— Интересно! — маг остановился, подождал, когда некромант и целитель приблизятся к нему. — Что скрываем? Пытаетесь обсудить план на ходу?

— Мы просто разговариваем! — огрызнулся Фелицио.

— О чём? — насторожился теперь и Оливер.

— О Дарье Винсент, — сквозь зубы произнёс Абрион.

— Эта девушка — покровительница тех, кто защищает свет, — Лермис поднял глаза к бледному, точно выцветшему небу. — Меня удивляет то, что она находится среди вас. Вы считаете, что присутствие всеобщей любимицы создаёт впечатление вашей безобидности? Значит, вы отстали от жизни. Всё больше людей склоняются к тому, что Дарья Винсент, как и остальные избранные, оказалась неспособна повлиять на историю второй раз.

— Я впервые слышу, что её покровительницей называют, — с ними заговорил Элебар. — Получается, кто-то это придумал, у кого-то нашлась вера, чтобы сказать это.

— Так говорит друид, к которому мы направляемся, — хмыкнул Лермис. — По-моему, в той деревне он один такой остался.

— Много же изменилось за то время, пока мы томились в плену! — возмущённо воскликнул другой повстанец, Вельдер. — Хоть был он не таким уж долгим.

— К началу войны у многих уже появилось мнение, что на избранных надеяться не стоит, — снисходительно объяснил Лермис.

— И что же наговаривают на них? — задал вопрос Абрион.

— Что им и первый кусок славы достался незаслуженно, — взахлёб принялся излагать народную мысль колдун. — Если бы не Дарья, Мортис не смог бы себя считать Повелителем Тьмы. Злодею нужен был наследник — девчонка чуть было не подарила ему сына. И добровольно же ему отдалась, это не насилие было.

В этом была доля правды, но принять её для Абриона оказалось непосильным. Только сама Дашка понимала, да и то не до конца, почему она решилась на то, чтобы притвориться любящей женщиной, друзья её до сих пор терялись, вспоминая те недели её фальшивой страсти. У Абриона, совсем недолго знавшего Дашку, не было и призрачных предположений насчёт этого, поэтому правда в душе отторгалась, началось воспаление.

Следующая же часть яда, пролитая Лермисом, состояла из одной лжи.

— Мортис думал, придётся усилия приложить, чтобы её

охмурить. Но нет, Дарья на него уже успела глаз положить. Вернее, на его деньги и положение. Вроде бы ей сказали, что оно непрочное, король Мартин Мортиса не выносил, и она решила действовать побыстрее.

— Закрой рот! — выпалил Абрион.

— Забавно, — оскалился Лермис. — И часто тебе приходится защищать честь ведьмы Винсент? Скорее всего, да. Головы тебе не жалко?

— А ты часто её оскверняешь, да? — Абрион встряхнул руку, в ладонь стала стекаться, закипая, магическая энергия.

— Дуэль? — протянул маг. — Если так жаждешь, я приму вызов. Скоро будет подходящее место для того, чтобы устранить наши разногласия.

— Долго до него?

— Я же сказал: скоро! Кажется, минут десять идти.

— Достаточно, — недовольно заметил Абрион.

— Терпи, — Лермис усмехнулся и прибавил шаг, отдалившись от некроманта и Фелицио, у которого от потрясения перехватило дыхание, он открывал рот, пытаясь сказать что-то, но не мог издать ни звука.

— Вот это ты зря, — нахмурился Эристен, к этому времени повстанец-маг шёл позади них. — Он слишком легко согласился, точнее, сам тебя подначил. И место собирается указать. Очевидно же: есть у него способ отделаться от тебя!

— И что, ему извиняться надо? — обогнавший приятелей Дармес затормозил и резко развернулся. — Ты правильно сделал, Абрион.

— Простите меня, — Абрион проглотил застрявший в горле ком. — Я слишком её… Люблю. Простите.

Через десять минут они вышли к обрыву, внизу которого шумела река. После минутного наблюдения повстанцам стало ясно, что шумит не вода, а существа, которые в ней обитают. Змии.

Над пропастью висел мост, с виду надёжный. Лермис прошествовал на середину его и чуть дальше. Встал в ожидании, глядя на компанию. За спиной колдуна чернел хвойный лес, как и на той стороне, где оставались друзья и Оливер. Небо прояснилось, но почему-то это леденило кровь. Когда пасмурно, ожидаешь звуков ветра и моросящего дождя, а теперь установилась тишина, обещавшая нарушиться только дуэлью. Шум внизу моста повстанцы не воспринимали, он, то появляясь, то затихая, подчёркивал тишину. Это же сделала и стая птиц, поднявшаяся из-за деревьев с их острыми шпилями.

— Каковы правила? — произнёс Абрион, не приблизившись ни на шаг.

— Не баловаться парализующими и убивающими заклинаниями. Пока соперник не нанесёт ответный удар, можно использовать сколько угодно магических атак. Всю прелесть нашей дуэли ты оценишь в процессе.

Некромант зашёл на мост на такое же расстояние от ближней к нему стороны, как и Лермис, вскинул руку.

Противник после такого же жеста ухмыльнулся:

— Ты первый.

Абрион не торопился, вспоминая все известные ему заклинания, которые можно было бы применить сейчас. Бесполезность этого процесса он понимал: как долго и тщательно не выбирай, как не ищи в разных чарах преимущества и недостатки, как не пытайся вообразить, как они будут действовать в этом месте против этого противника, — всё равно с языка сорвётся то заклинание, чем ты чаще всего пользуешься. Мысли иногда затухали, впуская в голову отражение окружающей дуэлянтов тишины. Лермис с ней боролся. Тот, кто хочет победить тишину, звуки найдёт всегда, при желании он заставит сердце своё биться так, чтобы ритм его был такой, какой нравится этому человеку. Соперник слушал сердцебиение Абриона, наслаждаясь его минорными нотами, улавливал волны страха, посылаемые повстанцами-зрителями. Это был собственный гимн Лермиса. У Абриона выходил реквием.

«А ей не нравится, что из-за неё люди гибнут», — подсказала очередная мысль.

Она добилось того, что у других не выходило: вынудила Абриона атаковать. Он не выдержал напора.

Его атакой были чары болевых импульсов, его оружие в повседневной жизни. Навстречу чёрно-фиолетовому потоку магии Лермис пустил стрелу зелёного пламени. Они встретились, раздался взрыв. Деревенский колдун защитил себя магической стеной, невидимой, но подрагивающей, как горячий воздух, по ней, как дождевые капли, стекала сгустившаяся энергия. Абриону не повезло втройне: он попал под действие собственных чар, заставляющих его сгибаться от боли каждые десять секунд, его обожгло магическим огнём, не оставляющим ожогов, но разъедающим кожу, и он потерял равновесие. На шатком мосту это было страшное дело. Хоть некромант и успел вцепиться в перила, ему надо было ещё встать, а Лермис метнул в него второй шар пламени, едва не угодив в лицо. В третий раз брошенное пламя было не магическим, изумрудным, а настоящим, с каким ловко управляются стихийные чародеи. Оно подожгло середину

моста. Управляемый магом, огонь по перилам пробрался на половину, где замер от ужаса Абрион, две дороги пламени сомкнулись, не позволив ему отступить.

— Это же нечестно! — закричал Фелицио. — Это…

— Ты ведь не разбираешься в дуэлях магов, ребёнок! — Лермис рассмеялся, смех его резал уши. — Ты ведь целитель, и весьма посредственный? Дуэли — для чёрных и стихийных магов. Есть ещё особый вид дуэлей для призывателей, демонологов, некромантов и элементалистов — битвы созданных ими существ, но Абрион стал действовать как обычный чёрный маг, — пустился колдун в намеренно-подробные, коробящие неуместностью объяснения.

А некромант, стремительно уставая от потерь силы, всё пробовал и пробовал пробить защитную стену, отделяющую Лермиса от бушующего пламени. Своя жизнь была Абриону уже не нужна, утихающая душа требовала (и предсмертная просьба не становилась слабее) уничтожить того, кто распространяет неверие, тем самым отбирая шансы у той, которая обязана их иметь. Убивая её. Без её ведома. Со спины. Абрион предварительно создал барьер вокруг себя, но он защищал слабее, не препятствуя слезам, выступающим из-за дыма, и отравляющему газу. С каждой минутой магу приходилось уменьшать защиту, чтобы брались силы на атаки, сплошь безуспешные. Ему порывались помочь повстанцы-маги, Элебар и Эристен, но создания призывателя не могли ни подобраться к Абриону, чтобы спасти, ни напасть на Лермиса, стойко оборонявшегося, а магическая сила колдуна позволяла атаковать, что сейчас было бессмысленно — защитную стену было невозможно разрушить, но вот сделать что-то для Абриона — увы…

Мост стал рушиться. Лермис успел отступить, некроманта подхватил один из драконов призывателя Элебара. Чёрный маг собрался применить чары, но, произнеся первое слово заклинания, опустил руку.

— Оставляю вас в покое! — хохотнул Лермис. — Догоните меня потом! Оливер, — он щёлкнул пальцами, и от одного края пропасти к другому поползла лента плотного дыма, — прошу!

Парень перебежал по воздушному мосту к приятелю, Вельдер кинулся было за ним, но Лермис прервал действие стихийной магии, воину пришлось затормозить у обрыва.

— Счастливо оставаться! — Оливер послал повстанцам воздушный поцелуй, парни скрылись.

— Держись, — практически заныл Фелицио, хлопая Абриона по щекам. — Элебар, твои драконы смогут доставить нас в

деревню?

— Нет, — мрачно ответил он. — Они должны в битве помогать. Призвать магическое существо просто так — это тот же эффект, как если бы ты применил проклятие или поражающие чары на пустом месте, без жертвы. Для мирных целей существуют призывательские сферы.

— И как быть теперь? — в ярких глазах Фелицио, поднятых на чародея, но смотревших на то, как исчезают, становясь прозрачными и пропадая совсем, призванные драконы, задёргались блики слёз.

— Ребята, а это не из-за… Не клятва? — Дармес, отстранённо созерцавший бег облаков по небу, вдруг появившихся сразу после дуэли, отвлёкся, чтобы высказать опасение.

— То есть? — призыватель, нагнувшийся, чтобы обнять сидевшего на земле Фелицио, выпрямился.

— Торман почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы сделать гадость, и не стал терять времени даром. Наверное, может такое быть, что Абрион вышел из себя и согласился на дуэль по желанию духа, которому он поклялся. Это был его замысловатый способ отнять жизнь у смертного, — эльф закончил и, не став смотреть на реакцию остальных, повернулся ко всем спиной, вновь обратив взор на облака.

— Он ещё жив, — возразил Вельдер.

Он сказал это — Абриона встряхнуло болью, несчастный не пожалел силы на проклятие, и теперь от этого страдал. Её короткие частые атаки не делались реже.

— Надо двигаться, — вопросительным тоном произнёс Фелицио, проведя рукавом под глазами.

— Куда? — резко ответил Фериксен.

— Куда-нибудь, — испугавшись дальнейшей резкости, целитель сжался, и в эту секунду стала особенно заметна разница в возрасте его и повстанцев.

— Возвращаемся в деревню? А я вот боюсь, — вздохнул Дармес. — Боюсь увидеть там разрушенные дома и трупы на улицах. Или просто не найти никого. Хоть в живых, хоть просто не найти.

Вдалеке вдруг послышался шум нескольких десятков пар немаленьких крыльев и голоса, женские и мужские, в том числе и один, принадлежащий старику.

В ладонях Эристена поднялось зелёное пламя. Фелицио обрадовался, что события как-то изменились, пребывая в уверенности: сюда направляются добрые люди. Но его чувства больше никто не разделял, повстанцы то и дело осуждающе косились на юного целителя, радость которого неожиданно

оказалась упрямой и не стала таять от неодобрения старших приятелей.

На край пропасти — не на дальний, а прямо перед повстанцами — опустилась группа всадников на пегасах. Фериксен и Элебар, жители Чёрных Гаваней, узнали старика Фробениуса, а так же двух девушек: блондинку и рыжую. Парни, правда, не помнили их имён, но знали, что они принимали участие в походе странной компании последователей Детей Ветра, к ней они примкнули вместе с той самой четвёркой из Большого Мира. Девушки выглядели намного лучше, воины запомнили их чуть ли не умирающими, а рыжеволосая мечница тогда находилась в состоянии, близком к помешательству. С ними были воины и, к удивлению повстанцев, воительницы, в том числе и молоденькие девчонки, некоторые из них — в форме, а также женщина, имеющая над девушками какую-то власть.

Первым заговорил старейшина:

— О, Ветры, как вы здесь оказались! — он слез на землю, подошёл, остальные прибывшие с ним последовали его примеру, поняв, что встреченные люди не представляют для них опасности. — Вы вырвались из плена?

— Да, и попали в невероятно затруднительное положение, — вызвался описать сложившуюся картину Фериксен. — Мы находились в Центре магических исследований в Цейгене. Не только те, кого вы видите, но ещё и другие повстанцы, в том числе и Дарья Винсент.

— Где она сейчас? — грозно спросила Джессика.

— Дайте закончить, леди. Дарью хотели превратить в оружие королевской армии, а на пленных повстанцах должны были проверить её силу.

— Заставить её убить вас? — на этот раз не выдержала блондинка.

— Именно, — с лёгким, беззлобным упрёком произнёс Фериксен. — Но у специалиста, которому доверили помутить её сознание, случился конфликт с магом, тоже поработавшим над ней. Разругавшись за считанные минуты не только с ним, ещё и с начальником Центра и его помощником, специалист телепортировал себя и всех нас в эти земли, возле деревни, из которой мы вышли утром, она километров за пятнадцать отсюда. Ему перед этим удалось приказать Дарье применить магию против нас, увернуться успели немногие, только те, кто перед вами стоят. Пострадавшие остались в деревне, мы отправились в соседнее поселение, где живёт друид, способный помочь им. С нами были провожатые, два местных жителя.

— Короче! — перебила его Джессика.

— Просто скажи, в чём затруднительность ситуации, — предложила Теона, приводящая в чувство Абриона.

— Жители деревни не доверяют нам, опасаясь, что мы можем быть людьми королевы. Нам предъявили требование: кто-то из нас должен поклясться, что те, кого мы оставляем в деревне, ничего не сделают её жителям. Абрион — это его ты к жизни возвращаешь — поклялся жизнью. Вообще-то у него была дуэль с одним из сопровождающих нас, они скрылись уже. Но у нас подозрения, что Абрион решился на столь отчаянный шаг по велению духа, взявшего с него жуткую клятву. То есть в деревне случилось что-то, ему пришлось расплатиться.

— Торман силами Дарьи что-то сделал, — принялся разъяснять Фелицио. — Она уже вытянула из человека жизнь, чтобы отдать ему. И не только это сделает, если Торман постарается.

— Это же чёрная магия, — насторожился Фробениус.

— Теперь Дарья — тёмная ведьма, а не стихийная колдунья, — известил Вельдер.

Женщина, командующая группой, обошла повстанцев, хищно глянув на каждого. Она была примерно на полголовы выше их всех, воины армии Скентии в ответ робко глядели на неё снизу вверх. Этой женщине было невозможно отказать или возразить. Вели она сейчас всем прыгнуть с обрыва в реку, к монстрам, её приказ выполнили бы немедленно.

— Кажется, мы сегодня говорили с друидом, к которому вас должны были привести, — женщина запустила руку в дорожную сумку, стала там что-то нащупывать. — Он нам дал то, что потребовалось от него вам, — Айрис Ави извлекла небольшую бутыль с эликсиром. — Нужды идти вперёд вам нет. Возвращаемся к пострадавшим повстанцам.

В деревне компанию встретил встревоженный народ. Некоторые люди были опечалены, некоторые — злы, кое-то свирепел на глазах. При виде живого Абриона жители начинали если не неистовствовать, то сильно возмущаться, кто-то приходил в отчаяние, у одной девушки Фелицио заметил слёзы, вставшие в глазах. Значит, всё ждали смерти некроманта. Торман чего-то своего добился.

— Что вам нужно? — хмуро спросили из толпы. — Вы хотите медленно извести нас, но зачем?

— Всё, что стряслось у вас, произошло не по нашему желанию, — так же угрюмо ответил Дармес. — Скорее всего, это по прихоти одного-единственного человека.

— Кого же?

— Тормана Чарльза Веллера, — назвал полное имя специалиста Абрион.

— Вы мужчину имеете в виду? — говоривший пробрался в центр круга, образованного толпой, встал перед эльфом. — Несколько убийств на совести Дарьи Винсент.

— Это гипноз высшего уровня.

— Не защищайте её, — к ним пробрался старейшина. — Ваши намерения мы поняли. Скажите только, чем мы неугодны королеве? Или на нас отрабатывали какой-то план?

— План был у Тормана, в чём заключался — мы не знаем, — измученно протянул Абрион.

— Если жители моей деревни вам без надобности, уходите отсюда и забирайте своих людей, — настаивал старейшина.

— Сколько убийств у вас случилась, пока нас не было? — неожиданно произнесла Айрис так, словно повысила голос на него.

— Пять.

— Каким образом?

— Одновременно.

— Это не привело Дарью к гибели? — Айрис спустилась с пегаса, взялась за меч, приготовившись поднять его.

— Вы мне договорить не дали. Жизненная энергия убитых привела в чувство пятерых человек. Потом было шестое убийство, оно воскресило Дарью.

— Она цела? Вы ей ничего не сделали? — меч Айрис дёрнулся, но замер в воздухе. От дальнейшего ответа зависело, опустится он вниз или принесёт смерть кому-то.

— Девчонка не далась, — обвинительно заявил старейшина.

— Сбежала? — теперь и Джессика потянулась к оружию, остальные воительницы, не считающие её, давнюю ученицу Айрис, равной себе, восприняли это как приказ и послушно выхватили мечи, парни поступили так же.

— Даже если бы и так, ведьма за себя постоять смогла бы, — хмыкнул парень, уведомивший компанию о том, что Дашка стала убийцей в очередной раз.

— Значит, мы избавляем деревню от нашего общества, — сказала Айрис. — Проведите меня к пострадавшим.

— Выражайтесь точнее. К тем пострадавшим, которым не досталось помощи Дарьи Винсент, — девушка в толпе с разводами слёз на щеках, всхлипнув, снова разрыдалась.

— Остальных приведите сюда, — вздохнула Айрис. — Потерпите нас ещё полчаса, пожалуйста.

Хлынул дождь. Жители стали расходиться. Всем показалось, что цветной мир враз стал чёрно-белым. Компании пришлось

остаться на улице: в единственной таверне в деревне всем им места не хватило бы, да их никто бы не впустил.

— Откуда вы взялись, спасители? — на грустном лице Фелицио появилась призрачная улыбка. На улице не осталось ни души, он неотрывно глядел в ту сторону, куда ушёл старейшина, полагая, что он и приведёт повстанцев, но вопрос целитель задал, повернувшись к Теоне.

— Госпожу Айрис благодари, — скромно ответила красавица.

— Вы с сестрой при смерти были, — снова вспомнил Элебар. — Она исцелила вас?

— Мальчик, я расстрою тебя, но у госпожи есть тайна, которую она не открывает никому, — осадила его Джессика. — Если бы не несчастье, случившееся со мной и Теоной, мы бы о ней и не узнали. Глупо скрывать: она исцелила нас. Как смогла — вот здесь тайна для вас всех продолжает существовать, а мы прекращаем помнить об этом.

— Если вкратце говорить, то Айрис, давно догадавшись, что с Джессикой что-то произошло, а значит, и вся компания молодых безумцев, собравшаяся избавить королевство от страданий, может находиться в опасности, вместе с остатками своего отряда бросилась в Чёрные Гавани, — не стал утаивать всё Фробениус. — По пути им стало известно о начале войны. За неделю поставив сестёр на ноги, Айрис решила слиться с армией повстанцев. Теона с Джессикой её поддержали, я тоже рискнул, оставив город. За нами соглашаются следовать, как видите.

Элебар ничего не ответил, словно и не слушал того, что ему рассказывали. Он глядел на дорогу — заметил приближающегося старейшину, за которым шли Дашка, Файризан, Рикелла, ещё два повстанца и Торман.

Фелицио чуть было не кинулся навстречу, Фробениус остановил его, преградив путь рукой.

— Вот, радуйтесь, — проворчал старейшина. — В них теперь плещутся чужие жизни. Надеюсь, ваши друзья распорядятся ими достойно. Вы, леди Винсент, присвоили жизненную силу моей дочери, Лефрайс. На вас я надеюсь особенно.

Дашка переменилась в лице. На секунду её глаза посветлели, став почти бесцветными, остались только яркие кольца — края радужек, рука ведьмы взметнулась наверх, словно подброшенная, пальцы схватили воздух, а когда упала вниз, рухнул на землю и старейшина, переставший дышать. Глаза Дашки налились цветом вновь, она затрясла головой. Прогнав наваждение, ведьма перевела взгляд на труп.

— Он тебя только расстраивает, — приторным голосом прокомментировал свой поступок Торман.

Мгновение спустя Вельдер и Фериксен схватили Джессику, метнувшуюся с поднятым мечом к Торману.

— Нельзя, увы, — извиняясь и сожалея, вздохнул он.

— Почему? — воительница вырвалась.

— Он сделал её опасной — в его силах вернуть ей прежнее состояние.

— В чём опасность? — Джессика подбежала к ведьме, но та её оттолкнула. — Ты же не по своей воле! — воскликнула воительница, не обратив внимание на толчок.

— Иногда мне приходится убивать отчасти по своей воле. Я больна, — сдерживая и радость, и отчаяние, ответила Дашка.

— Тебя вылечат, — Джессика всё же подошла, колдунья не удержалась, кинулась ей на шею. — Я не просто так утешаю, есть с нами кое-кто, кто ведает разными тайными знаниями.

— Все что-то скрывают. Человек, о котором вы говорите, Скентия, — растерянно забормотал Файризан. — Такое впечатления, что вы можете прекратить войну, но отчего-то не хотите сделать это.

— Я про госпожу Айрис Ави, — сказала Джессика.

— Она тут? — Дашка выпустила её.

— Сейчас придёт с повстанцами, которых твоя магия пожалела.

— Чудеса… Айрис, вы. Вы как сюда попали? — ведьма бросилась обнимать Теону.

— Всё она постаралась, — усмехнулась Джессика.

— Действительно, чудеса, — теперь Дашка рассмеялась. — Потому что мне стало казаться, что войне скоро наступит конец. Ребята, мне явственно кажется! — обратилась она к повстанцам, которым имя Айрис Ави не говорило ничего. — Я её недостаточно знаю, но того, что мне известно, хватает, чтобы с уверенностью заявить: за нами будет победа.

— А не подумала ли ты, что всё слишком просто? — произнёс Торман. — Вы все мои заложники. Прикончить не можете, потому что я вам нужен, но и заставить меня быть тихим и незаметным — тоже.

— Раньше удавалось, — Фериксен закатал один рукав и взялся за второй — вдруг он отшатнулся, из носа брызнула кровь, красные капли появились и в уголках рта.

— Потому что я был слишком слаб. Чтобы уяснить всё для себя, попробуйте ещё кто-нибудь поставить меня на место силой. Вот ты, чудо, — кивнул он Джессике. — Любишь махать мечом? Я тебе не понравился? Разрешаю продемонстрировать всем, насколько сильна твоя неприязнь.

Только взгляд её зажёгся гневом, она получила мощный удар

магией, но не от Дашки, а от одного из повстанцев, носителя чужой жизненной энергии.

— Не только жизнь у всех вас теперь чужая. Воля тоже не своя, — ухмыльнулся Торман. — Вы теперь моё войско, мы наберём ещё людей, Дарье не будет равных в мастерстве переселения душ, королева оценит наши усилия, которые мы приложим для борьбы с повстанцами! Мы станем великими!

— И зачем ты известил нас? — поразилась Джессика.

— Он сумасшедший, — прошептала Теона.

— Лучше быть без здорового разума, чем без воли, — изрёк Торман.

— Лучше вообще не быть! — выкрикнула Джессика, вонзая в него меч. — Я повторюсь: у нас ещё один выход, не обязательно нам терпеть тебя, красавчик. А при желании мы ещё и запасной найдём.

Глава 33 Мнение духов стального народа

— Мы уже далеко зашли, — протянула Дашка.

— Нельзя, чтобы нас кто-то видел. Предупреждаю, я убью того, кому мы случайно попадёмся на глаза, даже если это будет ребёнок, — сказала Айрис.

— Эта тайна настолько постыдная или ужасная? — поразилась ведьма.

— Я не нахожу в этом ничего особенного, но мнение массы — оружие смертельное. Известно о том, что я храню четыре сотни лет, только Фредерику, Фробениусу и Патрику Тейлору. Они оба достаточно мудры, чтобы скрывать это, — стала делиться мыслями Айрис, не глядя на Дашку. — Джессика знает. Мудрости у неё хватает не на всё, но моё слово значит для неё многое. Она сдержит обещание только потому, что я требую. Теона оказалась посвящена в это. Она никогда не делает что-то во вред другим, поэтому промолчит.

— Мне вы тоже вынуждены будете рассказать?

— Я могла бы обойтись без этого, просто вылечить. Поступлю по-иному.

— Скажете?

— А как же!

— Какие причины велят вам? Только не говорите, что дело в моей мудрости! Если б она у меня была в жизненно необходимом количестве, от многих проблем я была бы избавлена, — отмахнулась Дашка, поёжившись. Холодно вдруг стало не только оттого, что была ночь, а плащ ведьма, когда она и Айрис оставили место ночного привала компании, не накинула, больше от неожиданных мыслей и воспоминаний морозило.

— Я не хочу обижать тебя недоверием, — ответила Айрис. — Вероятно, ты бы не обиделась, а постаралась понять. В таком случае я порадую тебя его отсутствием.

— Не ожидала от вас, — Дашка, как и Айрис, прекратила глядеть на собеседницу, только воительница смотрела на звёзды, а ведьма — под ноги.

— Думаешь, что я вру? Я бы стала врать так, чтобы не было похоже на правду? Тогда во лжи и смысла нет.

— Теперь я вас обидела, да? — встрепенулась Дашка.

— Это сложно сделать. Надо стараться, а ты в жизни ни приложишь нарочных усилий, чтобы поцарапать чью-то душу.

— И всё же вы объясните мне, почему так ответили? По-моему, вы хотели что-то другое сказать, а получились вот эти слова… неудачные.

— Не смущайся, так и есть. От сердца труднее всего говорить, — Айрис несколько секунд помолчала и продолжила попытку выразить то, что чувствовала: — За четыре века я убедилась в том, что чем меньше у человека отличий от других, тем ему проще живётся. Нечестно, но так оно и есть. От этого рано или поздно начинаются трудности, но людей неординарных они преследуют постоянно. Я наблюдаю за девушками из отряда, среди них те же законы. Тебе, вероятно, кажется, что они все не похожи на других девушек? А они умудряются сочетать в себе достойные храбрость и отвагу с посредственностью. И счастливы ведь! Если посмотреть на Джессику — уникальная душа, но одинокая и несчастная. Только ты у неё есть да Теона. Она тоже удивительный человек — и расплачивается за это. Я просто хочу, чтобы у тебя было многое из того, что тебе нужно.

— Да, я поняла вас, — улыбнулась Дашка.

Вскоре они пришли на место, которое воительница сочла подходящим: вершина высокого холма. Одна сторона (ей и добирались Айрис и Дашка) была покрыта лесом, противоположная оказалась гладкой. Вершину же деревья занимали наполовину. Там, где лес заканчивался, открывался впечатляющий вид, бескрайнее звёздное небо. Внизу чернели очертания чего-то и серебрилась вода, отражающая холодный завораживающий свет полной луны.

На земле покоились несколько валунов, на один Айрис села спиной к лесу, Дашка устроилась на камне рядом. У неё возникло ощущение, что сюда часто кто-то ходит, слишком замечательным, уютным было это место. Через мгновение колдунья вспомнила, что оно находится далеко от поселений, это её успокоило.

— Мы начинаем? — спросила Дашка, но ответа ей не было.

Она повернулась к Айрис: женщина не двигалась. Дышала она очень медленно, ровно и глубоко, было заметно по тому, как поднимается грудная клетка, слышно же дыхания не было. Ладони Айрис держала на висках, глаза закрыты.

Некоторые звёзды вдруг стали вспыхивать ярче и ярче, загорались, кажется, целые созвездия. Вскоре Дашка поняла, что в этом предположении не ошиблась. Вокруг них образовывались ясные очертания, изображения, сначала просто рисунки на небе, потом настоящие изображения в объёме, оживающие одно за другим. Их было пятеро, и все — лица разных людей: женщины, девушки, мужчины и двух юношей. Эти люди, вероятно, принадлежали к какой-то особой группе: у каждого из них было множество вплетённых украшений сходного стиля в волосах, и взгляды казались абсолютно одинаковые, строгие и отчасти жестокие. И заколыхалось вдруг северное сияние разных

холодных цветов. Самые крупные и яркие звёзды оставались видны сквозь него. Красота глаз не слепила, и невозможно было отвлечься от неё, задуматься о чём-то. Вряд ли это действовала магия — у прекрасного есть своя сила.

Люди будто бы заговорили, но беззвучно, Дашка воспринимала только непонятный шум и гул, он сопровождался несильной болью в ушах и тяжестью в голове. Ведьма сползла на землю, чтобы сесть, прислонившись спиной к камню, держать спину становилось всё тяжелее. Айрис же встала, не открывая глаз, отвела руки от головы так, что создалось впечатление, будто она держит перед лицом небольшой невидимый шар, соединила ладони очень медленно и сцепила пальцы, Дашке было видно, с какой неимоверной силой. Голову Айрис опустила, лбом коснувшись их, из-за длинных чёрных волос, завесивших профиль воительницы, Дашка не могла разобрать, изменилось ли что-то в выражении Айрис. И все движения женщины происходили под странный, недоступный юной ведьме разговор созвездий.

Делаясь всё более монотонным, он усиливался, практически стихнув тогда, когда Айрис неожиданно упала на колени. От расслабленности не осталось ничего, женщина явно нечеловечески устала, запыхалась. Дашка же изнемогала, потому что не только голова стала тяжёлой — руки и ноги стали неподъёмными, веки слипались, во рту пересохло. Неприятных ощущений добавило растущее беспокойство, чуть позже резко поднялась температура.

На глаза ведьмы легла ладонь. Ею провели от лица к груди, остановившись там, где металось сердце, и один раз ударив.

Всё прекратилось, давящий на сознание шум исчез.

— Сегодня достаточно, — объявила Айрис над головой и поспешила узнать, когда Дашка приподнялась и посмотрела на неё: — Как ощущения? Не плохо тебе?

— Не могу сказать, что очень уж хорошо, — ответила колдунья, глянув на небо, где уже не было ничего, кроме обычных звёзд.

— Лучше становиться не будет, — предупредила женщина. — Если тебе хуже сделается, я дам тебе зелье. Ты, кстати, перенесла всё отлично. Боли ведь не было? Или ты так стойко держалась?

— Нет, не было. Всё нормально.

— Хотела бы повторить? — усмехнулась Айрис.

— Честно? — Дашка замялась. — Не очень. Но ведь придётся?

— И не один раз, — рассмеявшись вдруг, Айрис прижала её к плечу. — Это шаманская практика. Тайное знание племени риксов.

— Оно настолько тайное, что любой, кто увидит его применение, будет убит вами?

— Не в самом шаманстве дело. Это один из видов магии, разве что среди населения земель королевства довольно редкий. Просто лучшие шаманы нашего мира — риксы. Мечта подавляющего большинства жителей Альданы — чтобы риксов не было. Это племя насеет королевству одно лишь разрушение. Мечта этого народа, а риксы уже давно не племя, им его называют по привычке, — отвоевать лучшие земли королевства. Очень-очень давно риксы жили на территории Альданы, кочевали, но их прогнали, слишком племя было жестоким. Это ещё больше озлобило риксов, вынужденных уйти на земли с ужасными условиями. Там жуткий холод сменяется невыносимой жарой, потом наступает сезон ливней, топящих целые поселения, в тех местах водятся хищники, нападающие на людей, добыть пропитание невероятно сложно — земля плохая, ничего не растёт, а охота — занятие опасное из-за тех же хищников, — Айрис загрустила.

— От нападений риксов Нерфастон страдает, мне рассказывали, — проронила Дашка.

— Поэтому его жители — великолепнейшие воины, — кивнула воительница. — В общем, теперь ты представляешь, как риксы ненавидят альданцев, и это взаимно.

— Вас могут принять за представительницу этого народа, и поэтому вы скрываете, что владеете знаниями риксов? Это же не значит, что вы ею являетесь. Шаманство известно и в королевстве.

— Есть то, что альданские шаманы делать не могут — только риксы, — Айрис почему-то замедлила речь. — У жестокого народа особенный дар, особая кровь. Жителям королевства этого не дано, а риксам подвластно. Духи, которых я вызывала, чтобы попросить их исцелить тебя, альданцу не явятся, потому что при жизни были риксами.

— И как вам это удалось? — прошептала Дашка, не веря, что Айрис ответит ей…

— Я рикса.

— Как так… Вы… — колдунья захотела встать, но была ещё слишком слаба. — Что вам от меня нужно?!

— Вот, — произнесла Айрис печально. — Ты бы от меня просто сбежала. А другой попытался бы убить.

— Объясните, прошу! — выдавила из себя Дашка, отодвигаясь.

— Я в детстве сбежала из племени. Физически я была риксой, ощущала же себя обычной девочкой. Живя на границе со столицей Нерфастона, я отлучалась из дома, любовалась

нормальной, спокойной жизнью, чувствуя, что хочу быть там, а не среди риксов. Как-то раз я нарушила один из законов племени: помощь наказуема. Знаешь, в чём его суть?

— Вроде бы. Напомни.

— Если тебе спас жизнь альданец — а так всё же случается, — убей его. В будущем может быть, что ты с ним встретишься на поле битвы и чувство долга прикажет тебе дать ему уйти. Такая вот причина, — воительница прервалась, совсем сникнув.

— Тебе теперь неловко за свой народ? — осторожно пробормотала Дашка.

— Глупо это, я знаю. Но перебороть себя не в состоянии. Стыдиться того, что я из риксов, не стоит хотя бы потому, что кровь племени даёт мне не только жестокость и излишнюю бесстрастность, но и силу, выносливость, смелость и шаманские способности. Я отвлеклась, — опомнилась Айрис, продолжив после вздоха то, о чём начинала говорить: — Случилось так, что я, гуляя по лесу в Нерфастоне, наткнулась на грифона. Одновременно к существу приблизилась с другой стороны девушка, но грифон заметил первой меня. Я кинулась к ней, инстинктивно ища защиты, зверь бросился на нас, девушка успела выстрелить в него из лука. Когда грифон упал мёртвым, спасительница моя разглядела, что я рикса, у нас ведь одежда и причёски, не похожие на альданские. Девушка хотела прикончить меня, пока я не сделала то же самое с ней…

— Как бы ты смогла? — не сдержавшись, перебила её возмущённая Дашка. — Ты ведь, если по твоим словам судить, ребёнком ещё была!

— Я не расставалась с кинжалами — это раз. Так у риксов принято — с тех пор, как научился владеть оружием, а это искусство познают с малых лет, всегда носи его с собой. Особенность риксов — очень высокий рост. Девушка, дотянувшая лишь до метра семидесяти, считается коротышкой. Мне тогда было одиннадцать, а я была выше тебя. По силе я превосходила спасительницу. Это вторая причина бояться девочки-риксы. У девушки из оружия — лишь стрелы, я была бы слишком подвижной мишенью. Лучница потащила меня в деревню, да я не сопротивлялась, так что меня, скорее, привели. Один из жителей упросил старейшину помиловать меня. Когда согласие было получено, этот человек взял меня к себе, вырастил. В двадцать лет я его похоронила. Счастье недолгим было, эх…

— Зато, наверное, почти каждый день его запомнился, — подсказала Дашка.

— Он любил меня больше, чем родные родители, — в глазах

Айрис поплыла безмятежность, подарок воспоминаний.

— Айрис, — Дашке вдруг подумалось, она решила сказать: — Целое поселение знало о том, что ты из риксов, и относилось к тебе далеко не враждебно. Почему ты полагаешь, что этого больше не встретишь?

— Ты бросила называть меня на «вы», — заметила женщина.

— Ой… Простите.

— Только извиняться не надо! — Айрис замотала головой и замахала руками. — Выканья мне хватает от девушек отряда и от повстанцев, которыми мне приходится командовать. А так хочется, чтобы кто-то со мной как с равной общался!

«А мне не кажется, что мы равны», — чуть было не вырвалось у Дашки.

— Я могу пересчитать по пальцам тех, от кого я не слышала ужасного «вы», — продолжила Айрис, — с тех пор, как закончилось детство. Папа, несколько человек, с которыми мне пришлось воевать в одном полку — я на пяти войнах была, прежде, чем создала Отряд Лесных Воительниц, в котором девушки меня не считали равной им. Пять войн — пятеро друзей, с остальными бойцами я связана была только общей целью, не родством душ. Потом появились старейшина Фредерик и Патрик Тейлор. И ещё была сестра, дочь приёмного отца, — протянула женщина.

— Часто ссорилась с ней?

— Она не выносила меня. Не только из-за моей крови.

— Ревность?

— Зависть. Я была послушной дочерью, папиной любимицей. Друзей в детстве не было, вот я и проводила всё время с ним. А ещё боялась, что он меня прогнать может, если во мне разочаруется, поэтому не смела ему слова поперёк сказать. Нам возвращаться пора, — внезапно оборвала разговор Айрис, вставая.

— Можно, я попробую дать совет? — сказала Дашка, когда они уже спускались с холма. — В твоей воле сделать так, чтобы к тебе на «ты» обращались. Те же повстанцы тоже теплоты хотят. Необязательно быть с ними суровой всегда. Боевой подготовки и поля битвы достаточно.

— Так уж я устроена, — усмехнулась Айрис. — Вся жизнь — иерархия. Маленькой была — думала, что никому лишний раз указывать не стану. Но кровь риксов одерживает верх. Кажется, ты задавала вопрос: почему я не надеюсь на понимание людей и не допускаю, чтобы кто-то знал, что я рикса? Потому что в решающие минуты я делаюсь ей, а все склонны преувеличивать неприятности. Желание жить в нас велико — значит, не только не

полезу в пасть опасности, чтобы вытащить друга, но и сама кину туда ещё нескольких человек, чтобы она не добралась до меня. Мы вспыльчивые — я в порыве гнева хуже стихийного бедствия и бешеного хищника. Мы жестокие — одного замечания достаточно, чтобы я кинулась на человека с мечом. И ещё много мифов.

— Ты гордишься, что они и о тебе тоже, — заметила Дашка сразу же, как Айрис замолчала.

— Откуда столько уверенности? Вовсе нет.

— Не было бы гордости — говорила бы не «мы», а «риксы»! — с радостью привела доказательство колдунья. — Если бы не твоя кровь, не воспитала бы ты таких великолепных воительниц.

— Главное — ни о чём не жалеть, — изрекла Айрис.

Минут двадцать они слушали только шорох собственных шагов. Разговор возобновился уже на иную тему:

— Как твоё шаманство мне поможет, Айрис? Ты не объяснила.

— Совсем я забылась, — выдохнула Айрис с усмешкой. — В тебя сегодня проникли духи, проверить, достойна ли ты помощи и необходима ли она тебе или ты сама сможешь справиться.

— Куда уж самой!

— Риксы считают, что люди обязаны быть сильными всегда. Духи могут разглядеть силу в человеке, о которой он сам не догадывался.

— Во мне её нашли?

— Да, только тебе её не хватит. Предстоит пять сеансов очищения.

— По числу духов, призванных спасти меня?

— Так и есть. Они будут вселяться в тебя, готовься.

— И… и надолго? — от неожиданности Дашка остановилась.

— Не навсегда, — смутно ответила Айрис. — От тебя зависит. Чем сильнее жажда свободы, тем быстрее всё пройдёт. Духи могут и передумать, бросить. Так что слушай себя внимательно. Ни в коем случае не бойся, они этого не терпят.

— Им угодить непросто, — пробормотала Дашка. — Придётся стараться.

— Не нужно, — возразила женщина с внезапной холодностью. — Должно получиться само. И получится, — смягчилась она так же быстро, как и посуровела. — Джессику и Теону я излечила так же, как тебя собираюсь. Только духи были другие. Предки со своими характерами, помощь дают тем, кому больше симпатизируют.

Они замолчали снова. Дашка вспомнила, что хотела спросить ещё, причём уже целый день, только когда подошли к месту

привала:

— Что натолкнула тебя на мысль, что мы в беде, и заставило мчаться в Чёрные Гавани?

— В Фатоне появился монстр — демонесса, слишком похожая на Джессику, — Айрис помрачнела: — Мы так и не поймали её.

— Арджея, — опустила глаза Дашка, на неё надавливало осознание того, что она скоро опять окажется на войне, её окружат смерти, кровавые, постоянные, жуткие.

— Что?

— Такое имя ей дала Эвилана. Демонесса — тёмный двойник Джессики. С Теоной ведьма то же самое сделала. Дмитрия…

— Осведомили меня! — воскликнула Айрис. — Сёстры Винсент всё рассказали. И что с тобой сотворили, я знаю.

До утра Дашка и Айрис больше не разговаривали.

Последующие сеансы исцеления проходили тяжело, но рикса уверяла колдунью, что поводов переживать ещё нет. Самым неприятным последствием воздействия духов оказались постоянно мучившие Дашку страхи, превращавшиеся несколько раз в день в приступы паники. Повстанцы списывали это на то, что Торман как-то навредил ей, и к Айрис никто претензий не предъявлял: что же ты, ведьма, с девочкой творишь, если она так терзается.

Дашка могла, услышав чьи-то шаги или голоса, направить в их сторону несколько волн магии подряд. Она, если предоставлялась возможность, избегала общества, иногда наоборот, ни на шаг не отходила от кого-либо из повстанцев. Всех, кто присоединялся к ним, колдунья поначалу ненавидела. Это чувство, из-за которого от избытка магической силы, заставляющего её страдать физически, она избавлялась, атакуя их, сменялось горячей привязанностью, сопровождающейся ненормальными опасениями за жизни новобранцев. Чем реже и слабее становились приступы болезни, тем невыносимее делались взрывы паники. Сил расспрашивать Айрис не было, сама она не говорила ничего, по виду её нельзя было сказать, хорошо дела идут или плохо, выражения лиц духов оставались неизменными всё время.

Ко дню, когда повстанцы ступили на территорию Дестиарии, почти догнав армию Скентии, завершающий, пятый сеанс пройден так и не был. Болезнь отпустила Дашку, но ужасы…

Из-за них, однако, ведьма стала практически непобедимой. Чрезмерная бдительность её не оставляла вражеским отрядам, а их в Дестиарии было множество, никаких шансов. Страх за свою жизнь, появления которого так ждал Дерхонис, ожесточил

колдунью, боевое безумство помогало не замечать боли.

— Что с тобой на этот раз? — после очередного сражения Айрис, наконец, подошла к Дашке с вопросом.

— Пусто… — она прислонилась к дереву.

Перед её глазами простиралось место, где полчаса назад закончился бой. Вечерело. Закат был тусклым, не разбавляющим серость полностью.

— Я раньше кем-то была? — произнесла она, продолжая обнимать сухой серый ствол, один из сотни таких же безжизненных, угрюмых, составляющих раскинувшийся здесь лес. — Я ведь что-то делала, к чему-то стремилась, наверное. Мечтала — да или нет?

— Очень много.

— Сегодня я видела, как сильно люди не хотят умирать.

— И что же? — оживилась Айрис, чувствуя, чем должен закончиться этот разговор.

— Если не хотят — значит, жизнью дорожат. У них что-то есть или кто-то.

— Правильно, — приготовилась женщина, зная, сталкиваясь с подобным явлениям не раз, что сейчас нужно чуть-чуть терпения. — Продолжай.

— У меня тоже что-то должно быть, — уже борясь с приступом, Дашка отступила от дерева, прекратив за него держаться так, будто иначе она бы упала. — Им может оказаться всё, что угодно. Я не хочу, чтобы целью моей жизни была только победа в этой войне, не хочу, понимаешь?! — закричала она. — Восстание тем и пугает, что возможностей не даёт, только забирает. Конец где? Ему давно пора быть! Пусть оно прекратится! Пожалуйста! Спаси меня…

Всё, что она могла бы выкрикнуть ещё, пропало в рыданиях.

— Неужели с этим пора покончить? — изумилась Айрис, прижимая её к себе.

Она предполагала, что озарение: жизнь обязана продолжаться, — наступит не сразу. Осталось дождаться ночи.

— А тебе весело, — заулыбался Барклиаф.

— Я соскучилась, что тебе неясно? — Дашка подняла на свет посох, подаренный ей Фелицио. На конце артефакта было позолоченное кольцо с закреплённой в центре прозрачной сферой с тёмно-фиолетовым газом внутри. Иногда там можно было разглядеть какой-нибудь символ, что колдунья и пыталась сейчас сделать. — Старые друзья там, как-никак.

Радость вызвало известие, что завтра повстанцы, ведомые Айрис и Фробениусом, встречаются с армией предводителя

восстания.

— И старые враги, — к ним подошла Джессика. — Разведчики сообщили, что на нас надвигается королевская армия во главе с Эвиланой. Хидаар тоже с ними. Идёт на смерть, — она показала хищный довольный оскал.

— А мы сможем биться? — выпалил Барклиаф. — Мы бодры и здоровы, полны сил, а вот бойцы Скентии? В каком состоянии его армия?

— Держится. Скентия, по словам разведчиков, не выглядел подавленным. Хотя он не продемонстрирует, если почувствовал сомнения в успехе, — бросила Джессика с оттенком презрения.

— Это невозможно! — Дашку стал пробирать истерический смех, защита от страха, теперь очевидного. — Я же…

— Ты сущий кошмар неприятелей, — не дослушала Джессика, решив, что подругу надо просто успокоить. — Ещё войдёшь в список самых сильных магов Альданы за всю её историю, я уверяю.

— Я не готова к тому, для чего нужна повстанцам. Я по-прежнему чёрный маг.

— Айрис тебе не вернула силу? — по лицу Джессики полоснул ужас, Барклиаф оцепенел.

Жуткая фраза долетела до ушей нескольких других повстанцев, и прежде, чем Дашка снова обрела дар речи, уже гуляла по всему отряду.

— Она, наверное, собиралась, — утвердительно, но с дрожью отчаяния в голосе сказала воительница. — Ищем её!

Айрис, кажется, ожидала их в своём шатре. Бешеный испуг молодых женщин её не удивил и не обеспокоил.

— Вы должны, госпожа Ави… — Джессика нагнулась, положив руки на колени, восстанавливая дыхание. — Постараться… Простите мою наглость, но это серьёзно! — она вскинула голову, медно-рыжие волосы взлетели и легли на плечи.

— Я никому ничего не должна, — возразила Айрис.

— Вы не…

— Про королевское войско мне доложили. Узнала вперёд тебя, Винсент.

— Как же, по-вашему, без четвёртого стихийного мага…

— Этого я и не обещала Дарье. Для неё это важно, пусть она сама с этим разбирается. Уходите.

Джессике было невероятно трудно подчиниться, но её потянула к выходу Дашка.

— Айрис права, мне с этим разбираться. Потому что это — *моё,* — сказала она, оттащив подругу подальше.

— Ты не имеешь понятия о том, как поступить. И горе твоё,

кстати, по прихоти магов, работающих на королеву — почему ты должна изводиться? И не только твоё оно, всем плохо будет, если ты не успеешь стать прежней! — она пнула подвернувшийся под ноги камень, посмотрела, куда он отлетел.

— Есть духи, считающие, что люди обязаны быть сильными всегда, — повторила Дашка сказанную ей когда-то фразу Айрис. — Я не совсем согласна. Сильными мы обязаны быть, когда нам это необходимо. Я буду. И ты будь.

— Если ты скажешь, что собираешься делать.

Этот упрёк был справедливым. Кроме безысходности, Дашке не чувствовалось ничего. Снова плен панического ужаса. Но тот, что насылали на ведьму духи риксов, отключал разум и принимался управлять ею, посылая приказы к действиям, которые не обсуждались. Ужас этого дня не оберегал от реальности полной невменяемостью, напротив, запускал одну за другой пренеприятные мысли, попадающие в голову почти незаметными, случайными, и превращающиеся там в нечто гигантское, на что невозможно было закрыть глаза, что было невозможно отбросить или заслонить.

— Не смей беспокоить Айрис, — приказала Дашка. Приказной тон слышался, хрипящий голос — едва.

— О чём ты? — озлобленно хохотнула воительница. — Просто беспокоить — не моя тактика, и для старухи Ави не подходит. Угрозы — уже дельное средство.

Дашка не представляла, как можно её отговаривать, спорить с Джессикой. Беспомощность и гнев в ней холодным пульсирующим светом вспыхнули во взгляде. Любимица Айрис (хоть бы не бывшая!) может, не уследив за словами (а на такую ерунду она время и нервы не тратит), обронить в обвинении, что госпожа Ави из племени риксов, и для кого-то из двух воительниц это закончится печально. Обеих Дашка ценила, обеим желала счастливой жизни, которая грозилась вот-вот сломаться.

— Раз мне придётся искать способ восстановить свою магию и очиститься от инородной, такой пустяк, как тебя задержать, мне будет под силу, — простонала колдунья, но зря, Джессика исчезла.

— Красивый здесь храм, — донёсся голос какого-то повстанца, идущего сюда.

— Здорово, что он является земным домом для духов героев Чёрно-Белой войны, — ответил другой. — Мой прапрадед на ней воевал.

— Простите, а где этот храм? — остановила их Дашка, когда они проходили мимо.

Ей объяснили.

Глава 34 Движение к концу

Хлынул ливень. О том, что следует надеть капюшон, Дашка не подумала. С отросшей чёлки холодная дождевая вода стекала на лицо, задерживаясь на ресницах и продолжая путь по щекам, иногда смешиваясь с тёплой, сочащейся из глаз. Ощущать её на коже было неприятнее.

Лужи обходить Дашка тоже не старалась. Снаружи она вымокла из-за ливня так, что лишняя влага в ботинках уже не замечалась. Да и чтобы замечать её, нужно иногда отвлекаться от того, чем занята голова, а внутри текли потоки воспоминаний такие же бурные, как дождевые.

Такой же ливень был в тот день (вернее, в ночь), когда она с университетской группой поехала за город. А ведь не хотела сначала, Алина её уговорила. Так что на месте Дашки мог быть кто-то другой или вообще никого. Но она не отдала его никому. Судьба?

Удивления Дашка, когда вышла к храму, избежала. Она привыкла, что в Альдане храмы можно найти не только в любом поселении, но и в месте, где господствует природа, и, тем не менее, каждый раз изумлялась, когда наталкивалась на святилище где-нибудь в лесу или на берегу моря. За время путешествия в Чёрные Гавани и войны Дашка со счёту сбилась: сколько повидала таких скрытых храмов. А теперь не удивилась.

Попади она сюда месяц назад, то обязательно подошла бы к обрыву (храм стоял у края пропасти), посмотрела бы, что за вид открывается. Дашка даже не подняла головы. Сделала это она в тот момент, когда распахнула дверь храма.

Встретила колдунью статуя неизвестной ей женщины, судя по посоху в руке изваяния, в вечной памяти она осталась как гениальная волшебница или боевой маг, Дашке казалось, что верно последнее предположение.

Молитва… Дашка пришла попросить о том, чтобы её превратили обратно в повелительницу стихии Огня. Ей оставалось лишь надеяться на чудо, а чудеса — компетенция духов. Такая надежда — непростительная слабость, за которую в этот момент Дашка себя презирала.

Просьбу надо записать где-нибудь и отдать духам. У Дашки при себе не было ничего. Опять же не подумала, не успела. Ливень, усилившись и застучав в окна с такой силой, будто от капель по стёклам вот-вот начнут разбегаться трещины, отчитывал её за это — так казалось. И за это, и за слабость, и за многое, что сделано и нет.

Глаза изваяния вспыхнули приглушённым голубым светом — сюда спустился дух и ждёт слова Дашки. Она сама от себя ждала решения.

Ведьма сжала кулаки. Ноготь царапнул по шраму, оставшемуся после издевательств Алеона. Дашка обратила внимание на ладони, впервые за последние недели. Они были изуродованы. Сейчас ведьма увидела, как сильно. Целая паутина из шрамов, тонких, но слишком многочисленных. Еще несколько ничего не испортят.

Надо было найти, чем можно поцарапать кожу. Кинжала или ножа у Дашки не было. Осколок бы подошёл…

Она подняла с пола кусок стекла с острыми краями. Через дыру в разбитом окне влетел ветер, приносящий дождевые капли. Те, что попадали на руку Дашки, смешивались с кровью и пропадали в ней. Её много было — колдунья неудачно разбила окно, распорола вену. Зато теперь можно было писать.

На ладони она нацарапала три слова: «Верните мне силу». На другой добавила: «Прошу. Ради себя…», «…и королевства», — приписала она вдоль запястья. На руке тоже до сих пор не исчезли шрамы от ножа Эвиланы, поэтому портить дальше не жалко. Кровавые отпечатки Дашка сделала прямо на полу перед статуей. Вместе с разбитым окном они образовывали зловещую картину.

Колдунья расправила закатанный рукав. На нём проступили кровавые буквы, быстро превратившиеся в красное пятно. Затем влезла в мантию, испачкав её.

Выходя, Дашка обернулась. В дыре в окне мелькнула молния.

Вернулась ведьма очень поздно, но большинство повстанцев бодрствовали. Повсюду горели костры, вокруг них жужжали беседы, прерываемые то тут, то там взрывами смеха или криками — кто-то кого-то подзывал, приглашая присоединиться, или обращался к приятелю, сидевшему или проходившему поодаль. Веселье поразило своей неуместностью — скоро должна случиться решающая, наверное, финальная битва, шансы выиграть в которой могут так и остаться неравными.

— Дарья! — один из окриков достался и колдунье, мечтавшей добраться до своего шатра и провалиться в сон. — Где пропадаешь? Тебя искали Барклиаф и Фелицио. Целитель три раза интересовался, где ты.

— Понятно, — буркнула Дашка, не глядя, кто только что ей это сказал.

— Не слышу!

— И не надо, — она ускорила шаг, торопясь, пока не заметили, что её мантия пропитана кровью.

— Куда направляемся? — из-за дерева выскочил Рикелла, падая на Дашку с объятиями, потому что потерял равновесие. Почему он нетвёрдо держится на ногах, ей стало понятно, когда он на неё дыхнул.

— Спать! — ведьма вывернулась, но не сдвинулась с места: тёмный эльф удержал её за руку. Хмельной блеск в глазах мгновенно пропал.

— Откуда? — спросил он, явно поборов желание заорать на неё.

— Неважно, — ведьма попыталась отступить, но миниатюрный Рикелла оказался сильнее.

— Ты бросила оружие, ушла, явилась по уши в крови — это, по-твоему, неважно?! — он всё-таки повысил голос.

— Только не надо начинать про то, что я должна дорожить жизнью хотя бы потому, что в моём существовании заинтересована почти вся Альдана, — огрызнулась Дашка.

— Да не считаю я, что ты собственность королевства! — воскликнул эльф. — Но мы за тебя волнуемся, понимаешь? Я, Фробениус, Теона, Джессика, Айрис, Файризан, Барклиаф, Абрион, Фелицио! Кому-нибудь из нас могла сказать? С тобой бы пошли! Вот что тебе так надо было, что ты из-за этого так пострадала? — заворчал он, стягивая с неё мантию. — Вряд ли нам было бы так трудно тебя поддержать, защитить, — целитель-священник начал затягивать раны на левой руке, на которой Дашка выцарапала конец просьбы. — Так ответишь ты на вопрос? Хотя бы на последний!

— Так было нужно.

— Вижу! А тебе ли? — он прервал манипуляции, в упор посмотрев на ведьму.

— И мне в том числе.

— А как возникла столь острая необходимость? — Рикелла продолжил, не опуская взгляда.

— А вот так. Случайно, — Дашка не собиралась делаться более многословной, к тому же вразумительного ответа у неё не было. Если она начнёт уверять приятеля, что вдруг пришла к выводу: если что-то *твоё* отняли, то сражайся за него любыми методами и средствами, — не поверит. Сказать, что таков совет Айрис, значит обречь её на обвинения, последствия которых могут быть непредсказуемы.

— Ты мне хоть что-нибудь разъяснишь?

— Хочу спать.

— А Джессике?

— Вот ей точно — ничего! — встрепенулась Дашка.

— Серьёзно всё, — эльф завершил исцеление и теперь просто

поглаживал её руки, при этом задумавшись. — Даже лучшей подруге знать не дашь? Это потому, что лучшая? Может, стоит тогда сказать тому, с кем меньше общаешься?

— Нет. Она — это она. Вот поэтому, — Дашка захотела уйти, теперь Рикелла не стал мешать, но глядел на неё он так, что колдунья решила ещё задержаться. — Это действительно запутанно. Слишком. Иначе я бы не стала вас изводить.

— Не сама ли ты так всё устроила? Поддержка тебе нужна, сдаётся мне, но принять против воли нельзя. Ты же откажешься?

Ведьма ответила молча, медленно моргнув. Когда Дашка открыла глаза, в них появилось «Да», извиняющееся и болезненное.

— Осторожней будь. Если узел слишком тугой, верёвку приходится разрезать.

— Вы бы ничего не смогли сделать для меня. Так что… — попыталась оправдаться Дашка, не только перед Рикеллой и остальными, но и перед собой. — У вас почти праздник, — вдруг произнесла она, продолжая думать о том же самом. — Повод появился? Я уходила, все в беспокойстве были, кто-то и вовсе в панике, а теперь вам радостно. Я что-то пропустила, да?

— Вроде бы нет, — пожал плечами тёмный эльф.

— Это нереально, чтобы у вас просто так настолько поднялось настроение, — недоумевала Дашка, мотнув головой и чувствуя стремительное учащение ударов сердца.

— Тебе точно отдохнуть надо, — протянул Рикелла. — Тебе уже мерещится невесть что.

— Спокойной ночи, — быстро сказала Дашка и чуть ли не бегом поспешила скрыться.

Только она избавилась от Рикеллы, её настиг другой голос:

— Подойди ко мне, пожалуйста.

Айрис Дашка охотно готова была отдать часть времени, хоть и предполагала, что разговор может оказаться неприятным, поэтому молча приблизилась.

— Не можешь найти объяснения оживлению среди повстанцев? — хмыкнула Айрис. — Это я постаралась.

— Как? Шаманство? — Дашка подавила возглас.

— Оно самое, — женщина огляделась, убеждаясь, что никто на неё не смотрит, не слушает, все заняты своими делами и разговорами. — Одна из причин военных успехов риксов.

— Сегодня ты не заботишься о безопасности, — заметила Дашка. — У всех помешательство…

— Обряд я уже провела, так что обличить меня невозможно. Впрочем, если кто станет свидетелем нашей беседы, то желания сделать это у него не возникнет. Сядем? — предложила Айрис. —

Или у тебя глаза слипаются?

— Сон был прикрытием. От тебя прятаться я не хочу.

Воительница шагнула назад, за её спиной тянулось рухнувшее дерево, на которое она и опустилась. Дашка села тоже.

— Это лишь невинное поднятие боевого духа, — раскрыла секрет Айрис. — Духи помогают из своего мира, не вселяясь. Я лишь хорошо попросила их.

— Здорово, — усмехнулась Дашка. — И так просто, кажется.

— Для всех, кроме шамана. Духи упрямы, не с каждым на контакт идут. Шаманство физически выматывает. Некоторым просьба, подобная той, с которой я к духам обращалась, может стоить жизни.

— Ты бы отдала свою, если без жертвы обойтись нельзя было?

— Нет, я бы остановилась, — ответила Айрис. — Смерть в мои планы на ближайшее время не входит. Если захочу, я просто прекращу принимать эликсир жизненной силы. Тогда я умру от старости, мне же пятый век идёт.

— Ах, вот как, — Дашка задрала голову, глянув на небо, исполосованное чёрными стволами высоких деревьев, из-за них выглядывали звёзды разной величины. Было бы наивно ожидать от Айрис иного ответа, но тот, что дала рикса, слух всё-таки резанул. — Скажи, а откуда уверенность, что тебя не начнут подозревать, если ненароком подслушают? Если все стали такими боевыми, то как раз захотят тебя растерзать.

— Боевой дух — это не кровожадность. Это вера в победу, видение всего в лучшем свете. Я упоминаю малоизвестные факты о риксах? Может, из книг узнала. Этот народ пытаются изучить, понять. Соответствующей литературы мало, но она есть. Иногда находят записи риксов, документы, летописи. За четыреста лет я могла увидеть что-либо из этого изобилия.

— За меня зато друзья волновались, — пробормотала Дашка. — Рикелла мне пытался допрос устроить, Фелицио я боюсь на глаза попадаться — он вне себя, наверное, будет, когда узнает, что я отлучалась неизвестно куда и вернулась вся в крови.

— Их привязанность оказалась сильнее магии духов. Есть проблемы, о которых можно не думать, от них духи спасают, а ты ведь не проблема даже. От проблемы хотят избавиться одним из двух способов — решить её или забыть. Тебя из головы просто так не выкинуть. Переделать, чтобы проще стала — вообще грех тяжелейший. Так что будут за тебя трястись до тех пор, пока не разлюбят, — вздохнула Айрис по-доброму. — Вот теперь иди спать. Продолжаем движение рано утром.

— Сейчас пойду, — отозвалась Дашка, думая. — Ты знаешь

хоть, где меня носило? Вообще ты заметила моё отсутствие или тебе известно стало, когда я сказала сама только что?

— То, что ты пропала, донесли до каждого повстанца. Двое ребят сказали мне, что ты спрашивала у них дорогу в храм. Я попросила их не говорить об этом больше никому. Так как на разведку в храм никто не кинулся, парни смогли сдержаться. Рискну предположить, ты догадаешься, зачем я так поступила, и вопросов у тебя не останется. Но один появится у меня — почему столько крови? — и Айрис замерла в ожидании ответа.

— Ладони и одну руку я себе изрезала, другой рукой разбила стекло. Кровь была нужна, чтобы написать молитву.

Теперь на звёзды уставилась Айрис. Ответ, разумеется, произвёл на неё впечатление, и Дашка старалась понять, какое оно.

— Спокойной ночи, — Айрис отвлеклась от неба.

Она улыбалась.

Огненный шар взлетел вверх, остановившись над безлистыми кронами деревьев, и стал выстреливать частями себя, всё уменьшаясь и уменьшаясь. Пламя красиво падало, попадая на деревья, продолжало опускаться вниз, огибая ствол, не оставляя ни на нём, ни на ветках огненного хвоста. Попадая на землю, оно горело смирно, так же ни на что не перебегая.

— О, Ветры, это же совершенство! — снова восхитился Фелицио. — У нашей семьи были знакомые стихийные маги, подчиняющие себе Огонь, но до тебя им далеко!

— В Магической Академии тебе надо не учиться, а преподавать! — выпалила Теона.

— После войны в абсолютной чистоте моей стихийной магии необходимость отпадёт. А мне необязательно поступать на факультет огненного колдовства, — вяло отбивалось от заслуженных похвал Дашка.

Утром чудо произошло. Проснулась она стихийной колдуньей.

— Оставь немного огня на деревьях, — посоветовал Файризан. — Скентии с воинами будет легче нас заметить.

— Запросто! — Дашка скрестила руки перед лицом и резко развела в стороны, на нескольких деревьях вспыхнул огонь, охвативший всю крону. — Потом потушу, — пообещала Дашка, заметив пару недовольных взглядов. — Вот так, — колдунья ткнула пальцем в ближайшее к ней загоревшееся дерево, оно погасло, каких-либо следов огня на нём не осталось.

— Изумительно! — Фелицио, конечно же, не смог не похвалить.

Армия себя ждать не заставила, появившись через минут десять. Огромное, несмотря на катастрофические потери, войско замерло в нескольких метрах от группы повстанцев. К стоящему впереди Скентии пробрались трое: Саша, Алина и Клавьер, за ними из рядов воинов вынырнули Томас, Кларисса, Бруно, Тина и Николас. К Айрис и Фробениусу вышли Дашка с Файризаном. Взгляд колдуньи встретили восемь взглядов друзей, полководца молча приветствовали в первую очередь его бойцы-мечники, у которых после того, как Файризан попал в Цейген, полководцы менялись часто, но под руководством кого-либо из них они не добивались такого же успеха, как при нём.

— Как же мы рады вашему возвращению! — воскликнул главнокомандующий.

Его возглас будто послужил сигналом: все, кто выжил в цейгенском Центре магических исследований, кинулись к старым друзьям и знакомым. От вопящей от неуёмной радости толпы с трудом отделился Скентия и подошёл к Фробениусу.

— Для начала — просто спасибо, — он обнял старика. Почувствовав на себе несколько удивлённых и заинтересованных взглядов, Скентия отступил на расстояние вытянутой руки.

Фробениус усмехнулся:

— Тебя даже война не меняет. Рассказывай, как у вас дело обстоит. Слышал, всё плохо. Глядя в твои вечно сияющие глаза, я не могу представить, что войско, которым ты командуешь, давно не одерживало побед. Ты в них всё маскируешь: и тоску, и печаль, и скорбь. Я так и не научился распознавать все чувства, скрываемые тобой. Просветишь меня?

— Пока армия готова продолжать войну — всё хорошо, — категорично ответил Скентия. — Теперь, когда у моих бойцов такое счастье случилось — им вернули любимого полководца и человека, от которого зависит успех восстания, они будут сражаться играючи.

— Так, как обычно это делаешь ты.

— Что-то против моей манеры имеешь?

— В таком случае я тебе вести повстанцев не доверил бы. Всё хорошо, — старик похлопал его по плечу. — Тебе я тоже очень благодарен. Ты справляешься потому, что у тебя такие манеры. И такие очаровывающие глаза.

— Они не желают проигрывать, — Эвилана опустила указательный палец в озеро, от него по воде разбежались круги, поглотившие отражение: воины-повстанцы устраивают бурную встречу друзьям, чуть было не сгинувшим в лабораториях некромантов. В озере снова стали видны бирюзовое небо с

белоснежными облаками.

— Что опять? — Виктор подал ей руку, помогая встать с колен.

— Над Дарьей здорово поработали, но девчонка догадалась выпросить помощь у предков. Ей внушает, что вера может всё, Айрис Ави.

— Знакомое имя.

— Не совсем. Ты её с *ней* путаешь, они сёстры и носят одинаковую фамилию. Вряд ли Айрис принесёт мне столько же проблем, сколько *она,* — ведьма прищурилась.

— Так что с Дарьей?

— Она опять огненный маг. Но в четвёрке повелителей стихий есть слабейший, можно обработать его. Я удивлена, почему ему всё время удаётся избегать смерти и плена. Дарью схватили, а он жив и здоров.

— Ты про мальчика, Ивара?

— Про кого же еще? — оскалилась Эвилана.

— К нему охрана приставлена, — Виктор осторожно стал обрисовывать ситуацию, зная, что ведьма не выносит, когда ей что-то объясняют. — Парень с девчонкой в самый ад сражений никогда не лезут. У них есть неслабая магия, они поражают врагов на расстоянии. А ребёнок совсем глупый, по-моему, даже для его столь юного возраста. Нравится ему война, вернее, ощущение, что на ней он герой! Где крови больше, мечи лязгают громче — он туда мчится, как бы без него чего не случилось. Быть его охранником — смертный приговор. Его жизнь ценнее, чем чья-либо из простых повстанцев. А они не сопротивляются, вцепляясь в мысль, что, защищая этого ребёнка, они спасают королевство.

— Прекращай называть моих людей врагами, когда говоришь о повстанцах, — сделала жёсткое замечание Эвилана. — А Ивар начинает мне нравиться. Мог бы быть другом для Кристиана.

— Артея с этим справится. Он вам нужен живым? — вмешалась в разговор Арджея.

— Главное, чтобы мальчишка не был мёртвым. Он может быть полуживой. Или умирающий. Главное, чтобы душа ещё в теле оставалась, — ответила Эвилана спокойно.

Арджея удалилась, Виктор загрустил ещё сильнее. Уже месяц он не улавливал тепла в голосе королевы, когда та обращалась к нему. К демонессам, двойникам сестёр Винсент, она питала почти материнскую любовь. Меланси из прислужницы, рабыни постепенно становилась для ведьмы приятельницей, даже с воинами и боевыми магами Эвилана иногда беседовала на равных. В двух последних случаях это было, безусловно,

притворство, но раньше обман красавица и ему даровала.

— Простите, что отвлекаю вас, Ваше Величество, но не пора ли нам двигаться? Разведка донесла, что повстанцы уже приближаются, — с холма спустился один из полководцев, Ирвинг Чезигер. — Мои боевые маги уже ждут, остальные полки тоже в нетерпении.

— Ну-ну, погода хорошая, действует, — хмыкнула Эвилана. — Скажи бойцам, что скоро начинаем.

Подавив вздох, Виктор шагнул к озеру и посмотрел на себя. Черты лица давно вытянулись от постоянной тоски, появились первые седые волосы. Он был относительно молод, но душа износилась совсем. Сверху упал сухой лист, поплыл по воде через отражение Виктора. Чёрный маг поднял его, вгляделся. Как давно он листьев не видел! Все прожили без гаммы зелёного цвета природы три года и извелись, а Виктор ещё десять лет прятался в пещере.

Это место было обнаружено случайно. Остановись королевская армия на пару километров раньше или позже, не стоял бы Виктор здесь. Милый укромный уголок, крутой склон, маленькое озеро и деревья с остатками сухой ржавой листвы, растущие по трое, по двое или по одиночке вокруг водоёма. Не хотелось отсюда уходить. А никто, ни один человек из войска не обратил внимания на это скромное чудо.

— Идём, — оповестила Виктора ведьма.

Он сжал в кулаке лист, рассыпавшийся — как разлетевшийся на осколки. Ржавые куски полетели в воду, вместе с ними упали на поверхность озера несколько слёз колдуна.

— До встречи после окончания предстоящего боя, — по привычке попрощалась Эвилана, когда они поднялись к воинам. — Тебе вести армию, я остаюсь позади всех с Хидааром. Его рык уничтожает всех, и своих, и чужих, так что я прикажу ему действовать, только если возникнет необходимость. Суета на поле боя лишь разозлит его, его голос может опередить мой приказ.

— Почему ты решила брать его именно сейчас? Что, армия Ринхафта настолько усилилась?

— Тебе подъём боевого духа был неведом с тех времён, когда ты стал предателем, — с деланной жалостью протянула королева. — Вернули повстанцам надежду — сразу сил прибавилось. Пока же Дарья Винсент отсутствовала, Ринхафт настраивал свою толпу на то, что на их стороне справедливость, духи предков и прочее. Достойный он противник.

— Ты права, сегодня замечательная погода, — произнёс Виктор.

— Будет мой тебе подарок. Я сделаю так, что над тобой небо

будет оставаться ясным, а над головами повстанцев соберутся тучи. Шаманство, которому ты когда-то меня научил. Теперь я знаю его лучше тебя, забавно, не так ли? И прекрати грустить, командующему армией, пусть и временному, это не к лицу, — Эвилана поцеловала его и затерялась среди воинов, пока Виктор, почти забывший, каковы бывают ласки ведьмы, приходил в себя. Пусть это было лишь касание её губ его, не продлившееся и секунды.

— Ивар, Ивар, да постой ты! — Алина ухватила мальчика за капюшон. — Потерпи! Действуй пока отсюда!

— Мне не видно! — упёрся ребёнок. — Можно я спущусь пониже?

— Не смей! — пригрозила Алина.

Побоище уже гремело полчаса, разворачиваясь в долине между холмов. Многие маги занимали позиции на возвышенностях, чтобы не подставляться под мечи. Им хватало и того, что приходилось отбиваться от оружия воинов на пегасах и драконах (сами драконы тоже доставляли немало хлопот), магических атак и призываемых существ и уклоняться от стрел.

— Тебя гибель Эдвина ничему не научила? — спросил Саша, переводя дух.

Эдвин и старший его на два месяца Ивар, за войну сдружившиеся невероятно, характерами были похожи. Обоим невозможно было объяснить, что жизнь их легко обрываема, а на войне желающих прервать её слишком много, поэтому без осторожности долго протянуть нельзя. Сперва дети старались внять разумным словам, но забывали о них с началом каждого сражения. Когда на них находило осознание того, что, защищая их, умирают бойцы, мальчики терзались, но через месяц случилось невероятное — они к этому привыкли, превратившись в конечных эгоистов. Юные маги знали: куда бы они ни шли, куда бы ни попадали, их вытащат из самой страшной опасности. В один невесёлый день мальчикам вздумалось сразиться с группой танат, когда вражеские полки уже отступали и охранники за ребятами следить перестали. Ивар смог вырваться, Эдвина убили.

— Танат я не вижу, — протянул Ивар, но долгожданные виноватые интонации у него прозвучали.

— Зато у королевы целая армия других тварей, — заметила Дашка.

Вокруг четырёх стихийных магов внезапно выросла полупрозрачная бледно-фиолетовая полусфера, об неё ударился огромный валун, отскочивший от поверхности, за ним последовали ещё три — атака стихийной магии Земли, одно из

немногих заклинаний, пока не удающихся Саше. Возле Ивара телепортировался красавец-главнокомандующий.

— Вражескую армию алхимики снабжают зельем невидимости, оно действует и на людей, и на существ, и на вещества, — сообщил Скентия. — Последнее — самая мерзкая неприятность. Группа воинов попала в невидимое пламя и устроила, мечась от боли, невидимый же пожар. Вас атаковал маг, сидящий на драконе, оба тоже заколдованы. Эта защитная полусфера продержится десять минут, а колдун кружит над вами, я могу его видеть. Алекс, всю силу своей магии направь на контрзаклятие. Никому пока не удавалось разрушить твои чары?

— Случилось один раз, — нахмурился Саша.

— Над вами уже толпа собралась, — Скентия запрокинул голову, прикрыл глаза рукой. — Семь драконов, из них трое огнедышащих, один выдыхает яд.

— На тебе какое-то заклинание наложено, если ты видишь? — полюбопытствовал Ивар.

— Не… не задавай лишних вопросов.

— От огнедышащих драконов защищу я, — сказала Дашка. — Что делать с ядовитыми?

— Атакуйте. Держитесь, битва обещает затянуться до вечера, — Скентия шагнул вперёд, исчезнув так, будто он зашёл в невидимую дверь.

Телепортация заставила Дашку с Алиной вздрогнуть.

— У нас около десяти минут, — Саша напрягся. — Не прижимайтесь вы так друг к другу, руки не занимайте! — сделал он замечание подругам, обнявшимся и пытающимся притянуть к себе Ивара.

— Зато я не боюсь! — похвастался мальчик, отбежав на безопасное расстояние от волшебниц.

— Лучше бы Скентия эту полусферу убрал, уходя. У нас не было бы времени трястись, — Дашка боком отодвинулась от Алины, без контакта чувствуя себя неуверенно.

— Она мне не мешает.

Возникшая из красноватого дыма Арджея, не удостоив вниманием старших магов, шагнула к младшему. Ивар с чрезвычайно серьёзным лицом, со старательным видом, который бы умилил в ситуации не столь критической, создал молнии, по три в каждой руке. Арджея, сдерживая смешок, встала перед ним, расправив плечи. Не знающий о её неуязвимости мальчик был обескуражен её издевательским спокойствием.

— Пронзай меня магией, я полюбуюсь, — ухмыльнулась демонесса. — Если пожелаешь, я могу сделать вид, что очень испугалась.

Саша, Алина и Дашка изнемогали от бессилия. Три могущественных мага не могут справиться с созданием, не наделённым колдовством. Повелительница Огня хотела подойти, заслонить собой ребёнка. Саша, придержав её, посмотрел вниз, где продолжался бой. Джессику облепил целый отряд королевских воинов; если кто-то сейчас инстинктивно атакует Арджею даже не причиняющим боль, а хотя бы сбивающим с ног заклинанием, Джессике останется жить минуту максимум. Подруги это тоже осознали, забыв, что Эвилана сделала её бессмертной. Ивар понял, что никто с демонессой биться не собирается, потому что поединок будет чреват какими-то последствиями. Не гляди на него Арджея с таким уничижением, он бы ударил её молнией, и не одной. Но пустые глаза двойника Джессики Винсент подавляли боевое бешенство.

Глава 35 Поединок внутри

В последнюю секунду, когда из-под ног Арджеи, притянувшей к себе Ивара и вцепившейся в плечо ребёнка, пополз дым, трое магов, не вытерпев, кинулись к противнице. Их остановил огромный меч двойника воительницы, направленный на повелителей стихий. Через мгновение её и мальчика под полусферой уже не было.

— Кто-нибудь видит их? — Алина припала к прозрачной поверхности, зачем-то ударив по ней два раза ладонью — как будто хотела разбить и вырваться наружу или обратить на себя внимание.

— Ни её с Иваром, ни второй демонессы, ни Эвиланы, — ноющим голосом ответила Дашка.

— Посмотрите же кто-нибудь на нас! — Алина продолжала стучать по полусфере, уже лупя изо всех сил и срываясь на крик.

Скоро её заметил какой-то эльф. Скентия был оповещён о случившейся неприятности и телепортировался к троице, когда полусфера стала бледнеть, тая.

— Где Ивар?!

— Его утащила Арджея, — смог сказать Саша, подруги были слишком взволнованы, теперь для них представляла трудность необходимость говорить кратко и понятно.

— Только не это! — воскликнул Скентия гневно, но, к счастью, не растерянно.

Сфера лопнула. Повеяло жаром, но Дашка, сообразив, что защита от огня зависит от неё, не успела наложить чары — элементалист перенёс всех на другой холм, над которым схватились три дракона, два вражеских, один принадлежащий армии Адельтии. Командующий, делая взмахи одновременно и посохом, и жезлом, который вращал над головой, быстро заговорил:

— Ивара обнаружить можно. Его магию можно почувствовать, главное, чтобы он был где-то рядом, иначе…

Он внезапным движением скрестил перед собой жезл и посох так, что послышался звук удара одного оружия о другое, из места соприкосновения повалил пар, превращающийся в невысокую фигуру, темнеющую и уплотняющуюся.

Появившийся водный элементаль выстрелил из руки шаром светящейся синей плазмы, рванувшей куда-то через всё поле боя.

— Атакуйте драконов, — раздражённо потребовал красавец.

Созданиям противника досталось тремя видами магии сразу: чары окаменения, молнии и огненный шар, под их

душераздирающий рёв Скентия подозвал третьего дракона.

Не дожидаясь очередного приказа, троица забралась на спину существу, элементалист запрыгнул следом, когда дракон уже приподнялся над землёй. Сверху было видно, куда летит кусок плазмы, притягивающийся родственной магией. Дракон без команды понял, что от него хотят, и мчался за ним.

Полёт закончился на другом конце долины, у подножия холма с той стороны, где практически не было слышно сражение с его криками, стонами и взрывами. В нескольких десятках метрах от приземлившегося дракона дремал Хидаар, возле него стояла Эвилана, пристально глядевшая на Скентию и стихийных магов. Они опоздали: перед королевой-ведьмой лежал бездыханный Ивар.

— У твоего сына, Дарья, будет верный друг, — произнесла Эвилана.

Всё выглядело слишком неправдоподобным: тишина, абсолютно спокойная леди Армад, без хищного взгляда, коварной усмешки и толпы прислужников и прислужниц, не собирающийся нападать монстр. Погода — и та не бунтовала, только слабый ветерок и приглушённый облаками солнечный свет. И такие ужасные слова…

— Не спешите так расстраиваться, — добавила ведьма почти приветливо. — Хидаар не проснётся, если вы не вынудите меня его разбудить. Его я использовала, чтобы уничтожать города и деревни, отказавшиеся мне подчиняться. Найди вы другую замену Дмитрию, я бы дала ему команду разрушать и сегодня, только не поселения, а воинствующую массу, но вам попался милый, очаровательный ребёнок, душа и магия которого понадобились мне. Вы перестали надеяться на победу. Я устрою так, что вся ваша армия скоро узнает о гибели Ивара. Поэтому опасности вы больше не представляете. На твоём месте, Скентия, я бы сказала повстанцам отступать. Перебьёте вы королевских магов и воинов — вот у меня и останется Хидаар. Вы ведь от него хотите избавить Альдану?

— Да ты… — Скентия поднял посох, Эвилана лишь погрозила пальцем:

— Я же твою тайну знаю, Ринхафт. Тебя можно уничтожить не самыми сложными чарами, уничтожающими любые порождения магии.

Красавец опустил оружие, заведя руки за спину. Впервые он выглядел уязвлённым.

— Друзья твои ничего не подозревают? — ведьма с улыбкой кивнула троице. — Кстати, если кто-нибудь из них попытается причинить мне вред, я эти чары применю.

Скентия мотнул головой, метнув в злодейку злобный взгляд.

— Сам поведаешь или мне сделать это?

Он понимал, что лучше сознаться самому, но эта его тайна, судя по всему, была настолько постыдной, что даже под пытками красавец озвучил бы её не сразу.

— Я не совсем человек, — наконец, процедил Скентия. — Я… Проклятье, Эвилана, я в этом не виноват! — выкрикнул он, не сумев закончить.

— Согласна, на то была воля Веолаймера Кердена.

— Это алхимик, — сглотнув, чуть ли не со слезами выдавил Скентия, — мой создатель. Я гомункул. Хорошо обработанный, качественный, сделанный из лучших материалов гомункул. Отсюда и некоторые мои необычные способности, например, взгляд сквозь защиту чар невидимости.

— Расписывать то, как изощряются алхимики в стремлении создать сверхчеловека, будешь потом и в другом месте, — прервала его Эвилана, элементалист, наверное, был ей за это благодарен. — Тебе пора уводить повстанцев отсюда.

Без возражений Скентия телепортировался, забрав и друзей, и дракона.

Вернулись они на то же место, откуда перенеслись. Сражение внизу ожесточилось, колдовство Эвиланы ещё не постигло повстанцев, те даже начинали одерживать верх над королевской армией.

— Я не вижу ничего плохого в твоём происхождении, — сказала Алина. — Может быть, это потому, что я не знаю ничего о гомункулах. Но даже если их, как правило, выращивают в качестве убийц, моё мнение о тебе останется прежним.

— Пока что от обычных людей ты отличаешься только невероятным обаянием и красотой, — подхватила Дашка.

— Тебя, Дарья, кажется, интересует, зачем меня вырастили. Если я и расскажу тебе, то когда-нибудь потом, после окончания восстания, — Скентия, неотрывно глядя на сражение, поправил чёлку. Этот жест он делал постоянно, расправляя волосы так, чтобы не было видно левого глаза. Все подозревали, что он у него когда-то вытек, или его пересёк шрам, или там ещё какое уродство. Теперь друзья были уверены точно: оранжевые волосы что-то скрывают.

— Как заканчивать-то его будем? — хмыкнул Саша, стараясь говорить с невозмутимыми интонациями.

Дашка увидела вдруг, как королевский демонолог, тоже не участвующий в битве непосредственно, ударил посохом, и на поле битвы появилась группа из пяти демонов.

— Вдруг Дмитрий не безнадёжен? Теона рассказывала, он

чуть было однажды её не вспомнил, — она задумалась. — У нас просто не было возможности обратить его в человека.

— Это белая магия — снятие тёмных чар. С ней дела сейчас хуже, чем обычно, будто вы забыли, — вздохнул Скентия, направив жезл вниз. Там на земле вспыхнул зеленоватым светом символ, в центре его вырос элементаль земли.

— У троих человек она осталась почти на прежнем уровне, у меня, Теоны и Рикеллы, — напомнила Алина.

— Стоит попробовать, — кивнул элементалист. — Но придётся спускаться вниз, Дмитрий должен быть там, раздирать наших воинов.

— Нам не привыкать, — отмахнулась Дашка.

Очередной водный элементаль запустил в толпу убийц за веру большой кусок плазмы, Скентия, чтобы отвоевать маленький, но имеющий значение кусок времени, телепортировал компанию и себя к подножию холма. Следовать за летящим синим сгустком было довольно просто: он периодически тормозил о королевских воинов, превращая их в куски льда, разбивающиеся при ударе о землю. Видя, чем им грозит столкновение с плазмой, бойцы армии Эвиланы разбегались, невольно уступая дорогу элементалисту и повелителям стихий.

— Теону… сначала… надо было… найти, — выдохнула Дашка, отбиваясь от подскочившего к ней демона огненной волной, поглотившей ещё нескольких воинов.

— Я её видел, — выпалил Скентия, — за это не волнуйтесь. Пошёл вон! — он замахнулся жезлом на призванного кем-то в полуметре от него василиска, тот вспыхнул зелёным пламенем и исчез; посох в другой руке красавца вычерчивал символы, вспыхивающие и становящиеся элементалями воздуха.

Когда их появилась целая толпа в шесть рядов — по три справа и слева от компании, этакие защитные стены, Скентия внезапно телепортировался.

— Не останавливайтесь, так надо! — выпалила Дашка, поразившись собственной уверенности.

Шар плазмы настиг двух боевых магов, сильно замедлив скорость. Этой секунды Алине и Саше хватило, чтобы прийти в себя и догнать Дашку, притормозившую в ожидании, когда плазма продолжит движение.

Но этого не случилось. По обледеневшим фигурам разбежались трещины, развалившие их на куски и мелкие осколки — колдунов не стало, и троице открылся вид: группа повстанцев отбивается от толпы демонов, самый свирепый из них совсем недавно, казалось, был молодым человеком, стихийным

магом, ставшим жертвой чар ведьмы Эвиланы Армад.

Он отбил сгусток плазмы в сторону элементалей Скентии, сам остался невредим. Пока другие демоны продолжали атаковать, а на гримасах повстанцев, замечающих стоящих в оцепенении ребят, крики о помощи смешивались с возмущением: что же вы на нас смотрите?! — Дмитрий остановился, бросив истекающего кровью воина. Поверженный боец уже не смог подняться, даже не старался.

Пустые на вид, но хранящие в себе неиссякаемый запас ярости глаза демона сузились. Он вспомнил троицу… Как тех, кто не угоден повелительнице.

Терпение Дмитрия закончилось, когда за его спиной ударило множество молний, предназначенных остальным демонам. Взревев, он приготовился к прыжку, но перед ним возникли ещё два человека, парень и девушка.

Демон не собирался даже вглядываться в их лица, ему было всё равно, кого он порвёт следующим. Девушка сама на него посмотрела, заставив удержать на ней внимание. Дмитрий постоянно ощущал такую власть её во сне.

Сны эти были странные и мучительные. Огромные зелёные глаза, на них подрагивают отблески. Их становится больше, больше, и делается им так тесно, что они стекают вниз, в каплях. Долго наблюдать за движением отблесков было невозможно. Хотелось, чтобы они сменились чем-то другим, или чтобы глаза закрылись, или чтобы сон прервался, наконец.

И вот теперь глаза были перед ним. Отблесков не было, но демон чувствовал, что они должны появиться.

— Это ты? — прошептала девушка. — Теперь я совсем тебя не узнаю. В тебе ни одной твоей черты не осталось, знаешь ли ты об этом?

Вот и первые белые дёргающиеся точки на зелёных радужках и чёрных зрачках. Сейчас начнётся…

Девушку можно было убить. Демону внезапно подумалось, что лучше просто что-то сделать для того, чтобы грустные блики пропали.

— Но я чувствую, что это ты, — вдруг произнесла девушка твёрже.

Размышления были прерваны — на землю спустился чёрный пегас с всадником — Виктором Эвансом, временным командующим королевской армией.

— Я заберу вашу подругу, извиняйте, — известил компанию маг, хватая Теону.

Он пропал прежде, чем до него долетели четыре магические атаки.

— Мне придётся обездвижить тебя, — парень, доставивший сюда девушку, поднял посох, но демон не позволил применить чары, сбив мага с ног.

Опять! Теперь не сон, а видение. Плачущие глаза. Физической боли Дмитрий насмотрелся, хорошо представлял, как ею заволакивает взгляд. В глазах девушки была не физическая боль.

Прогнать его он не мог. Противника демон, не осознавая, отпустил. Кроме зелёных глаз девушки, на Дмитрия глядели ещё чьи-то, множество пар, подозрительно знакомых. Зашумели голоса. Демон не раз слышал подобное в сражениях, но теперь они звучали чуть-чуть по-другому. Та же боль, отчаяние, ужас. Только всё это теперь не приносило удовлетворения, не распаляло азарт сумасшедшего убийцы, а угнетало. Никаких новых интонаций — а такая огромная разница.

Дмитрий затряс головой — ни слух, ни зрение его не щадили. Безумный вой демона раздался по всей долине.

Хидаар поднял голову. Раздражающий вой не прекращался.

— Ты его разбудила, девочка, — выдала Эвилана в лицо Теоне.

— Она ничего не предпринимала. К Дмитрию возвращается память, с этим ничего не поделаешь, — вздохнул Виктор, держащий Теону за руки, заведённые за спину.

Целительница не вырывалась. Боялась она не за себя.

— Я же велела Артее использовать его как можно чаще. Где ты, дрянь, появись! — позвала ведьма двойника Теоны.

— Жду ваших приказаний, госпожа, — возникла перед ней демонесса.

— Твой раб взбунтовался. Как так получилось?

— Я не замечала в нём ничего странного! — забормотала Артея.

— Где он? Мне надо его проверить.

Артея подчинилась, вызвав взмахом жезла Дмитрия. Эвилана тут же магией заставила его замолчать. От страданий же чары немоты не избавили.

— С чего вдруг у тебя случилось просветление? — бесновалась ведьма, не давая Дмитрию отвернуться от неё.

— Потому что кроме силы колдовства есть сила души человека, — сказала Теона без колебаний.

— Где ты у своего любимого её видела? — Эвилана расхохоталась, отпустив голову демона. — Твоя непутёвая сестра была права, он тебя мне предпочёл. Ах, да тебе же все объяснить пытались.

— Это твоя магия, а не его желание.

— Увы, всё наоборот! Отпусти её, — попросила она Виктора. — Он поддался мне, так как хотел. Знаешь, почему?

— Нет, — Теона вздрогнула, когда ведьма подошла к ней.

— Ему в тебе только идеальная внешность понравилась, — улыбаясь и наслаждаясь эффектом каждого произносимого слова, принялась расписывать Эвилана. — Не будь у тебя шикарной фигуры и хорошенькой мордашки, он бы остался к тебе равнодушен. Нет ничего легче, чем увидеть красоту тела, а самое доступное ценится меньше всего. Дмитрий и меня бы мог на кого-нибудь променять, только я нашла средство, как его удержать.

Теона не могла ни признать это, ни возразить. Ответа стоило спросить у самого Дмитрия, но как?

Зелёные глаза двух красавиц… У одной — ярко-зелёные, у второй — холодного оттенка. Первые манят сильнее, но чем ледянее и обворожительнее становятся вторые, тем в тех, что ярче, становится больше тех самых блик, уходящих только слезами.

Совершенно не удивившись противоестественному и столь острому желанию, демон захотел растерзать госпожу.

— Ты расстроена? — всё издевалась Эвилана над Теоной. — Ты же бессмертна, у тебя достаточно времени, чтобы найти нового, стоящего поклонника. Таких, как Дмитрий, удерживают силой.

Чары немоты оказались только кстати: демон бы издал жуткий рык, точно разозливший бы дремлющего Хидаара, да и госпожа успела бы развернуться и отразить атаку.

Налетевший на ведьму Дмитрий внезапно ощутил спокойствие. Конечно, оно было неполное, не абсолютное, но распирающая грудь ненависть пропала. Бросив Эвилану, он отошёл, чтобы подождать, когда дыхание, всё более лёгкое, станет ровным.

Со спокойствием не оказалось покончено, даже когда в слух впился дикий визг Артеи и крик Эвиланы. Демонесса визжала от боли, ведьма была вне себя, так же переполняемая яростью, как недавно Дмитрий.

— Теперь ты сможешь узнать меня? — та девушка села перед ним, подняла лицо. Она уже не плакала. — У тебя снова твой взгляд, а не демонический.

Эту девушку я где-то видел. Я её знаю. Кажется, я её…

— Убейте его, кто-нибудь!! — Эвилана оглядывалась, ища посох, отброшенный куда-то при падении. — Нет, от вас не дождёшься!

Королева могла обойтись и без оружия. Диму в живот ударил луч магии, бывший раб упал на спину, чуть не потеряв сознание.

Атака не только причинила ему боль, но и разбила чары.

— Всё-таки ты умудрился меня разочаровать, — хмыкнула Эвилана. — Уничтожил свою лучшую часть, лучшую часть Теоны Винсент, — она глянула на красный пепел, оставшийся от Артеи, — и Арджею тоже. Вы все связаны были — одна команда. Ты всё испортил. Тебе только хуже станет, ты просто ещё не думал об этом. Не поддайся ты мне, ваша банда бы закончила дело, с которым отправилась в Чёрные Гавани. А в результате случилось восстание — то, от чего вы намеревались избавить королевство хоть на какое-то время.

— Всё не так, — простонал Дима.

Прийти в себя он ещё не мог, осознавая, что сражался за идеи королевы, нападал на союзников, вероятно, и на кого-то из своих приятелей. Вдруг кого-то убил? Трупов он много оставил, не запоминая всех.

— У тебя есть особые планы на этот случай? — произнёс Виктор язвительно. — Ты же не любишь просто так убивать, предпочитаешь нечто более изощрённое.

Но чёрный маг не учёл того, что Эвилана, любительница манипулировать людьми, видит в них всё.

— Что-то тебя веселит, — красавица прищурилась. — Забыл мою жестокость?

— На твоём месте я бы мальчишку прикончил сразу. Сразу, как узнал, что четыре стихийных мага собираются уничтожить то, что тебе так необходимо. Люди не настолько примитивны, как ты считаешь, — сочувственно протянул колдун. — Большинству из них свойственно меняться и, не поверишь, умнеть. Некоторых преображают любовь или крепкая дружба. Об этом ты, к несчастью, не догадываешься.

— Меня, к твоему сведению, как раз любовь изменила, — холодно возразила Эвилана.

— Она была несчастной и искалечила тебя.

Не ответив словами, ведьма швырнула в него шар чёрно-зелёного пламени. В него ударила молния: Виктора спасла Алина, появившаяся тут вместе со Скентией, Дашкой, Сашей и Рикеллой.

— Вы все здесь, — Дима отвел от себя руку Теоны, приподнялся, оглядел их и снова уронил голову на колени целительнице. — Простите…

— От тебя, Эвилана, нам больше ничего не нужно, — усмехнулся Скентия, по-прежнему сохраняя в выражении лица теплоту и доброжелательность. — Жаль, ты умная, красивая девушка, талантливая. Но прогнила насквозь. Обещаю, похороны мы тебе устроим хорошие.

Из его жезла вырвался поток фиолетовой с чёрным плазмы,

Эвилана вытянула вперёд руку — он завис и спустя мгновение взорвался.

— Желаете попробовать ещё? Вас пятеро магов, наделённых силой, способной убивать. Попытайтесь по очереди, потом все вместе. Виктор, ты, наверное, захочешь присоединиться?

— Хочу, — сказал он без единого признака волнения.

— И конечно же, ты полагаешь, что поумнел, — ведьма засмеялась, сначала тихо, затем — в голос, расхохоталась. — Ох, Виктор, ум полезен только вовремя. От осознания его отсутствия в прошлом бывают только терзания.

— Хидаар… — Теона, побледнев, ткнула пальцем перед собой.

Эвилана, стоявшая перед Теоной на некотором расстоянии, обернулась, остальные машинально посмотрели туда же.

Исполинский монстр проснулся окончательно.

— Мы мечтали с ним разобраться? Я не стану вам отказывать, — бросила королева; вокруг неё выросли языки пламени, достававшие ей до пояса, точно такие же охватили Виктора. — Прощайте навек. Думала, мне будет приятно иметь с вами дело.

Огонь, забравший Эвилану с колдуном, вспыхнул так ярко, что на секунду ослепил. Не дожидаясь, пока Хидаар распахнёт пасть, всех оставшихся телепортировал отсюда Скентия, прямо в долину, где не заканчивалась битва.

— Уходите! — заорал элементалист. — Бросайте оружие, бегите, если можно, исчезайте мгновенно с помощью магии, Хидаар очнулся!

Упоминание клички кошмарного создания всех заставило замереть. Всё-таки атаковать избирательно монстр не мог, и его страшились даже королевские боевые маги.

— Откуда мы знаем, что ты говоришь правду? — усомнился один из демонологов Эвиланы.

Убеждать не пришлось: Хидаара стало слышно, холмы вдалеке один за другим стали сравниваться с землёй.

Тут же переместившись чуть выше, компания с ужасом наблюдала, как побоище становится чем-то более ужасным — толпой. Те, кто телепортировался, боялись потерять время, поэтому не утруждали себя тем, чтобы спасать ещё кого-то. Маги, внявшие просьбе Скентии, растерянно выискивали в людском месиве наиболее достойных спасения или просто своих приятелей, а к ним прорывались, выкрикивая со слезами мольбы спасти именно их, все, кого толпа ещё не задавила.

Убежать было невозможно. Уже и Скентию с компанией оцепили воины, свои и королевские, в надежде на сохранение

жизни.

— Дурной сон, — в изнеможении выдохнул элементалист, занося посох, чтобы перенести на безопасное расстояние столько народу, сколько окажется ему по силам.

Попала толпа на улицу Зальвана, но Скентия со своими воинами сразу же переместился в другое поселение. Друзья вспомнили его: они останавливались в нём, двигаясь к Чёрным Гаваням. Находилось оно в Шамрейле.

— Вы что-нибудь помните? — накинулся на Сашу Скентия.

Парень догадался, что элементалист имеет в виду уничтожение Хидаара.

— Я — да. Дима! — крикнул он приятелю.

— А? — отозвался парень грустно.

— Мы можем убить монстра Эвиланы. Вчетвером. Внимательно слушай и запоминай, как это можно сделать…

— Вечереет, — проронил Виктор.

Его приковало к стене ведьмовской магией — цепей нет, а отодрать хотя бы одну конечность невозможно.

Снова проклятый королевский замок. Даже более ненавистный, чем тот, в покинутой пещере. Там чёрный маг ещё мог позволить себе самообман. Когда они с Эвиланой перебрались сюда и ведьма назвалась королевой, он уже не помогал. Красавица использовала Виктора так же, как остальных. Только пользы из него можно было вытянуть больше, поэтому от него Эвилана до сих пор не избавилась. Теперь наверняка сделает это.

За окном зрел закат. Ведьма пристально глядела на насыщающееся краской небо, пока не зачастили на землю дождевые капли. Невербальное шаманство — всё уроки Виктора.

Вызвав ливень и не став захлопывать окно, Эвилана развернулась к обездвиженному магу. По паркетному полу комнаты разбежались линии, принимавшие очертание карты. На ней некоторые места закрашивались белым цветом — создаваемые Хидааром пустыни.

— От королевства ничего не останется, — заметил Виктор.

— Я разберусь с тобой и усмирю его, — она равнодушно следила за разрастающимся белым пятном на полу.

— Не всё ли со мной ясно? Я предатель со стажем. Сначала Фред Картер и Тим Астор, теперь ты. Ты для меня уже ничего не значишь. Скрыться от тебя я не надеялся, но моя жизнь — моё дело. Собралась ты убить меня — действуй. Я в этом мире отмучился.

— Своим же словам противоречишь, — усмехнулась

Эвилана. — А как же «любовь преображает людей?». Ничего нового в тебе не появилось, ничего прежнего не исчезло. Как покорялся ты своей участи — так и продолжаешь. За Дмитрием я наблюдала во время всего путешествия этой кучки молодых сумасшедших в Чёрные Гавани. В нём и то показывались иногда признаки того, что он делается другим. Парень сильно переживал из-за того, что бросил Теону и…

— Ты знала, что они прибудут в Чёрные Гавани, чтобы проникнуть к источнику зла? — не возмутившись и не удивившись, спросил Виктор.

— Я всё рассчитала. Дай банде Николаса Гриффина свободу — они вспомнят подзабытую цель и направятся в Лейшард. Так как во время совместного пребывания в Денаувере с Винсентами последние им приглянулись как родственные души — такие же искатели приключений, Николас бы их с собой пригласил. А у Дарьи имелся потрясающей силы демонический дух погибшего сына. Из-за него я это и устроила, — закончила ведьма.

— Хорошо продумано, — похвалил Виктор. — И зачем тебе Кристиан?

— Вселить в тело какого-нибудь ребёнка. Научить его всему, что знаю. Надо же кому-то передать часть себя. Я сохранюсь в нём, и буду вечной. Жить мне через несколько веков может просто надоесть, если когда-нибудь пойму, что все цели достигнуты, а новых не предвидится. Я сниму с себя чары бессмертия, а ребёнок пусть творит дальше.

— Материнский инстинкт тебе не чужд, — растрогался колдун. — Последний мой вопрос: сбежать из Денаувера ты компании помогла?

— Вирон умел действовать на чужое сознание. Я разрешила ему это вспомнить. Он всех и вызволил, загипнотизировав охрану. И ещё раз я им помогла, когда их собрались сжечь на костре. Массовое внушение, что преступников надо отпустить.

— За целеустремлённость тебя стоит уважать всем поголовно.

— Спасибо. Ну что, наговорился ты?

— Тебя я готов слушать бесконечно. Приятный у тебя голос. Наверное, я влюбился в него раньше, чем во всё остальное в тебе.

— Так ты меня до сих пор любишь? — замерла Эвилана, взмахнув ресницами.

— Согласен, давно должен был возненавидеть. Но не получается.

— Значит, я поступлю с тобой не так, как намеревалась, — ведьма мгновенно оказалась возле Виктора.

Прижавшись к магу, она поцеловала его. Не заметив, что сковывающие чары перестали удерживать его, и не задумавшись

над тем, что наслаждение должно чего-то стоить, Виктор стал отвечать ей.

Глава 36 «Ты умрёшь не зря»

— Вроде бы всё так просто, что не верится, — произнёс Дима, когда выслушал объяснения того, что от него хотят и что друзьям предстоит сделать.

— Вроде бы, да не совсем, — возразила Дашка. — Нам надо выбрать момент, когда Хидаар смотрел бы на нас, но ещё не пребывал в бешенстве.

— У нас он уже был. За долиной, где шло сражение. Дмитрий обратился в человека, стихийные маги оказались в полном составе, монстр только-только очнулся, — мрачно изрёк Саша. — Или у Эвиланы талант накладывать чары на людей одним своим присутствием, или же мы были в оцепенении, потому что Дима так легко от её власти освободился.

— Да успел я намучаться! — воскликнул парень. — Физически почти не страдал, меня никому задеть мечом не удавалось, а к магии стойкость была. Зато душа ныла… Или что у меня вместо неё было.

— Не вспоминай, — Дашка измученно улыбнулась, получилось криво, но искренне. — Этому кошмару твориться недолго осталось.

— Эвилана должна как-то остановить монстра, — Скентия вернул внимание всех к обсуждаемой проблеме. — Сам он не успокоится. Надо проследить за ней и отправить вас туда, где Хидаар уснёт. Только заставить бы её действовать скорее!

— Магическое зеркало есть в доме старейшины, — крикнул ему человек из жителей поселения; все, кто находился на улице, когда сюда переместились Скентия с повстанцами, расходиться не стали. — Вас отвести?

— Меня и их, — элементалист подошёл к стихийным магам. — Из дома старейшины мы сразу телепортируемся, как вы понимаете.

— Я с вами, — заявила Теона.

— Ты не… — хотел запретить ей Дима, Скентия не дал.

— Нет полной уверенности, что Эвилана не постарается тебя вернуть. Пока Теона рядом, ты защищён. Нельзя сказать, что неуязвим, но достаточно защищён, особенно теперь, раз озарение уже произошло.

— Боюсь я за вас, — вздохнул Рикелла.

— Не стоит, — отмахнулся Скентия со свойственной ему небрежностью. — Тебя оставляю за главного. Вряд ли восстание слуги Эвиланы посчитали законченным, они, скорее всего, за нами вернутся.

— И можно тебя попросить? — выпалила Алина, глядя на эльфа. — Узнай, где сейчас Николас, Томас и все остальные. Неизвестно, когда ещё с ними увидимся…

— Конечно!

— Собирай здесь всех, — велел элементалист. — Я ещё хочу отблагодарить этих людей за поддержку.

По пути к дому старейшины все молчали, кроме указывающего дорогу человека, который что-то бормотал про себя. Волнение становилось заметным недомоганием: слабостью и тошнотой; держался только Скентия, но, наверное, будь он настоящим человеком, не гомункулом, нервничал бы так же.

Дома оказался сын старейшины, ребёнок лет двенадцати на вид.

— Проведи их в кабинет отца, — мужчина отдал распоряжение и тут же удалился.

— Папы нет и не будет, — буркнул мальчик, разворачиваясь и идя к ведущей на верхние этажи лестнице. — Его убили.

— Мы за него отомстим, — ответил Скентия.

Компания поднялась на третий этаж. Волнение грозилось подскочить до уровня истерики. Влияние оказывала ещё и обстановка: дом старейшины был непривычно огромным, дорогим, набитым ценностями различной древности. Последний раз в стенах хорошего дома компания была в Чёрных Гаванях, и теперь забытая обстановка до дрожи напоминала им королевский замок.

— Вот, — ребёнок остановился перед широкой дверью. — Я вам больше не нужен? — поинтересовался он явно для виду, собираясь при любом ответе исчезнуть с этажа.

— Ступай, — кивнул Скентия. — Нас ты больше не увидишь.

Мальчик вместо того, чтобы насторожиться или хотя бы задать вопрос: «Почему?» — кинулся обратно к лестнице, топот его скоро стих.

— Странный какой ребёнок, — протянула Теона.

— Проклятая война, проклятая королева! — высказался элементалист. — Лишила его и отца, и доверия, и детской наивности.

Зеркало в кабинете было внушительным, как ожидалось, даже слишком внушительным. Неприятные вещи не хочется созерцать в натуральную величину — чем меньше, тем лучше.

Так как уже наступила ночь, в кабинете загорелись светильники сразу же, как в комнату вошла компания. Зловеще поблескивающее в темноте зеркало при свете оказалось ещё больше.

— Соберитесь, — предупредил Скентия (не успокоил, а

именно предупредил), — касаясь жезлом отражающей поверхности, картина на ней замерла, но преображаться не спешила.

— Эвилану так просто не вычислить, — хмыкнул Саша. — Она о своей жизни должна заботиться.

— Магия сокрытия мне почти не мешает, — красавец не сводил глаз с зеркала. — Родитель об этом позаботился.

— Ты так алхимика называешь? — оживилась Теона, слабо радуясь возможности отвлечься. Ведь предстоящее дело столько раз обсуждали, что невозможно будет ошибиться. Позволительно ведь не думать о нём хоть минуту…

— Я пытался, когда узнал обо всём, называть его папой или хотя бы отцом, — не отказал целительнице Скентия. — Язык не поворачивался. Будто я на старика Веолаймера был обижен за то, что он заставил меня жить. Надеюсь, он за это меня простит.

Дашка глянула на Диму: он не понял, о чём говорил элементалист, но прояснять для себя не собирался, как сидел на краю кресла с потерянным видом, так и сидит. А на лице такая прострация, что и Теона не решалась подойти к нему, подозревая, что это будет бесполезно — с ним говорить.

— Что видишь в зеркале? — спросила Алина, сжимая посох сильнее.

— Хорошего — ничего. Везение, что вам это не открывается. Я не знал, что разрушение выглядит настолько ужасно, — хмурился Скентия, по-прежнему держа руку с жезлом поднятой, не отрывая оружие от зеркала. — Только что поселения не стало. Страшно за тех, кто успел убежать, телепортироваться. Куда им возвращаться? Поселение, кажется, в глуши. До города ещё добраться надо.

— Мы справимся, — отчеканила Алина, делая внушение не то себе, не то всем сразу; тут же раздался треск, она выругалась: вцепилась в посох так, что надломила его.

— Подойди, — сказал Скентия, — с тем, что сломала.

Пошатываясь, она приблизилась. Красавец нащупал место надлома, дотронулся посохом — оружие Алины приняло первоначальный вид.

— Хоть в этот раз менять не пришлось, — хмыкнула чародейка. — Сколько у всех нас за всё время восстания сменилось посохов и жезлов?

— Говорят, это плохо, — вздохнула Дашка. — Не успеваешь привыкать к оружию. А если чужое берёшь, то в нём остаётся магия предыдущего хозяина, которая портит твою.

— Нам бы посохи, что мы приобретали у Мариуса Раймерса. Но мы научились справляться, рассчитывая не на мощь

артефактов, а на свою магию, — изрёк Саша.

— Магию и ум, — поправил элементалист. — Без ума колдовская сила не особо помогает.

Виктору не спалось. Шумел дождь, вызванный Эвиланой, без её вмешательства он и не закончится. Колдун уже два часа бродил по замку, в голове боролись две мысли: где сейчас Эвилана и как она использовала неизлечимую любовь Виктора сегодня. И не в последний ли раз?

По привычке он спустился в подземелье, на этаж, отведённый под лаборатории. Эвилана и будучи королевой продолжала что-то творить. Виктор всегда помогал ей. Сначала потому, что сам хотел, через некоторое время она привыкла и стала взваливать на него те части исследований, которые были самыми кропотливыми и утомительными, себе же отводила роль автора идей.

Колдун постоял минуту-другую в дверях лаборатории. Здесь столько начатых экспериментов, столько новых веществ, наверное, очень опасных. Наверное. Он может лишь догадываться, Эвилана никогда ничего не объясняла, только приказывала.

Напротив двери висело зеркало, такие были во всех помещениях замка, где обычно собиралось много народу. В эту лабораторию королева не впускала никого, только исчезнувших уже двойников сестёр Винсент, Меланси и Виктора — у них у всех были ключи. Но зеркало она оставила.

Отражение с укором глядело на мага. Виктор и не собирался просить у самого себя прощения. У него было время, когда ещё оставались шансы убежать на свободу. Он их все упустил, на некоторые умудрился закрыть глаза. Теперь можно только покаяться.

Виктор медленно прошёл через лабораторию, остановился в полуметре перед ним, словно боясь подойти ближе. Взгляд неожиданно выхватил на столе, стоявшему под зеркалом, несколько закрытых бутылок с веществом, одним из самых великих достижений Эвиланы, — веществом бессмертия.

Закрытых бутылок. Полных. Ведьма не взяла из них ни крупицы вещества. Значит, она хранит его для особого случая? Он знал, что часть его Эвилана, пока скрывалась с прислужниками во дворце риксов, опробовала на демонах, на Джессике с Теоной, но сама его не принимала. Так и не стала.

— Удивлён? — красавица возникла в зеркале.

— Весьма, — пробормотал Виктор. — Тебе пока не нужно бессмертие? Смерть тебя предупреждать не будет, когда соберётся за тобой.

— У меня есть много способов его применить. Побаловать им

себя я собиралась как раз сегодня, перед уходом, но подвернулась возможность обойтись без него, — Эвилана была довольна, но спокойна, ожидая реакции Виктора.

— Какая же? — насторожился колдун.

— Ты имеешь представление о связи между тем, кто любит, с тем, кто обожаем им. Связь есть белая и чёрная. О белой тебе известно — такая между Дмитрием и Теоной Винсент. Она любит и поэтому живёт. А между нами — чёрная, — красавица наклонилась, если бы её и Виктора не разделяло расстояние и стекло, Эвилана оказалась бы наполовину в лаборатории. — Ты любишь — я буду жить, потому что мою смерть примешь ты. Да, магия одноразовая, но перед тем, как я теоретически должна буду погибнуть, мне, вероятно, придётся многое перенести, терпеть же тебе. Так стало с этого вечера.

На ответ ей слов не было. Любая фраза Виктора сейчас вызовет у Эвиланы или смех, или ничего, оставит равнодушной.

— Жить тебе всё равно незачем, — заявила злодейка. — Хоть умрёшь ты не зря.

Он только покачивал головой.

— Раз ты всё понял — прощай навек, дорогой! Ах, это тебе за то, что недавно посмел мне возразить, — она взяла откуда-то кинжал, приставила к груди и надавила. — Вот так одно неосторожное подтверждение теплящейся ещё любви, один поцелуй — и такой печальный конец, — вздохнула она, глядя, как у растянувшегося на полу Виктора расплывается кровавая клякса на рубашке. — Но у тебя появятся последователи, не сомневайся.

Порезав себе ещё плечи и живот, ведьма оставила Виктора.

— Что-то вижу, — объявил Скентия.

Задремавшие Дашка с Алиной распахнули глаза, Теона и молодые люди, думавшие каждый о своём, устремили взгляды на элементалиста.

— Эвилана? — встрепенулся Саша.

— У монстра глаза меняют цвет, никто из нас этого не замечал, не до этого было, — принялся описывать Скентия. — Всё это время он изменялся медленно, переливался, а теперь почти моментально делается другим. По-моему, он что-то чувствует.

— Куда он забрёл?

— Он у обрыва. Внизу город, большой, во всяком случае, так кажется.

Не спрашивая ничего, друзья обступили Скентию, взмахом руки он попросил их чуть-чуть разойтись.

— Она телепортировалась.

— И? — выпалили все пятеро хором.

— Вводит его в транс, — напряжённым голосом докладывал Скентия. — Держите посохи наготове, я не буду вас предупреждать, когда соберусь перенести нас туда. Я сделаю перемещение так, что мы окажемся лицом к Хидаару, вам надо будет всего-навсего не испугаться, не впасть в оцепенение, направить на него оружие и произнести то, что нужно. Главное, не бойтесь того, что всё так просто.

Наконец, секундное головокружение, пол ушёл из-под ног, сменившись сырой от дождя, хлеставшего тут недавно без воли Эвиланы, землёй. В лёгкие ворвался ночной воздух, вкус которого плохо ощущался из-за волнения.

Ведьма собиралась исчезнуть в момент, когда на краю обрыва появились вовсе не бесшумно стихийные маги, целительница и Скентия.

Их просто поглотили два взгляда, один бездумно-ненавидящий, во втором полыхала осмысленная злоба, пронзающая.

Творили магию они одновременно — повелители стихий нацелились на монстра, Скентия — на Эвилану, Эвилана — на всех пятерых магов и Теону. Одновременно вылетели лучи магической энергии: голубой, белый, зелёный и красный (четыре стихийные силы), фиолетовый (ведьмовская магия) и синий (парализующие чары Скентии). Два последних столкнулись, место столкновения пересекла магия стихий. В точке пересечения громыхнул взрыв, не разрушив потоков энергии, ставших более яркими, такими, что смотреть на них оказалось невозможно. От этого света спастись было нельзя, он лез даже в закрытые глаза, и друг друга все видели сквозь слёзы. После взрывной волны, не повалившей никого на пол потому, что все крепко вцепились в посохи (Теону прижимал к себе Скентия), а тянущаяся из них магия так сильно притягивалась к целям, что прерваться не могла, уже не чародеи ей управляли, а она ими.

Гибель Хидаара была очевидной: он бесновался от боли (кажется; а может, просто чувствовал неминуемую смерть), но рёв его, не причиняющий больше никому и ничему вреда, делался тише и тише.

Но чем ближе была цель, тем хуже становилась стихийным магам. И сил атака забирала ненормальное количество, скоро за магией из них должна была потянуться жизнь; и энергия Эвиланы всё-таки подбиралась к ним, несмотря на контратаку элементалиста. Магия Теоны не помогала, хоть целительница и старалась; колдовские силы вышли из-под контроля. Получив слишком много искр эмоций, вложенных магами, они существовали почти самостоятельно, требуя для себя всё новой

энергии, которую вырывали из колдунов против их воли. Эвилана же не испытывала никаких неприятных ощущений. Друзья не знали, что она сейчас почти бессмертна, но им казалось, что убить ведьму нельзя — ненависть поднимет её и потребует завершить расправу.

Второй взрыв, оглушивший и придавивший к земле всех, даже ведьму. Это взорвался Хидаар, заполнив всё вокруг ядовитым дымом, при вдыхании разливающимся в груди горьким кипятком.

Рассеивался он долго, наверное, полчаса. Действие его не пощадило и Эвилану, она была без сознания, когда Скентия первым смог подняться и оглядеться.

Элементалист подобрал жезл и посох.

— Армад мертва? — прохрипел Саша, приоткрывший глаза и сразу же увидевший Эвилану.

— Я хотел не убить её, а парализовать. Она всё же знает много, можно было бы у неё выпытать. Так что она просто в себя не пришла, — элементалист навис над ней, неотрывно на неё глядя.

— Лучше убей, — парень сел, затем встал, пошатнувшись. — С ней опасно иметь дело.

— Может, кто-то из вас хочет? — немного растерявшись, красавец обернулся. — Вам она принесла больше горя, чем мне.

— Я не мстительный, — Саша пожал плечами. — Вообще, добивай её быстрее! Предчувствие у меня, что единственная возможность справиться с госпожой Эвиланой бывает, когда ведьма без сознания.

— Война тебя ожесточила, — хмыкнул Скентия, наводя на Эвилану жезл. — Или близкое общение с Джесс Винсент тебя таким сделало?

— Будешь задавать мне такие вопросы, когда мы все снова встретимся. Мы спаслись, а что с остальными — Джессика, Томас, Кларисса, вся банда? Где они? Живы ли?

— О, нет! — внезапно выпалил элементалист.

— Что *ещё?* — подскочила Дашка, Теону, Алину и Диму крик тоже привёл в чувство.

— Магия исчезла! — он встряхнул жезл, попробовал ещё раз воспользоваться — ничего не произошло, Скентия то же самое проделал с посохом, и опять ничего не добился. — Совсем! Вся!

— Не может… — колдунья вскинула руку и изменилась в лице: — О, Ветры, и у меня тоже! Неужели это повлекла за собой гибель Хидаара?

— Не верю! — заорал Саша, успевший сделать множество жестов, его попытки также остались бесплодными. — Всё должно

восполниться потом!

— Допустим, а как поступим с Эвиланой? — Скентия поставил её на ноги, удерживая. — Если все за то, чтобы её убить — у меня нет оружия, кроме магического.

— Телепортируемся обратно в дом старейшины, — предложил Дима, сглотнув. — Там оно точно есть.

Неожиданно веки Эвиланы дёрнулись. Сквозь опущенные ресницы глядя на элементалиста, она простонала:

— Тебе неприятно об этом думать? Тоже меня любишь, да?

Вопрос проник в голову Димы электрическим разрядом. Правда ведь, до сих пор он не хочет смиряться с тем, что Эвилана не та несчастная очаровательная девушка, с которой парень тогда познакомился, а жестокая ведьма, которая к людям не чувствует ничего, только иногда ненависть, живя ради себя и своих идей. И он продолжает этому сопротивляться.

— Умри, наконец! — руки Скентии, удерживающие Эвилану, скользнули по плечам и сдавили шею.

Никто не подозревал, что в это время в ставшей секретной алхимической лаборатории королевского замка задыхается Виктор Эванс.

— От напряжения ты раскраснелся, тебе не идёт. Вообще бешенство тебе не к лицу, — спокойно заметила ведьма, её взгляд прояснялся.

— Да что такое! — Скентия, не выдержав, разжал пальцы, Эвилана осталась стоять.

— Бессмертие, — ответила Эвилана. — Так бывает. Некоторые умеют договариваться со смертью. Перед тем, как убить моё лучшее творение, вам следовало бы позаботиться об этом тоже, так как я вам после этого жить не позволю. Увидимся через пару десятков веков в Аркене! — посох ведьмы взметнулся.

Выяснилось, что компания с ней была в равных условиях: Эвилана тоже потеряла силу.

Вот только ведьму это не испугало.

— Меланси!

— Что вам угодно, госпожа? — девчонка материализовалась перед ней.

— Будь добра, смени моё оружие на более уместное.

Посох превратился в меч, такой же внушительный, как у Арджеи.

— Вы думали, что сегодня днём состоялась последняя битва? — Эвилана провела пальцем по лезвию меча с сильным нажимом; друзей ошеломило не то, что на землю не упало ни капли крови, а то, как быстро преимущество уплыло из их рук. — Нет, она сейчас состоится.

— Кинешься на нас, безоружных? — произнёс Скентия.

— Так получилось, что именно сейчас я решила внять словам человека, желавшего мне добра, и пойти лёгким путём, — Эвилана изящным движением подняла меч, кажущийся для неё слишком тяжёлым.

— Именно сейчас мы решили поступить так же и уйти, — парировал элементалист, вскинул посох…

— Телепортация — тоже магия, — напомнила Эвилана. — Но я не собираюсь мучить вас, подарю вам смерть лёгкую. Если сами не откажетесь, вздумав сопротивляться.

— Я помогу вам, госпожа, — добавила Меланси. — Обездвижить их?

— Будет милосердно, — закивала ведьма. — Иначе выведут меня из себя и мне придётся их долго мучить, — она театрально вздохнула.

— Как прикажете, — ответила девчонка, но, кроме слов, не успела ничего.

На земле вспыхнул круг пламени. Когда он через мгновение погас, между Меланси и компанией магов стояли Джессика и выжившие после путешествия в Чёрные Гавани члены банды Николаса. Ещё через секунду в сердце Меланси ударил сгусток магии, предсмертное выражение её глаз сохранило в себе не ужас, а негодование.

Так и не поднявшись с пола, Виктор лежал, пальцами закрывая рану. Кровотечение почти прекратилось. Под рукой колдуна раздавались удары сердца. Он впервые просил духов защитить Эвилану не из-за любви к ней, а потому, что от её благополучия сейчас зависело, насколько безумная боль его настигнет.

Когда его плечо обожгло магией, он не пошевелился, только поморщился. Получив ещё две магические атаки, в живот и в спину, после чего внутри всё заныло невообразимо, Виктор сообразил, что может облегчить свои страдания, взяв какой-нибудь эликсир в одной из лабораторий. В этой вряд ли что-то было, Эвилана из принципа не занималась тем, что исцеляет от проклятий или снимает боль, но в подземелье лаборатория не одна.

Вскрикнув от отражённого удара кинжалом (на Эвилану накинулась Джессика), Виктор, подтянувшись за стол, оказался на ногах. Самому идти было тяжело, ранения продолжали появляться, не давая дышать.

Он добрался только до двери, на пороге упал в лужу своей же крови. Ему было достаточно несколько секунд постоять на месте,

чтобы её натекло так много. Эхо гоняло крики Виктора по всему подземелью, их должны были услышать люди, находившиеся в замке, но им было всё равно, к человеческим страданиям тут давно привыкли, ещё со времён предыдущих правителей.

Ранений становилось столько, что казалось, на теле почти не осталось кожи, везде кость, мясо и ожоги.

Должен быть способ убить себя…Там, у обрыва, случилась передышка, прекратились и болевые приступы. В любой алхимической и некромантской лаборатории всегда полно ядов, вспомнил он. Колдун только встал на колени (больше не мог), как побоище возобновилось, отражаемые страдания охватили его снова, и проникая внутрь, и терзая снаружи. Не разбирая мыслей из-за собственных воплей, стремительно теряя разум, но выискивая остатки сил, Виктор опрокидывал в себя содержимое всех сосудов, попадавшихся ему под руки. Хуже, кажется, не становилось, по крайней мере, он этого не замечал. Сознание постоянно оставляло его, возвращаясь на полминуты, за них умирающий маг успевал сделать по нескольку глотков одного или двух зелий. Перерывов между обмороками не чувствовалось, боль ослепляла, действовал он на ощупь, забывая каждую предыдущую секунду. Своей цели Виктор добился через десять минут, показавшихся ему часами.

Маленькая, тонкая царапина осталась на предплечье Эвиланы от пролетевшего клинка. Никто бы не углядел, но ведьма, повернув голову, не смогла сразу отвести взгляда от предательской красной линии.

От двух сгустков магии, Клариссы и Томаса, от стрелы Тины и ещё одного клинка Николаса, брошенных в неё, Эвилана защититься не смогла бы. Не думая, ведьма пригнулась, забыв, что за её спиной уже пустота, обрыв…

Пусть она и умрёт, но не сейчас…

Только бы мгновение, чтобы попрощаться с ней…

Дима, оттолкнув стоявшую рядом Теону, кинулся к обрыву, чувствуя, как за спиной делают взмахи крылья, как всё демоническое, внесённое в него Эвиланой, не искоренённое, а запрятавшееся, опять побеждает человека. Вниз парень соскочил уже демоном. В полуметре от земли он настиг и подхватил ведьму.

— Более верного слуги у меня, кажется, не было, — прошептала Эвилана, приблизив своё лицо к нему. — Желаю тебе выжить сейчас и надеюсь увидеться с тобой снова, Дмитрий. А я ухожу.

— Надолго? — спросил он, но прозвучала не человеческая

речь, а рык демона. Но Эвилана поняла.

— Как только новый план созреет. Это тебе на память, — красавица прижалась губами к его пасти, не на мгновение и не на два.

Так и не отведя головы, она рассыпалась в чёрный пепел, который не падал вниз, а поднимался к небу, образовывая силуэт демонессы с расправленными крыльями. Изображение ожило, улетев вверх и там, на высоте, распалось.

Из-за них она оставила меня!

Волны взрыва гнева сотрясли демона, желание отомстить лишило остальных чувств, слуха и зрения. Полученные две магические атаки в грудь не остановили его и даже не приостановили.

— Дмитрий, ты же сильнее! — закричал Томас, придавленный демоном к земле.

Адское создание запрокинуло голову, чтобы с размаху вонзить в него клыки. Ему помешала Джессика, вогнавшая в спину демону меч Эвиланы.

Замерев, Дима рухнул на бок, к нему возвращались человеческие черты.

Теона, ахнув, зажала рот ладонью. Первые слёзы собирались под ресницами.

— Не следовало именно мне этого делать, — произнесла Джессика.

И под её ресницами тоже сверкнула солёная капля.

— Другие бы не решились, — простонал Дима. — Теона, подойди.

Плохо справляясь с рыданиями, целительница села у его головы, склонившись и продолжая держать руку у лица.

— Прости, я не любил тебя так, как ты была достойна. Такая сила любви досталась Эвилане, а тебя я оценил уже в демоническом обличье, когда чувство к леди Армад преодолеть было нельзя, да я и не хотел. Я виноват… Будь счастлива без меня, — вымучил он последнюю фразу, почти не слышную, и закрыл глаза.

Стихийных магов осталось трое.

Теона разрыдалась на груди у Джессики, Алина с Дашкой и Тина с трудом держались, остальные просто молчали.

Это длилось до тех пор, пока Джесс не заметила, как Теоне на макушку опустилась крупная снежинка. Воительница обратила взор наверх: их было много.

— В Альдану пришла зима? — не веря счастью, замерла Тина.

— Снег на рассвете… Никогда такого не наблюдала, даже в Большом Мире, — Дашка подставила ладонь падающим хлопьям,

не таявшим, а покрывавшим её.

Во всех городах и поселениях королевства люди выскакивали на улицы, будили соседей. Этот день встречали все, бурно, радостно, восторженно, а снегопад не прекращался до тех пор, пока солнце не поднялось над горизонтом на свою обычную высоту, с которой ему было видно всё.

— Ты нам это подарил, — Теона улыбнулась, глядя на Диму, потом поднялась и, не став отряхивать с себя снег, подбежала к компании, стоявшей у обрыва.

Все смотрели на изменившийся, посветлевший мир, на заснеженные крыши города внизу, на поседевшие горы вдалеке, на деревья, собравшие на ветвях ослепительную зимнюю белизну, одновременно изящную и пушистую.

Слёзы высыхали.

Глава 37 Кажется, это третья эпоха

Дашка, Алина, Саша, Теона, Джессика и Айрис с девушками-воительницами вернулись в Фатону через день, их телепортировал Фробениус (Именно он перебросил тогда компанию туда, где состоялась битва с Эвиланой). С бандой Николаса расставаться оказалось тяжело, но домой хотелось сильнее — хотя бы на неделю, узнать, как там дела, все ли живы (от мысли, что могут быть не все, становилось дурно), и похоронить Диму желали там, решив, что Обряд Упокоения должна будет провести Вивьен.

— Обещаем, что будем себя беречь, — выдавил Томас, когда все прощались.

— Вы уже поставили себе новую цель? — спросила Алина.

— Пообщавшись со Скентией — да.

— Это значит, что вы за нами вернётесь? — Джессика, стоявшая в стороне и ожидающая, когда прощание закончится, приблизилась к ним. Она собиралась покинуть это поселение вместе с Айрис и отрядом, отправленными в Фатону час назад, но задержалась и теперь, томясь, сожалела. Ни к кому из банды она не привязалась, равно как и к ней никто, поэтому для прощания ей хватило нескольких слов.

— Тут поклясться не можем, — Томас развёл руками.

— А где Скентия? — сразу охладела к тёмному магу воительница.

— Уже в Чёрных Гаванях, — проронила Дашка.

Они с Клавьером сегодня всё утро не разговаривали — не знали, о чём можно. Это конец их первой истории, начнётся ли вторая — неизвестно. Но конец наступил. Судьбы у них такие разные, что соединиться не могут, только пересекаться.

— Надо будет — найдём друг друга, — наконец, решилась нарушить взаимную тишину Дашка.

— Ты держись без меня, — пробормотал Клавьер, кивая.

— И ты тоже. Все держитесь, — обратилась Дашка уже к остальным. — Не забывайте, вы, несмотря ни на что, одна компания, всё, что ни делаете — не со зла. Не ссорьтесь.

— Пока не вижу смысла вам этого желать, у вас я всегда видел мир, но — и вам того же, — сказал Николас и, наверное, улыбнулся, а кое-кому (Дашка почувствовала) подмигнул.

— Закончили? — прервал их Фробениус. — Пора вам…

В Фатоне снег уже сходил. Кое-где из-под него, не дожидаясь таяния, вылезала трава и цветы, на деревьях распускались почки,

пробивающие снег, покоящийся на ветвях. За всем этим можно было наблюдать долго, никто в этом удовольствии себе и не отказывал.

— Столько счастья на лицах людей я за всю жизнь видела всего несколько раз, — протянула Джессика, оглядываясь.

Фробениус перенёс их на родную улицу, её жители будто решили выпустить наружу всю радость, которая копилась в них годами, но изобилующая проблемами реальность постоянно мешала ей показаться.

Дом Винсентов тоже не молчал. Во дворе играли в снежки Шаки и Тинзо Цельсий. Компания направилась к калитке.

На захрустевший под чьими-то ногами снег первым обратил внимание мальчик:

— Добрый день, — поздоровался он, на пришедших ещё не глядя.

— Привет, Тинзо, — ответила Теона.

Дети застыли, хлопая глазами, затем на всю улицу раздался визг, слова в котором разобрать было нельзя, зато эмоции — проще простого. На снегу перед калиткой во дворе образовался комок из обнимающихся людей.

Заслышав это, на улицу спустился Дерик.

— Рад вас видеть. Могу полагать, всё закончилось, раз вы тут? С возвращением.

— Ой, Дерик, — Теона выпуталась из рук Шаки и Тинзо, весь комок потихоньку разваливался. — Я соскучилась!

— Только ты одна? — поинтересовался он, прижимая сестру к себе и выглядывая из-за её головы.

— Мы все, — к названому брату поспешила Алина, он и её к себе притянул, второй рукой, отпустив Теону, обнял Дашку.

— Твоей рассудительности нам часто не хватало, — признался Саша.

— Неужели среди вас не нашлось ни одного человека с таким же качеством в той же мере? — хмыкнул Дерик. — Но спасибо, что не забывали. Мы вас тоже.

— А где Джейк? — в случайно образовавшейся тишине спросила Шаки.

— Где Анна? — спасла всех от немедленного ответа Алина.

— Разве вам Джессика не говорила? — произнёс Дерик, отходя от молодых женщин.

— Ко мне претензии? — воительница не возмутилась, но была готова к этому.

— О чём ты говоришь? — поразилась Теона.

Остальные тоже смотрели на Дерика непонимающе, пока Дашка не сообразила, кого имел в виду парень:

— Ты о демонессе, похожей на Джессику? Это был лишь её двойник.

— Он убил Анну? — воительница помрачнела.

— Да. Так вы не знали, ты не чувствовала ничего?

— Духовно мы связаны не были. Я пойду в дом, — опустив голову, она устремилась к входу, но Дерик остановил её за руку.

— С Джейком что?

— Погиб в битве с демонами, — раздражённо известила брата Джессика. — Думаешь, из-за меня? Не надейся! — на крыльцо она поднялась почти бегом, рванула на себя дверь и умчалась вглубь дома, лестница сотряслась от её шагов.

— Дмитрия с вами не вижу, — продолжал хмуриться Дерик. — Так, а что у вас там?

Он заметил что-то, замотанное в ткань, за спинами компании, оно пугающе напоминало умершего, приготовленного к Обряду.

— Закончил так же, как и Джейк, — отчасти соврала Дашка.

— Хоронить в деревне собрались?

— Да.

— Где же тогда могила брата?

— В землях Варфетии. Уже давно, раньше, чем погибла Анна.

— Демонесса снесла голову и Шанди, когда он попытался защитить мать, — уведомил Дерик. — Мы с сестрой вдвоём остались.

— Теперь нас семеро, — Теона вновь обрадовалась.

— Хоть и с жертвами, вы своего добились, — смягчился брат, но через силу. — Светлая магия к нам возвращается, Шаки почти поправилась.

— Мы зиму увидели, сейчас будем любоваться летом, наконец, — поддержал компанию Тинзо. — От королевы вы нас избавили, так ведь?

— Спасибо, что напомнил, — спохватился Дерик. — Вас желают видеть в королевском замке, — сообщил он.

— Уже? — фыркнул Саша. — Мы теперь враги народа? Но королеву мы так и не убили, она просто исчезла, растворилась.

— Приходил эльф, назвавшийся Иллемаром Орфином. Сказал, с вами надо поговорить. У него был такой вид, будто действительно ничего, кроме разговора, вам не грозит. Утром сегодня. Откуда-то он знал, что вы сегодня прибыть должны.

— Иллемар… Где-то слышала, — задумалась Дашка.

— Пойдёте? — с надеждой уставился на друзей Тинзо.

— Отдохнём — и в путь, — кивнул Саша.

В замке они были вечером. Стражников здесь было слишком

много, Саша с Дашкой и Алиной, попавшие в замок в третий раз, помнили, что тогда охраны имелось меньше раза в два. Все косились на визитёров или с недоверием, или со злобой, или с усмешкой.

— Не нравится мне, куда нас ведут, — хмыкнула Джессика: компания вслед за человеком, встретившим их, спускалась в подземелье, оружие у них на входе отобрали.

— Лаборатории, — вздрогнула Дашка, осматриваясь. — Хоть некромантских пока не видно.

— С вами хотят обсудить только один вопрос, и отпустят, — обернулся провожатый. — Мистер Орфин — практически единственный здесь, кому не нужна корона, так что для него нет необходимости в том, чтобы в целях своей безопасности кого-то устранять.

— Почему он такое странное место для встречи выбрал?

— Увидите. Прошу, — он распахнул самую большую дверь, с двух сторон от неё пылали зелёным магическим пламенем факелы.

Иллемар стоял под волшебным зеркалом, держа в руках, словно взвешивая, две бутылки с веществом, о назначении которого помнили Джессика и Теона. Его действие на них не прекращалось и сейчас. А эльфа стали узнавать стихийные маги, только очень медленно, потому что видели его лишь единожды, когда попали в замок во второй раз. Тогда с Иллемаром разговаривал Эзария Чезигер, отвратительный человек.

— Без проблем дошли от ворот замка до подземелья? — проявил заботу эльф, кажется, от сердца.

— Разве что переволновались, — призналась Алина. — Подземелье — неуютное место.

— Садитесь, если найдёте, где, — вздохнул он.

— Дело, похоже, неотложное, если вы не подготовились к тому, чтобы нас принять, — съязвила Джессика.

— Можно его считать таковым, — не ощутил укола Иллемар. — Мне могут помешать его осуществить, поэтому я хочу скорее получить ваше разрешение. Или отказ, тогда против вашей воли идти не буду.

— Мы слушаем, — кивнул Саша.

— Одно из изобретений королевы Эвиланы — вот это вещество, заключающее в себе силы бессмертия, — одну бутылку Иллемар протянул молодому человеку, другую — Джессике. — Неизвестно, для каких целей королеве потребовалось его столько, если для нужного эффекта достаточно совсем небольшого его количества. Чтобы однажды это не выяснилось, вещество, как я думаю, надо уничтожить. Эвилану, к тому же, могут опередить —

желающих жить вечно и вечно править и творить грязные дела только в этом замке полно.

— Разумно, — согласился парень, возвращая ему бутылку. — Я вас в этом поддержу, но, наверное, наше позволение вам необходимо для чего-то другого?

— Есть одна тонкость, она может повлиять на него. Вещество можно уничтожить особым типом магии, тогда тем, кто успел принять его, оно перестанет давать бессмертие, исчезнув полностью из жизни королевства. Мне известно, что Теона и Джессика Винсент получили вечную жизнь. Расстанетесь ли вы с ней, леди? — спросил он и замер, глядя на сестёр, стоявших рядом.

— Возможно, мы обретём бессмертие потом, или найдём сами, или кто поведает секрет, — проронила Джессика.

— Так лучше будет. Я готова потерять его сейчас, — Теона не воспротивилась тоже, погрустневшая — никто и не заметил, что настроение её изменилось сразу же, как Иллемар впервые произнёс слово «бессмертие».

— Сегодня вечером всё будет сделано, — эльф поставил бутылки на стол рядом с двумя такими же. — Если хотите, можете идти.

— У нас похороны вечером, — глядя куда-то сквозь Иллемара через завесу наворачивающихся слёз, произнесла Теона.

— Сожалею, — сник эльф. — Четвёртый стихийный маг, Дмитрий?

— Откуда вы знаете? — с душераздирающим отчаянием выпалила целительница.

— В этом замке тысячи способов подсмотреть, подслушать и узнать. Я стал свидетелем вынужденного убийства, увидел его здесь, — он показал на зеркало. — Из подземелья доносились крики, здесь в предсмертной агонии бился Виктор Эванс. Когда я спустился в лабораторию, несчастный был уже бездыханный, а в зеркале мелькала битва, закончившаяся так трагично для вашего друга. Ведьма связала его с собой тем же образом, как Джессика и Теона были связаны со своими двойниками: на нём отражались все её ранения. Колдун умирал от них и принял яд, чтобы смерть забрала его скорее.

— Виктора больше нет в живых? — удивилась Дашка. — Мне его даже жаль немного. Он устал от ошибок и хотел покоя.

— У него с Дмитрием общее горе было — любовь к Эвилане, — эльф склонил голову.

— Тихо! — воскликнула Джессика.

Слова всё же были сказаны. Теона, собрав силы для последней фразы перед тем, как отдаться рыданиям, спросила,

будто надеясь, что ей могут ответить «Нет»:

— Она всё-таки была, любовь?

Всю ночь после похорон Теона простояла на балконе, глядя на звёзды, словно ища у них утешения. По балкону, на который имели выход все комнаты второго этажа, к ней пришла Джессика утром, когда ещё светать не начало, подошла и села на пол.

Они смотрели друг на друга так же, как Теона всю ночь в небо — неотрывно, внимательно, растворяясь.

— А тебе почему не спится? — первой разбила успокаивающее молчание целительница.

— Думаю, — Джессика то ли криво улыбнулась, то ли усмехнулась. — Если бы мы не стали отказываться от бессмертия, что бы было? Если люди за двадцать, за тридцать лет умудряются натворить такого, что всё королевство долго оправиться не может, то что можно успеть за вечность? Нам вот по двадцать три. Альдана уже запомнила тебя как Солнечную Принцессу, и вряд ли это будет единственной памятью о тебе. Грустно, что ты лишилась вечной жизни. Тебе она нужна хотя бы для того, чтобы успеть найти собственное счастье. Такое же, какое ты всем приносишь.

— А как же ты? Ты ведь многого от жизни хотела. А мне… Зачем мне бессмертие? Для кого? — с трудом вырвав из себя эти пять слов, Теона отвернувшись, убежала в дом, чуть не споткнувшись на пороге балконной двери.

— Для себя, — Джессика, прислонившаяся боком к перилам, уставилась на ту часть двора, что была видна сквозь них. — Для себя. И почему у меня есть то, что полагается по праву тебе?..

Внизу, на кухне, зазвучал разговор, видимо, эта ночь долгим сном не баловала никого:

— Вы всё, что на вас было возложено, выполнили, — сказал Дерик. — Когда домой отправитесь? Истосковались, наверное?

— Не хочешь нас больше видеть? — с вызовом предположил Саша. — Считаешь, мы твоей семье несчастье приносим?

— Я вас не выгоняю. Не полностью ваша вина, всё-таки. На вашем месте я бы уже грезил размеренной жизнью. Вы войну прошли, вам нужен покой, а тут он редкость.

— Зато есть, чем жить, — парировал маг, раздался скрип открываемого окна.

— Ты что, остаёшься? — поразился Дерик в полный голос.

— Я давно решил.

— А девушки что?

— Спроси у них.

— Понятно, — после довольно продолжительной паузы

возобновил диалог Дерик. — Алекс, ты, случайно, не из-за Джессики остаёшься?

— Из-за неё тоже, — не задумавшись, произнёс парень.

— Надеешься, она за тебя замуж выйдет? Не рассчитывай. Сестра — человек без будущего. Она слишком многого хотела, потом осознала, что этого не случится, а новый смысл искать не стала, — Дерик, судя по шагам и шороху, высунулся в окно тоже.

— Ей можно помочь обрести потерянное. Одному действовать тяжело и почти невозможно, а уже двое, если хорошо понимают друг друга, едва ли не всемогущи.

— Сильно ты её любишь, — констатировал старший Винсент.

— Очень! — подтвердил Саша.

— И я тебя! — Джессика, перегнувшись через перила, попыталась увидеть мага, не смогла и выскочила в комнату, оттуда — в коридор, на лестнице столкнулась с Сашей.

— С этого дня я полностью твой, — рассмеялся он.

— Обещаю, не буду уподобляться Эвилане и использовать тебя слишком часто, — приняла его игривое настроение Джессика.

— Похоже, кто-то в Альдане нашёл счастья столько, что не видит смысла возвращаться домой, — протянула сквозь зевок Дашка, показавшаяся из комнаты и приблизившаяся к ним.

— А кто-то ещё будет его здесь искать, — за ней вышла Алина.

— Ты что, имеешь в виду… — Саша отстранился от Джессики и поднялся на ступень выше.

— Да, это самое. Мы с Дашкой всю ночь обдумывали, как бы до тебя поаккуратнее донести новость, что мы предпочли этот мир нашему.

— Вы же открыли третью эпоху, так что имеете право быть в ней и жить ей, — изрекла Джессика.